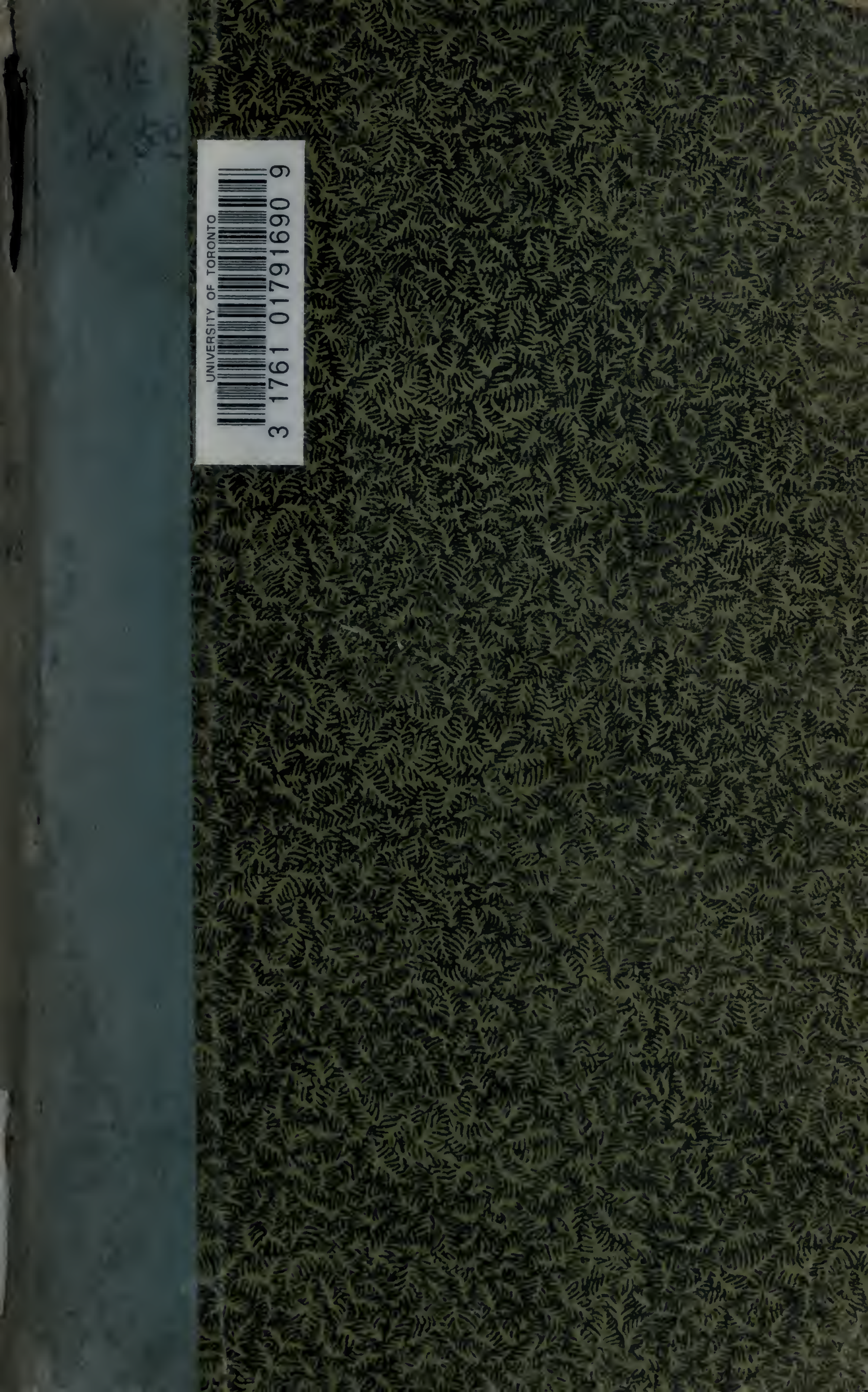
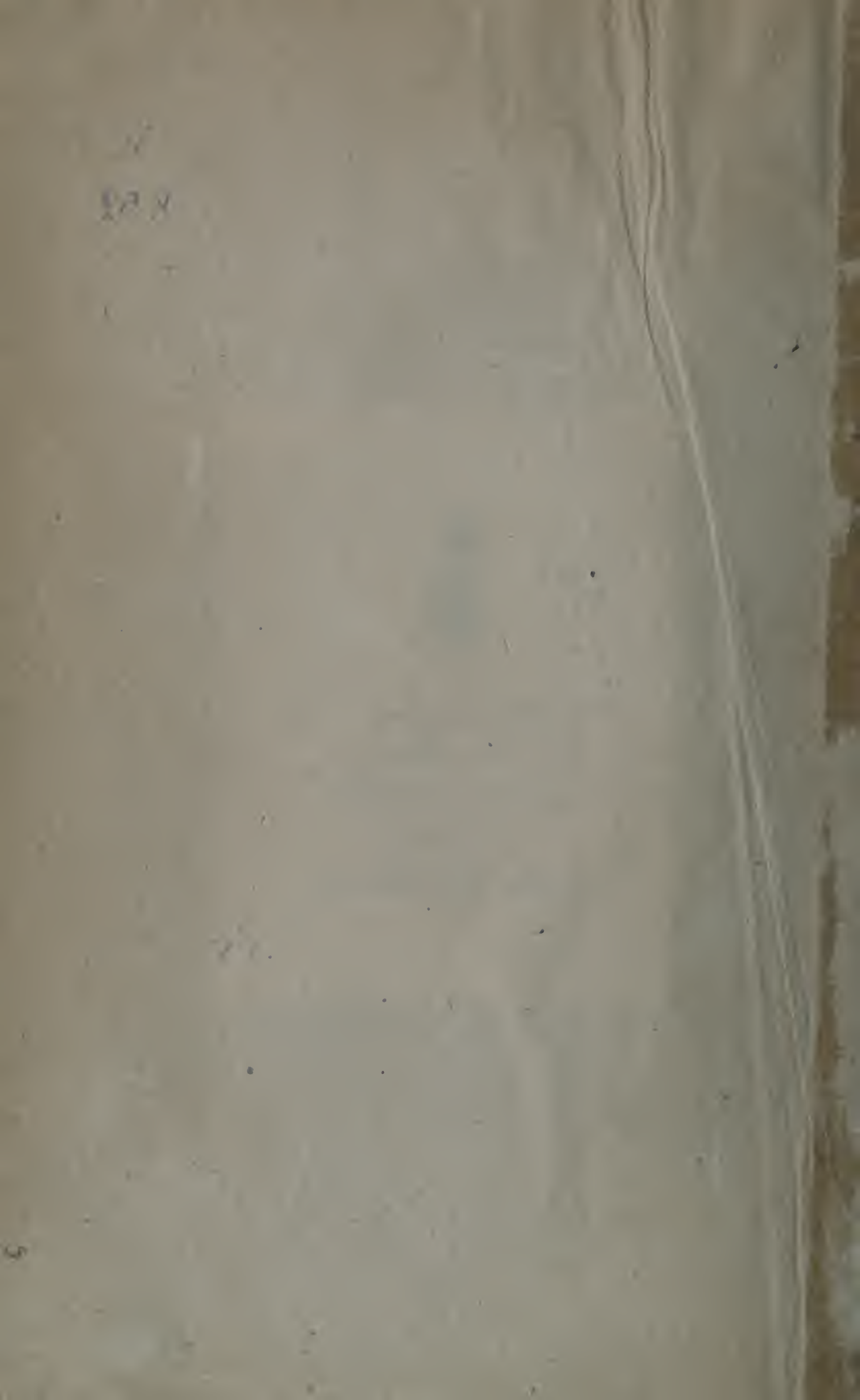

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ КОМИССАРИАТА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Проф. В. Ключевский.

КУРС
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Часть I.

ПЕТРОГРАД.
Четвертая Государственная Типография, Фонтанка у Чернышова моста.
1918.

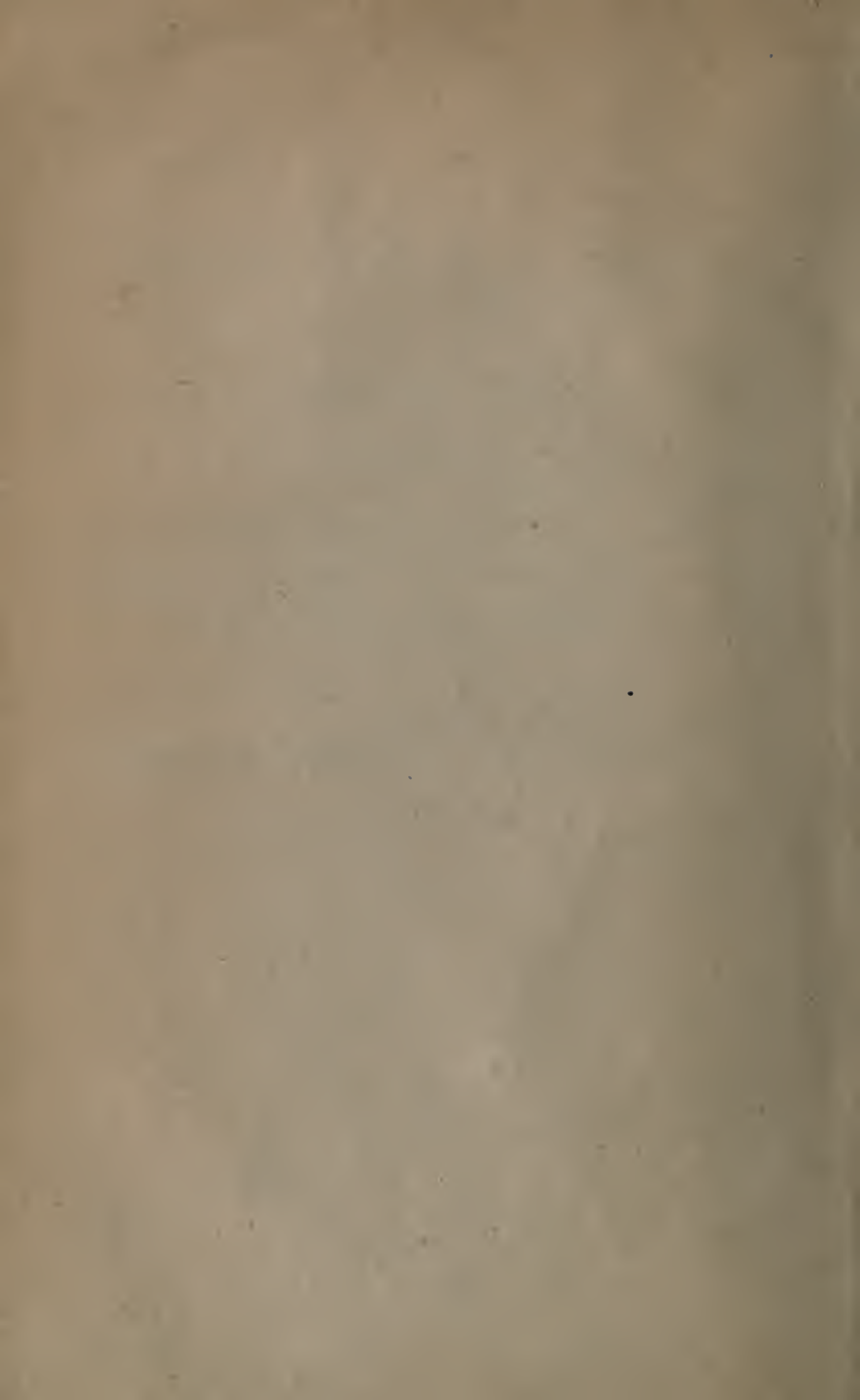
Сочинения В. О. Ключевского **монополизированы** Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 г.

Настоящее издание перепечатано без всяких изменений со второго издания, выпущенного в Москве в 1915 году.

Никем из книгопродавцев указанная на книге **цена не может быть повышена** под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар
Литер.-Изд. Отдела *П. И. Лебедев-Полянский.*

Петроград.
18/III 1918 г.

Лекция I.

Научная задача изучения местной истории.—Исторический процесс.—История культуры или цивилизации.—Историческая социология.—Двѣ точки зрения в историческом изучении—культурно-историческая и социологическая.—Методологическое удобство и дидактическая целесообразность второй из них в изучении местной истории.—Схема социально-исторического процесса.—Значение местных и временных сочетаний общественных элементов в историческом изучении.—Методологические удобства изучения русской истории с этой точки зрения.

Вы прослушали уже несколько курсов по всеобщей истории, познакомились съ задачами и приемами университетского изучения этой науки. Начиная курс русской истории, я предпошлю ему несколько самых общих элементарных соображений, цель которых—связать сделанные вами наблюдения и вынесенные впечатления по всеобщей истории с задачей и приемами отдельного изучения истории России.

Научная задача изучения мѣстной истории.

Понятен практический интерес, побуждающий нас изучать историю России особо, выделяя ее из состава всеобщей истории: ведь это история нашего отечества. Но этот воспитательный, т.-е. практический интерес не исключает научного, напротив, должен только придавать ему более дидактической силы. Итак, начиная особый курс русской истории, можно поставить такой общий вопрос: какую научную цель может иметь специальное изучение истории одной какой-либо страны, какого-либо

отдельного народа? Эта цель должна быть выведена из общих задач исторического изучения, т.-е. из задач изучения общей истории человечества.

Исторический процесс.

На научном языке слово *история* употребляется в двояком смысле: 1) как движение во времени, процесс, и 2) как познание процесса. Поэтому все, что совершается во времени, имеет свою историю. Содержанием истории, как отдельной науки, специальной отрасли научного знания, служит *исторический процесс*, т.-е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах. Человеческое общежитие — такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и научное познание этого факта — такая же неустранимая потребность человеческого ума, как и изучение жизни этой природы. Человеческое общежитие выражается в разнообразных людских союзах, которые могут быть названы историческими телами и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются, — словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы. Возникновение, рост и смена этих союзов со всеми условиями и последствиями их жизни и есть то, что мы называем *историческим процессом*.

Два предмета исторического изучения.

Исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни, известия о которых сохранились в исторических памятниках или источниках. Явления эти необозримо разнообразны, касаются международных отношений, внешней и внутренней жизни отдельных народов, деятельности отдельных лиц среди того или другого народа. Все эти явления складываются в великую жизненную борьбу, которую вело и ведет человечество, стремясь к целям, им себе поставленным. От этой борьбы, постоянно

меняющей свои приемы и характер, однако отлагается нечто более твердое и устойчивое: это—известный житейский порядок, строй людских отношений, интересов, понятий, чувств, нравов. Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменит его другим. Во всех этих изменениях историка занимают два основных предмета, которые он старается разглядеть в волнистом потоке исторической жизни, как она отражается в источниках. Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную, личную жизнь отдельного человека, а с другой—устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми,—словом, выработка человека и человеческого общежития—таков один предмет исторического изучения. Степень этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его *культурой* или *цивилизацией*; признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, *истории культуры* или *цивилизации*. Другой предмет исторического наблюдения—это природа и действие исторических сил, строящих человеческие общества, свойства тех многообразных нитей, материальных и духовных, помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы, с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века. Историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправлений их отдельных органов,—словом, изучение свойств и действия сил, созидающих и направляющих людское общежитие, составляет задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе, которую также можно выделить из общего исторического изучения

под названием *исторической социологии.* Существенное отличие ея от истории цивилизации в том, что содержание последней составляют результаты исторического процесса, а в первой наблюдению подлежат силы и средства его движения, так сказать, его кинетика. По различию предметов неодинаковы и приемы изучения.

Какое же отношение истории общей и местной к этим предметам познания?

Отношение к ним истории общей и мѣстной.

Оба указанные предмета исторического изучения легче различаются в отвлеченной классификации знаний, чем в самом процессе изучения. На самом деле, как в общей, так и в местной истории одновременно наблюдают и успехи общежития, и строение общества, притом так, что по самым успехам общежития изучают природу и действие строящих его сил, и наоборот—данным строем общества измеряют успехи общежития. Однако можно заметить, что в истории общей и в истории местной оба предмета не находятся в равновесии, и в одном изучении преобладает один предмет, в другом—другой. Сравним, какую степень простора и какой материал находит для своих исследований историк культуры в пределах истории всеобщей и в пределах истории местной, и затем дадим себе такой же отчет по отношению к историку, поставившему перед собой вопросы социологического характера.

Успехи людского общежития, приобретения культуры или цивилизации, которыми пользуются в большей или меньшей степени отдельные народы, не суть плоды только их деятельности, а созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображен в тесных рамках какой-либо местной истории, которая может только указать связь местной цивилизации с общечеловеческой, участие

отдельного народа в общей культурной работе человечества или, по крайней мере, в плодах этой работы. Вы уже знакомы с ходом этой работы, с общей картиной успехов человеческого общежития: сменялись народы и поколения, перемещались сцены исторической жизни, изменялись порядки общежития, но нить исторического развития не прерывалась, народы и поколения звеньями смыкались в непрерывную цепь, цивилизации чередовались последовательно, как народы и поколения, рождаясь одна из другой и порождая третью, постепенно накоплялся известный культурный запас, и то, что отложилось и уцелело от этого многовекового запаса—это дошло до нас и вошло в состав нашего существования, а через нас перейдет к тем кто придет нам на смену. Этот сложный процесс становится главным предметом изучения во всеобщей истории: прагматически, в хронологическом порядке и последовательной связи причин и следствий, изображает она жизнь народов, совместными или преемственными усилиями достигавших каких-либо успехов в развитии общежития. Рассматривая явления в очень большом масштабе, всеобщая история сосредоточивается, главным образом, на культурных завоеваниях, которых удалось достигнуть тому или другому народу. Наоборот, когда особо изучается история отдельного народа, кругозор изучающего стесняется самым предметом изучения. Здесь наблюдению не подлежит ни взаимодействие народов, ни их сравнительное культурное значение, ни их историческое преемство: преемственно сменявшиеся народы здесь рассматриваются не как последовательные моменты цивилизации, не как фазы человеческого развития, а рассматриваются сами в себе, как отдельные этнографические особи, в которых, повторяясь, видоизменялись известные процессы общежития,

те или другие сочетания условий человеческой жизни. Постепенные успехи общежития в связи причин и следствий наблюдаются на ограниченном поле, в известных географических и хронологических пределах. Мысль сосредоточивается на других сторонах жизни, углубляется в самое строение человеческого общества, в то, что производит эту причинную связь явлений, т.-е. в самые свойства и действие исторических сил, строящих общежитие. Изучение местной истории дает и наиболее обильный материал для исторической социологии.

Две точки зрения.

Итак, разница в точках зрения и их сравнительном удобстве. Эти точки зрения вовсе не исключают одна другой, напротив, пополняют друг друга. Не только общая и местная история, но и отдельные исторические факты могут быть исследуемы с той или другой стороны по усмотрению исследователей. В *древнем праве* Мэна и *Античной городской общине* Фюстель-де-Куланжа предмет одинаков—родовой союз; но у последнего этот союз рассматривается, как момент античной цивилизации или как основа греко-римского общества, а у первого — как возраст человечества, как основная стихия людского общежития. Конечно, для всестороннего познания предмета желательно совмещение обоих точек зрения в историческом изучении. Но целый ряд соображений побуждает историка при изучении местной истории быть по преимуществу социологом.

Преобладание социологической точки зрения в местной истории.

Всеобщая история создавалась, по крайней мере доселе, не совокупной жизнью всего человечества, существовавшего в известное время, и не однообразным взаимодействием всех сил и условий человеческой жизни, а отдельными народами или группами немногих народов, которые преемственно сменялись при разнообразном местном

и временном подборе сил и условий, нигде боле не повторявшемся. Эта непрерывная смена народов на исторической сцене, этот вечно изменяющийся подбор исторических сил и условий может показаться игрой случайностей, лишающей историческую жизнь всякой планомерности и закономерности. На что может пригодиться изучение исторических сочетаний и положений, когда-то и для чего-то сложившихся в той или другой стране, нигде более неповторимых и непредвидимых? Мы хотим знать по этим сочетаниям и положениям, как раскрывалась внутренняя природа человека в общении с людьми и в борьбе с окружающей природой; хотим видеть, как в явлениях, составляющих содержание исторического процесса, человечество развертывало свои скрытые силы,—словом, следя за необозримой цепью исчезнувших поколений, мы хотим исполнить заповедь древнего оракула—познать самих себя, свои внутренние свойства и силы, чтобы по ним устроить свою земную жизнь. Но по условиям своего земного бытия человеческая природа как в отдельных лицах, так и в целых народах, раскрывается не вся вдруг, целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени. По этим условиям отдельные народы, принимавшие наиболее видное участие в историческом процессе, особенно ярко проявляли ту или другую силу человеческой природы. Греки, раздробленные на множество слабых городских республик, с непревзойденной силой и цельностью развили в себе художественное творчество и философское мышление, а римляне, основавшие небывалую военную империю из завоеванного ими мира, дали ему удивительное гражданское право. В том, что сделали оба эти народа, видят их историческое призвание. Но было ли в их судьбе что-либо роковое? Была ли предназначена в

удел Греции идея красоты и истины, а Италии—чутье правды? История отвечает на это отрицательно. Древние римляне были посредственные художники-подражатели. Но потомки их, смешавшиеся с покорившими их варварами, потом воскресили древнее греческое искусство и сделали Италию образцовой художественной мастерской для всей Европы, а родичи этих варваров, оставшиеся в лесах Германии, спустя века, особенно усердно реципировали римское право. Между тем Греция с преемницей павшего Рима Византией, тоже освеженная наплывом варваров, после Юстинианова кодекса и Софийского собора не оставила памятных образцов ни в искусстве, ни в правоведении. Возьмем пример из новейшего времени. В конце XVIII и в начале XIX в. в Европе не было народа более мирного, идиллического, философского и—более пренебрегаемого соседями, чем немцы. А менее, чем сто лет спустя после появления Вертера и только через одно поколение от Iены этот народ едва не завоевал всей воинственной Франции, провозгласил право силы, как принцип международных отношений, и поставил под ружье все народы континентальной Европы.

Идеальная цель социологического изученія.

Значит, тайна исторического процесса собственно не в странах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих, в их внутренних постоянных, данных раз навсегда особенностях, а в тех многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время. Эти сочетания—основной предметъ исторической социологии. Хотя они запечатлены местным характером и вне данного места неповторимы, но это не лишает ихъ научного интереса. Чрез общества, подпадавшие под их действие.

они вызывали наружу те или другие свойства человечества, раскрывали его природу с разных сторон. Все исторически слагавшиеся общества—все различные местные сочетания разных условий развития. Следовательно, чем больше изучим мы таких сочетаний, тем полнее узнаем свойства и действие этих условий, каждого в отдельности или в данном наиболее своеобразном подборе. Так этим путем, быть может, удастся выяснить, как *общее* правило, *когда*, например, капитал убивает свободу труда, не усиливая его производительности, и *когда* помогает труду стать более производительным, не порабощая его. Изучая местную историю, мы познаем состав людского общежития и природу составных его элементов. Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, может со временем—и это будет торжеством исторической науки—выработаться и общая социологическая часть ее,—наука об *общих* законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий.

Определив, в каком соотношении должны находиться при изучении местной истории точки зрения культурно-историческая и социологическая, перейдем теперь к ближайшему рассмотрению самого этого вопроса об условиях развития людских обществ, о тех или иных сочетаниях этих условий.

Основные силы общежития.

Исторический процесс, как мы его определили, слагается из совместной работы нескольких сил, смыкающих отдельные лица в общественные союзы. В области опытного или наблюдательного познания, а не созерцательного, богословского ведения, мы различаем две основные первичные силы, создающие и движущие совместную жизнь людей: это—человеческий дух и внешняя или так называемая физическая природа. Но история не наблюдает

деятельности отвлеченного человеческого духа: это область метафизики. Равным образом она не ведает и одинокого, отрешенного от общества человека: человек сам по себе не есть предмет исторического изучения; предмет этого изучения—совместная жизнь людей. Историческому наблюдению доступны конкретные виды или формы, какие принимает человеческий дух в совместной жизни людей: это индивидуальная человеческая *личность* и человеческое *общество*. Я разумею *общество*, как историческую силу, не в смысле какого-либо специального людского союза, а просто как факт, что люди живут вместе и в этой совместной жизни оказывают влияние друг на друга. Это взаимное влияние совместно живущих людей и образует в строении общежития особую стихию, имеющую особые свойства, свою природу, свою сферу деятельности. Общество составляется из лиц; но лица, составляющие общество, сами по себе каждое—далеко не то, что все они вместе, в составе общества: здесь они усиленно проявляют одни свойства и скрывают другие, развивают стремления, которым нет места в одинокой жизни, посредством сложения личных сил производят действия, непосильные для каждого сотрудника в отдельности. Известно, какую важную роль играют в людских отношениях пример, подражание, зависть, соперничество, а ведь эти могущественные пружины общежития вызываются к действию только при нашей встрече с ближними, т.-е. навязываются нам обществом. Точно так же и внешняя природа нигде и никогда не действует на все человечество одинаково, всей совокупностью своих средств и влияний. Ее действие подчинено многообразным географическим изменениям: разным частям человечества по его размещению на земном шаре она отпускает неодинаковое количество света, тепла, воды, миазмов, болез-

ней, — даров и бедствий, а от этой неравномерности зависят местные особенности людей. Я говорю не об известных антропологических расах, белой, темно-желтой, коричневой и проч., происхождение которых во всяком случае нельзя объяснить только местными физическими влияниями; я разумею те преимущественно бытовые условия и духовные особенности, какие вырабатываются в людских массах под очевидным влиянием окружающей природы и совокупность которых составляет то, что мы называем *народным темпераментом*. Так и внешняя природа наблюдается в исторической жизни, как *природа страны*, где живет известное людское общество, и наблюдается как сила, поскольку она влияет на быт и духовный склад людей.

Его элементы.

Итак, человеческая *личность*, людское *общество* и *природа страны* — вот те три основные исторические силы которые сроят людское общежитие. Каждая из этих сил вносит в состав общежития свой запас элементов или связей, в которых проявляется ее деятельность и которыми завязываются и держатся людские союзы. Элементы общежития — это либо свойства и потребности нашей природы, физической и духовной, либо стремления и цели, какие рождаются из этих свойств и потребностей при участии внешней природы и других людей, т.-е. общества, либо, наконец, отношения, какие возникают между людьми из их целей и стремлений. Сообразно с таким или иным происхождением одни из этих элементов могут быть признаны простыми или первичными, другие — производными, вторичного и дальнейших образований из совместного действия простых. По основным свойствам и потребностям человека эти элементы можно разделять на *физиологические* — пол, возраст, кровное родство, *экономические* — труд, капитал,

кредит, *юридические и политические*—власть, закон, право, обязанности, *духовные*—религия, наука, искусство, нравственное чувство.

Схема социально-исторического процесса. Общежитие складывается из своих элементов и поддерживается двумя средствами, *общенiем и преемством*. Чтобы стало возможно общение между людьми, необходимо что-либо общее между ними. Это общее возможно при двух условиях: чтобы люди понимали друг друга и чтобы нуждались друг в друге, чувствовали потребность один в другом. Эти условия создаются двумя общими способностями: *разумом*, действующим по одинаковым законам мышления и в силу общей потребности познания, и *волей*, вызывающей действия для удовлетворения потребности. Так создается взаимодействие людей, возможность воспринимать и сообщать действие. Таким обменом действий отдельные лица, обладающие разумом и волей, становятся способны вести общие дела, смыкаться в общества. Без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или большинством чувств, интересов и стремлений люди не могут составить прочного общества; чем больше возникает таких связей и чем больше получают они власти над волей соединяемых ими людей, тем общество становится прочнее. Устанавлсь и твердея от времени, эти связи превращаются в нравы и обычаи. В силу тех же условий общение возможно не только между отдельными лицами, но и между целыми чередующимися поколениями; это и есть *историческое преемство*. Оно состоит в том, что достояние одного поколения, материальное и духовное, передается другому. Средствами передачи служатъ *наслѣдование и воспитание*. Время закрепляет усвояемое наследие новой нравственной связью, *историческим преданием*, которое, действуя из поколения в поколение, претворяет наследуемые от отцов и дедов заветы и блага в наследственные свойства и на-

клонности потомков. Так из отдельных лиц составляются постоянные союзы, переживающие личные существования и образующие более или менее сложные *исторические типы*. Преемственной связью поколений вырабатывалась цепь союзов, все более усложнявшихся вследствие того, что в дальнейшие союзы последовательно входили новые элементы вторичного образования, возникавшие изъ взаимодействия первичныхъ. На физиологических основах кровной связи строилась первобытная *семья*. Семьи, пошедшие от одного корня, образовывали *род*, другой кровный союз, в состав которого входили уже религиозные и юридические элементы, почитание родоначальника, авторитет старейшины, общее имущество, круговая самооборона (родовая месть). Род через нарождение разростался в *племя*, генетическая связь которого выражалась в единстве языка, в общих обычаяхъ и преданиях, а из племени или племен посредством разделения, соединения и ассимиляции составлялся *народ*, когда к связям этнографическим присоединялась нравственная, сознание духовного единства, воспитанное общей жизнью и совокупной дѣятельностью, общностью исторических судеб и интересов. Наконец, *народ* становится *государством*, когда чувство национального единства получает выражение в связяхъ политических, в единстве верховной власти и закона. В государстве народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения.

Таковы основные формы общежития, представляющие последовательные моменты его роста. Начавшись кровной связью тесной семьи, процесс завершался сложным государственным союзом. При этом каждый предшествующий

союз входил в состав последующего, из него развивавшегося. На высшей ступени, в государстве, эти союзы совмещались; семья с остатками родового союза становилась в ряду частных союзов, как основная клеточка общественной организации; племена и народы либо ложились в основу сословного деления, либо оставались простыми этнографическими группами с нравственными связями и общими историческими воспоминаниями, но без юридического значения, как это бывало в разноплеменных, многонародных государствахъ. Но складываясь из союзов кровного родства, общественный состав государства подвергался обратному процессу внутреннего расчленения по разнообразнымъ частным интересам, материальным и духовным. Так возникали многообразные частные союзы, которые входят в состав гражданского общества.

Научный интерес разнообразных социальных сочетаний.

Я напомнил вам эту известную общую схему социально-исторического процесса для того, чтобы на ней показать, какие явления наблюдаются в этом процессе при местном его изучении. Безконечное разнообразие союзов, из которых слагается человеческое общество, происходит от того, что основные элементы общежития в разных местах и в разные времена являются не в одинаковом подборе, приходят в различные сочетания, а разнообразие этих сочетаний создается в свою очередь не только количеством и подбором составных частей, большею или меньшею сложностью людских союзов, но и различным соотношением одних и тех же элементов, напр. преобладанием одного из них над другими. В этом разнообразии, коренная причина которого в безконечных изменениях взаимодействия исторических сил, самое важное то, что элементы общежития в различных сочетаниях и положениях обнаруживают неодинаковые свойства и действия, повертываются

перед наблюдателем различными сторонами своей природы. Благодаря тому даже в однородных союзах одни и те же элементы стоят и действуют неодинаково. Кажется, что может быть в человеческом общежитии проще и однообразнее семьи? Но какая разница между семьей христианской и языческой или между семьей древней, в состав которой входили и челядинцы, как родные, и в которой все домочадцы рабски безмолвствовали перед домовладыкой, и семьей новой, основанной исключительно на кровном родстве и в которой положение всех членов обезпечено не только юридическими, но еще более нравственными определениями, где власть родителей является не столько совокупностью прав над домочадцами, сколько совокупностью обязанностей и забот о детях. Присутствие элементов, незаметных в составе первобытной языческой семьи, изменило характер союза. Одни и те же элементы, сказал я, действуют неодинаково в различных сочетаниях. Если мы замечаем, что в одной и той же стране в разные времена капитал то порабощал труд, то помогал развитию его свободной деятельности, усиливая его производительность, то служил источником почета, уважения к богатству, то разжигал ненависть или презрение со стороны бедноты,— мы в праве заключать, что социальный состав и нравственное настроение общества в той стране подвергались глубоким переломам. Или примите в соображение, как видоизменяется начало кооперации в семье, в артели, в торговой компании на акциях, в товариществе на вере. Посмотрите также, как изменяется образ действий государственной власти от состояния общества в разные периоды государственной жизни: она действует то независимо от общества, то в живом единении с ним, то закрепляет существующие неравенства и даже создает новые, то урав-

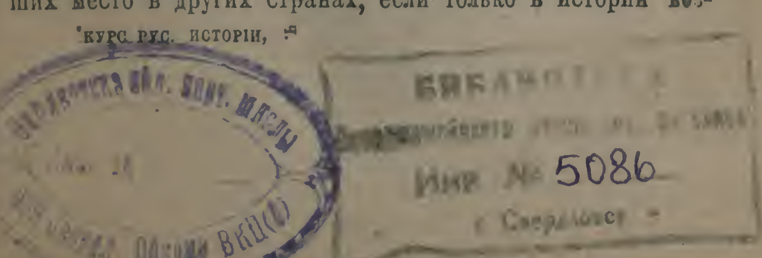
нивает классы и поддерживает равновесие между общественными силами. Даже одни и те же лица, образуя различные по характеру союзы, вследствие разнообразия интересов, ими руководящих, действуют различно в торговой конторе, в составе ученого, художественного или благотворительного общества. Еще пример. Труд—нравственный долг и основа нравственного порядка. Но труд труду рознь. Известно, что труд подневольный, крепостной, производит далеко не то же действие на хозяйственный и нравственный быт народа, как труд вольный: он убивает энергию, ослабляет предприимчивость, развращает нравы и даже портит расу физически. В последние десятилетия перед освобождением крестьян у нас стал прекращаться естественный прирост крепостного населения, т.-е. начинала вымирать целая половина сельской России, так что отмена крепостного права переставала быть вопросом только справедливости или человеколюбия, а становилась делом стихийной необходимости. Последний пример. Известно, что в первобытном кровном союзе личность исчезала под гнетом старшего и ее высвобождение из-под этого гнета надобно считать значительным успехом в ходе цивилизации, необходимым для того, чтобы общество могло устроиться на началах равноправности и личной свободы. Но прежде чем успели восторжествовать эти начала, свобода предоставленного самому себе одинокого человека по местам содействовала успехам рабства, вела к развитию личной кабалы, иногда более тяжкой сравнительно с гнетом старинных родовых отношений. Значит, личная свобода при известном складе общежития может вести к подавлению личности, и когда мы читаем статью Уложения царя Алексея Михайловича, которая грозит кнутом и ссылкой на Лену свободному человеку, вступившему в

личную зависимость от другого, мы не знаем, что делать, сочувствовать ли эгалитарной мысли закона, или скорбеть о крутом средстве, которым он одно из самых ценных прав человека превращал в тяжкую государственную повинность.

Из приведенных примеров видим, что составом общества в различных сочетаниях устанавливается *неодинаковое отношение между составными элементами,* а с измененiем взаимного отношения и *самые элементы обнаруживают различные свойства и действуют неодинаково.*

Общая научная цель изучения местной истории

Зная, с какими вопросами надобно обращаться к историческим явлениям, чего искать в них, можно определить и научное значение истории известного народа по отношению к общему историческому изучению человечества. Это значение может быть двоякое: с одной стороны, оно определяется энергией развития народа и, в связи с этим, степенью его влияния на другие народы, а через них на общее культурное движение человечества; с другой стороны, отдельная история известного народа может быть важна своеобразностью своих явлений независимо от их культурного значения, когда представляет изучающему возможность наблюдать такие процессы, которые особенно явственно вскрывают механику исторической жизни, в которых исторические силы являются в условиях действия, редко повторявшихся или нигде более не наблюдаемых, хотя бы эти процессы и не оказали значительного влияния на общее историческое движение. С этой стороны научный интерес истории того или другого народа определяется количеством своеобразных местных сочетаний и воскресаемых ими свойств тех или иных элементов общежития. В этом отношении история страны, которая представляла бы повторение явлений и процессов, уже имевших место в других странах, если только в истории воз-

можен подобный случай, представляла бы для наблюдателя немного научнаго интереса.

Удобство истории России для социологического изучения.

История России представляет некоторые методологические удобства для отдельного социологического изучения. Эти удобства состоят 1) в сравнительной *простотѣ* господствующих в ней процессов, помогающей достаточно отчетливо разглядеть работу исторических сил, действие и значение различных пружин, входивших в сравнительно несложный состав нашего общежития; 2) в *своеобразном* сочетании действовавших в нашей истории условий народной жизни. Сравнительная простота строя нашей исторической жизни не мешала своеобразности ее строения. В ней наблюдаем действие тех же исторических сил и элементов общежития, что и в других европейских обществах: но у нас эти силы действуют с неодинаковой напряженностью, эти элементы являются в ином подборе, принимают иные размеры, обнаруживают свойства, незаметные в других странах. Благодаря всему этому, общество получает своеобразный состав и характер, народная жизнь усвояет особый темп движения, попадает в необычные положения и комбинации условий. Приведу несколько примеров. Во всякой стране система рек давала направление торговле, свойством почвы обусловливался характер промышленности. В первые века нашей истории, когда главная масса русского населения сосредоточивалась в черноземной области среднего Днепра с его обоюдосторонними притоками, важнейшие реки южной Руси направляли русскую торговлю к черноморским, азовским и волжско-каспийским рынкам, где спрашивались преимущественно мед, воск, меха—продукты леса и в меньшей степени хлеб. Это сделало внешнюю торговлю господствующей силой в народном хозяйстве русских славян и вы-

звало усиленное развитие лесных промыслов, звероловства и бортничества. Но потом под давлением, шедшим из тех же степей, по которым пролегали пути русской торговли, главная масса русского населения передвинулась в область верхней Волги, на алаунский суглинок. Удаление от приморских рынков ослабило внешний сбыт и сократило лесную промышленность, а это привело к тому, что хлебопашество стало основой народного хозяйства. И вот случилось, что на открытом днепровском черноземе Русь усиленно эксплоатировала лесные богатства и торговала, а на лесистом верхне-волжском суглинке стала усиленно выжигать лес и пахать. Внешние международные отношения, влиявшие на размещение населения в стране, сплетались с внутренними географическими ее особенностями в такой запутанный узел, что народный труд, подчиняясь одним условиям, получал направление, не соответствовавшее другим. В народно-хозяйственном быту, так своеобразно складывавшемся, естественно ожидать явлений, не подходящих под привычные нормы. В 1699 г. Петр Великий предписал русским купцам торговать, как торгуют в других государствах, компаниями, складывая свои капиталы. Дело по непривычке и недостатку доверия шло туго. Между тем древняя Русь выработала свою форму торгового товарищества, в котором соединялись не капиталы, а лица на основе родства и нераздельности имущества. Под руководством и ответственностью старшего неотделенные родственники вели торговое дело не как товарищи-пайщики, а как подчиненные агенты хозяина. Это — *торговый дом*, состоявший из купца-хозяина с его «купеческими братьями», «купеческими сыновьями» и т. д. Эта форма кооперации наглядно показывает, как потребность коллективной деятельности, при недостатке взаимного

доверия в обществе, искала средств удовлетворения под домашним кровом, цепляясь за остатки кровного союза.

Так в нашем прошлом историк-социолог встретит не мало явлений, обнаруживающих разностороннюю гибкость человеческого общества, его способность применяться к данным условиям и комбинировать наличные средства согласно с потребностями. Мы только что видели, как из древне-русского родственного союза под действием экономической потребности выработалась идея торгового дома. Сейчас увидим, как идея нравственного порядка под действием местных условий послужила средством для удовлетворения хозяйственных нужд населения. Вместе с христианством на Русь принесена была с Востока мысль об отречении от мира, как о вернейшем пути к спасению и труднейшем подвиге христианства. Мысль эта воспринята была русским обществом так живо, что менее чем через сто лет киевский Печерский монастырь явил высокие образцы иноческого подвижничества. Три-четыре века спустя та же мысль вела ряды отшельников в глухие леса севернаго Заволжья. Но многочисленные лесные монастыри, там основанные ими, вопреки их воле получили значение, не отвечавшее духу фиваидского и афонского пустыножительства. Первоначальная идея иночества не померкла, но местные нужды осложнили ее интересами, из нее прямо не вытекавшими, превратив тамошние пустынные монастыри частью в сельские приходские храмы и убежища для престарелых людей из окрестного населения, частью в безсемейные земледельческие и промышленные общины и опорные пункты, своего рода переселенческие станции крестьянского колонизационного движения.

Заключеніе. Итак, повторяю, при сравнительной простоте строя наше общество строилось по-своему под действием мест-

ного подбора и соотношения условий народной жизни. Рассматривая эти условия в самую раннюю пору сравнительно с действовавшими в западной Европе, найдем и первоначальный источник обоих особенностей нашей истории, так облегчающих изучение ее общественных явлений. С первобытным культурным запасом, принадлежавшим всем арийским племенам и едва ли значительно умноженным в эпоху переселения народов, восточные славяне с первых своих шагов в пределах России очутились в географической и международной обстановке, совсем непохожей на ту, в какую несколько раньше попали их арийские родичи, германские племена, начавшие новую историю западной Европы. Там бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среду покоренных ими римлян или романизованных провинциалов павшей империи, становившихся для него живыми проводниками и истолкователями этой культуры. Восточные славяне, напротив, увидели себя на безконечной равнине, своими реками мешавшей им плотно усесться, своими лесами и болотами затруднявшей им хозяйственное обзаведение на новоселье, среди соседей, чуждых по происхождению и низших по развитию, у которых нечем было позаимствоваться и с которыми приходилось постоянно бороться, в стране ненасиженной и нетронутой, прошлое которой не оставило пришельцам никаких житейских приспособлений и культурных преданий, не оставило даже развалин, а только одни безчисленные могилы в виде курганов, которыми усеяна степная и лесная Россия. Этими первичными условиями жизни русских славян определилась и сравнительная медленность их развития и сравнительная простота их общественного

состава, а равно и значительная своеобразность и этого развития, и этого состава.

Запомним хорошенько этот начальный момент нашей истории: он поможет нам ориентироваться при самом начале пути, нам предстоящего.

Лекция II.

План курса.—Колонизация страны, как основной факт русской истории.—Периоды русской истории, как главные моменты колонизации. — Господствующие факты каждого периода.—Видимая неполнота плана.—Исторические факты и так называемые идеи.—Различное происхождение и взаимодействие тех и других.—Когда идея становится историческим фактом.—Существо и методологическое значение фактов политических и экономических. — Практическая цель изучения отечественной истории.

Мы говорили о научных задачах изучения местной истории. Мы нашли, что основная задача такого изучения— познание природы и действия исторических сил в местных сочетаниях общественных элементов. Теперь, руководясь этой задачей, установим план курса.

План курса.

На протяжении всей нашей истории наблюдаем несколько форм или складов общежития преемственно в ней сменившихся. Эти формы общежития, создавались различными сочтаниями общественных элементов. Основное условие, направлявшее смену этих форм, заключалось в своеобразном отношении населения к стране,—отношении, действовавшем в нашей истории целые века, действующем и доселе.

Обширная восточно-европейская равнина, на которой образовалось русское государство, в начале нашей истории не является на всем своем пространстве заселенною тем

Колонизация, как основной факт.

народом, который доселе делает ее историю. Наша история открывается тем явлением, что восточная ветвь славянства, потом разросшаяся в русский народ, вступает на русскую равнину из одного ее угла, с юго-запада, со склонов Карпат. В продолжение многих веков этого славянского населения было далеко недостаточно, чтобы сплошь с некоторой равномерностью занять всю равнину. Притом, по условиям своей исторической жизни и географической обстановки оно распространялось по равнине не постепенно путем нарождения, не *расселяясь*, а *переселяясь*, переносились птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые. При каждом таком передвижении оно становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер. История России есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней. Оно усилилось с отменой крепостного права, когда начался отлив населения из центральных черноземных губерний, где оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось. Отсюда население пошло разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, особенно за Урал в Сибирь, до берегов Тихого океана. Во второй половине XIX в., когда только начиналась русская колонизация Туркестана, там водворилось уже свыше 200 тысяч русских и в том числе около 100 тысяч образовали до 150 сельских поселений, соста-

вившихся из крестьян-переселенцев и местами представляющих значительные острова почти сплошного земледельческого населения. Еще напряженнее переселенческий поток в Сибирь. Оффициально известно, что ежегодное число переселенцев в Сибирь, до 1880-х годов не превышавшее 2000 человек, а в начале последнего десятилетия прошлого века достигшее 50.000, с 1896 г. благодаря Сибирской железной дороге возросло до 200.000 человек. Все это движение, идущее преимущественно из центральных черноземных губерний Европейской России, при ежегодном полуторамиллионном приросте ее населения пока еще кажется малозначительным, не дает себя чувствовать ощутительными толчками, но со временем оно неминуемо отзовется на общем положении дел не маловажными последствиями.

Периоды русской истории, как главные моменты колонизации.

Так переселения, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты. Остановимся пока на самом факте, не касаясь его происхождения. Он и ставил русское население в своеобразное отношение к стране, изменявшееся в течение веков и своим изменением вызвавшее смену форм общежития. Этот факт и послужит основанием плана курса. Я делю нашу историю на отделы или периоды по наблюдаемым в ней народным передвижениям. Периоды нашей истории—этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец, он посредством естественного нарождения и поглощения встречных инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряды этих периодов—это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше

общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке. Я перечислю эти периоды, указывая в каждом из них господствующие факты, из коих один—политический, другой—экономический, и обозначая при этом ту область равнины, на которой в данный период сосредоточивалась масса русского населения,—не все население, а главная масса его, делавшая историю.

Приблизительно с VIII в. нашей эры, не раньше, можем мы следить с некоторой уверенностью за постепенным ростом нашего народа, наблюдать внешнюю обстановку и внутреннее строение его жизни в пределах равнины. Итак с VIII до XIII в. масса русского населения сосредоточивалась на среднем и верхнем Днепре с его притоками и с его историческим водным продолжением—линией Ловать-Волхов. Во все это время Русь политически разбита на отдельные более или менее обособленные области, в каждой из которых политическим и хозяйственным центром является большой торговый город, первый устроитель и руководитель ее политического быта, потом встретивший соперника в пришлом князе, но и при нем не терявший важного значения. Господствующий политический факт периода – политическое дробление земли под руководством городов. Господствующим фактом экономической жизни в этот период является внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством). Это Русь *Днепровская, городовая, торговая.*

С XIII до средины XV в. приблизительно, среди общего разброда и разрыва народности, главная масса русского населения является на верхней Волге с ее притоками. Эта масса остается раздробленной политически уже не на городовые области, а на княжеские уделы. Удел—

это совсем другая форма политического быта. Господствующий политический факт периода—удельное дробление Верхне-волжской Руси под властью князей. Господствующим фактом экономической жизни является сельскохозяйственная, т.-е. земледельческая эксплуатация алаунского суглинка посредством вольного крестьянского труда. Это Русь *Верхне-волжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая.*

С половины XV до второго десятилетия XVII в. главная масса русского населения из области верхней Волги растекается на юг и восток по донскому и средне-волжскому чернозему, образуя особую ветвь народа — Великороссию, которая вместе с населением расширяется за пределы верхняго Поволжья. Но, расплываясь географически, великорусское племя впервые соединяется в одно политическое целое под властью московского государя, который правит своим государством с помощью боярской аристократии, образовавшейся из бывших удельных князей и удельных бояр. Итак, господствующий политический факт периода—государственное объединение Великороссии. Господствующим фактом жизни экономической остается сельскохозяйственная разработка старого верхне-волжского суглинка и новозанятого средне-волжского и донского чернозема посредством вольного крестьянского труда; но его воля начинает уже стесняться по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны. Это Русь *Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая.*

С начала XVII до половины XIX века русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и

Урала и даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал. Политически все почти части русской народности соединяются под одною властью: к Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю. Но эта собирающая всероссийская власть действует уже с помощью не боярской аристократии, а военно-служилого класса, сформированного государством в предшествующий период,—дворянства. Это политическое собирание и объединение частей Русской земли и есть господствующий политический факт периода. Основным фактом экономической жизни остается земледельческий труд, окончательно ставший крепостным, к которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская. Это период *всероссийский*, *императорско-дворянский*, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабричнозаводского.

Таковы пережитые нами периоды нашей истории, в которых отразилась смена исторически вырабатывавшихся у нас складов общежития. Пересчитаем еще раз эти периоды, обозначая их по областям равнины, в которых сосредоточивалась в разные времена главная масса русского народонаселения: 1) *днепровский*, 2) *верхне-волжский*, 3) *великорусский*, 4) *всероссийский*.

Факты и идеи.

Боюсь, что изложенный мною план курса вызовет в вас одно важное недоумение. Я буду излагать вам факты политические и экономические с их разнообразными следствиями и способами проявления и—только, ничего более. А где же, может быть, спросите вы, домашний быт, нравы, успехи знания и искусства, литература, духовные интересы, факты умственной и нравственной жизни,—словом то, что на нашем обиходном языке принято называть идеями?

Разве они не имеют места в нашей истории или разве они—не факторы исторического процесса? Разумеется, я не хочу сказать ни того, ни другого. Я не знаю общества, свободного от идей, как бы мало оно ни было развито. Само общество—это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они—общество. Еще труднее мне подумать, что идеи лишены участия в историческом процессе. Но именно в вопросе об исторической дееспособности идей, боюсь, мы можем не понять друг друга, и потому я обязан наперед высказать вам свой взгляд на этот предмет.

Прежде всего, обратите внимание на то, что факты политические и экономические отличаются от так называемых идей своим происхождением и формами или способами проявления. Эти факты суть общественные интересы и отношения, и их источник—деятельность общества, совокупныя усилия лиц, его составляющих. Они и проявляются в актах не единоличного, а коллективного характера, в законодательстве, в деятельности разных учреждений, в юридических сделках, в промышленных предприятиях,—в обороте политическом, гражданском, хозяйственном. Идеи—плоды личного творчества, произведения одиночной деятельности индивидуальных умов и совестей и в своем первоначальном, чистом виде оні проявляются в памятниках науки и литературы, в произведениях уединенной мастерской художника или в подвигах личной самоотверженной деятельности в пользу ближняго. Итак, в явлениях того или другого порядка мы наблюдаем деятельность различных исторических сил,—лица и общества.

Их взаимодействие.

Между обоими этими силами, лицом и обществом, между индивидуальным умом и коллективным сознанием

происходит постоянный обмен услуг и влияний. Общественный порядок питает уединенное размышление и воспитывает характеры, служит предметом личных убеждений, источником нравственных правил и чувств, эстетических возбуждений; у каждого порядка есть свой культ, свое credo, своя поэзия. Зато и личныя убеждения, становясь господствующими в обществе, входят в общее сознание, в нравы, в право, становятся правилами, обязательными и для тех, кто их не разделяет, т.-е. делаются общественными фактами.

Условия развития идеи в исторический фактъ.

Так от общественных отношений отлагаются идеи, а идеи перерабатываются в общественныя отношения. Но в историческом изучении не следует смешивать те и другие, потому что это—явления различных порядков. История имеет дело не с человеком, а с людьми, ведает людские отношения, предоставляя одиночную деятельность человека другим наукам. Вы поймете, когда личная идея становится общественным, т.-е. историческим фактом: это—когда она выходит из пределов личного существования и делается общим достоянием и не только общим, но и обязательным, т.-е. общепризнанным правилом или убеждением. Но чтобы личная идея получила такое обязательное действие, нужен целый прибор средств, поддерживающих это действие,—общественное мнение, требование закона или приличия, гнет полицейской силы. Идеи становятся историческими факторами подобно тому, как делаются ими силы природы. Сколько веков от создания мира молния повидимому безполезно и даже разрушительно озаряла ночную мглу, пугая воображение и не увеличивая количества света, потребляемого человеком, не заменяя даже ночника при колыбели! Но потом электрическую искру поймали и приручили, дисциплинировали, запрягли

в придуманный для нея снаряд и заставили освещать улицы и залы, пересылать письма и таскать тяжести—словом, превратили в культурное средство. И идеи нуждаются в подобной же обработке, чтобы стать культурно-историческими факторами. Сколько прекрасных мыслей, возникавших в отдельных умах, погибло и погибает бесследно для человечества только потому, что не получает во-время надлежащей обработки и организации! Они украшают частное существование, разливают много света и тепла в семейном или дружеском кругу, помогая домашнему очагу, но ни на один заметный градус не поднимают температуры общаго благосостояния, потому что ни в праве, ни в экономическом обороте не находят соответствующаго прибора, учреждения или предприятия, которое вывело бы их из области добрых упований, т.-е. досужих грез, и дало бы им возможность действовать на общественный порядок. Такие необработанные, как бы сказать, *сырые* идеи—не исторические факты: их место в биографии, в философии, а не в истории.

Идея—исторический фактор.

Теперь я вас прошу возвратиться к программе курса. Изучая факты политические и экономические, мы в основе каждого из них найдем какую-либо идею, которая, может быть, долго блуждала в отдельных умах, прежде чем добилась общего признания и стала руководительницей политики, законодательства или хозяйственного оборота. Только такие идеи и могут быть признаны историческими явлениями. Таким образом сама жизнь помогает историческому изучению: она производит практическую разборку идей, отделяя деловые или счастливые от досужих или неудачных. В литературе мы встречаем осадок того, что было передумано и перечувствовано отдельными мыслящими людьми известного времени. Но далеко не весь этот запас личной

мысли и чувства входит в житейский оборот, делается достоянием общества, культурно-историческим запасом. Что из этого запаса усвояется общежитием, то воплощается в учреждение, в юридическое или экономическое отношение, в общественное требование. Это воплощение, т.-е эта практическая обработка идеи, и вводит ее фактором в исторический процесс. Идеи, блеснувшие и погасшие в отдельных умах, в частном личном существовании, столь же мало увеличивают запас общежития, как мало обогащают инвентарь народного хозяйства замысловатые маленькие мельницы, которые строят дети на дождевых потоках.

Итак, я вовсе не думаю игнорировать присутствия или значения идей в историческом процессе или отказывать им в способности к историческому действию. Я хочу сказать только, что не всякая идея попадает в этот процесс, а попадая, не всегда сохраняет свой чистый первоначальный вид. В этом виде, просто как идея, она остается личным порывом, поэтическим идеалом, научным открытием—и только; но она становится историческим фактором, когда овладевает какою-либо практической силой, властью, народной массой или капиталом,—силой, которая перерабатывает ее в закон, в учреждение, в промышленное или иное предприятие, в обычай, наконец, в поголовное массовое увлечение или художественное всем ощутительное сооружение, когда, например, набожное представление выси небесной отливается в купол Софийского собора.

Методологическое значение фактов экономических и политических.

Из соображений, объясняющих план курса, извлечем некоторые методологические выводы. Полагая в основу исторического изучения процессы политические и экономические, я не хочу сказать, что историческая жизнь состоит только из этих процессов и что историческое изучение

должно ограничиваться канцеляриями да рынками. Не одними канцеляриями и рынками движется историческая жизнь; но с них удобнее начинать изучение этой жизни. Подступая в изучении к известному обществу с политической и хозяйственной стороны его жизни, мы входим в круг тех умственных и нравственных понятий и интересов, которые уже перестали быть делом отдельных умов, личных сознаний, и стали достоянием всего общества, факторами общежития. Следовательно, политический и экономический порядок известного времени можно признать показателем его умственной и нравственной жизни: тот и другой порядок настолько могут быть признаны такими показателями, насколько они проникнуты понятиями и интересами, восторжествовавшими в умственной и нравственной жизни данного общества, настолько эти понятия и интересы стали направителями юридических и материальных его отношений. Но в отдельных умах, в частном обиходе мы всегда найдем запас других помыслов и стремлений, не достигших такого господства, оставшихся без практического употребления. Да и житейский порядок, политический и экономический, основавшийся на господствующих идеях и закрепляющий их господство своими принудительными средствами, может возбуждать в отдельных умах или в известной части общества помыслы, чувства, стремления, несогласные с его основами, даже прямо против них протестующие: они или гаснут, или ждут своего времени. У нас, например, в XVIII в. жалобы на несправедливость крепостного права послышались из самой крепостной среды даже раньше, чем в образованном обществе; но долго эти жалобы обращали на себя еще меньше правительственного внимания, чем освободительные представления образованных людей. Однако потом опасения, вну-

шенные настроением крепостной среды, подействовали на ход освободительного дела сильнее каких либо соображений высшего порядка.

Факты обоих порядков в их взаимодействии.

Вникнем в сущность политических и экономических фактов, чтобы видеть, что могут они дать для исторического изучения. Политическая и экономическая жизнь не составляет чего-то цельного, однородного, какой-то особой сферы людской жизни, где нет места высшим стремлениям человеческого духа, где царят только низменные инстинкты нашей природы. Во-первых, жизнь политическая и жизнь экономическая—это различные области жизни, мало сродные между собою по своему существу. В той и другой господствуют полярно-противоположные начала; в политической—общее благо, в экономической—личный материальный интерес; одно начало требует постоянных жертв, другое—питает ненасытный эгоизм. Во-вторых, то и другое начало вовлекает в свою деятельность наличные духовные средства общества. Частный, личный интерес по природе своей наклонен противодействовать общему благу. Между тем человеческое общежитие строится взаимодействием обоих вечно борющихся начал. Такое взаимодействие становится возможным потому, что в составе частного интереса есть элементы, которые обуздывают его эгоистические увлечения. В отличие от государственного порядка, основанного на власти и повиновении, экономическая жизнь есть область личной свободы и личной инициативы, как выражения свободной воли. Но эти силы, одушевляющие и направляющие экономическую деятельность, составляют душу и деятельности духовной. Да и энергия личного материального интереса возбуждается не самым этим интересом, а стремлением обеспечить личную свободу, как внешнюю, так и внутреннюю, умственную и нравственную, а эта последняя на высшей

степени своего развития выражается в сознании общих интересов и в чувстве нравственного долга действовать на пользу общую. На этой нравственной почве и устанавливается соглашение вечно борющихся начал по мере того, как развивающееся общественное сознание сдерживает личный интерес во имя общей пользы, и выясняет требования общей пользы, не стесняя законного простора, требуемого личным интересом. Следовательно, взаимным отношением обоих начал, политического и экономического, торжеством одного из них над другим или справедливым равновесием обоих измеряется уровень общежития, а то или другое отношение между ними устанавливается степенью развития общественного сознания и чувства нравственного долга. Но каким способом, по каким признакам можно определить этот уровень, как показатель силы духовных элементов общежития? Во-первых, он выясняется самым ходом событий политической жизни и связью явлений жизни экономической, а во-вторых, наблюдения над этими событиями и явлениями находят себе проверку в законодательстве, в практике управления и суда. Возьмем пример не из самых выразительных. В древней Руси нравственные влияния, шедшие с церковной стороны, противодействовали усиленному развитию рабовладения и по временам встречали поддержку со стороны правительства, пытавшегося во имя государственной пользы сдержать и упорядочить это стремление к порабощению. Борьба церкви и государства с частным интересом в этой области шла с переменным успехом в зависимости отъ условий времени. Эти колебания, отражаясь в памятниках права и хозяйства, помогают измерить силу действия гуманных идей, а через то и нравственный уровень общежития в известный период. Так

получаем возможность определять нравственное состояние общества не по нашим субъективным впечатлениям или предположениям и не по отзывам современников, столь же субъективным, а по практическому соотношению элементов общежития, по степени соглашения разнородных интересов, в нем действующих.

Их значение для исторического изучения.

Я хочу сказать, что факты политические и экономические полагаю в основу курса по их значению не в историческом процессе, а только в историческом изучении. Значение это чисто методологическое. Умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития; они кладут наиболее прочные основы житейского порядка, соответствующего истинным потребностям человека и высшему назначению человечества. Но по условиям исторической жизни эти силы не всегда одинаково напряжены и не всегда действуют на житейский порядок в меру своей напряженности, а в общий исторический процесс они входят своим действием на житейский порядок и по этому действию подлежат историческому изучению. Порядок изучения не совпадает с порядком жизни, идет от следствий к причинам, от явлений к силам. Что же однако, какие именно предметы предстанут пред нами в изучении, отправляющемся от политических и экономических фактов, и насколько полно охватит оно народную жизнь? Эти предметы—государство и общество, их строение и взаимное отношение, люди, руководившие строением того и другого, условия внешние—международные и внутренние—физические и нравственные, устанавливавшие отношение между тем и другим, внутренние борьбы, какие при этом приходилось переживать народу, производительные силы, которыми созидалось на-

родное хозяйство, формы, в какие отливался государственный и хозяйственный быт народа. Всего этого мы коснемся с большим или меньшим досугом, иного даже только мимоходом. Может быть, придется задержать ваше внимание на некоторых глубоких переломах социальных и нравственных, пережитых нашим обществом. Но чего бы я желал всего более—это, чтобы из моего курса вы вынесли ясное представление о двух процессах, коими полагались основы нашего политического и народного быта и в которых, кажется мне, всего явственнее обнаруживались сочетания и положения, составляющие особенность нашей истории. Изучая один из этих процессов, мы будем следить, как вырабатывалось в практике жизни и выяснялось в сознании народа понятие о государстве и как это понятие выражалось в идее и деятельности верховной власти; другой процесс покажет, как в связи с ростом государства завязывались и сплетались основные нити, образовавшие своей сложной тканью нашу народность. Но это слишком узкая программа, подумаете вы. Не буду оспаривать этого и останусь при своей программе. Курс истории—далеко не вся история: заключенный в тесные пределы академического года, в рамки учебных часов и минут, курс не может охватить всей широты и глубины исторической жизни народа. В этих границах преподаватель может со своими слушателями проследить лишь такие течения истории; которые представляются ему главными, господствующими, обращаясь к другим струям ее лишь поскольку они соприкасались или сливались с этими магистралями. И если вы из моего изложения при всех его пробелах вынесете хотя в общих очертаниях образ русского народа, как исторической личности, я буду считать достигнутой научную цель своего курса.

Практическая цель изучения отечественной истории.

Из общей задачи исторического изучения мы вывели научную цель изучения местной истории, а эта цель дала нам основание для плана курса, указала порядок и приемы изучения русской истории. В связи с той же задачей решается еще один вопрос: сверх чисто-научного какой еще практический результат можно получить от изучения местной истории? Этот вопрос тем важнее, что местная история, изучение которой мы предпринимаем, есть история нашего отечества. Научные наблюдения и выводы, какие мы сделаем при этой работе, должны ли остаться в области чистого знания, или они могут выйти из нее и оказать влияние на наши стремления и поступки? Может ли научная история отечества иметь свою прикладную часть для детей его? Я думаю, что может и должна иметь, потому что цена всякого знания определяется его связью с нашими нуждами, стремлениями и поступками; иначе знание становится простым балластом памяти, пригодным для ослабления житейской качки разве только пустому кораблю, который идет без настоящего ценного груза. Какая же может быть эта практическая, прикладная цель? Укажу ее теперь же, чтобы не напоминать об ней в изложении курса: она будет молчаливым стимулом нашей работы.

Государство и народность—главные предметы курса.

Я сейчас сказал об исторической личности народа: это—основной предмет изучения его истории. Значение народа, как исторической личности, заключается в его историческом призвании, а это призвание народа выражается в том мировом положении, какое он создает себе своими усилиями, и в той идее, какую он стремится осуществить своею деятельностью в этом положении. Свою роль на мировой сцене он выполняет теми силами, какие успел развить в себе своим историческим воспитанием. Идеал исторического воспитания народа состоит в пол-

ном и стройном развитии всех элементов общежития и в таком их соотношении, при котором каждый элемент развивается и действует в меру своего нормального значения в общественном составе, не принижая себя и не угнетая других. Только историческим изучением проверяется ход этого воспитания. История народа, научно воспроизведенная, становится приходо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего — сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств. Здесь историческое изучение своими конечными выводами подходит вплоть к практическим потребностям текущей минуты, требующей от каждого из нас, от каждого русского человека отчетливого понимания накопленных народом средств и допущенных или вынужденных недостатков своего исторического воспитания. Нам, русским, понимать это нужнее, чем кому-либо. Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи. Но народ, создавший это государство, по своим духовным и материальным средствам еще не стоит в первом ряду среди других европейских народов. По неблагоприятным историческим условиям его внутренний рост не шел в уровень с его международным положением, даже по временам задерживался этим положением. Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил, чувствуемых, но еще не вполне развернувшихся, не можем соперничать с другими ни в научной, ни в общественно-политической, ни во многих других областях. Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств — это плоды многовекового труда наших

предков, результаты того, что они успели сделать. Нам нужно знать, чего они не успели сделать; их недоимки — наши задачи, т. е. задачи вашего и идущих за вами поколений.

Заключение. Чем же могут помочь разрешению этих задач когда-то составившиеся в нашей истории сочетания общественных элементов, которые мы будем изучать? Люди иногда чувствуют неловкость своего положения, тяжесть общественного порядка, в котором живут, но не умеют ни определить, ни объяснить отчетливо этой тяжести и неловкости. Историческое изучение вскрывает неправильности в складе общества, больно и смутно чувствуемые людьми, указывает ненормальное соотношение каких-либо общественных элементов и его происхождение и дает возможность сообразить средства восстановления нарушенного равновесия. Если мы заметим, например, что в нашем прошлом одни общественные элементы не в меру развивались на счет и в ущерб другим, столь же законным, мы поймем, какие именно предстоит нам усиленно развивать, чтобы достигнуть возможной стройности и справедливости общественного состава. Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу—над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями. Если нашему народу в продолжение веков пришлось упорно бороться с лесами и болотами своей страны, напрягая силы на черную подготовительную работу цивилизации, то нам предстоит, не теряя приобретенной в этой работе житейской выносливости, напряженно работать над самими собой, развивать свои умственные и нравственные силы, с особенной заботливостью устанавливать свои общественные отношения. Таким образом, изучение на-

шей истории может помочь нам уяснить задачи и направление предстоящей нам практической деятельности. У каждого поколения могут быть свои идеалы, у моего свои, у вашего другие, и жалко то поколение, у которого нет никаких. Для осуществления идеалов необходимы энергия действия, энтузиазм убеждения; при осуществлении их неизбежны борьба, жертвы. Но это не все, что необходимо для их торжества: нужны не только крепкие нервы и самоотверженные характеры, нужны еще и сообразительные умы. Как легко испортить всякое хорошее дело, и сколько высоких идалов успели люди уронить и захватать неумелыми или неопрятными руками! Наши идеалы не принадлежат исключительно нам и не для нас одних предназначались: они перешли к нам по наследству от наших отцов и дедов или достались нам по культурному преемству от других обществ, созданы житейскими опытами и умственными усилиями других народов, раньше или больше нашего поработавших, и при создании их имелись в виду не наши, а совсем другие силы, средства и положения. Поэтому, они пригодны не для всех, не всегда и не везде. Чтобы знать, какие из них и в какой мере могут быть осуществлены в известном обществе и в известное время, надобно хорошо изучить наличный запас сил и средств, какой накопило себе это общество; а для того нужно взвесить и оценить исторические опыты и впечатления, им пережитые, нравы и привычки, в нем воспитанные. Это тем необходимее, что мы живем во время, обильное идеалами, но идеалами, борющимися друг с другом, непримиримо враждебными. Это затрудняет целесообразный выбор. Знание своего прошлого облегчает такой выбор: оно—не только потребность мыслящего ума, но и существенное условіе сознательной и корректной деятельности.

Вырабатывающееся из него историческое сознание дает обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости.

Определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином.

Лекция III.

Форма поверхности Европейской России.—Климат.—Геологическое происхождение равнины.—Почва.—Ботанические поясы. — Рельеф равнины. — Почвенные воды и атмосферные осадки. — Речные бассейны.

Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа,—природу его страны.

В географическом очерке страны, предпосылаемом обзору ее истории, необходимо отметить те физические условия, которые оказали наиболее сильное действие на ход ее исторической жизни.

Форма поверхности Европейской Россіи.

Мы говорим: *Восточная Европа* или *Европейская Россия,* когда хотим обозначить географическое отношение России к странам, лежащим к западу от нее, или отличить русские владения по сю сторону Урала от зауральских. *Уральский хребет*, повторяем мы, *отделяет Азию от Европы.* Мы так привыкли к этим выражениям, что не предполагаем возможности и не чувствуем надобности выражаться как-нибудь иначе, точнее. Однако географические представления образованного мира не всегда совпадали с этими привычными нашими выражениями. Древние греческие географы, например, проводили раздельную черту между Европой и Азией по реке Танаису (Дону), так что

значительная часть нынешней Европейской России оказалась бы за пределами Европы, а город Москва—на восточной ее границе, если бы тогда существовал. Взгляд античной географии находил историческое оправдание в явлении, идущем с противоположного полюса человеческого развития Сама Азия, настоящая кочевая Азия, испокон веков наводняя своими кибитками и стадами нынешнюю южную Россию, повидимому, слабо чувствовала, что она попадала в Европу. Перевалив за Карпаты, в нынешнюю Венгрию, ее орды становились в невозможность продолжать прежний азиатский образ жизни и скоро делались оседлыми. На широких полях между Волгой и Днестром, по обе стороны Дона, они не чувствовали этой необходимости и целые века проживали здесь, как жили в степях средней Азии.

Не даром бытовая практика дикого азиата сходилась с географическим воззрением образованного грека. Две географические особенности отличают Европу от других частей света и от Азии преимущественно: это, во-первых, *разнообразие форм поверхности* и, во-вторых, *чрезвычайно извилистое очертание морских берегов.* Известно, какое сильное и разностороннее действие на жизнь страны и ее обитателей оказывают обе эти особенности. Европе принадлежит первенство в силе, с какою действуют в ней эти условия. Нигде горные хребты, плоскогорья и равнины не сменяют друг друга так часто. на таких сравнительно малых пространствах, как в Европе. С другой стороны, глубокие заливы, далеко выдавшиеся полуострова, мысы образуют как бы береговое кружево западной и южной Европы. Здесь на 30 кв. миль материкового пространства приходится одна миля морского берега, тогда как в Азии одна миля морского берега прихо-

дится на 100 кв. миль материкового пространства. Типической страной Европы в обоих этих отношениях является южная часть Балканского полуострова, древняя Эллада; нигде море так причудливо не избороздило берегов, как с восточной ее стороны; здесь такое разнообразие в устройстве поверхности, что на пространстве каких-нибудь двух градусов широты можно встретить почти все породы деревьев, растущих в Европе, а Европа простирается на 36 градусов широты.

Черты сходства с Азией.

Россия—я говорю только об Европейской России—не разделяет этих выгодных природных особенностей Европы или, говоря точьее, разделяет их в одинаковой степени с Азией. Море образует лишь малую долю ее границ; береговая линия ее морей незначительна сравнительно с ее материковым пространством, именно одна миля морского берега приходится на 41 кв. милю материка. Однообразие—отличительная черта ее поверхности; одна форма господствует почти на всем ее протяжении: эта форма—равнина, волнообразная плоскость пространством около 90.000 кв. миль (более 400 миллионов десятин), т.-е. площадь, равняющаяся более чем девяти Франциям, и очень невысоко (вообще саженей на 79—80) приподнятая над уровнем моря. Даже в Азии среди ее громадных сплошных пространств одинаковой формации наша равнина заняла бы не последнее место: Иранское плоскогорье, например, почти вдвое меньше ее. К довершению географического сродства с Азией, эта равнина переходит на юге в необозримую маловодную и безлесную степь пространством тысяч в 10 кв. миль и приподнятую всего саженей на 25 над уровнем моря. По геологическому своему строению эта степь совершенно похожа на степи внутренней Азии, а

географически она составляет прямое, непрерывное их продолжение, соединяясь со средне-азиатскими степями широкими воротами между Уральским хребтом и Каспийским морем и простираясь из-за Урала сначала широкою, а потом все суживающеюся полосой по направлению к западу, мимо морей Каспийского, Азовского и Черного. Это как бы азиатский клин, вдвинутый в европейский материк и тесно связанный с Азией исторически и климатически. Здесь искони шла столбовая дорога, которой чрез Урало-Каспийские ворота хаживали в Европу из глубины Азии страшные гости, все эти кочевые орды, неисчислимые, как степной ковыль или песок азиатской пустыни. Умеренная, во всем последовательная западная Европа не знает таких изнурительных летних засух и таких страшных зимних метелей, какие бывают на этой степной равнине, а они заносятся сюда из Азии или ею поддерживаются.

Столько Азии в Европейской России. Исторически Россия, конечно, не Азия; но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию.

Климат.

От однообразия формы поверхности в значительной мере зависит и *климатъ* страны, распределение тепла и влаги в воздухе и частию направление ветров. На огромном пространстве от крайнего северного пункта материкового берега Вайгачского пролива (Югорского шара), почти под 70° с. ш., до южной оконечности Крыма и северных предгорий Кавказского хребта, приблизительно до 44°, на протяжении 2700 верст можно было бы ожидать резких климатических различий. По особенностям кли-

мата нашу равнину делят на 4 климатических пояса: *арктический* по ту сторону северного полярного круга, *северный* или холодный от $66^1/_2$ до 57^0 с. ш. (приблизительно до параллели г. Костромы), *средний* или умеренный, охватывающий срединную полосу равнины до 50^0 с. ш. (линия Харьков—Камышин), и *южный*, теплый или степной, до 44^0 с. ш. Но климатические особенности этих поясов гораздо менее резки, чем на соответствующих пространствах западной Европы: однообразие формы поверхности делает климатические переходы с С. к Ю. и с З. к В. более мягкими. Внутри Европейской России нет значительных гор меридианальнаго направления, которые производили бы резкую разницу в количестве влаги на их западных и восточных склонах, задерживая облака, идущие со стороны Атлантического океана, и заставляя их разрешаться обильными дождями на западных склонах; нет в России и значительных гор поперечного направления, идущих с З. на В., которые производили бы чувствительную разницу в количестве теплоты на С. и на Ю. от них. Ветры, беспрепятственно носясь по всей равнине и мешая воздуху застаиваться, сближают в климатическом отношении места, очень удаленные друг от друга по географическому положению, и содействуют более равномерному распределению влаги с З. на В. и тепла с С. на Ю. Поэтому высота над уровнем моря не имеет большого значения в климате нашей страны. Моря, окаймляющие Россию с некоторых краев, сами по себе, независимо от формы ее поверхности и движения ветров, также производят слабое действие на климат внутреннего пространства страны; из них Черное и Балтийское слишком незначительны, чтобы оказывать заметное влияние на климат такой обширной равнины, а Ледовитый

океан со своими глубоко врезывающимися заливами ощутительно влияет на климат только дальнего Севера и притом на значительную часть года остается подо льдом (кроме западной части—по Мурманскому берегу).

Этими условиями объясняются особенности, характеризующие климат Европейской России. Разность температуры между зимой и летом здесь на материке вдали от морей не менее 23 градусов, по местам доходит до 35°. Средняя годовая температура от 2° до 10°. Но географическая широта слабо влияет на эту разность. Нигде на обширных материковых пространствах, удаленных от морей, температура не изменяется по направлению с С. на Ю. так медленно, как в Европейской России, особенно до 50° с. ш. (параллель Харькова). Рассчитали, что ее подъем в этом направлении—только 0,4° на каждый градус широты. Гораздо заметнее действует на изменение температуры географическая долгота. Это действие связано с усилением разности температуры между зимой и летом по направлению с З. на В.; чем далее на В., тем зима становится холоднее, и различие в зимнем холоде по долготе перевешивает разницу в летнем тепле по широте, с С. на Ю. Карта изотерм наглядно показывает эти явления. Годовые изотермы, на запад от Вислы часто изгибающиеся зигзагами с С. на Ю., заметно выпрямляются по направлению к В., как только заходят в пределы нашей равнины, но при этом сильно наклоняются к Ю.-В. Потому одинаковую годовую температуру имеют места, разделенные значительным числом градусов широты и долготы. Оренбург на 8 градусов южнее Петербурга, но годовая температура его одинакова с петербургской, даже немного ниже (на 0,4°), потому что он на 25° восточнее Петербурга; зимняя (январская) разница температуры

обоих городов (—6°) перевешивает летнюю (июльскую—4°). Еще решительнее юговосточный наклон январских изотерм. Январская изотерма (—15°) того же Оренбурга, годовая температура которого почти одинакова с Петербургом, проходит уже не чрез этот город, а на 2° севернее и на 20° восточнее—около Усть-Сысольска, т. е. ее юговосточное направление от этого города круче уклоняется к Ю. сравнительно с годовой петербургско-оренбургской изотермой: расстояние оренбургского меридиана от усть-сысольского впятеро меньше, чем от петербургского. Зимние месяцы в Оренбурге холоднее, чем даже в Архангельске, широта которого на 5 градусов севернее Петербурга, хотя годовая температура Архангельска несравненно ниже оренбургской (0,3° и 3,3°). Зато лето в Оренбурге значительно теплее петербургского (в июле на 4°), более соответствует его широте, и его июльская изотерма идет гораздо южнее Петербурга, на Саратов и Елисаветград. Летом температура больше зависит от широты, зимой—от долготы. Потому июльские изотермы выпрямляются в направлении с З. на В., стремятся совпасть с параллелями. Сильное влияние на климат Европейской России имеет направление ветров, являющееся одной из характерных климатических особенностей нашей страны. Изменение температуры по долготе зимой ослабляется, между прочим, тем, что теплые западные ветры тогда преобладают в северной полосе нашей равнины, а более холодные восточные—в южной. Это происходит от распределения ветров в Европейской России. Отношение западных и восточных ветров у нас изменяется по временам года и по широтам. Замечено, что западные ветры преобладают летом и в северной полосе, а восточные—зимой и в южной полосе, и чем южнее, тем это зимнее преобладание восточных

Влияние направления ветров.

ветров усиливается. Деятельное участие азиатских ветров составляет климатическое отличие Европейской России от Западной Европы, наложенное на нашу страну ее соседством с Азией. Мы скоро увидим неодинаковое действие обоих противоположных одно другому направлений ветра на жизнь страны, полезное действие направления западного европейского и вредное—восточного азиатского. Эта воздушная борьба Азии с Европой в пределах нашей равнины невольно напоминает те давние исторические времена, когда Россия служила широкой ареной борьбы азиатских народов с европейскими и когда именно в южной степной полосе ее Азия торжествовала над Европой, напоминала бы, может быть, и более поздние времена, когда в северной полосе завязалась нравственная борьба между веяниями западными и восточными, если бы это явление не было так далеко от метеорологии.

Ограничиваясь срединной полосой Европейской России, главной сценой нашей древней истории, без южных степей и крайнего севера, климат этого пространства, как он определился указанными условиями, обыкновенно характеризуют такими общими чертами: зима не особенно суровая, но продолжительная, покрывающая землю снегом и воды льдом, при незначительной разнице в температуре по широте и при более заметном ее изменении по долготе; весна поздняя, с частыми возвратами холодов; лето умеренно-теплое, благоприятное для земледелия; температура изменяется часто и быстро зимой и весной, реже и постепеннее летом и осенью.

Описанная форма поверхности страны объясняется геологическим ее происхождением. Почва плоской котловины, какую представляет наша страна, состоит из рыхлых наносных пластов новейшего образования, которые лежат

на площади из гранита и других древних горных пород, покрывая сплошной толщей всю поверхность равнины и образуя холмистые возвышения, сообщающие ей волнообразный вид. Эти пласты, состоящие преимущественно из смеси глины и песку, в некоторых местах южной степной полосы лишены всякой плотности. Эта зыбучая почва имеет такое однообразное строение, какое возможно было только при одинаковом ее происхождении. В наносных слоях ее, представляющих морские осадки, находятся стволы деревьев и остовы допотопных животных, а по степи разсеяны каспийские раковины. Эти признаки заставили геологов предположить, что поверхность нашей равнины сравнительно нового образования и если не вся, то на большей части своего пространства была дном моря, обнажившимся в один из поздних геологических периодов. Берегами этого моря служили Уральскіе и Карпатские горы, чем объясняется присутствие обильных залежей каменной соли в этих горных хребтах. Воды, покрывавшие равнину, отлили в огромные водоемы, образуемые морями Каспийским и Аральским. Отлив произошел, вероятно, вследствие понижения дна этих больших впадин. Оба эти моря вместе с Черным признаются остатками вод обширного морского бассейна, некогда покрывавшего южную Россию и прикаспийскую низменность. Осадки, отложившиеся от ушедшего моря, и образовали те правильные, однообразно расположенные глинисто-песчаные пласты, из которых состоит почва равнины на обширном протяжении. Севернее пространства, которое было покрыто этим морем, подобные пласты песку, глины и суглинка отложились при таянии от обширных ледников, покрывавших всю северную и большую часть средней России. Если бы возможно было с достаточной высоты

взглянуть на поверхность русской равнины, она представилась бы нам в виде узорчатой ряби, какую представляет обнажившееся песчаное дно реки или поверхность моря при легком ветре.

При всем однообразии, каким отличается природа нашей равнины, всматриваясь в нее подробнее, можно заметить некоторые местные особенности, которые также связаны тесно с геологическим образованием страны и оказали ощутительное действие на историю нашего народа.

Почва.

По предположению геологов, море, покрывавшее некогда южную и юго-восточную Россию, отступило не сразу, а в два приема. Они находят следы, указывающие на то, что северный берег этого моря своим северо-восточным углом шел приблизительно по 55° с. ш., несколько южнее впадения Камы, далее уклоняясь от него к Ю. Потом море отступило градуса на 4, так что северным берегом его стал Общий Сырт, отрог, идущий от южной оконечности Уральского хребта к Волге в юго-западном направлении. Этим геологи объясняют резкую разницу в почве и флоре по северную и южную сторону Общего Сырта и особенно то, что уровень поверхности к Ю. от этого кряжа значительно ниже, чем к С.: от последних южных уступов Сырта в 40 саж. высоты местность быстро понижается до 0. Пространство между 55° и 51° с. ш., крайней южной линией Сырта, раньше освободившееся от моря, почти совпадает с полосой наиболее глубокого и сильного чернозема. Этот чернозем, как думают, образовался от продолжительного перегнивания обильной растительности, вызванной здесь благоприятными климатическими условиями: в составе тучного чернозема находят свыше 10% перегноя. Напротив, пространство к Ю. от этого пояса, образующее степную полосу и позднее вышедшее

из-под моря, успело покрыться лишь тонким растительным слоем, лежащим на песчаном солончаковом грунте, какой остался от ушедшего моря, и с гораздо слабейшим содержанием перегноя. Ближе к Каспийскому морю, в астраханских степях, почва лишена и такого тонкого покрова, и голые солончаки часто выступают наружу. Песчаные солончаки и соляные озера, которыми усеяна эта низменность, показывают, что она еще недавно была дном моря. Если южные понтийские степи еще обильны травой и производят даже хлебные растения, то на прикаспийской низменности встречается только крайне скудная растительность в виде кустиков или пучков и ползучих поростей. Но даже и травянистая южная степь по тонкости растительного черноземного слоя и при постоянных сильных и сухих ветрах, в ней господствующих, не в силах питать значительной древесной растительности на открытых пространствах: в этом главные причины безлесья степной полосы. Таким образом в южной полосе нашей равнины уцелели довольно явственные следы ее геологического происхождения и образования ее почвы. Вид и состав почвы прикаспийских степей, как мы уже заметили, дает возможность предполагать, что отлив моря с южной половины Европейской России завершился сравнительно поздно, может быть, уже на памяти людей, в историческую пору. Каспийское море вместе с Аральским, некогда составлявшим, вероятно, одно с ним целое, продолжает убывать и доселе. Не сохранилось ли смутное воспоминание об этом перевороте в сказании древних греческих и средневековых арабских географов о том, будто Каспийское море соединено с одной стороны с Северным океаном, а с другой—с Азовским морем? Это последнее по своему очертанию и

характеру очень похоже на остаток пролива, быть может, соединявшего Каспийское море с Черным в довольно позднее геологически время, и даже считают Кума-Манычскую низину дном этого пролива. Что касается Северного океана, то по соображениям геологов между ним и Каспийским морем в пределах нашей равнины некогда проходил сплошной водный бассейн, параллельный Уральскому хребту, но только в очень отдаленные геологические эпохи.

Ботанические пояса.

Таким образом, в связи с геологическим строением Европейской России можно различить в ней, не входя в более дробное деление, две основные почвенные области, особенно важные исторически: северную область супеси и суглинка с большей или меньшей примесью подзола и область южного чернозема. Этим почвенным областям соответствуют, впрочем не совпадая с ними, два ботанических пояса, *лесной* и *степной*, которые имели сильное влияние на историю нашего народа. Отлив моря с южной части равнины произошел по склону, какой она делает к морям Черному и Каспийскому. Юго-восточным направлением этого склона обозначилось географическое очертание и степного пространства, созданного этим отливом. Здесь степной характер почвы усиливается в том же юго-восточном направлении: чем позднее известная часть этого пространства вышла из-под моря, тем менее бывшее морское дно успело покрыться новыми почвенными образованиями. При юго-восточном направлении склона северо-западный край этого дна должен был обнажаться раньше северо-восточного, так что северный берег отступившего моря наклонялся к югу в западной своей части более, чем в восточной. И степная полоса имеет такое же очертание: она имеет вид треугольника,

основание котораго обращено къ Уралу; имея наибольшую ширину в северо-восточной своей части, она постепенно суживается к Ю.-З., упираясь клином в низовья Дуная.

Степь не представляет безлесного пространства, однообразного по составу почвы и характеру растительности. В обоих этих отношениях ее можно разделить на две полосы, северную *луговую* и южную *дерновую*. В первой—дерновой покров, луг сплошь покрывает почву и чернозем отличается наибольшей тучностью; во второй—среди дерна остаются обнаженные прогалины, и чернозем к Ю. становится все тоньше и скуднее перегноем. И леса в первой полосе рассеяны частыми островами, за что ее и характеризуют названием *лесостепной*, а во вторую—они забегают кой-где отдельными клочками, ютясь в долинах или на горных склонах, где им благоприятствуют условия местности. И в этих местных изменениях сказывается зависимость южнорусской почвы и флоры от направления морского отлива, раньше обнажавшаго северо-западныя части южной России.

Степь

К степной области с С. и С.-З. примыкает широкий пояс леса, образовавшегося здесь вследствие более раннего выхода этого пространства из-под моря или ледника, что дало время накопиться здесь более сильному растительному слою. Впрочем, трудно провести раздельную черту между обоими поясами: так постепенно и незаметно перемешиваются и сливаются между собою их климатические, почвенные и ботанические особенности. В лесном поясе являются окруженные лесами степные острова, а среди степей выступают леса разорванными участками и даже сплошными округами. Теперь первобытного сплошного леса в средней России уже не существует; лесной пояс вследствие вырубки и распашки значительно отступил с

Лес-

Ю., и степь начинается севернее, чем начиналась прежде. Киев теперь находится почти в степной полосе, а летопись помнит его еще совсем лесным городом: „и бяше около града лес и бор велик". Но думаю, что некогда степь шла на С. дальше теперешнего и была отодвинута к Ю. распространявшимися с С. лесными породами, а потом рукой человека возвращена к прежней границе. Начинаясь приблизительно между Пермью и Уфой, довольно узкой полосой вьется все в том же юго-западном направлении по нижней Каме, минуя с Ю. Нижний-Новгород, Рязань, Тулу, Чернигов, Киев и Житомир, переходная почва, близкая к чернозему, суглинистая с значительной примесью перегноя от лиственного леса и потому называемая *лесным суглинком.* Пролегая между суглинками и песчаниками северной области и обыкновенным степным черноземом и часто ими прерываемая, эта полоса является раздельной чертой между лесным и степным поясами: здесь встречаются и борются супесь и суглинок с черноземом, лес со степью.

Этот лесной пояс по составу почвы и по характеру растительности делят на две полосы: чернозем и лесной суглинок на Ю. питают лиственный лес, суглинок и песчаник на С. производят лес хвойный. Москва возникла, повидимому, в ботаническом узле этих полос или близко к нему. Впрочем, лиственные породы так перемешались с хвойными, что речь может быть только о местном преобладании одних над другим, а не о точном географическом их разграничении. Несмотря на деятельность человека, притом русского человека, не привыкшего беречь леса, лесная площадь Европейской России до последнего времени еще сохраняла значительные размеры. По официальным данным 1860-х годов, здесь из

425 милл. десятин лесом было покрыто 172 милл., т.-е. около 40%. По сведениям Центрального Статистического Комитета, собранным в 1881 году, из 406 милл. десятин лесная площадь Европейской России без Финляндии и привислинских губерний занимала 157½ милл. десятин или почти 39%.

Главнейшие водоразделы.

Процесс образования поверхности нашей равнины, действие которого так заметно в климате страны, в строении ее почвы и в географическом распространении растительности, не менее деятельно повлиял и на распределение вод текучих и стоячих. Здесь имеют значение некоторые черты рельефа нашей равнины. Не нарушая общего равнинного характера страны, внутри ее выступают отдельные подъемы, которые по местам складываются в сплошные плоские возвышенности или гряды холмов со значительным протяжением, но довольно умеренной высотой, в наивысших точках не выше 220 саж. над уровнем моря. Недавние гипсометрические исследования Тилло показали, что внутренние возвышенности Европейской России следуют более меридианальному, чем широтному направлению. Таковы: так называемая *Среднерусская возвышенность*, начинающаяся в Новгородской губернии и протягивающаяся почти меридианально более чем на 1000 верст до Харьковской губернии и области Войска Донского, соприкасаясь там с Донецкою плоскою возвышенностью, идущею по Северному Донцу до Дона; *Приволжская* возвышенность, следующая в том же направлении от Нижнего-Новгорода по правому берегу Волги и продолжающаяся также на Ю. рядом холмов—*Ергеней*; *Авратынская*, которая, начинаясь в Галиции, но совершенно отдельно от Карпат, проходит несколькими ветвями по Волынской и Подольской губ., наполняя своими

отрогами соседние губернии и образуя днепровские пороги. Эти возвышенности отделяются одна от другой низинами, из которых наиболее важны исторически *Югозападная* низменность, идущая из Полесья по Днепру до Черного и Азовского морей, и центральная *Московская котловина* или *Окско-Донская* низменность с долинами Оки, Клязьмы, верхней Волги и Дона. Названные возвышенности со своими разносторонними разветвлениями служат водоразделами главнейших речных бассейнов средней и южной России, а по низменностям текут главные реки этих бассейнов, и, таким образом, эти возвышенности и низменности связаны с гидрографией Европейской России.

Воды. Среднерусская возвышенность северной своей частью образует Алаунское плоскогорье и Валдайские горы. Эти горы, поднимающиеся на 800—900 фут. и редко достигающие 1000 фут., имеют наиболее важное гидрографическое значение для нашей равнины: здесь ее центральный гидрографический узел. Речная сеть нашей равнины— одна из выдающихся географических ее особенностей. За 4½ века до нашей эры она бросилась в глаза и наблюдательному Геродоту; описывая Скифию, т.-е. южную Россию, он замечает, что в этой стране нет ничего необыкновенного кроме рек, ее орошающих, они многочисленны и величественны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России.

Форма поверхности и состав почвы русской равнины дали ее речным бассейнам своеобразное направление; эти же условия доставляют им или поддерживают и обильные средства их питания. Наша равнина не обделена ни почвенной, ни атмосферной водой сравнительно с За-

падной Европой. Обилие тех и других вод в ее пределах зависит частью тоже от формы ее поверхности в связи с ее геологическим образованием. В углублениях между холмами северной и средней России остались от древнего ледника обильные скопы пресных вод в виде озер и болот; соляные озера Астраханской и Таврической губ., остатки отлившего с южной России моря, не имеют значения в ее речной системе. Озера, озерки и болота встречаются почти на всем пространстве северной и средней России. Верхневолжские губернии Тверская, Ярославская и Костромская усеяны болотами и озерками; там они считаются сотнями. В Моложском уезде Ярославской губ. одно из многочисленных болот еще недавно занимало до 100 кв. верст. С каждым годом, впрочем, это царство озерков и болот умаляется. На наших глазах продолжается давний процесс исчезновения этих водных скопов: озера по краям затягиваются мхами и водорослями, суживаются, мелеют и превращаются в болота, которые в свою очередь с вырубкой лесов и понижением почвенных вод высыхают. Несмотря на то, площадь озер и болот в Европейской России все еще очень обширна. Озерами, которых в ней насчитывают свыше 5000, и болотами особенно богаты два края: это— так называемая Озерная область и Полесье. В первом краю, в губерниях Новгородской, Петербургской и Псковской, не считая Архангельской, Олонецкой и Тверской, которые по обилию озер также могут быть к ним причислены, болота,—только болота, не считая озер,—занимают до 3 милл. десятин. В Полесьи, т.-е. в смежных частях губерний Гродненской, Минской и Волынской, площадь болот исчисляли почти в 2 милл. дес. Как трудна борьба с болотами, показывает ход осушки Полесья. В 1873 году для этого составлена была особая экспедиция. В 25 лет

работы она успела осушить до 450,000 дес., т.-е. около ¼ всего болотного пространства Полесья.

С открытыми надземными водами тесно связаны воды подземные, грунтовые: первыми питаются последние или их питают. Общий закон их распределения в Европейской России: по направлению с С. к Ю. грунтовые воды постепенно углубляются. В северных широтах они очень близки к поверхности и сливаются с открытыми водами, образуя болота. В средней полосе они уходят в глубь уже на несколько саженей—до 6, а в Новороссии залегают на глубине 15 и более саженей. Они держатся в глинистых, песчанистых и известковых породах, образуя по местам в средней полосе могучие жилы прекрасной воды, безцветной, прозрачной, без запаха и с ничтожной минеральной примесью, какова, например, Мытищинская вода, питающая водопроводы Москвы. Чем далее к Ю., тем минеральная примесь в составе почвенной воды увеличивается.

Почвенные воды деятельно поддерживаются атмосферными осадками, распределение которых много зависит от направления ветров. Летом, с мая до августа, в северной и средней России господствуют западные и преимущественно югозападные ветры, наиболее дождливые. Урал задерживает облака, несомые к нам этими ветрами со стороны Атлантического океана, и заставляет их разрешаться обильными дождями над нашей равниной; к ним присоединяются местные испарения от весеннего таяния снегов. Летом в северной и средней России выпадает обыкновенно больше дождей, чем в Западной Европе, и потому Россию считают вообще страною летних осадков. В южной степной России, напротив, преобладают сухие восточные ветры, которым открытая степь при ее непрерывной связи с пустынями средней Азии дает свободный сюда до-

ступ. Потому количество летних осадков в средней и южной России увеличивается от Ю. и особенно Ю-В. к С. и С.-З. Годовое количество их в прибалтийских и западных губерниях 475—610 миллим., в центральных 471—598, восточных 272—520, южных степных, Астраханской и новороссийских 136—475: minimum западных губерний—maximum южных.

Рѣки.

У подножия валдайских возвышений из болот и озер, залегающих между холмами и обильно питаемых осадками, которых здесь выпадает всего больше, и дождями, и снегами, берут начало главные реки Европейской России, текущие в разные стороны по равнине, Волга, Днепр, Западная Двина. Таким образом, Валдайская возвышенность составляет центральный водораздел нашей равнины и оказывает сильное влияние на систему ее рек. Почти все реки Европейской России берут начало в озерах или болотах и питаются сверх своих источников весенним таянием снегов и дождями. Здесь и многочисленные болота равнины занимают свое регулярное место в водной экономии страны, служа запасными водоемами для рек. Когда истощается питание, доставляемое рекам снеговыми и дождевыми вспомогательными средствами, и уровень рек падает, болота по мере сил восполняют убыль израсходованной речной воды. Рыхлость почвы дает возможность стоячим водам находить выход из их скопов в разные стороны, а равнинность страны позволяет рекам принимать самые разнообразные направления. Потому нигде в Европе не встретим такой сложной системы рек со столь разносторонними разветвлениями и с такой взаимной близостью бассейнов: ветви разных бассейнов, магистрали которых текут иногда в противоположные стороны, так близко подходят друг к другу, что бассейны как бы переплетаются

между собою, образуя чрезвычайно узорчатую речную сеть, наброшенную на равнину. Эта особенность при неширокихъ и пологих водоразделах, *волокахъ*, облегчала канализацию страны, как в более древние времена облегчала судоходам переволакивание небольших речных судов из одного бассейна в другой. Выходя из озер и болот с небольшой высотой над уровнем моря, русские реки имеют малое падение, т.-е. медленное течение, при чем встречают рыхлый грунт, который легко размывается. Вот почему они делают змеевидные изгибы. Реки горного происхождения, питающиеся таянием снегов в горах и падающие со значительных высот среди твердых горных пород, при своем быстром течении наклонны к прямолинейному направлению, а где встречают препятствие в этих горных породах, там делают уклон под прямым или острым углом. Таково вообще течение рек в Западной Европе. У нас же, вследствие малого падения и непрочного состава почвы, реки чрезвычайно извилисты. Волга течет на протяжении 3480 верст, а прямое расстояние от ее истока до устья 1565 верст. Потому же главные реки своими бассейнами захватывают обширные области: Волга, например, со своими притоками обтекает площадь в 1.216.460 кв. верст.

Вешніе разливы.

Отметим в заключение еще две особенности русской гидрографии, также не лишенные исторического значения. Одна из них—это полноводные весенние разливы наших рек, столь благотворные для судоходства и луговодства, оказавшие влияние и на побережное размещение населения. Другая особенность принадлежит рекам, текущим в более или менее меридиональном направлении: *правый берег у них, как вы знаете, вообще высок, левый низок*. Вам уже известно, что около половины прошлого века русский академик Бэр объяснил это явление суточным

обращением земли вокруг своей оси. Мы запомним, что эта особенность также оказала действие на размещение населения по берегам рек и особенно на систему обороны страны: по высоким берегам рек возводились укрепления и в этих укреплениях или около них сосредоточивалось население. Припомним местоположение большинства старинных укрепленных русских городов по р. Волге.

Ограничимся приведенными подробностями и попытаемся свести их в нечто цельное.

Лекция IV.

Влияние природы страны на историю ее народа.—Схема отношения человека к природе.—Значение почвенных и ботанических полос и речной сети русской равнины.—Значение окско-волжского междуречья, как узла колонизационного, народно-хозяйственного и политического. — Лес, степь и реки: значение их в русской истории и отношение к ним русского человека.—Можно ли по современным впечатлениям судить о действии природы страны на настроение древнего человека?—Некоторые угрожающие явления в природе равнины.

В прошлый час мы все собирали материал для ответа на поставленный вопрос о влиянии природы нашей страны на историю нашего народа. Теперь, разбираясь в собранном материале, попытаемся ответить на этот вопрос.

Природа страны и история народа.

Здесь не будет излишней одна предварительная оговорка. Поставленный вопрос не свободен от некоторых затруднений и опасностей, против которых необходимы методологические предосторожности. Наше мышление привыкло расчленять изучаемый предмет на составные его части, а природа ни в себе самой, ни в своем действии на людей не любит такого расчленения; у нее все силы ведут совокупную работу, в каждом действии господствующему фактору помогают незаметные сотруд-

ники, в каждом явлении участвуют разнородные условия. В своем изучении мы умеем различить этих участников, но нам с трудом удается точно определить долю и характер участия каждого сотрудника в общем деле и еще труднее понять, как и почему вступили они в такое взаимодействие. Жизненная цельность исторического процесса—наименее податливый предмет исторического изучения. Несомненно то, что человек поминутно и попеременно то приспособляется к окружающей его природе, к ее силам и способам действия, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказаться, и на этой двусторонней борьбе с самим собой и с природой вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частию и свои отношения к другим людям. И чем более природа дает возбуждения и пищи этим способностям человека, чем шире раскрывает она его внутренние силы, тем ее влияние на историю окружаемого ею населения должно быть признано более сильным, хотя бы это влияние природы сказывалось в деятельности человека, ею возбужденной и обращенной на нее же самое.

Законами жизни физической природе отведена своя сфера влияния в исторической судьбе человечества и не все стороны его деятельности в одинаковой мере подчинены ее действию. Здесь необходимо предположить известную постепенность или, как бы сказать, разностепенность влияния; но очень трудно установить это отношение хотя с некоторой научной отчетливостью. Рассуждая теоретически, не на точном основании исторического опыта, казалось бы, что физическая природа с особенной силой должна действовать на те стороны человеческой жизни,

которыми сам человек непосредственно входит в ее область, как физическое существо, или которыми близко с нею соприкасается. Таковы материальные потребности человека, для удовлетворения которых средства дает физическая природа и из которых рождается хозяйственный быт; сюда же относятся и способы, которыми регулируется удовлетворение этих потребностей, обезпечивается необходимая для того внутренняя и внешняя безопасность, т. е. отношения юридические и политические.

Переходя от этих общих соображений к поставленному вопросу, не будем усиленно искать в нашей истории подтверждения только что изложенной схемы, а отметим явления, которых нельзя объяснить без участия природы страны или в которых степень ее участия достаточно очевидна. Здесь прежде всего следует отметить три географические особенности или, точнее, три сложившихся из этих особенностей сочетания благоприятных для культуры условий исторической жизни страны: 1) ее деление на почвенные и ботанические полосы с неодинаковым составом почвы и неодинаковой растительностью, 2) сложность ее водной сети с разносторонними направлениями рек и взаимной близостью речных бассейнов и 3) общий или основной ботанический и гидрографический узел на центральном алаунско-московском пространстве.

Значение почвенных и ботанических полос.

Почвенные полосы и указанные свойства речных бассейнов оказали сильное действие на историю страны и действие неодинаковое на различные стороны быта ее населения. Различием в составе почвы разных частей равнины с неодинаковой растительностью определялись особенности народного хозяйства, вырабатывались местные экономические типы, смотря по тому, на какой полосе, лесной или степной, сосредоточивалась главная масса русского населе-

ния. Но действие этого условия сказалось не сразу. Восточные славяне при своем расселении по равнине заняли обе смежные полосы средней России, лесной суглинок и северную часть степного чернозема. Можно было бы ожидать, что в той и другой полосе сложатся различные типы народного хозяйства, охотничий и земледельческий. Однако наша древняя летопись не замечает такого различия. Правда, Кий с братьями, основавшие город Киев среди «леса и бора великого», были звероловы, «бяху ловяща зверь». Но все племена южного пояса славянского расселения, поселившиеся в лесах, занимаясь звероловством и платя дань киевским князьям или хазарам мехами, в то же время по летописи были и хлебопашцами. Вятичи, забившиеся в глухие леса между Десной и верхней Окой, платили хазарам дань «от рала», с сохи. Лесовики по самому своему названию, древляне, с которых Олег брал дань мехами, вместе с тем «делали нивы своя и земле своя». В первые века незаметно хозяйственного различия по почвенным и ботаническим полосам.

Влияние речной сети.

Речная сеть, повидимому, оказала более раннее и сильное действие на разделение народного труда по местным естественным условиям. По большим рекам, как главным торговым путям, сгущалось население, принимавшее наиболее деятельное участие в торговом движении, рано здесь завязавшемся; по ним возникали торговые средоточия, древнейшие русские города; население, от них удаленное, оставалось при хлебопашестве и лесных промыслах, доставлявших вывозные статьи приречным торговцам: мед, воск, меха. При таком влиянии на народно-хозяйственный обмен реки рано получили еще более важное политическое значение. Речными бассейнами направлялось географическое размещение населения а этим размещением

определялось политическое значение страны. Служа готовыми первобытными дорогами, речные бассейны своими разносторонними направлениями рассеивали население по своим ветвям. По этим бассейнам рано обозначались различные местные группы населения, племена, на которые древняя летопись делит русское славянство IX—X вв.; по ним же сложились потом политические области, *земли*, на которые долго делилась страна, и с этим делением сообразжались князья в своих взаимных отношениях и в своем управлении. В первоначальном племенном, как и в сменившем его областном, земско-княжеском делении древней Руси, легко заметить это гидрографическое основание. Древняя летопись размещает русско-славянские племена на равнине прямо по рекам. Точно так же древняя Киевская земля—это область среднего Днепра, земля Черниговская—область его притока Десны, Ростовская—область верхней Волги т. д. То же гидрографическое основание еще заметнее в последующем удельном делении XIII—XV веков, довольно точно согласовавшемся со сложным разветвлением бассейнов Оки и верхней Волги. Но это центробежное действие речной сети сдерживалось другой ее особенностью. Взаимная близость главных речных бассейнов равнины при содействии однообразной формы поверхности не позволяла размещавшимся по ним частям населения обособляться друг от друга, замыкаться в изолированные гидрографические клетки, поддерживала общение между ними, подготовляла народное единство и содействовала государственному объединению страны.

Окско-волжское междуречье и его значение.

Под совместным действием изложенных условий, ботанических и гидрографических, с течением времени на равнине обозначился сложный узел разнообразных народных отношений. Мы уже видели, что Алаунское плоско-

горье служило узловым пунктом речной сети нашей страны. Смежные части этого плоскогорья и центральной Московской котловины, образовавшие область Оки и верхней Волги, и стали таким бытовым народным узлом. Когда начала передвигаться сюда масса русского населения из днепровского бассейна, в этом окско-волжском междуречьи образовался центр расселения, сборный пункт переселенческого движения с Ю-З.: здесь сходились колонисты и отсюда расходились в разных направлениях, на С., за Волгу, а потом на В. и Ю.-В. за Оку. Здесь же со временем завязался и народно хозяйственный узел. Когда разделение народного труда стало приурочиваться к естественным географическим различиям, в этом краю встретились завязывавшиеся типы хозяйства лесного и степного, промыслового и земледельческого. Внешние опасности, особенно со стороны степи, вносили новый элемент разделения. Когда усилилось выделение военно-служилого люда из народной массы, в том же краю рабочее сельское население перемешивалось с вооруженным классом, который служил степным сторожем земли. Отсюда он рассаживался живой оборонительной изгородью по поместьям и острожкам северной степной полосы, по мере того как ее отвоевывали у татар. *Берег*, как звали в старину течение Оки, южного предела этого узлового края, служил операционным базисом степной борьбы и вместе опорной линией этой степной военной колонизации. Переселенцы из разных областей старой Киевской Руси, поглотив туземцев-финнов, образовали здесь плотную массу, однородную и деловитую, со сложным хозяйственным бытом и все осложнявшимся социальным составом,—ту массу, которая послужила зерном великорусского племени. Как скоро в этом географически и этнографически центральном пространстве

утвердилось средоточие народной обороны, из разнообразных отношений и интересов, здесь встречавшихся и переплетавшихся, завязался и политический узел. Государственная сила, основавшись в области истоков главных рек равнины, естественно стремилась расширить сферу своего владычества до их устьев, по направлению главных речных бассейнов двигая и население, необходимое для их защиты. Так центр государственной территории определился верховьями рек, окружность—их устьями, дальнейшее расселение—направлением речных бассейнов. На этот раз наша история пошла в достаточном согласии с естественными условиями: реки во многом начертали ее программу.

Основные стихии природы русской равнины.

До сих пор мы рассматривали совокупное действие различных форм поверхности нашей равнины, условий орографических, почвенных и гидрографических, оказавших влияние на хозяйственный быт и политический строй русского народа. Лес, степь и река—это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них и в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека. В лесной России положены были основы русского государства, в котором мы живем: с леса мы и начнем частичный обзор этих стихий.

Лес.

Лес сыграл крупную роль в нашей истории. Он был многовековой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII в. жизнь наибольшей части русского народа шла в лесной полосе нашей равнины. Степь вторгалась в эту жизнь только злыми эпизодами, татарскими нашествиями да козацкими бунтами. Еще в XVIII в. западному европейцу, ехавшему в Москву на Смоленск, Московская

Россия казалась сплошным лесом, среди которого города и села представлялись только большими или малыми прогалинами. Даже теперь более или менее просторный горизонт, окаймленный синеватой полосой леса — наиболее привычный пейзаж средней России. Лес оказывал русскому человеку разнообразные услуги хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом. Долго и на севере, как прежде на юге, он питал народное хозяйство пушным зверем и лесной пчелой. Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки. Само государство, первый опыт которого на границе со степью не удался по вине этого соседства, могло крепиться только на далеком от Киева севере под прикрытием лесов со стороны степи. Лес служил русскому отшельнику Фиваидской пустыней, убежищем от соблазнов мира. С конца XIV в. люди, в пустынном безмолвии искавшие спасения души, устремлялись в лесные дебри северного Заволжья, куда только они могли проложить тропу. Но убегая от мира в пустыню, эти лесопроходцы увлекали с собою мир туда же. По их следам шли крестьяне, многочисленные обители, там возникавшие, становились опорными пунктами крестьянского расселения, служа для новоселов и приходскими храмами, и ссудодателями, и богадельнями под старость. Так лес придал особый характер северно-русскому пустынножительству, сделав из него своеобразную форму лесной колонизации. Несмотря на все такие услуги лес всегда был тяжел для русского человека. В старое время, когда его было слишком много, он своей

чащей прерывал пути-дороги, назойливыми зарослями оспаривал с трудом расчищенные луг и поле, медведем и волком грозил самому и домашнему скоту. По лесам свивались и гнезда разбоя. Тяжелая работа топором и огнивом, какою заводилось лесное хлебопашество на *пали*, расчищенной из-под срубленного и спаленного леса, утомляла, досаждала. Этим можно объяснить недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса. Безотчетная робость овладевала им, когда он вступал под его сумрачную сень. Сонная, „дремучая“ тишина леса пугала его; в глухом, беззвучном шуме его вековых вершин чуялось что-то зловещее; ежеминутное ожидание неожиданной, непредвидимой опасности напрягало нервы, будоражило воображение. И древне-русский человек населил лес всевозможными страхами. Лес — это темное царство лешего одноглазого, злого духа-озорника, который любит дурачиться над путником, забредшим в его владения. Теперь лес в южной полосе средней России—все редеющее напоминание о когда-то бывших здесь лесах, которые берегут, как роскошь, а северное — доходная статья частных хозяйств и казны, которая выручает от эксплоатации своих лесных богатств по 57—58 милл. ежегодно.

Степь. Степь, *поле*, оказывала другие услуги и клала другие впечатления. Можно предполагать раннее и значительное развитие хлебопашества на открытом черноземе, скотоводства, особенно табунного, на травянистых степных пастбищах. Доброе историческое значение южно-русской степи заключается преимущественно в ее близости к южным морям, которые ее и создали, особенно к Черному, которым днепровская Русь рано пришла в непосредственное соприкосновение с южно-европейским культурным

миром; но этим значением степь обязана не столько самой себе, сколько тем морям да великим русским рекам, по ней протекающим. Трудно сказать, насколько степь широкая, раздольная, как величает ее песня, своим простором, которому конца-краю нет, воспитывала в древне-русском южанине чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, *окоеме*, как говорили в старину; во всяком случаее не лесная Россия образовала это представление. Но степь заключала в себе и важные исторические неудобства: вместе с дарами она несла мирному соседу едва ли не более бедствий. Она была вечной угрозой для древней Руси и нередко становилась бичем для нее. Борьба со степным кочевником, половчином, злым татарином, длившаяся с VIII почти до конца XVII в.,—самое тяжелое историческое воспоминание русского народа, особенно глубоко врезавшееся в его памяти и наиболее ярко выразившееся в его былевой поэзии. Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом—это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни. Историческим продуктом степи, соответствовавшим ее характеру и значению, является козак, по общерусскому значению слова бездомный и бездольный, „гулящий“ человек, не приписанный ни к какому обществу, не имеющий определенных занятий и постояннаго местожительства, а по первоначальному и простейшему южно-русскому своему облику человек „вольный“, тоже беглец из общества, не признававший никаких общественных связей вне своего „товарищества“, удалец, отдававший всего себя борьбе с неверными, мастер все разорить, но не любивший и не умевший ничего построить,— исторический преемник древних киевских богатырей,

стоявших в степи „на заставах богатырских“, чтобы постеречь землю Русскую от поганых, и полный нравственный контраст северному лесному монаху. Со Смутного времени для Московской Руси козак стал ненавистным образом гуляки „вора“.

Река.

Так лес, и особенно степь действовали на русского человека двусмысленно. Зато никакой двусмысленности, никаких недоразумений не бывало у него с русской рекой. На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов,—и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она—его неизменная соседка: он жался к ней, на ее непоемном берегу ставил свое жилье, село или деревню. В продолжение значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она—готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога, не грозила ни бурями, ни подводными камнями: только во-время поварачивай руль при постоянных капризных извилинах реки да помни мели, перекаты. Река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе. Она и сама любит порядок, закономерность. Ее великолепные половодья, совершаясь правильно, в урочное время, не имеют ничего себе подобного в западно-европейской гидрографии. Указывая, где не следует селиться, они превращают на время скромные речки в настоящие сплавные потоки и приносят неисчислимую пользу судоходству, торговле, луговодству, огородничеству. Редкие паводки при малом падении русской реки не могут идти ни в какое сравнение с неожиданными и разрушительными наводнениями западно-европейских горных рек. Русская река приучала своих прибрежных обитателей к обще-

житию и общительности. В древней Руси расселение шло по рекам и жилые места особенно сгущались по берегам бойких судоходных рек, оставляя в междуречьях пустые лесные или болотистые пространства. Если бы можно было взглянуть сверху на среднюю Россию, например, XV века, она представилась бы зрителю сложной канвой с причудливыми узорами из тонких полосок вдоль водных линий и со значительными темными промежутками. Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение. Так разнообразна была историческая служба русской реки.

Впечатление от русской равнины.

Изучая влияние природы страны на человека, мы иногда пытаемся в заключение уяснить себе, как она должна была настраивать древнее население, и при этом нередко сравниваем нашу страну по ее народно-психологическому действию с Западной Европой. Этот предмет очень любопытен, но не свободен от серьозных научных опасностей. Стараясь проникнуть в таинственный процесс, каким древний человек воспринимал впечатления окружавшей его природы, мы вообще расположены переносить на него наши собственные ощущения. Припоминая, как мы с высоты нижегородского кремля любовались видом двигавшегося перед нашими глазами могучего потока и перспективой равнинной заволжской дали, мы готовы думать, что и древние основатели Нижнего, русские люди XIII века, выбирая опорный пункт для борьбы с мордвой и другими поволжскими инородцами, тоже давали себе досуг постоять перед этим ландшафтом и между прочим под его

обаянием решили основать укрепленный город при слиянии Оки с Волгой. Но очень может статься, что древнему человеку было не до эстетики, не до перспективы. Теперь путник с восточно-европейской равнины, впервые проезжая по Западной Европе, поражается разнообразием видов, резкостью очертаний, к чему он не привык дома. Из Ломбардии, так напоминающей ему родину своим рельефом, он через несколько часов попадает в Швейцарию, где уже другая поверхность, совсем ему непривычная. Все, что он видит вокруг себя на Западе, настойчиво навязывает ему впечатление границы, предела, точной определенности, строгой отчетливости и ежеминутного повсеместного присутствия человека с внушительными признаками его упорного и продолжительного труда. Внимание путника непрерывно занято, крайне возбуждено. Он припоминает однообразие родного тульского или орловского вида ранней весной: он видит ровные пустынные поля, которые как будто горбятся на горизонте подобно морю с редкими перелесками и черной дорогой по окраине,— и эта картина провожает его с С. на Ю. из губернии в губернию, точно одно и то же место движется вместе с ним сотни верст. Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление. Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом — и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли. Но разве это чувство—историческое наблюдение над древним человеком, над его отношением к окружающей природе? Это—одно

из двух: или впечатление общего культурного состояния народа, насколько оно отражается в наружности его страны, или же привычка современного наблюдателя перелагать географические наблюдения на свои душевные настроения, а эти последние ретроспективно превращать в нравственные состояния, возбуждавшие или расслаблявшие энергию давно минувших поколений. Другое дело—вид людских жилищ: здесь меньше субъективного и больше исторически-уловимого, чем во впечатлениях, воспринимаемых от внешней природы. Жилища строятся не только по средствам, но и по вкусам строителей, по их господствующему настроению. Но формы, раз установившиеся по условиям времени, обыкновенно переживают их в силу косности, свойственной вкусам не меньше, чем прочим расположениям человеческой души. Крестьянские поселки по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественника с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, не нынче—завтра собирающихся бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые. В этом сказались продолжительная переселенческая бродячесть прежних времен и хронические пожары,—обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке.

Угрожающие явления.

Рассматривая влияние природы на человека, надобно видеть и действие человека на природу: в этом действии также обнаруживаются некоторые особенности последней. Культурная обработка природы человеком для удовлетворения его потребностей имеет свои пределы и требует известной осмотрительности: увеличивая и регулируя энер-

гию физических сил, нельзя истощать их и выводить из равновесия, нарушая их естественное соотношение. Иначе природа станет в противоречие сама с собой и будет противодействовать видам человека, одной рукой разрушая то, что создала другой, и географические условия, сами по себе благоприятные для культуры, при неосмотрительном с ними обращении могут превратиться в помехи народному благосостоянию. Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости: ее сравнительно легко вывести из равновесия. Человеку трудно уничтожить источники питания горных рек в Западной Европе; но в России стоит только оголить или осушить верховья реки и ее верхних притоков, и река обмелеет. В черноземных и песчанистых местах России есть два явления, которые, будучи вполне или отчасти продуктами культуры, точнее говоря, человеческой непредусмотрительности, стали как бы географическими особенностями нашей страны, постоянными физическими ее бедствиями: это *овраги и летучие пески*. Рыхлая почва, с которой распашка сдернула скреплявший ее дерновой покров, легко размывается скатывающимися с возвышений дождевыми и снеговыми ручьями и образуются овраги, идущие в самых разносторонних направлениях. Уже самые старые поземельные описи, до нас дошедшие, указывают на обилие таких оврагов и отвершков. Теперь они образуют обширную и запутанную сеть, которая все более расширяется и усложняется, отнимая у хлебопашества в сложности огромную площадь земледельческой почвы. На юге овраги особенно многочисленны именно в обработанной части степи в губерниях Волынской, Подольской, Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и в области Войска Донского. Причиняя великий вред сельскому хозяйству сами по себе, своею много-

численностью, овраги влекут за собой еще новое бедствие; составляя как бы систему естественного дренажа и ускоряя сток осадков с окрестных полей, они вытягивают влагу из почвы прилегающих к ним местностей, не дают времени этой почве пропитаться снеговой и дождевой водой и таким образом вместе с оскудением лесов содействуют понижению уровня почвенных вод, которое все выразительнее сказывается в учащающихся засухах. Летучие пески, значительными полосами прорезывающие черноземную Россию, не менее бедственны. Переносясь на далекие расстояния, они засыпают дороги, пруды, озера, засоряют реки, уничтожают урожай, целые имения превращают в пустыни. Площадь их в Европейской России исчисляют слишком в 2 1/2 милл. десятин, и эта площадь по сделанным наблюдениям ежегодно расширяется на один процент, т.-е. приблизительно на 25 т. д. Пески постепенно засыпают чернозем, подготовляя южной России со временем участь Туркестана. Этому процессу помогает пасущийся в степях скот; он своими копытами разрывает верхний твердый слой песка, а ветер выдувает из него скрепляющие его органические вещества, и песок становится летучим. С этим бедствием борются разнообразными и дорогими мерами, изгородями, плетнями, насаждениями. В последние годы Министерство Земледелия повело систематическое укрепление песков посадками древесных и кустарных растений и в пять лет (1898—1902) укрепило более 30 тыс. десятин песков. Эти цифры убедительно говорят о трудности и медленности борьбы с песками.

Мы окончили предварительные работы, которые пригодятся нам при изучении русской истории, условились в задачах и приемах изучения, составили план курса и повторили некоторые уроки по географии России, имеющие близкое отношение к ее истории. Теперь можем начать самый курс.

Лекция V.

Начальная летопись, как основной источник для изучения первого периода нашей истории. — Летописное дело в древней Руси; первичные летописи и летописные своды. — Древнейшие списки Начальной летописи.—Следы древнего киевского летописца в начальном летописном своде. — Кто этот летописец? — Главные составные части Начальной летописи. — Как они соединены в цельный свод.—Хронологический план свода.—Нестор и Сильвестр.

Начальная летопись.

Обращаясь к изучению первого периода нашей истории, нельзя не исполнить еще одного подготовительного дела, необходимо рассмотреть состав и характер Начальной летописи, основного источника наших сведений об этом периоде.

Мы имеем довольно разнообразные и разносторонние сведения о первых веках нашей истории. Таковы особенно иноземные известия патриарха Фотия IX в., императора Константина Багрянородного и Льва Диакона X в., сказания скандинавских саг и целого ряда арабских писателей тех же веков, Ибн-Хордадбе, Ибн-Фадлана, Ибн-Дасты, Масуди и других. Не говорим о туземных памятниках письменных, которые тянутся все расширяющейся цепью с XI в., и памятниках вещественных, об уцелевших от тех времен храмах, монетах и других вещах. Все это —

отдельные подробности, не складывающиеся ни во что цельное, рассеянные, иногда яркие точки, не освещающие всего пространства. Начальная летопись дает возможность объединить и объяснить эти отдельные данныя. Она представляет сначала прерывистый, но чем далее, тем все более последовательный рассказ о первых $2^1/_2$ веках нашей истории и не простой рассказ, а освещенный цельным, тщательно выработанным взглядом составителя на начало отечественной истории.

Летописное дело в древней Руси.

Летописание было любимым занятием наших древних книжников. Начав послушным подражанием внешним приемам византийской хронографии, они скоро усвоили ее дух и понятия, с течением времени выработали некоторыя особенности летописного изложения, свой стиль, твердое и цельное историческое миросозерцание с однообразной оценкой исторических событий и иногда достигали замечательного искусства в своем деле. Летописание считалось богоугодным, душеполезным делом. Потому не только частные лица записывали для себя на память, иногда в виде отрывочных заметок на рукописях, отдельные события, совершавшиеся в отечестве, но и при отдельных учреждениях, церквах и особенно монастырях, велись на общую пользу погодные записи достопамятных происшествий. Сверх таких частных и церковных записок велись при княжеских дворах и летописи официальные. Из сохранившейся в Волынской летописи грамоты волынского князя Мстислава, относящейся к 1289 году, видно, что при дворе этого князя велась такая официальная летопись, имевшая какое-то политическое назначение. Наказав жителей Берестья за крамолу, Мстислав прибавляет в грамоте: «а вписал есмь в летописец коромолу их». С образованием Московского государства

официальная летопись при государевом дворе получает особенно широкое развитие. Летописи велись преимущественно духовными лицами, епископами, простыми монахами, священниками, официальную московскую летопись вели приказные дьяки. Рядом с событиями, важными для всей земли, летописцы заносили в свои записи преимущественно дела своего края. С течением времени под руками древне-русских книжников накоплялся значительный запас частных и официальных местных записей. Бытописатели, следовавшие за первоначальными местными летописцами, собирали эти записи, сводили их в цельный сплошной погодный рассказ о всей земле, к которому и со своей стороны прибавляли описание нескольких дальнейших лет. Так слагались вторичные летописи или общерусские летописные своды, составленные последующими летописцами из записей древних, первичных. При дальнейшей переписке эти сводные летописи сокращались или расширялись, пополняясь новыми известиями и вставками целых сказаний об отдельных событиях, житий святых и других статей, и тогда летопись получала вид систематического летописного сборника разнообразного материала. Путем переписывания, сокращений, дополнений и вставок накопилось трудно обозримое количество списков, доселе еще не вполне приведенных в известность и содержащих в себе летописи в разных составах и редакциях, с разнообразными вариантами в тексте родственных по составу летописей. Таков в общих и потому не совсем точных чертах ход русского летописного дела. Разобраться в этом довольно хаотическом запасе русского летописания, группировать и классифицировать списки и редакции, выяснить их источники, состав и взаимное отношение и свести их к основным летописным ти-

пам—такова предварительная сложная критическая работа над русским летописаньем, давно начатая, деятельно и успешно продолжаемая целым рядом исследователей и еще не законченная.

Первичные записи, веденные в разных местах нашего отечества, почти все погибли; но уцелели составленные из них летописные своды. Эти своды составлялись также в разные времена и в разных местах. Если соединить их в один цельный общий свод, то получим почти непрерывный погодный рассказ о событиях в нашем отечестве за 8 столетий, рассказ не везде одинаково полный и подробный, но отличающийся одинаковым духом и направлением, с однообразными приемами и одинаковым взглядом на историческия события. И делались опыты такого полнаго свода, в которых рассказ начинается почти с половины IX в. и тянется неровной, изредка прерывающейся нитью чрез целые столетия, останавливаясь в древнейших сводах на конце XIII или начале XIV в., а в сводах позднейших теряясь в конце XVI столетия и порой забегая в XVII, даже в XVIII в. Археографическая Коммиссия, особое ученое учреждение, возникшее в 1834 году с целью изданий письменных памятников древней русской истории, с 1841 года начала издавать *Полное собрание русских летописей* и издала 12 томов этого сборника.

Древнейшие списки Начальной летописи.

В таком же составном, сводном изложении дошло до нас и древнейшее повествование о том, что случилось в нашей земле в IX, X, XI и в начале XII в. по 1110 год включительно. Рассказ о событиях этого времени, сохранившийся в старинных летописных сводах прежде было принято называть *Летописью Нестора*, а теперь чаще называют *Начальной Летописью*. В библио-

теках не спрашивайте Начальной летописи—вас, пожалуй, не поймут и переспросят: „какой список летописи нужен вам?“ Тогда вы в свою очередь придете в недоумение. До сих пор не найдено ни одной рукописи, в которой Начальная летопись была бы помещена отдельно в том виде, как она вышла из-под пера древнего составителя. Во всех известных списках она сливается с рассказом ее продолжателей, который в позднейших сводах доходит обыкновенно до конца XVI века. Если хотите читать Начальную летопись в наиболее древнем ее составе, возьмите Лаврентьевский или Ипатьевский ее список. Лаврентьевский список—самый древний из сохранившихся списков общерусской летописи. Он писан в 1377 году „худым, недостойным и многогрешным рабом Божиим мнихом Лаврентием“ для князя суздальского Димитрия Константиновича, тестя Димитрия Донского, и хранился потом в Рождественском монастыре в городе Владимире на Клязьме. В этом списке за Начальной летописью следуют известия о южной Киевской и о северной Суздальской Руси, прерывающиеся на 1305 году. Другой список, Ипатьевский, писан в конце XIV или в начале XV столетия и найден в костромском Ипатьевском монастыре, от чего и получил свое название. Здесь за Начальной летописью следует подробный и превосходный по простоте, живости и драматичности рассказ о событиях в Русской земле, преимущественно в южной Киевской Руси XII в., а с 1201 по 1292 год идет столь же превосходный и часто поэтический рассказ волынской летописи о событиях в двух смежных княжествах, Галицком и Волынском. Рассказ с половины IX столетия до 1110 года включительно по этим двум спискам и есть древнейший вид, в каком дошла до нас Началь-

ная летопись. Прежде, до половины прошлого столетия, критика этого капитального памятника исходила из предположения, что весь он—цельное произведение одного писателя, и потому сосредоточивали свое внимание на личности летописца и на восстановлении подлинного текста его труда. Но всматриваясь в памятник ближе, заметили, что он не есть подлинная древняя киевская летопись, а представляет такой же летописный свод, каковы и другие позднейшие, а древняя киевская летопись есть только одна из составных частей этого свода.

Следы древнего летописца.

До половины XI в. в Начальной летописи не встречаем следов этого древнего киевского летописца; но во второй половине века он несколько раз выдает себя. Так под 1065 годом, рассказывая о ребенке-уроде, вытащенном рыбаками из речки Сетомли близ Киева, летописец говорит: „его же позоровахом до вечера". Был ли он тогда уже иноком Печерского монастыря, или бегал мальчиком смотреть на диковину, сказать трудно. Но в конце XI в. он жил в Печерском монастыре: рассказывая под 1096 годом о набеге половцев на Печерский монастырь, он говорит: „и придоша на монастырь Печерский, нам сущим по кельям, почивающим по заутрени". Далее узнаем, что летописец был еще жив в 1106 году: в этом году, пишет он, скончался старец добрый Ян, живший 90 лет, в старости маститой, жил он по закону Божию, не хуже был первых праведников, „от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи сем". На основании этого можно составить некоторое понятие о начальном киевском летописце. В молодости он жил уже в Киеве, в конце XI и в начале XII века был наверное иноком Печерского монастыря и вел летопись.

С половины XI века, даже несколько раньше и летописный рассказ становится подробнее и теряет легендарный отпечаток, какой лежит на известиях летописи до этого времени.

Кто он был? Кто был этот летописец? Уже в начале XIII столетия существовало предание в Киево-Печерском монастыре, что это был инок того же монастыря Нестор. Об этом Несторе, „иже написа летописец“, упоминает в своем послании к архимандриту Акиндину (1224—1231) монах того же монастыря Поликарп, писавший в начале XIII столетия. Историограф Татищев откуда то знал, что Нестор родился на Белоозере. Нестор известен в нашей древней письменности, как автор двух повествований, жития преподобного Феодосия и сказания о святых князьях Борисе и Глебе. Сличая эти памятники с соответствующими местами известной нам Начальной летописи, нашли непримиримые противоречия. Например, в летописи есть сказание об основании Печерского монастыря, где повествователь говорит о себе, что его принял в монастырь сам преподобный, а в житии Феодосия биограф замечает, что он, „грешный Нестор“, был принят в монастырь уже преемником Феодосия игуменом Стефаном. Эти противоречия между летописью и названными памятниками объясняются тем, что читаемые в летописи сказания о Борисе и Глебе, о Печерском монастыре и преподобном Феодосии не принадлежат летописцу, вставлены в летопись составителем свода и писаны другими авторами, первое монахом XI века Іаковом, а два последние, помещенные в летописи под 1051 и 1074 годами, вместе с третьим рассказом под 1091 годом о перенесении мощей преподобного Феодосия представляют разорванные части одной цельной повести.

написанной постриженником и учеником Феодосиевым, который, как очевидец, знал о Феодосии и о монастыре его времени больше Нестора, писавшего по рассказам старших братий обители. Однако эти разноречия подали повод некоторым ученым сомневаться в принадлежности Начальной летописи Нестору, тем более, что за рассказом о событиях 1110 года в Лаврентьевском списке следует такая неожиданная приписка: «Игумен Сильвестр святого Михаила написах книги си летописец надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила, в 6624». Сомневаясь в принадлежности древней киевской летописи Нестору, некоторые исследователи останавливаются на этой приписке как на доказательстве, что начальным киевским летописателем был игумен Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве Сильвестр, прежде живший иноком в Печерском монастыре. Но и это предположение сомнительно. Если древняя киевская летопись оканчивалась 1110 годом, а Сильвестр сделал приписку в 1116 году, то почему он пропустил промежуточные годы, не записавши совершившихся в них событий, или почему сделал приписку не одновременно с окончанием летописи, а пять-шесть лет спустя? С другой стороны, в XIV—XV веке в нашей письменности повидимому отличали начального киевского летописателя от Сильвестра, как его продолжателя. В одном из поздних сводов, *Никоновском*, после сенсационного рассказа о несчастном для русских нашествии ордынского князя Эдигея в 1409 году, современник-летописец делает такое замечание: «Я написал это не в досаду кому-нибудь, а по примеру начального летословца киевского, который, не обинуясь, рассказывает «вся времена бытства земская» (все события, совершившиеся в на-

шей земле); да и наши первые властодержцы без гнева позволяли описывать все доброе и недоброе случавшееся на Руси, как при Владимире Мономахе, не украшая, описывал новый великий Сильвестр Выдубицкий". Значит, Сильвестр не считался в начале XV в. начальным летословцем киевским.

Разбирая состав Начальной летописи, мы, кажется, можем угадать отношение к ней этого Сильвестра. Эта летопись есть сборник очень разнообразного исторического материала, нечто в роде исторической хрестоматии. В ней соединены и отдельные краткие погодные записи, и пространные рассказы об отдельных событиях, писанные разными авторами, и дипломатические документы, например договоры Руси с греками X в. или послание Мономаха к Олегу Черниговскому 1098 года, спутанное с его же *Поучением* к детям (под 1096 год.), и даже произведения духовных пастырей, например поучения Феодосия Печерского. В основание свода легли, как главные его составные части, три особые цельные повествования. Мы разберем их по их порядку в своде.

Составные части летописи.

I. *Повесть временных лет.* Читая первые листы летописного свода, замечаем, что это связная и цельная повесть, лишенная летописных приемов. Она рассказывает о разделении земли после потопа между сыновьями Ноя с перечнем стран, доставшихся каждому, о расселении народов после столпотворения, о поселении славян на Дунае и расселении их оттуда, о славянах восточных и их расселении в пределах России, о хождении апостола Андрея на Русь, об основании Киева с новым очерком расселения восточных славян и соседних с ними финских племен, о нашествии разных народов на славян с третьим очерком расселения славян восточных и

с описанием их нравов, о нашествии на них хазар, о дани, которую одни из них платили варягам, а другие хазарам, об изгнании первых, о призвании Рюрика с братьями из-за моря, об Аскольде и Дире и об утверждении Олега в Киеве в 882 г. Повесть составлена по образцу византийских хронографов, обыкновенно начинающих свой рассказ ветхозаветной историей. Один из этих хронографов—Георгия Амартола (IX века с продолжением до 948 г.) стал рано известен на Руси в славянском, именно в болгарском переводе. Его даже прямо называет Повесть, как один из своих источников; отсюда, между прочим, заимствован рассказ о походе Аскольда и Дира на греков под 866 годом. Но вместе с выдержками из Георгия она передает о восточных славянах ряд преданий, в которых, несмотря на прозаическое изложение, уцелели еще черты исторической народной песни, например предание о нашествии аваров на славян-дулебов. В начале Повесть представляет сплошной рассказ без хронологических пометок. Хронологические указания являются с 852 года, но не потому, что Повесть имеет что-нибудь сказать о славянах под этим годом; она не помнит ни одного события, касавшегося славян в этом году, и мы увидим, что вся статья под этим годом вставлена в Повесть позднее чужой рукой. Далее, первое русское известие, помеченное в Повести годом, таково, что его нельзя приурочить к какому-либо одному году: именно под 859 годом Повесть рассказывает о том, что варяги брали дань с северных племен, а хазары с южных. Когда началась та и другая дань, когда и как варяги покорили северные племена, о чем здесь узнаем впервые,—об этом Повесть ничего не помнит. Еще более неловко поставлен 862 год.

Под этим годом мы читаем длинный ряд известий: об изгнании варягов и усобице между славянскими родами, о призвании князей из-за моря, о прибытии Рюрика с братьями и о смерти последних, об уходе двух бояр Рюрика, Аскольда и Дира, в Киев из Новгорода. Здесь под одним годом, очевидно, соединены события нескольких лет: сама Повесть оговаривается, что братья Рюриковы умерли спустя два года после их прихода. Рассказ о 862 годе кончается такими словами: „Рюрику же княжащу в Новгороде, — в лето 6371, 6372, 6373, 6374 — иде Аскольд и Дир на греки“, т.-е. вставка пустых годов оторвала главное предложение от придаточного. Очевидно, хронологические пометки, встречающиеся в Повести при событиях IX века, не принадлежат автору рассказа, а механически вставлены позднейшею рукой. В этой Повести находим указание на время, когда она была составлена. Рассказывая, как Олег утвердился в Киеве и начал устанавливать дани с подвластных племен, повествователь добавляет, что и на новгородцев была наложена дань в пользу варягов по триста гривен в год, „еже до смерти Ярославле даяше варягам“. Так написано в Лаврентьевском списке; но в одном из позднейших сводов, Никоновском, встречаем это известие в другом изложении: Олег указал Новгороду давать дань варягам, „еже и ныне дают“. Очевидно, это первоначальная, подлинная форма известия. Следовательно, Повесть составлена до смерти Ярослава, т.-е. раньше 1054 года. Если это так, то автором ее не мог быть начальный киевский летописец. Трудно сказать, чем оканчивалась эта Повесть, на каком событии прерывался ее рассказ. Пересчитывая народы, нападавшие на славян, повествователь говорит, что после страшных обров, так мучивших славянское

племя дулебов, пришли печенеги, а потом уже при Олеге прошли мимо Киева угры. Действительно, в самом рассказе Повести это событие отнесено ко времени Олега и поставлено под 898 годом. Итак, печенеги по Повести предшествовали венграм. Но далее в своде мы читаем, что только при Игоре в 915 году, т.-е. после прохода угров мимо Киева, печенеги впервые пришли на Русскую землю. Итак, повествователь о временах Игоря имел несколько иные исторические представления, чем повествователь о временах, предшествовавших княжению Игоря, т.-е. события 915 года и следующих лет описаны уже не автором Повести. Эта повесть носит в своде такое заглавие: «Се повести временных лет, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть». Итак, автор обещает рассказать, как началась Русская земля. Рассказывая об утверждении Олега в Киеве в 882 году, повествователь замечает: «беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася Русью». Вот и начало Руси, Русской земли—исполнение обещания, данного повествователем. Итак, «Повесть временных лет» есть заглавие, относящееся не к целому своду, а только к рассказу, составляющему его начало и прерывавшемуся повидимому на княжении Олега. Эта Повесть составлена не позже смерти Ярослава; призвание князей и утверждение Олега в Киеве—ее главные моменты.

II. *Сказание о крещении Руси при Владимире.* Оно разбито на три года: 986, 987 и 988. Но это также не летописный рассказ: он лишен летописных приемов, отличается полемической окраской, желанием охулить все веры кроме православной. И это сказание, очевидно, не принадлежит начальному летописцу, а вставлено в свод его составителем. В нем уцелел намек на время

его составления. Когда ко Владимиру пришли евреи с предложением своей веры, князь спросил их: «где земля ваша?» Миссионеры отвечали: «в Иерусалиме». — «Полно, так ли?» переспросил их князь. Тогда миссионеры сказали напрямки: «разгневался Бог на отцов наших и расточил нас по странам грехов ради наших, и предана была земля наша христианам». Если бы повествователь разумел первых, кто покорил землю евреев, он должен был бы назвать язычников римлян; если бы он разумел властителей Иерусалима, современных Владимиру, то он должен был бы назвать магометан; если же он говорит о христианах, ясно, что он писал после завоевания Иерусалима крестоносцами, то есть в начале XII столетия (после 1099 года). Основным источником сказания о крещении Руси и о христианской деятельности кн. Владимира служило рядом с не успевшим еще завянуть народным преданием древнее житие святого князя, написанное неизвестно кем немного лет спустя после его смерти, судя по выражению жития о времени его княжения: «Сице убо бысть малым прежде сих лет». Это житие — один из самых ранних памятников русской литературы, если только оно написано русским, а не греком жившим в России.

III. *Киево-печерская летопись.* Ее писал в конце XI и в начале XII века монах Печерского монастыря Нестор, как гласит раннее монастырское предание, отвергать которое нет достаточных оснований. Летопись прервалась на 1110 году; но каким годом она начиналась? Можно только догадываться, что летописец повел свою повесть с событий, совершившихся задолго до его вступления в монастырь, куда он вступил не ранее 1074 года. Так ему, повидимому, принадлежит помещенный в своде

рассказ о событиях 1044 года. Говоря о вступлении князя Всеслава полоцкого на отцовский стол, летописец упоминает о повязке, которой этот князь прикрывал язву на своей голове. Об этой повязке летописец замечает: «еже носить Всеслав и до сего дне на собе», а он умер в 1101 году. Если так, то можно предполагать, что летопись Нестора начиналась временами Ярослава I. С большей уверенностью можно думать, что летопись прервалась именно на 1110 году и что заключительная приписка Сильвестра не случайно помещена под этим годом. На это указывает самое описание 1110 года в Лаврентьевском списке, сохранившем Сильвестрову приписку. Потому ли, что весть о случившемся не всегда скоро доходила до летописца, или по другим причинам, ему иногда приходилось записывать события известного года уже в следующем году, когда становились известны их следствия или дальнейшее развитие, о чем он и предуведомлял при описании предыдущего года как будто ante factum. Он, впрочем, иногда оговаривался, что это не предвидение, а только опоздание записи: «еже и бысть, якоже скажем после в *пришедше* лето», т.-е. когда будем описывать наступивший год. То же случилось и с 1110 годом. Над Печерским монастырем явилось знамение, столп огненный, который «весь мир виде». Печерский летописец истолковал явление так: огненный столп — это вид ангела, посылаемого волею Божией вести людей путями Промысла, как во дни Моисея огненный столп ночью вел Израиля. Так и это явление, заключает летописец, предзнаменовало, «ему же бе быти», чему предстояло сбыться, и что сбылось: на следующее лето не этот ли ангел был (нашим) вождем на иноплеменников и супостатов? Летописец писал это уже в

1111 году, после страшного мартовского поражения, нанесенного русскими половцам, и слышал рассказы победителей об ангелах, видимо помогавших им в бою, но почему-то, вероятно за смертию, не успел описать этих событий 1111 года, на которые намекал в описании 1110 года. В Ипатьевском списке то же знамение изображено, как в Лаврентьевском, лишь с некоторыми отступлениями в изложении. Но под 1111 годом в рассказе о чудесной победе русских то же знамение описано вторично и иначе, другими словами и с новыми подробностями, хотя и со ссылкой на описание предыдущего года, и притом приурочено к лицу Владимира Мономаха, являющегося главным деятелем подвига, в котором участвовало 9 князей. Этот 1111 год описан, очевидно, другим летописцем и, может быть, уже по смерти Святополка, когда великим князем стал Мономах. Итак летопись Нестора была дописана в 1111 году и кончалась 1110 годом. Как мог летописец вести свою летопись? Так же, как он писал житие преп. Феодосия, которого не знал при его жизни,—по рассказам знающих людей, очевидцев и участников событий. Печерский монастырь был средоточием, куда притекало все властное и влиятельное в тогдашнем русском обществе, все, что делало тогда историю Русской земли: князья, бояре, епископы, съезжавшиеся на собор к киевскому митрополиту, купцы, ежегодно проходившие по Днепру мимо Киева в Грецию и обратно. Ян, боярин, бывший киевским тысяцким, друг и чтитель преп. Феодосия и добрый знакомый летописца, сын Вышаты, которому Ярослав I поручал большие дела, — один этот Ян Вышатич, умерший в 1106 году 90 лет от роду, был для летописца живой столетней летописью, от которой он слышал „многа

словеса“, записанные им в своей летописи. Все эти люди приходили в монастырь преп. Феодосия за благословением пред началом дела, для благодарственной молитвы по окончании, молились, просили иноческих молитв, жертвовали „от имений своих на утешение братии и на строение монастырю“, рассказывали, размышляли вслух, исповедуя игумену и братии свои помыслы. Печерский монастырь был собирательным фокусом, объединявшим рассеянные лучи русской жизни, и при этом сосредоточенном освещении наблюдательный инок мог видеть тогдашний русский мир многостороннее, чем кто-либо из мирян.

Соединение частей летописи в свод.

Таковы три основные части, из которых составлен начальный летописный свод: 1) Повесть временных лет, прерывающаяся на княжении Олега и составленная до 1054 года; 2) сказание о крещении Руси, помещенное в своде под годами 986—988 и составленное в начале XII в., и 3) Киево-печерская летопись, в которой описаны события XI и XII вв. до 1110 года включительно. Вы видите, что между этими составными частями свода остаются обширные хронологические промежутки. Чтобы видеть, как пополнялись эти промежутки, рассмотрим княжение Игоря, составляющее часть 74-летнего промежутка, отделяющего княжение Олега от момента, которым начинается сказание о крещении Руси (913—985). Наиболее важные для Руси события рассказаны под годами: 941, к которому отнесен первый поход Игоря на греков, изложенный по хронографу Амартола и частию по греческому житию Василия Нового, под 944 — годом второго похода, в описании которого очевидно участие народного сказания, и под 945, где помещен текст Игорева договора с греками и потом рассказано так же по народному киевскому преданию о последнем древлянском хождении Игоря за данью, о

смерти князя и о первых актах Ольгиной мести. Под восемью другими годами помещены не касающиеся Руси известия о византийских, болгарских и угорских отношениях, взятые из того же хронографа Амартола, и между ними четыре краткие заметки об отношениях Игоря к древлянам и печенегам, что могло удержаться в памяти киевского общества. Ряд этих 11 описанных лет в нескольких местах прерывается большим или меньшим количеством годов пустых, хотя и проставленных по порядку в виде табличек: для этих годов, которых в 33-летнее княжение Игоря оказалось 22, составитель свода не мог найти в своих источниках никакого подходящего материала. Подобным образом восполнена и другая половина этого промежутка, как и промежуток между сказанием о крещении Руси и предполагаемым началом Печерской летописи. Источниками при этом служили кроме греческих переводных и южнославянских произведений, обращавшихся на Руси, еще договоры с греками, первые опыты русской повествовательной письменности, а также народное предание, иногда развивавшееся в целое поэтическое сказание, в историческую сагу, например, об Ольгиной мести. Эта народная киевская сага проходит яркой нитью, как один из основных источников свода, по IX и всему X веку; следы ее заметны даже в начале XI столетия, именно в рассказе о борьбе Владимира с печенегами. По этим уцелевшим в своде обломкам киевской былины можно заключать, что в половине XI века уже сложился в киевской Руси целый цикл историко-поэтических преданий, главное содержание которых составляли походы Руси на Византию; другой, позднейший цикл богатырских былин, воспевающий борьбу богатырей Владимира со степ-

ными кочевниками, также образовался в киевской Руси и до сих пор кой-где еще держится в народе, между тем как обломки первого уцелели только в летописном своде и изредка встречаются в старинных рукописных сборниках.

Хронологический план свода.

Ряды пустых годов наглядно обнаруживают способ составления свода по перечисленным источникам. В расположении собранного летописного материала составитель руководился хронологическим планом, положенным в основу всего свода. Для постройки этого плана составитель располагал, с одной стороны, указаниями византийских хронографов и датами русских договоров с греками, а с другой — числом лет киевских княжений, хранившимся в памяти киевского общества. В Повести о начале Русской земли вслед за преданием о нашествии хазар на полян встречаем такую вставку под 852 годом: сказав, что при императоре Михаиле III „нача ся прозывати Руская земля“, потому что тогда Русь напала на Царьград, как повествуется о том в греческом летописаньи, автор вставки продолжает: „темже отселе почнем и числа положим“. Эта вставка, очевидно, сделана составителем свода. Хронологию свою он ведет от потопа, указывая, сколько лет прошло от потопа до Авраама, от Авраама до исхода евреев из Египта и т. д. Высчитывая различные хронологические периоды, составитель свода доходит до того времени, когда (в 882 г.) Олег утвердился в Киеве: „от первого лета Михаилова до первого лета Олгова, русского князя, лет 29, а от первого лета Олгова, понелиже седе в Киеве, до первого лета Игорева лет 31“ и т. д. Пересчитывая лета по княжениям, составитель свода доходит до смерти великого князя киевского Святополка: „а от смерти Ярославли до смерти Святополчи лет 60“. Смерть Святополка, случившаяся в 1113

году, служит пределом хронологического расчета, на котором построен свод. Итак, свод составлен уже при преемнике Святополка Владимире Мономахе, не раньше 1113 года. Но мы видели, что Киево-печерская летопись прерывается еще при Святополке 1110 годом; следовательно, хронологический рассчет свода не принадлежит начальному киевскому летописцу, не дожившему до смерти Святополка или, по крайней мере, раньше ее кончившему свою летопись, а сделан рукою, писавшею в княжение Святополкова преемника Владимира Мономаха, т.-е. между 1113 и 1125 гг. На это именно время и падает приведенная мною Сильвестрова приписка 1116 года. Этого Сильвестра я и считаю составителем свода.

Нестор и Сильвестр.

Теперь можно объяснить отношение этого Сильвестра и к Начальной летописи, и к летописцу Нестору. Так называемая Начальная летопись, читаемая нами по Лаврентьевскому и родственным ему спискам, есть летописный свод, а не подлинная летопись киево-печерского инока. Эта Киево-печерская летопись не дошла до нас в подлинном виде, а частью сокращенная, частью дополненная вставками, вошла в начальный летописный свод, как его последняя и главная часть. Значит, нельзя сказать ни того, что Сильвестр был начальным киевским летописцем, ни того, что Нестор составил читаемую нами древнейшую летопись, т.-е. начальный летописный свод: Нестор был составителем древнейшей киевской летописи, не дошедшей до нас в подлинном виде, Сильвестр—составителем начального летописного свода, который не есть древнейшая киевская летопись; он был и редактором вошедших в состав свода устных народных преданий и письменных повествований, в том числе и самой Несторовой летописи.

Лекция VI.

Историко-критический разбор Начальной летописи.—Ее значение для дальнейшего русского летописанья.—Ошибочность хронологической основы свода и происхождение ошибки.—Обработка составныхъ частей свода его составителемъ.—Неполнота древнейшихъ списковъ Начальной летописи.—Идея славянского единства, положенная въ ее основу.—Отношение къ летописи изучающего.—Летописи XII в.—Исторические воззрения летописца.

Мы рассмотрели происхождение, состав и источники древнейшего летописного свода, который принято называть Начальной летописью, и признали наиболее вероятным составителем его игумена Сильвестра. Нам предстоит оценить этот памятник, как исторический источник, чтобы этой оценкой руководиться в изучении древнейших его известий о Русской земле. Этот памятник, важный сам по себе, как древнейший и основной источник русской истории, становится еще ценнее потому, что был в истинном смысле слова *начальной* летописью: дальнейшее летописанье примыкало к ней, как ее непосредственное продолжение и посильное подражание; последующие составители летописных сводов обыкновенно ставили ее во главе своих временников.

В разборе Начальной летописи наше внимание сосредоточится на самом составителе свода, на том, что внес он своего в собирательную работу сведения разно-

родного материала, вошедшего в состав свода. Ему принадлежат хронологическая основа свода, способ обработки источников и взгляд на исторические явления, проведенный по гсему своду.

Хронологическая основа свода.

Хронологическая канва, по которой выведен рассказ свода, служит одною из связей, придающих некоторую цельность разновременным и разнородным его частям и известиям, почерпнутым из столь разносторонних источников. В исходной точке этого плана лежит ошибка, в которую русский бытописатель был введен греческим источником. В XI в. на Руси был уже известен в славянском переводе так называемый *Летописец вскоре* или *вкратце* цареградского патриарха Никифора († 828) с продолжением. Мы видели, почему составитель нашего свода старался прикрепить начальный пункт русской хронологии к году воцарения императора Михаила III. Никифоров летописец и ввел его в ошибочный рассчет. Академик Шахматов обстоятельно выяснил, как это случилось. В хронологической таблице Никифорова летописца, по которой составитель нашего свода строил свой план, от Р. Х. до имп. Константина, точнее до первого вселенского собора, по ошибке поставлено 318 лет вместо 325, т.-е. за год собора принято число отцов, на нем заседавших, а сумма лет от собора до воцарения Михаила выведена по неточности слагаемых в 542 вместо 517; сложением 318 с 542 и получился для воцарения Михаила год от Р. Х. 860, а от сотворения мира 6360, так как летописец Никифора считал от с. м. до Р. Х. ровно 5500, а не 5508 лет, как считаем мы. Вышла ошибка на 18 лет. Не принимая во внимание участия Никифорова летоисчисления в образовании года 6360, вычитая из него 5508, получали для воцарения Михаила год

от Р. Х. 852 вместо 860 и этим недоразумением нечаянно уменьшали ошибку на 8 лет, не доходя до истины, т.-е. до 842 года, только 10 лет. Впрочем, эта ошибка в определении исходного хронологического пункта мало вредила дальнейшим расчислениям русского хронолога XII века: коррективом служили ему даты договоров с греками. Держась своего летосчисления и относя воцарение Михаила к 6360 году от с. м., но зная по преданию или по соображению, что Олег умер в год второго своего договора с греками, составитель свода на время от воцарения Михаила до Олеговой смерти, т.-е. до первого года Игорева княжения, отсчитал в своей таблице ровно столько лет (60), сколько того требует дата договора—6420 год. Я решился ввести вас в эти хронологические подробности только для того, чтобы вы видели, с какими затруднениями приходилось бороться составителю свода и как относиться к его ранним хронологическим показаниям. Надобно отдать ему должное: при скудных средствах он вышел из своих затруднений с большим успехом. Он отнес к 866 году нападение Руси на Царьград, которое, как теперь известно, произошло в 860 г. Соответственно тому и предшествующие события, им рассказанные, раздоры между северными племенами по изгнании варягов, призвание князей, утверждение Аскольда и Дира в Киеве, надобно отодвигать несколько назад, к самой середине IX века. Неточности в отдельных годах ничему не мешают, и сам составитель свода придавал своим годам условное, гадательное значение. Встречая в древней Повести ряд тесно связанных между собою событий и не умея каждое из них пометить особым годом, он ставил над их совокупностью ряд годов, в пределах которых они по его расчету должны были произойти. Так, изгнание варягов,

бравших дань с северных племен, усобицы между этими племенами, призвание князей, смерть братьев Рюрика чрез два года по призвании и уход Аскольда с Диром в Киев он пометил суммарно тремя годами, 860, 861 и 862, и мы плохо понимаем его, приурочивая все эти события и в том числе призвание князей к одному последнему 862 году. Заслуга составителя свода в том, что он, располагая сбивчивыми данными византийских источников, умел уловить начальный конец нити отечественных преданий,—данничество северных племен варягам, и на расстоянии 2½ столетий, ошибаясь на 6—7 лет, прикрепить этот конец к верно рассчитанному хронологическому пункту, к половине IX века.

Способ обработки.

Сценив весь свод одной хронологической основой и набросив летописную сеть на его нелетописные части, Сильвестр внес в свое произведение еще более единства и однообразия, переработав его составные статьи по одинаковым приемам. Переработка состояла главным образом в том, что по всему своду проведены исторические воззрения хронографа Георгия Амартола. Этот хронограф служил для него не только источником известий, касавшихся Руси, Византии и южных славян, но и направителем его исторического мышления. Так в начале Повести временных лет он поставил заимствованный у Амартола очерк разделения земли между сыновьями Ноя и эту географическую классификацию или таблицу пополнил собственным перечнем славянских, финских и варяжских племен, дав им место в Афетовой части. Для объяснения важных отечественных явлений он ищет аналогий у того же Амартола и таким образом в их изложение вносит сравнительно-исторический прием. Характерное место Повести о нравах и обычаях русских славян он пополнил извле-

чением из Амартола о нравах сириян, вактириян и других народов и к ним от себя прибавил заметку о половцах, о которых неизвестный автор Повести едва ли имел какое-нибудь понятие: они стали известны на Руси после Ярослава. Вообще эта часть свода носит на себе следы столь усердной переработки со стороны его составителя, что в ней трудно отделить подлинный текст от Сильвестровых вставок и изменений. К этому надобно прибавить еще тщательность, с какою Сильвестр старался воспользоваться для своего свода всем наличным запасом русской повествовательной письменности. Он был знаком с древней новгородской летописью и из нее привел рассказ о действиях Ярослава в Новгороде в 1015 году по смерти отца. Киевские события этого года он изложил по сказанию о Борисе и Глебе, составленному монахом Иаковом в начале XII в. Едва ли не он же сам составил и сказание о крещении Руси по древнему житию кн. Владимира, широко воспользовавшись при этом Палеей, полемическим изложением Ветхого завета, направленным против магометан и частию католиков, которое преподает Владимиру греческий философ-миссионер. Он вставил в свод под 1097 год и обстоятельный рассказ об ослеплении теребовльского князя Василька, написанный Василием, лицом близким к Васильку. Он же поместил в трех местах Несторовой летописи части упомянутого мною сказания о Печерском монастыре и преп. Феодосии, может быть, им же и написанного. Проводя свою мысль в сравнительно-историческом освещении, составитель свода не боялся вносить в летописное изложение прагматический беспорядок, соединял под одним годом разновременные, но однородные явления. Вспомнив, что около 1071 года в Киеве явился волхв, о котором в Печер

ской летописи не было известия, он вставил в нее вместе с рассказом об этом волхве целое учение о „бесовском наущении и действе“, о пределах силы бесов над людьми и о способах их действия на людей, особенно посредством волхвов. Эта демонология иллюстрируется несколькими любопытными рассказами о волхвах и кудесниках на Руси того времени и параллельными библейскими примерами. Время событий, рассказанных Сильвестром под 1071 годом, обозначено летописными выражениями: „в си же времена, в си лета“; но два случая из рассказанных несомненно были позднее 1071 года. Так не мог написать простой летописец, каким был Нестор, записывавший события из года в год. Впечатление ученого книжника, производимое широким знакомством составителя свода с иноземными и своими источниками и способом пользования ими, усиливается еще проблесками критической мысли. Составитель против мнения, будто основатель Киева был не более как перевозчик через Днепр, и в критической вставке, внесенной в Повесть временных лет, доказывает преданием, что Кий был князь в роду своем и ходил в Царьград, где был принят с большим почетом самим царем; только имени этого царя составитель не знает, в чем и сознается. Точно так же ходили различные толки о месте крещения кн. Владимира; составитель выбирает из них наиболее достоверное предание.

Неполнота древнейших списков.

Но едва ли одной этой критической разборчивостью можно объяснить заметную неполноту свода: в позднейших списках Начальной летописи встречаем ряд известий, которые не нашли себе места в списках древнейших, хотя сами по себе ничем не возбуждают критического недоверия. Большею частью это краткие известия о собы-

тиях, которых нельзя выдумать или не для чего было выдумывать. Так пропущены известия о том, что в 862 году призванные князья построили город Ладогу, и здесь сел старший из них Рюрик, что в 864 году убит был болгарами сын Аскольда, в 867 году воротились от Царьграда (после поражения) Аскольд и Дир с малой дружиной, и был в Киеве плач великий, что в том же году „бысть в Киеве глад велий“, а Аскольд и Дир избили множество печенегов. В древнейших списках 979 год оставлен пустым, а в позднейших под ним помечены два любопытные известия о печенежском князе, который бил челом Ярополку о службе и получил от него „грады и власти“, и о приходе к Ярополку греческих послов, которые „взяша мир и любовь с ним и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его“. Из времени князя Владимира пропущен ряд известий о печенежских и болгарских князьях, крестившихся в Киеве, и о посольствах, приходивших в Киев из Греции, Польши, Чехии, Венгрии, от папы. Такие пропуски можно проследить и в дальнейших княжениях по всему XI веку. Эти пробелы частию можно отнести на счет Лаврентьевского списка, который, будучи древнейшим, не может быт признан наиболее исправным: в нем по вине писца пропущено много мест, сохранившихся в других, ближайших к нему по составу и тексту, списках. Иные известия могли быть опущены по соображениям самого составителя свода, но внесены в него ближайшими по времени переписчиками, которые бывали отчасти и редакторами переписываемых произведений и могли выполнить пробелы по источникам, бывшим под руками у Сильвестра и еще не успевшим затеряться. Но в некоторых летописных сводах, особенно новгородского происхождения, первые

века нашей истории излагаются столь несходно со сводом, усвояемым нами игумену Сильвестру, что такой разности нельзя объяснить неполнотою списков или редакций. Это и побудило академика Шахматова предположить существование особого, более древнего летописного свода, составленного в конце XI в. и послужившего „основным ядром", из которого в начале XII в. составился свод, читаемый нами в Лаврентьевском списке. Все это приводит к мысли, что Сильвестровский свод далеко не вобрал в себя всего запаса рассказов, ходивших в русском обществе про первые века нашей истории, или по какой-то случайности именно древнейшие списки сохранили Начальную летопись в сокращенном, а позднейшие в более полном составе, как думал С. М. Соловьев.

Идея славянского единства.

Всего важнее в своде идея, которою в нем освещено начало нашей истории: это—идея славянского единства. Составитель потому так и занят этнографией, что хочет собрать все части славянства, указать их настоящее международное место и найти связи, их соединяющие. Описав расселение славян, он замечает: „тако разыдеся словеньский язык; темже и грамота прозвася словеньская". Она и была одной из таких связей. Русский бытописатель помнил роковой исторический момент, с которого началось разрушение славянского единства: это—утверждение венгров на среднем Дунае в начале X века, разорвавшее связи между западными и южными славянами, завязанные славянскими первоучителями. По поводу известия о проходе венгров мимо Киева в 898 году он вспоминает о деятельности Кирилла и Мефодия и о ее значении для славянства. Был один язык славянский— славяне дунайские, покоренные венграми, морава, чехи, ляхи и поляне-Русь. Первее всего мораве дана была гра-

мота славянская, которая теперь на Руси и у болгар дунайских. Мефодий был епископом в Паннонии, на столе апостола Андроника, ученика апостола Павла. А апостол Павел учил в Иллирии, где прежде жили славяне: стало-быть, и славянству учитель Павел. А мы Русь—тоже славяне: стало-быть, Павел и нам Руси учитель. А славянское племя и русское—одно племя: от варягов прозвались Русью, а изначала были славяне; только звались полянами, а говорили по-славянски; звались полянами потому, что в поле сидели, а язык у них один с другими славянами.

Такой диалектической цепью умозаключений и так настойчиво мыслящий русский книжник начала XII в. прицеплял свое темное отечество не только к семье славянских народов, но и к апостолическим преданиям христианства. Замечательно, что в обществе, где сто лет с чем-нибудь назад еще приносили идолам человеческие жертвы, мысль уже училась подниматься до сознания связи мировых явлений. Идея славянского единства в начале XII в. требовала тем большего напряжения мысли, что совсем не поддерживалась современной действительностью. Когда на берегах Днепра эта мысль выражалась с такой верой или уверенностью, славянство было разобщено и в значительной части своего состава порабощено: Моравская держава была разбита венграми еще в начале X века, первое Болгарское царство—Византией в начале XI века, полабские и прибалтийские славяне уступали немецкому напору и, вместе с чехами и поляками, католическому влиянию.

Отношение к летописи изучающего

Все указанные особенности Начальной летописи ставят в особенное к ней отношение изучающего по ней начало нашей истории. Когда куча разнохарактерного материала расположена по плану, выработанному путем соображения

разнородных данных, подвергнута переработке по известным приемам, даже с участием критической разборчивости, и освещена руководящей исторической идеей, тогда мы имеем дело уже не с простой летописью, но и с ученым произведением, которому принадлежат некоторые научные права на внимание. Здесь изучению подлежит не только сырой исторический материал, но и цельный взгляд, даже с некоторыми методологическими приемами. Углубляясь в связь и смысл явлений, описываемых в таком произведении, мы обязаны принимать в рассчет и то, как понимает эту связь и этот смысл сама летопись, ибо в ней мы имеем памятник, показывающий, как представляли себе первые времена нашей истории мыслящие изучавшие ее книжные люди на Руси в начале XII в.

К Начальной летописи непосредственно примыкают ее продолжения, повествующие о событиях в Русской земле XII в. до конца периода нашей истории.

Летописи XII в.

После приписки Сильвестра с 1111 года оба древнейшие списка, Лаврентьевский и Ипатьевский, как и списки более поздние, разнятся между собою гораздо значительнее, чем до этого момента: очевидно, это уже различные летописные своды, а не разные списки одного и того же свода. До конца XII в. в сводах того и другого древнейшего списка описываются большею частью одни и те же события и по одинаковым источникам, которыми служат первичные местные летописи и сказания об отдельных лицах или событиях, писанные современниками, иногда даже очевидцами и участниками описываемых дел. Но, неодинаково пользуясь общими источниками, тот и другой свод изображает события по-своему. Свод Ипатьевского списка вообще полнее Лаврентьевского. Притом можно заметить, что в изложении событий, в объяснении их причин и следствий

составитель Ипатьевского свода придерживался более южно-русских источников, составитель Лаврентьевского — более источников северных, суздальских, хотя по местам в первом северные события рассказаны даже подробнее, чем во втором, и наоборот—южные во втором описаны обстоятельнее, чем в первом. Наконец, сверх общих источников у каждого свода были свои особые, которых не знал другой. Поэтому оба свода представляют как бы одну общерусскую летопись в двух различных составах или обработках. В этом смысле летопись XII в. по Ипатьевскому списку у нас иногда называют сводом южно-русским, а летопись того же века по списку Лаврентьевскому—сводом северным, суздальским. Изучая тот и другой свод, мы чуть не на каждом шагу встречаем в них следы летописцев то киевского, то черниговского, то суздальского, то волынского. Судя по этим следам, можно подумать, что во всех главных областных городах Руси XII в. были свои местные летописатели, записки которых вошли в тот или другой свод с большей или меньшей полнотой в меру значения каждого города в общей жизни Русской земли. Первое место в этом отношении принадлежало Киеву, и из киевской летописи всего больше черпают оба свода, только изредка мимоходом отмечая известия, идущие из какого-нибудь далекого угла Руси, из Полоцка или Рязани. Так летописанье XII в. развивалось повидимому в одинаковом направлении с тогдашней земской жизнью, подобно ей разбивалось по местным центрам, локализовалось. Как могли составители обоих сводов собрать такой обильный запас местных летописей и сказаний и как умели свести их в последовательный погодный рассказ,—это может быть предметом удивления или недоумения. Во всяком случае они оказали неоценимую услугу позднейшей историографии тем,

что сберегли для нее множество исторических данных, которые без них пропали бы бесследно. Эти своды еще тем дороги, что составители их, сводя местные записи, щадили их областные особенности, тон и колорит, политические суждения и общественные или династические отношения местных летописателей. Летописцы того времени не были бесстрастными и даже безпристрастными наблюдателями совершавшихся событий, как мы склонны их представлять себе: у каждого из них были свои местные политические интересы, свои династические и областные сочувствия и антипатии. Так летописец киевский обыкновенно горячо стоит за своих любимых Мономаховичей, черниговский— за их противников Ольговичей, а суздальский рад при случае кольнуть новгородцев за их «злое неверствие», гордость и буйство, за их привычку нарушать клятву и прогонять князей. Отстаивая своих князей и свои местные интересы, летописец не чуждался желания по-своему изобразить ход событий, тенденциозно связывая и толкуя их подробности, причины и следствия. Разнообразие местных источников сообщает тому и другому своду значение общерусской летописи, а разнообразие местных интересов и сочувствий вносит в оба свода много живости и движения, делая их верным зеркалом настроения, чувств и понятий тогдашнего русского общества. Читая, например, по Ипатьевскому списку рассказ о шумной борьбе Изяслава Мстиславича с черниговскими князьями (1146—1154), мы слышим поочередно голос то киевского летописца, сочувственный Изяславу, то летописца черниговского, радеющего об интересах его противников, а со времени вмешательства в борьбу князей Юрия суздальского и Владимира галицкого к хору центральных летописцев присоединяются голоса бытописателей этих далеких друг от друга окраин

Русской земли. Благодаря тому, вчитываясь в оба свода, вы чувствуете себя как бы в широком общерусском потоке событий, образующемся из слияния крупных и мелких местных ручьев. Под пером летописца XII в. все дышит и живет, все безустанно движется и без умолку говорит; он не просто описывает события, а драматизирует их, разыгрывает перед глазами читателя. Таким драматизмом изложения особенно отличается Ипатьевский список. Несмотря на разноголосицу чувств и интересов, на шум и толкотню описываемых событий, в летописном рассказе нет хаоса: все события мелкие и крупные стройно укладываются под один взгляд, которым летописец смотрит на мировые явления.

Исторические воззрения летописца.

Этот исторический взгляд так сросся с настроением, со всем духовным складом летописца, что его можно назвать *летописным*, хотя его разделяли люди одинакового с летописцем настроения или мышления, не принимавшие никакого участия в летописном деле. Этот взгляд имеет большое значение в историографии, потому что пережил летописанье и долго управлял мышлением ученых историков: они долго продолжали смотреть на явления человеческой жизни глазами летописца, даже когда покинули летописные приемы их обработки и изложения. Потому, кажется мне, этот взгляд заслуживает нашего внимания. Научная задача историка, как ее теперь понимают, состоит в уяснении происхождения и развития человеческих обществ. Летописца гораздо более занимает сам человек, его земная и особенно загробная жизнь. Его мысль обращена не к начальным, а к конечным причинам существующего и бывающего. Историк-прагматик изучает генезис и механизм людского общежития; летописец ищет в событиях нравственного смысла и практических уро-

ков для жизни; предметы его внимания—историческая телеология и житейская мораль. На мировые события он смотрит самоуверенным взглядом мыслителя, для которого механика общежития не составляет загадки: ему ясны силы и пружины, движущие людскую жизнь. Два мира противостоят и борются друг с другом, чтобы доставить торжество своим непримиримым началам добра и зла. Борцами являются ангелы и бесы. У дня и ночи, у света и мрака, у снега и града, у весны, лета, осени и зимы есть свой ангел, ко всему, ко всем творениям приставлены ангелы. Так и ко всякому человеку, ко всякой земле, даже языческой, приставлены ангелы охранять их от зла, помогать им против лукавого. И у противной стороны есть сильные средства и способы действия: это—бесовские козни и злые люди. Бесы подтолкнут человека на зло и сами же над ним смеются, ввергнув его в пропасть смертную. Прельщают они видениями, волхвованиями, особенно женщин, и разными козпями наводят людей на зло. А злой человек хуже самого беса: бесы хоть Бога боятся, а злой человек «ни Бога ся боит, ни человек ся стыдит». Но и у бесов есть своя слабость; умея внушить людям злые помыслы, они не знают мыслей человеческих, которые ведает только Бог, и потому, пуская свои лукавые стрелы наугад, часто промахиваются. Борьба обоих миров идет из-за человека. Куда, к какому концу направляется житейский водоворот, производимый борьбой, и как в нем держаться человеку—вот главный предмет внимания для летописца. Жизнь дает человеку указания, предостерегающие и вразумляющие; надобно только уметь замечать и понимать их. Летописец описывает нашествия поганых на Русскую землю, беды, какие она терпит от них. Зачем попускает Бог неверным торжествовать над христианами?

Не думай, что Бог любит первых больше, чем последних: нет, Он попускает поганым торжествовать над ними не потому, что их любит, а потому, что нас милует и хочет сделать достойными своей милости, чтобы мы, вразумленные несчастиями, покинули путь нечестия. Поганые—это батог, которым Провидение исправляет детей своих. „Бог бо казнит рабы своя напастьми различными, огнем и водою и ратью и иными различными казньми; хрестьянину бо многими напастьми внити в царство небесное". Так историческая жизнь служит нравственно-религиозной школой, в которой человек должен научиться познавать путь Провидения. Горе ему, если он разойдется с этими путями. Игорь и Всеволод Святославичи, побив половцев, мечтают о славе, какая ждет их, когда они прогонят поганых к самому морю, „куда еще не ходили деды наши, а возьмем до конца свою славу и честь". Говорили они так, не ведая „Божия строения", предназначившего им поражение и плен. Все провозвещает эти пути, не только исторические события, но и физические явления, особенно необычайные знамения небесные. Отсюда напряженный интерес летописца к явлениям природы. В этом отношении его программа даже шире, чем у современного историка: у него природа прямо вовлечена в историю, является не источником стихийных, часто роковых влияний, то возбуждающих, то угнетающих дух человека, даже не просто немой обстановкой человеческой жизни; она сама—живое, действующее лицо истории, живет вместе с человеком, радеет ему, знамениями вещает ему волю Божию. У летописца есть целое учение о знамениях небесных и земных и об их отношении к делам человеческим. Знамения бывают либо к добру, либо ко злу. Землетрясения, затмения, необычайные звезды, наводнения—все такие редкие, знаменательные явления не

на добро бывают, проявляют либо рать, усобицу, голод, мор, либо чью смерть. Согрешит какая-либо земля,—Бог казнит ее голодом, нашествием поганых, зноем, либо иной какой казнью.

Так летописец является моралистом, который видит в жизни человеческой борьбу двух начал, добра и зла, Провидения и диавола, а человека считает лишь педагогическим материалом, который Провидение воспитывает, направляя его к высоким целям, ему предначертанным. Добро и зло, внешние и внутренние бедствия, самые знамения небесные—все в руках Провидения служит воспитательным средством для человека, пригодным материалом для „строения Божия“, мирового нравственного порядка, созидаемого Провидением. Летописец более всего рассказывает о политических событиях и о международных отношениях; но взгляд его по существу своему церковно-исторический. Его мысль сосредоточена не на природе действующих в истории сил, известной ему из других источников, а на образе их действий по отношению к человеку и на уроках, какие человек должен извлекать для себя из этого образа действий. Эта дидактическая задача летописанья и сообщает спокойствие и ясность рассказу летописца, гармонию и твердость его суждениям. Познакомив вас с основным источником для изучения древнейшего периода нашей истории, перейду к изложению фактов этого периода.

Лекция VII.

Главные факты I периода русской истории.— Два взгляда па ее начало.—Народы, обитавшие в южной России до восточных славян, и их отношение к русской истории. — Какие факты можно признавать начальными в истории народа?—Предание Начальной летописи о расселении славян с Дуная.—Иорнанд о размещении славян в VI в. — Военный союз восточных славян на Карпатах. — Расселение восточных славян по русской равнине, его время и признаки.—Обособление восточного славянства, как следствие расселения.

Приступая к изучению первого периода нашей истории, напомню его пределы и то господствующее сочетание общественных элементов, которое направляло русскую жизнь в это время.

I период русской истории.

Я веду этот период с древнейших времен до конца XII или до начала XIII в. Не могу точнее обозначить его конечного предела. Никакое поворотное событие не отделяет резко этого периода от последующего. Нашествие монголов нельзя признать таким раздельным событием: монголы застали Русь на походе, во время передвижки, которую ускорили, но которой не вызвали; новый склад жизни завязался до них. Около половины XI в. территория, на которой сосредоточивалась главная масса русского населения, тянулась длинной и довольно узкой полосой по среднему и верхнему Днепру с его притоками и далее на север через водораздел до устьев Волхова. Эта терри-

тория политически раздроблена на области, «волости», в каждой из которых политическим средоточием служил большой торговый город, первый устроитель и руководитель политического быта своей области. Эти города мы будем называть *волостными*, а руководимые ими области *городовыми*. Вместе с тем эти же волостные города служили средоточиями и руководителями и экономического движения, направлявшего хозяйственный быть тогдашней Руси, внешней торговли. Все другие явления этого времени, учреждения, социальные отношения, нравы, успехи знания и искусства, даже нравственно-религиозной жизни, были прямыми или отдаленными последствиями совокупного действия двух указанных факторов, волостного торгового города и внешней торговли. Первый и самый трудный вопрос, представляющийся при изучении этого периода, касается того, как и какими условиями создан был обозначенный склад политических и экономических отношений, когда появилось на указанной полосе славянское население и чем вызваны были к действию оба указанные фактора.

Два взгляда на ее начало

В нашей исторической литературе преобладают два различные взгляда на начало нашей истории. Один из них изложен в критическом исследовании о древнерусских летописях, составленном членом русской Академии Наук XVIII в., знаменитым ученым немцем Шлёцером на немецком языке и изданном в начале прошлого века. Вот основные черты Шлёцерова взгляда, которого держались Карамзин, Погодин, Соловьев. До половины IX в., т.-е. до прихода варягов, на обширном пространстве нашей равнины от Новгорода до Киева по Днепру направо и налево все было дико и пусто, покрыто мраком: жили здесь люди, но без правления, подобно зверям и птицам, наполнявшим их леса. В эту обширную

пустыню, заселенную бедными, разбросанно жившими дикарями, славянами и финнами, начатки гражданственности впервые были занесены пришельцами из Скандинавии варягами около половины IX в. Известная картина нравов восточных славян, как ее нарисовал составитель Повести о начале Русской земли, повидимому оправдывала этот взгляд. Здесь читаем, что восточные славяне до принятия христианства жили „зверинским образом, скотски“ в лесах, как все звери. убивали друг друга, ели все нечистое, жили уединенными, разбросанными и враждебными один другому родами: „живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим“. Итак, нашу историю следует начинать не раньше половины IX в. изображением тех первичных исторических процессов, которыми везде начиналось человеческое общежитие, картиной выхода из первобытного дикого состояния. Другой взгляд на начало нашей истории прямо противоположен первому. Он начал распространяться в нашей литературе несколько позднее первого, писателями XIX в. Наиболее полное выражение его можно найти в сочинениях профессора Московского университета Беляева и г. Забелина в I томе его «Истории русской жизни с древнейших времен». Вот основные черты их взгляда. Восточные славяне искони обитали там, где знает их наша Начальная летопись; здесь, в пределах русской равнины, они поселились, может быть, еще за несколько веков до Р. Х. Обозначив так свою исходную точку, ученые этого направления изображают долгий и сложный исторический процесс, которым из первобытных мелких родовых союзов выростали у восточных славян целые племена, среди племен возникали города, из среды этих городов подымались главные или старшие города, соста-

влявшие с младшими городами или пригородами племенные политические союзы полян, древлян, северян и других племен, и, наконец, главные города разных племен приблизительно около эпохи призвания князей начали соединяться в один общерусский союз. При схематической ясности и последовательности эта теория несколько затрудняет изучающего тем, что такой сложный исторический процесс развивается ею вне времени и исторических условий: не видно, к какому хронологическому пункту можно было бы приурочить начало и дальнейшие моменты этого процесса и как, в какой исторической обстановке он развивался. Следуя этому взгляду, мы должны начинать нашу историю задолго до Р. Х., едва ли не со времен Геродота, во всяком случае за много веков до призвания князей, ибо уже до их прихода у восточных славян успел установиться довольно сложный и выработанный общественный строй, отлившийся в твердые политические формы. Войдем в разбор уцелевших известий и преданий о наших славянах и тогда получим возможность оценить оба сейчас изложенные взгляда.

Дославянское заселение южной России.

Что разуметь под началом истории какого-либо народа? С чего начинать его историю? Древние греческие и римские писатели сообщают нам о южной степной России ряд известий, неодинаково достоверных, полученных ими через посредство греческих колоний по северным берегам Черного моря от купцов или по личным наблюдениям. До нашей эры разные кочевые народы, приходившие из Азии, господствовали здесь один за другим, некогда киммериане, потом при Геродоте скифы, позднее, во времена римского владычества, сарматы. Около начала нашей эры смена пришельцев учащается, номенклатура варваров в древней Скифии становится сложнее, запутаннее. Сарматов

сменили или из них выделились геты, языги, роксаланы, аланы, бастарны, даки. Эти народы толпятся к нижнему Дунаю, к северным пределам Империи, иногда вторгаются в ее области, скучиваются в разноплеменные рассыпчатые громады, образуют между Днепром и Дунаем обширные, но скоропреходящие владения, каковы были перед Р. Х. царства гетов, потом даков и роксалан, которым римляне даже принуждены были платить дань или откуп. Видно, что подготовлялось великое переселение народов. Южная Россия служила для этих азиатских проходцев временной стоянкой, на которой они готовились сыграть ту или другую европейскую роль, пробравшись к нижнему Дунаю или перевалив за Карпаты. Эти народы, цепью прошедшие на протяжении веков по южно-русским степям, оставили здесь после себя бесчисленные курганы, которыми усеяны обширные пространства между Днестром и Кубанью. Над этими могильными насыпями усердно и успешно работает археология и открывает в них любопытные исторические указания, пополняющие и проясняющие древних греческих писателей, писавших о нашей стране. Некоторые народы, подолгу заживавшиеся в припонтийских степях, например скифы, входили через здешние колонии в довольно тесное соприкосновение с античной культурой. Вблизи греческих колоний появлялось смешанное эллино-скифское население. Скифские цари строили дворцы в греческих городах, скифская знать ездила в самую Грецию учиться; в скифских курганах находят вещи высоко-художественной работы греческих мастеров, служившие обстановкой скифских жилищ. Все эти данныя имеют большую общеисторическую цену; но они относятся больше к истории нашей страны. чем к истории нашего народа. Наука пока не в состоянии уловить прямой исторической связи этих азиатских посе-

Его значение.

тителей южной Руси с славянским населением, позднее здесь появляющимся, как и влияния их художественных заимствований и культурных успехов на быт полян, северян и проч. Присутствия славян среди этих древних народов не заметно. И сами эти народы остаются этнографическими загадками. Историческая этнография, изучая происхождение всех этих народов, пыталась выяснить, какие из них принадлежали к кельтскому и какие к германскому или славянскому племени. В такой постановке вопроса есть, кажется, некоторое методологическое недоразумение. Эти племенные группы, на которые мы теперь делим европейское население, не суть какое-либо первобытное извечное деление человечества: они сложились исторически и обособились в свое время каждая. Искать их в скифской древности значит приурочивать древние племена к позднейшей этнографической классификации. Если эти племена и имели общую генетическую связь с позднейшим населением Европы, то отдельным европейским народам трудно найти среди них своих прямых специальных предков и с них начинать свою историю.

Начальные факты в истории народа.

Начало истории народа должно обозначаться какими-либо более явственными, уловимыми признаками. Их надобно искать прежде всего в памяти самого народа. Первое, что запомнил о себе народ, и должно указывать путь к началу его истории. Такое воспоминание не бывает случайным, безпричинным. Народ есть население, не только совместно живущее, но и совокупно действующее, имеющее общий язык и общие судьбы. Потому, в народной памяти обыкновенно надолго удерживаются события, которые впервые коснулись всего народа, в которых весь он принял участие и через это совокупное участие впер-

вые почувствовал себя единым целым. Но такие события обыкновенно не проходят безследно не только для народной памяти, но и для народной жизни: они выводят составныя части народа из разрозненного состояния, соединяют его силы для какой-либо общей цели и закрепляют это соединение какой-либо связующей, для всех обязательной формой общежития. Таковы, по моему мнению, два тесно связанные между собою признака, обозначающие начало истории народа; самое раннее воспоминание его о самом себе и самая ранняя общественная форма, объединившая его в каком-либо совокупном действии. Найдем ли такие признаки в истории нашего народа?

Расселение славян с Дуная.

Составитель Начальной летописи не поможет нам в этом искании. У него другая точка зрение: он панславист; исходя из своей идеи первобытного единства славянства, он прежде всего старается связать ранния судьбы родной Руси с общей историей славян. Начальная летопись не помнит времени прихода славян из Азии в Европу. В ученом этнографическом очерке, поставленном во главе Повести временных лет, она застает славян уже на Дунае. Из этой придунайской страны, которую она называет землею Венгерской и Болгарской, славяне расселились в разные стороны. Оттуда же вышли и те славяне, которые поселились по Днепру, его притокам и далее к северу. Летопись рассказывает, что когда *волхи* напали на славян дунайских, сели среди них и начали их угнетать, одни славяне ушли и сели по Висле прозвавшись ляхами, другие пришли на Днепр и прозвались полянами, а поселившиеся в лесах—древлянами и т. д. Волхи или волохи—это, по мнению исследователей, римляне. Речь идет о разрушении императором Траяном царства даков, которым его предшественник Домициан

принужден был платить дань. Это указание на присутствие славян в составе Дакийского царства и о передвижении части их с Дуная на северо-восток от римского нашествия в начале II в. по Р. Х.—одно из самых ранних исторических воспоминаний славянства и отмечено, если не ошибаюсь, только нашей летописью; трудно лишь догадаться, из какого источника оно заимствовано. Но его нельзя принять за начало нашей истории: оно касалось не одних восточных славян и притом говорит о разброде славянства, а не о сформировании среди него какого-либо союза.

Известие Иорнанда.

Наша летопись не помнит явственно, чтобы восточные славяне где-либо надолго останавливались по пути с Дуная к Днепру; но, сопоставляя ее смутные воспоминания с иноземными известиями, узнаем о такой промежуточной остановке. В III в. по Р. Х. наша страна подверглась новому нашествию, но с необычной стороны, не с востока, из Азии, а из Европы, с Балтийского моря: это были отважные мореходы готы, которые по рекам нашей равнины проникали в Черное море и громили Восточную империю. В IV в. их вождь Германарих завоеваниями образовал из обитателей нашей страны обширное царство. Это было первое исторически известное государство, основанное европейским народом в пределах нынешней России. В состав ее входили различные племена восточной Европы, в названиях которых можно распознать эстов, мерю, мордву—все будущих соседей восточных славян. Были покорены Германарихом и венеты или веneды, как называли западные латинские писатели славян с начала нашей эры. Историк готов Иорнанд, который сообщает эти известия о царстве Германариха, не указывает, где тогда жили эти венеты, собственное имя кото-

рых (Σκλάβοι) в византийских известиях появляется с конца V в. Зато этот латинский писатель VI в., хорошо знакомый с миром задунайских варваров и сам варвар по происхождению, родом из Мизии, с нижнего Дуная, обстоятельно очерчивает современное ему географическое размещение славян. Описывая Скифию своего времени, он говорит, что по северным склонам высоких гор от истоков Вислы на обширных пространствах сидит многолюдный народ венетов. Хотя теперь, продолжает Иорнанд, они зовутся различными именами по разности родов и мест поселения, но главные их названия *склавены* и *анты*. Первые обитают на север до Вислы, а на восток *до Днестра* (usque ad Danastrum); леса и болота заменяют им города. Вторые, самые сильные из венетов, простираются по изогнутому побережью Черного моря от Днестра до Днепра. Значит, славяне собственно занимали тогда Карпатский край. Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны. Эти карпатские славяне с конца V в., когда греки стали знать их под их собственным именем, и в продолжение всего VI в. громили Восточную империю, переходя за Дунай: не даром тот же Иорнанд с грустью замечает, что славяне, во времена Германариха столь ничтожные, как ратники, и сильные только численностью, «ныне по грехам нашим свирепствуют всюду». Следствием этих усиленных вторжений, начало которых относят еще к III в., и было постепенное заселение Балканского полуострова славянами. Итак, прежде чем восточные славяне с Дуная попали на Днепр, они долго оставались на карпатских склонах; здесь была промежуточная их стоянка.

Военный союз славян на Карпатах в VI в.

Продолжительный вооруженный напор карпатских славян на Империю смыкал их в военные союзы. Карпатские славяне вторгались в пределы Восточной империи не целыми племенами, как германцы наводняли провинции Западной империи, а вооруженными ватагами или дружинами, выделявшимися из разных племен. Эти дружины и служили боевой связью отдельных разобщенных племен. Находим следы такого союза, в состав которого входили именно восточные славяне. Повесть временных лет по всем признакам составлена в Киеве: составитель ее с особенным сочувствием относится к киевским полянам, отличая их «кроткий и тихий обычай» от звериных нравов всех других восточных славянских племен, да и знает о них больше, чем о других племенах. Она ничего не говорит ни о готах Германариха, ни о гуннах, вскоре после него затопивших его царство. Но она помнит ряд более поздних вражеских нашествий, испытанных славянами, говорит о болгарах, обрах, хазарах, печенегах, уграх. Однако до хазар она ничего не запомнила о своих любимых полянах, кроме предания об основании Киева. Народные потоки, пронесшиеся по южной России и часто дававшие больно чувствовать себя восточным славянам, как будто ничем не задевали восточного славянского племени, ближе всех к ним стоявшего, полян. В памяти киевского повествователя XI в. уцелело от тех далеких времен предание только об одном восточном славянском племени, но таком, которое жило далеко от Киева и в XI в. не принимало видного участия в ходе событий. Повесть рассказывает о нашествии аваров на дулебов (в VI—VII вв.):

„Те же обры воевали со славянами и покорили дулебов, тоже славян, и притесняли женщин дулебских: собираясь ехать, обрин не давал запрягать ни коня, ни

вола, а приказывал заложить в телегу 3, 4, 5 женщин и они везли его; так мучили они дулебов. Были обры телом велики, а умом горды, и истребил их Бог, перемерли все, не осталось ни единого обрина, и есть поговорка на Руси до сего дня *«погибоша аки обре»*.

Вероятно, благодаря этой исторической поговорке и попало в Повесть предание об обрах, которое носит на себе черты былины, исторической песни, составляющей, может-быть, отдаленный отголосок целого цикла славянских песен об аварах, сложившегося на карпатских склонах. Но где были во время этого нашествия поляне и почему одним дулебам пришлось так страдать от обров? Неожиданно с другой стороны идет к нам ответ на этот вопрос. В сороковых годах X в., лет за сто до составления Повести временных лет, писал о восточных славянах араб Масуди в своем географическом сочинении *Золотые луга*. Здесь он рассказывает, что одно из славянских племен, коренное между ними, некогда господствовало над прочими, верховный царь был у него, и этому царю повиновались все прочие цари; но потом пошли раздоры между их племенами, союз их разрушился, они разделились на отдельные колена, и каждое племя выбрало себе отдельного царя. Это господствовавшее некогда славянское племя Масуди называет *валинана* (волыняне), а из нашей Повести мы знаем, что волыняне— те же дулебы и жили по Западному Бугу. Можно догадываться, почему киевское предание запомнило одних дулебов из времен аварского нашествия. Тогда дулебы господствовали над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные славяне стали зваться *Русью* по имени главной области в Русской земле, ибо Русью первоначально называ-

лась только Киевская область. Во время аварского нашествия еще не было ни полян, ни самого Киева, и масса восточного славянства сосредоточивалась западнее, на склонах и предгорьях Карпат, в краю обширного водораздела, откуда идут в разные стороны Днестр, оба Буга, притоки верхней Припети и верхней Вислы.

Итак, мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI в. большой военный союз под предводительством князя дулебов. Продолжительная борьба с Византией завязала этот союз, сомкнула восточное славянство в нечто целое. На Руси во времена Игоря еще хорошо помнили об этой первой попытке восточных славян сплотиться, соединить свои силы для общего дела, так что арабский географ того времени успел записать довольно полное известие об этом. Сто лет спустя, во времена Ярослава I, русский повествователь отметил только поэтический обрывок этого исторического воспоминания. Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она, повторю, началась в VI в. на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат.

Расселение по русской равнине

Отсюда, с этих склонов восточные славяне в VII в. постепенно расселялись по равнине. Это расселение можно признать вторым начальным фактом нашей истории. И этот факт оставил некоторые следы в нашей Повести, так же значительно проясняющиеся при сопоставлении их с иноземными известиями. Византийские писатели VI и начала VII в. застают задунайских славян в состоянии необычайного движения. Император Маврикий (582—602 г.), долго боровшийся с этими славянами, пишет, что они живут точно разбойники, всегда готовые подняться с места, поселками, разбросанными по лесам и по берегам

многочисленных рек их страны. Прокопий, писавший несколько ранее, замечает, что славяне живут в плохих хижинах, разбросанных поодиночке, на далеком одна от другой расстоянии, и постоянно переселяются. Причина этой подвижности открывается из ее следствий. Византийцы говорят о вторжениях задунайских славян в пределы Империи до второй четверти VII в.; приблизительно с этого времени одновременно прекращаются и эти вторжения, и византийские известия о задунайских славянах: последние исчезают куда-то и снова появляются в византийских сказаниях уже в IX в., когда они опять начинают нападать на Византию с другой стороны, морским путем, и под новым именем Руси. О судьбе восточных славян в этот длинный промежуток VII—IX веков находим у византийцев мало надежных известий. Прекращение славянских набегов на Империю было следствием отлива славян с Карпат, начавшегося или усилившегося со второй четверти VII в. Этот отлив совпадает по времени с аварским нашествием на восточных славян, в котором можно видеть его причину. Наша Повесть временных лет не говорит ни о пятивековой карпатской стоянке славян, ни об этой вторичной их передвижке оттуда в разные стороны; но она отмечает некоторые отдельные ее признаки и следствия. В очерке расселения славян с Дуная она отчетливо отличает западных славян, мораву, чехов, ляхов, поморян, от восточных—хорватов, сербов и хорутан. Славян, расселившихся по Днепру и другим рекам нашей равнины, она ведет от восточной ветви, а местопребыванием племен, ее составлявших, где потом знают византийские писатели этих хорватов и сербов, была страна Карпат, нынешняя Галиция с областью верхней Вислы. Хорватов здесь знает и наша Начальная лето-

Его признаки.

нись даже в X в.: они участвуют в походе Олега на греков 907 года; с ними воюет Владимир в 992 году. Не помня ясно о приходе днепровских славян с Карпат, летопись однако запомнила один из последних моментов этого расселения. Размещая восточно-славянские племена по Днепру и его притокам, она рассказывает, что были в ляхах два брата Радим и Вятко, которые пришли со своими родами и сели Радим на Соже, а Вятко на Оке; от них и пошли радимичи и вятичи. Поселение этих племен за Днепром дает некоторое основание думать, что их приход был одним из поздних приливов славянской колонизации: новые пришельцы уже не нашли себе места на правой стороне Днепра и должны были продвинуться далее на восток, за Днепр. С этой стороны вятичи очутились самым крайним племенем русских славян. Но почему эти племена летопись выводит „от ляхов“? Это значит, что они пришли из прикарпатской страны: область указанного водораздела, Червонная Русь, древняя страна хорватов в XI в., когда написана рассказывающая об этом Повесть временных лет, считалась уже ляшской страной и была предметом борьбы Руси с Польшей.

Его время.

Так, сопоставляя смутные воспоминания этой Повести с иноземными известиями, не без усилий и не без участия предположений получаем некоторую возможность представить себе, как подготовлялись оба начальные факта нашей истории. Приблизительно ко II в. по Р. X. народные потоки прибили славян к среднему и нижнему Дунаю. Прежде они терялись в разноплеменном населении Дакийского царства и только около этого времени начали выделяться из сарматской массы, обособляться в глазах иноземцев, как и в собственных воспоминаниях. Тацит еще недоумевает, кому сроднее венеды: германцам, или ко-

чевникам-сарматам, и Иорнанд припоминает, что Никополь на Дунае основан Траяном после побед над сарматами. Но наша летопись помнит, что от волохов, т.-е. от римлян Траяна, тяжко пришлось славянам, которые вынуждены были покидать свои дунайские жилища. Но восточные славяне, принесшие на Днепр это воспоминание, пришли сюда не прямо с Дуная, совершив непрерывную перекочевку: это была медленная передвижка с остановкой на Карпатах, длившейся со II до VII в. Авары дали толчок дальнейшему движению карпатских славян в разные стороны. В V и VI вв. в средней и восточной Европе очистилось много мест, покинутых германскими племенами, которых гуннское нашествие двинуло на юг и запад в римские провинции. Аварское нашествие оказало подобное же действие на славянские племена, двинув их на опустелые места. Рассказ Константина Багрянородного о призыве сербов и хорватов на Балканский полуостров имп. Ираклием в VII в. для борьбы с аварами заподозрен исторической критикой и наполнен сомнительными подробностями; но в основе его, кажется, лежит нечто действительное. Во всяком случае VII век был временем, когда в той или другой связи с аварским движением возник ряд славянских государств (Чешское, Хорватское, Болгарское). В этот же век по местам, где прежде господствовали готы, стали расселяться восточные славяне, как в стране, где прежде сидели вандалы и бургунды, тогда же расселялись ляхи.

Обособление славян восточных

Изучая начало нашей истории, мы сейчас видели, как выделялись славяне из этнографической массы с неопределенными племенными обликами, некогда наседавшей восточную припонтийскую Европу. В VII в., когда уже было известно собственное родовое имя славян, мы замечаем

признаки их внутреннего видового разделения, местного и племенного. Трудно обозначить с точностью время, к которому можно было бы приурочить обособление их западной и восточной ветви; но до VII в. видим, что их судьбы складываются в тесной взаимной связи, в зависимости от одинаковых или сходных обстоятельств и влияний. С этого века, когда в жизни восточных славян обозначались явления, которые можно признать начальными фактами нашей истории, эти славяне; расселяясь с Карпат, вступают под действие особых местных условий, сопровождающих и направляющих их жизнь на протяжении многих дальнейших столетий. Наблюдая, как они устроялись на новых местах жительства, мы будем следить за происхождением и действием этих новых условий.

Лекция VIII.

Следствия расселения восточных славян по русской равнине. 1) Юридические. Быт восточных славян в эпоху расселения.— Влияние колонизации на разрушение родового союза и на взаимное сближение родов; смена рода двором.—Отражение этих фактов в мифологии русских славян. — Очерк их мифологии. Культ природы.—Почитание предков. — Отражение тех же фактов в формах языческого брака у русских славян и в их семейном праве.— 2) Следствия экономические. Давнее торговое движение по Днепру.— Греческия колонии по северным берегам Черного моря. — Следы ранних торговых сношений русских славян с хазарским и арабским Востоком и с Византией.—Влияние хазарского ига на успехи этой торговли. — Происхождение древнейших русских городов.

Следствия расселения.

В продолжение VII и VIII в., во время аварского владычества по обоим сторонам Карпат, восточной и западной, восточная ветвь славян, занимавшая северо-восточные склоны этого хребта, мало-по-малу отливала на восток и северо-восток. Вот факт, на изучении которого мы остановились. Он сопровождался для восточных славян разнообразными последствиями юридическими, экономическими и политическими. Из этих следствий и слагался тот быт восточных славян, который мы наблюдаем, читая рассказ Начальной летописи о Русской земле IX—XI вв. Остановимся прежде всего на последствиях юридических, какими сопровождалось расселение восточных славян.

Следы родового быта.

На Карпатах эти славяне повидимому жили еще первобытными родовыми союзами. Черты такого быта мелькают

в неясных и скудных византийских известиях о славянах VI и начала VII в. По этим известиям славяне управлялись многочисленными царьками и филархами, т.-е. племенными князьками и родовыми старейшинами, и имели обычай собираться на совещания об общих делах. По-видимому речь идет о родовых сходах и племенных вечах. В то же время византийские известия указывают на недостаток согласия, на частые усобицы между славянами—обычный признак жизни мелкими разобщенными родами. Если что можно извлечь из этих указаний, то разве одно предположение, что уже в VI в. мелкие славянские роды начинали смыкаться в более крупные союзы, колена или племена, хотя родовая обособленность еще преобладала. Смутное предание донесло из того времени имя лишь одного восточного славянского племени—дулебов, стоявшего во главе целого военного союза. Трудно представить себе, как среди господствовавшей родовой и племенной розни составлялся и действовал этот союз. Мы привели его в связь с продолжительными набегами карпатских славян на Восточную Империю. По своим целям и составу он представлял ассоциацию столь непохожую на родовые и племенные союзы, что мог действовать рядом с ними, не трогая прямо их основ. Это были ополчения боевых людей, выделявшихся из разных родов и племен на время похода, по окончании которого уцелевшие товарищи расходились, возвращаясь в среду своих родичей, под действие привычных отношений. Подобным образом и впоследствии племена восточных славян участвовали в походах киевских князей на греков. С нашествием аваров, когда прекратились славянские набеги на Империю и началось расселение славян, этот союз должен был сам собою распасться.

Неясность форм общежития.

Еще труднее уяснить себе, какая форма общежития господствовала у восточных славян в эпоху их расселения по нашей равнине. Повесть о начале Русской земли, описывая их размещение, пересчитывает племена, на которые они делились, указывая, где поселилось каждое. Вы помните, как она рассаживает по равнине всех этих полян, древлян, волынян, северян, радимичей, вятичей, кривичей, полочан, дреговичей, славян новгородских. Мы уже знаем гидрографическое основание такого размещения: племена поселились по речным бассейнам западной половины страны, принимая за раздельную черту обоих половин линию по верхнему меридианальному течению р. Оки. Но трудно решить, что такое были эти племена, плотные ли политические союзы, или простые географические группы населения, ничем не связанные политически. Масуди пишет, что по распадении союза под руководством волынян восточные славяне разделились на отдельные колена и каждое племя выбрало себе особого царя. В нашей Повести временных лет этому преданию отвечает известие, что после Кия с братьями род их начал держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, у дреговичей свое и т. д. Ученый редактор Повести, оспаривая мнение, будто Кий был простым днепровским перевозчиком, представляет его знатным человеком, княжившим в своем роде. Выходит, что и этот род после своего родоначальника княжил в целом племени полян, был как бы племенной полянской династией и что подобные династии существовали и у других племен. Но не видно, в каких формах выражалось владетельное значение этих племенных династий. Предание не запомнило имени ни одного племенного князя. Мал, неудачный жених Игоревой вдовы, является одним из древлянских князей, вла-

детелем Искоростена, а не всего племени древлян. Ходота, какой-то влиятельный человек среди вятичей, против которого Владимир Мономах предпринимал два зимних похода, в его *Поучении* даже не назван князем и упомянут вскользь, так что его политическая физиономия остается совершенно в тумане. Может быть, мелкие родовые князьки того или другого племени, считая себя потомками общего предка, подобного полянскому Кию, поддерживали между собою какие-либо генеалогические связи, собирались на племенные веча, как это делали карпатские филархи, или на поминальные празднества в честь обоготворенного родоначальника. В историческом вопросе чем меньше данных, тем разнообразнее возможные решения и тем легче они даются.

Влияние расселения на родовой быт.

Повидимому, в эпоху расселения родовой союз оставался господствующей формой быта у восточных славян. По крайней мере Повесть временных лет только эту форму изображает с некоторой отчетливостью: «живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим». Это значит, что родственники жили особыми поселками, не вперемежку с чужеродцами. Но это едва ли были первобытные цельные родовые союзы: ход расселения должен был разбивать такое общежитие. Родовой союз держится крепко, пока родичи живут вместе плотными кучами; но колонизация и свойства края, куда она направлялась, разрушали совместную жизнь родичей. Расселяясь по равнине, восточные славяне заняли преимущественно лесную ее полосу. К ней относится замечание Иорнанда, который, описывая пространство к востоку от Днестра, по Днепру и Дону, говорит, что это весьма обширная страна, покрытая лесами и непроходимыми болотами (terra vastissima, silvis con-ita, paludibus dubia). Самый

Киев возник на южной опушке этого громадного леса. В этом пустынном лесистом краю пришельцы занялись ловлей пушных зверей, лесным пчеловодством и хлебопашеством. Пространства, удобные для этих промыслов, не шли обширными сплошными полосами: среди лесов и болот надобно было отыскивать более открытые и сухие места и расчищать их для пашни или делать в лесу известные приспособления для звероловства и пчеловодства. Такие места являлись удаленными один от другого островками среди моря лесов и болот. На этих островках поселенцы и ставили свои одинокие дворы, окапывали их и расчищали в окрестности поля для пашни, приспособляя в лесу борти и ловища. В пределах древней Киевской Руси до сих пор уцелели остатки старинных укрепленных селений, так-называемые *городища*. Это обыкновенно округлые, реже угловатые пространства, очерченные иногда чуть заметным валом. Такие городища рассеяны всюду по Приднепровью на расстоянии 4—8 верст другъ от друга. Их происхождение еще в языческую пору доказывается соседством курганов, древних могильных насыпей. Раскопка этих насыпей показала, что лежащих в них покойников хоронили еще по-язычески. Не думайте, что эти городища — остатки настоящих значительных городов: пространство, очерченное кольцеобразным валом, обыкновенно едва достаточно, чтобы вместить в себе добрый крестьянский двор. Как возникли и что такое были эти городища? Я думаю, что это остатки одиноких укрепленных дворов, какими расселялись некогда восточные славяне и на которые указывает византийский писатель Прокопий, говоря, что задунайские славяне его времени жили в плохих, разбросанных поодиночке хижинах. Такие одинокие дворы или, говоря иначе, однодворные де-

ревни ставили славянские поселенцы, селясь по Днепру и по его притокам. Такими однодворными деревнями и впоследствии колонизовалось верхнее Поволжье. Дворы окапывались земляными валами, вероятно, с частоколом, для защиты от врагов, а особенно для обороны скота от диких зверей. Из таких одиноких дворов вырос и самый город Киев. Повесть временных лет помнит об основании этого города—знак, что он возник в сравнительно близкое к ней время. Предание рассказывает, что на горном берегу Днепра, на трех соседних холмах поселились три брата, занимавшиеся звероловством в окрестных лесах. Они построили здесь городок, который назвали по имени Кия, старшего брата, Киевом. Так Киев возник из трех однодворных деревень с общим укрепленным убежищем, которые поставлены были тремя звероловами, когда-то поселившимися на берегу Днепра. Как старший брат, Кий был князем в первоначальном смысле родового старейшины; местное предание или предположение ученого редактора летописи превратило его в знатного родоначальника владетельного города в племени полян, в князя, как понимали это слово в XI в.

Смена рода двором.

Такой ход расселения неизбежно должен был колебать крепкие дотоле родовые союзы восточных славян. Родовой союз держался на двух опорах: на власти родового старшины и на нераздельности родового имущества. Родовой культ, почитание предков освящало и скрепляло обе эти опоры. Но власть старшины не могла с одинаковой силой простираться на все родственные дворы, разбросанные на обширном пространстве среди лесов и болот. Место родовладыки в каждом дворе должен был заступить домовладыка, хозяин двора, глава семейства. В то же время характер лесного и земледельческого хозяйства, завязав-

шегося в Поднепровье, разрушал мысль о нераздельности родового имущества. Лес приспособлялся к промыслам усилиями отдельных дворов, поле расчищалось трудом отдельных семейств; такие лесные и полевые участки рано должны были получить значение частного семейного имущества. Родичи могли чтить общего родового деда, хранить родовые обычаи и предания; но в области права, в практических житейских отношениях обязательная юридическая связь между родичами расстраивалась все более. Это наблюдение или эту догадку мы припомним, когда в древнейших памятниках русского гражданского права будем искать и не найдем явственных следов родового порядка наследования. В строе частного гражданского общежития старинный русский *дворъ*, сложная семья домохозяина с женой, детьми и неотделенными родственниками, братьями, племянниками, служил переходной ступенью от древнего рода к новейшей простой семье и соответствовал древней римской *фамиліи*. Это разрушение родового союза, распадение его на дворы или сложные семьи оставило по себе некоторые следы в народных поверьях и обычаях.

Культ природы.

В сохраненных древними и позднейшими памятниками скудных чертах мифологии восточных славян можно различить два порядка верований. Одни из них можно признать остатками почитания видимой природы. В русских памятниках уцелели следы поклонения небу под именем *Сварога*, солнцу под именами *Дажбога*, *Хорса*, *Велеса*, грому и молнии под именем *Перуна*, богу ветров *Стрибогу*, огню и другим силам и явлениям природы. Дажбог и божество огня считались сыновьями Сварога, звались Сварожичами. Таким образом на русском Олимпе различались поколения богов—знак, что в народной памяти сохранялись еще моменты мифологического процесса; но

теперь трудно поставить эти моменты в какие-либо хронологические пределы. Уже в VI в., по свидетельству Прокопия, славяне признавали повелителем вселенной одного бога громовержца, т.-е. Перуна. По нашей Начальной летописи Перун—главное божество русских славян рядом с Велесом, который характеризуется названием „скотьего бога" в смысле покровителя стад, а может быть и в значении бога богатства: на языке этой летописи слово *скотъ* сохраняло еще старинное значение денег. В древнерусских письменных памятниках нет ясных указаний на семейства богов кроме сыновей Сварога. По араб Ибн-Фадлан в начале X в. видел на волжской пристани, по всей вероятности, у города Болгар, большое изображение какого-то бога, окруженное малыми кумирами, представлявшими жен и дочерей этого бога, которым русские купцы приносили жертвы и молитвы; не ясно только, какие купцы здесь разумеются, варяжские, или славянские. Общественное богослужение еще не установилось и даже в последние времена язычества видим только слабые его зачатки. Не заметно ни храмов, ни жреческого класса, но были отдельные волхвы, кудесники, к которым обращались за гаданиями и которые имели большое влияние на народ. На открытых местах, преимущественно на холмах, ставились изображения богов, пред которыми совершались некоторые обряды и приносились *требы*, жертвы, даже человеческие. Так в Киеве на холму стоял идол Перуна, перед которым Игорь в 945 году приносил клятву в соблюдении заключенного с греками договора. Владимир, утвердившись в Киеве в 980 году, поставил здесь на холму кумиры Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Дажбога, Стрибога и других богов, которым князь и народ приносили жертвы.

Почитание предков

Повидимому, большее развитие получил и крепче держался другой ряд верований, культ предков. В старинных русских памятниках средоточием этого культа является со значением охранителя родичей *род* со своими *рожаницами*, т.-е. дед с бабушками—намек на господствовавшее некогда между славянами многоженство. Тот же обоготворенный предок чествовался под именем *чура*, в церковно-славянской форме *щура*; эта форма доселе уцелела в сложном слове *пращур*. Значение этого деда-родоначальника, как охранителя родичей, доселе сохранилось в заклинании от нечистой силы или нежданной опасности: *чур меня*! т. е. храни меня дед. Охраняя родичей от всякаго лиха, чур оберегал и их родовое достояние. Предание, оставившее следы в языке, придает чуру значение, одинаковое с римским Термом, значение оберегателя родовых полей и границ. Нарушение межи, надлежащей границы, законной меры мы и теперь выражаем словом *черезчур*; значит, *чур*—мера, граница. Этим значением чура можно, кажется, объяснить одну черту погребального обряда у русских славян, как его описывает Начальная летопись. Покойника, совершив над ним тризну, сожигали, кости его собирали в малую посудину и ставили на столбу на распутиях, где скрещиваются пути, т.-е. сходятся межи разных владений. Придорожные столбы, на которых стояли сосуды с прахом предков – это межевые знаки, охранявшие границы родового поля или дедовской усадьбы. Отсюда суеверный страх, овладевавший русским человеком на перекрестках: здесь на нейтральной почве родич чувствовал себя на чужбине, не дома, за пределами родного поля, вне сферы мощи своих охранительных чуров. Все это повидимому говорит о первобытной широте, цельности родового союза. И однако вна-

родных преданиях и поверьях этот чур-дед, хранитель рода, является еще с именем *дедушки домового*, т.-е. хранителя не целого рода, а отдельного двора. Таким образом, не колебля народных верований и преданий, связанных с первобытным родовым союзом, расселение должно было разрушать *юридическую* связь рода, заменяя родство соседством. И эта замена оставила некоторый след в языке: *сябр*, *шабер* по первоначальному, коренному значению родственник (ср. лат. consobrinus), потом получил значение соседа, товарища.

Формы языческого брака.

Это юридическое разложение родового союза делало возможным взаимное сближение родов, одним из средств которого служил брак. Начальная летопись отметила, хотя и не совсем полно и отчетливо, моменты этого сближения, отразившиеся на формах брака и имевшие некоторую связь с ходом того же расселения. Первоначальные однодворки, сложные семьи ближайших родственников, которыми размещались восточные славяне, с течением времени разрастались в родственные селения, помнившие о своем общем происхождении, память о котором сохранялась в отческих названиях таких сел: *Жидчичи*, *Мирятичи*, *Дедичи*, *Дедогостичи*. Для таких сел, состоявших из одних родственников, важным делом было добывание невест. При господстве многоженства своих недоставало, а чужих не уступала их родня добровольно и даром. Отсюда необходимость похищений. Они совершались по летописи „на игрищах межю селы", на религиозных праздниках в честь общих неродовых богов „у воды", у священных источников или на берегах рек и озер, куда собирались обыватели и обывательницы разных сел. Начальная летопись изображает различные формы брака, как разные степени людскости, культурности русско-сла-

вянских племен. В этом отношении она ставит все племена на низшую ступень сравнительно с полянами. Описывая языческие обычаи радимичей, вятичей, северян, кривичей, она замечает, что на тех „бесовских игрищах умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся“. Умычка и была в глазах древнего бытописателя низшей формой брака, даже его отрицанием: „браци не бываху в них“, а только умычки. Известная игра сельской молодежи обоего пола *в горелки*—поздний остаток этих дохристианских брачных умычек. Вражда между родами, вызывавшаяся умычкою чужеродных невест, устранялась *веном*, отступным, выкупом похищенной невесты у ее родственников. С течением времени вено превратилось в прямую продажу невесты жениху ее родственниками по взаимному соглашению родни обоих сторон; акт насилия заменялся сделкой с обрядом мирного *хождения зятя* (жениха) *по невесту*, которое тоже, как видно, сопровождалось уплатой вена. Дальнейший момент сближения родов летопись отметила у полян, уже вышедших, по ее изображению, из дикого состояния, в каком оставались другие племена. Она замечает, что у полян „не хожаше зять по невесту, но привожаху вечер (приводили ее к жениху вечером), а заутра приношаху по ней, что вдадуче“, т. е. на другой день приносили вслед за ней, что давали: в этих словах видит указание на приданое. Так читается это место в Лаврентьевском списке летописи. В Ипатьевском другое чтение: „завтра приношаху, что *на ней* (за нее) вдадуче“. Это выражение скорее говорит о вене. Значит, оба чтения отметили две новые фазы в эволюции брака. Итак, хождение жениха за невестой, заменившее умычку, в свою очередь сменилось *приводом* невесты к жениху с получением вена или с выдачей приданого, по-

чему законная жена в языческой Руси называлась *водимою*. От этих двух форм брака, хождения жениха и привода невесты, идут повидимому выражения *брать замуж и выдавать замуж*: язык запомнил много старины, свеянной временем с людской памяти. Умычка, вено, в смысле откупа за умычку, вено, как продажа невесты, хождение за невестой, привод невесты с уплатой и потом с выдачей приданого — все эти сменявшие одна другую формы брака были последовательными моментами разрушения родовых связей, подготовлявшими взаимное сближение родов. Брак размыкал род, так сказать, с обоих концов, облегчая не только выход из рода, но и приобщение к нему. Родственники жениха и невесты становились своими людьми друг для друга, *свояками*; свойство сделалось видом родства. Значит, брак уже в языческую пору роднил чуждые друг другу роды. В первичном, нетронутом своем составе род представляет замкнутый союз, недоступный для чужаков: невеста из чужого рода порывала родственную связь со своими кровными родичами, но, став женой, не роднила их с родней своего мужа. Родственные силы, о которых говорит летопись, не были такими первичными союзами: они образовались из обломков рода, разрослись из отдельных дворов, на которые распадался род в эпоху расселения.

Черты семейного права.

Я вошел в некоторые подробности о формах языческого брака у наших славян, чтобы ближе рассмотреть следы раннего ослабления у них родового союза, которое началось в эпоху расселения. Это поможет нам объяснить некоторые явления семейного права, встречаемые в древнейших наших памятниках. Здесь особенно важна последняя из перечисленных форм. Приданое служило основой отдельного имущества жены; появлением при-

даного началось юридическое определение положения дочери или сестры в семье, ее правового отношения к семейному имуществу. По Русской Правде сестра при братьях не наследница; но братья обязаны устроить ее судьбу, выдать замуж, „како си могут“, с посильным приданым. Как накладная обязанность, которая ложится на наследство, приданое не могло быть приятным для наследников институтом. Это сказалось в одной пословице, выразительно изображающей различные чувства, возбуждаемые в членах семьи появлением зятя: „Тесть любит честь, зять любит взять, теща любит дать, а шурин глаза щурит, дать не хочет“. При отсутствии братьев дочь — полноправная наследница отцовского имущества в землевладельческой служилой семье и сохраняет право на часть крестьянского имущества, если осталась после отца незамужней. Все отношения по наследованию заключены в тесные пределы простой семьи; наследники из боковых не предусматриваются, как случайные участники в наследстве. Строя такую семью и заботливо очищая ее от остатков языческого родового союза, христианская Церковь имела для того бытовой материал, заготовленный еще в языческую пору, между прочим в браке с приданым.

Торговое движение по Днепру.

Еще важнее ряд экономических последствий, которыми сопровождалось расселение восточных славян. Припомнив, как Повесть о начале Русской земли размещает славянские племена по нашей равнине, легко заметить, что масса славянского населения занимала западную ее половину. Хозяйственная жизнь населения в этом краю направлялась одним могучим потоком, Днепром, который прорезывает его с севера на юг. При тогдашнем значении рек, как удобнейших путей сообщения, Днепр был глав-

ной хозяйственной артерией, столбовой торговой дорогой для западной полосы равнины: верховьями своими он близко подходит к Западной Двине и бассейну Ильменя-озера, т.-е. к двум важнейшим дорогам в Балтийское море, а устьем соединяет центральную Алаунскую возвышенность с северным берегом Черного моря; притоки Днепра, издалека идущие справа и слева, как подъездные пути магистральной дороги, приближают Поднепровье, с одной стороны, к карпатским бассейнам Днестра и Вислы, с другой — к бассейнам Волги и Дона, т.-е. к морям Каспийскому и Азовскому. Таким образом область Днепра охватывает всю западную и частью восточную половину русской равнины. Благодаря тому по Днепру с незапамятных времен шло оживленное торговое движение, толчек к которому был дан греками. Северные берега Черного моря и восточные Азовского еще задолго до нашей эры были усеяны греческими колониями, главными из которых были: *Ольвия*, выведенная из Милета за 6 веков до Р. Х., в глубине лимана Восточного Буга (против Николаева), *Херсонес Таврический* на юго-западном берегу Крыма, *Феодосия* и *Пантикапея* (ныне Керчь) на юго-восточном его берегу, *Фанагория* на Таманском полуострове, на азиатской стороне Керченского пролива или древнего Босфора Киммерийского, наконец *Танаис* в устье Дона. Благодаря промышленной деятельности этих греческих колоний Днепр еще задолго до Р. Х. сделался большой торговой дорогой, о которой знал Геродот и которою греки, между прочим, получали янтарь с берегов Балтийского моря. Наша древняя Повесть о начале Руси также помнит старинное торговое значение Днепра. Как только разместила она восточных славян по равнине, прежде чем приступить к изложению древ-

Греческие колонии.

нейших преданий о Русской земле, она спешит описать эту дорогу по Днепру: шел «путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, в верх Днепра волок до Ловоти, по Ловоти внити в Ильмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечет в озеро великое Нево и того озера внидеть устье в море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море, в неже втечет Днепр река». Сев по Днепру, восточные славяне очутились на самой этой круговой водной дороге, опоясывавшей всю Европу. Этот Днепр с притоками и сделался для восточных славян могучей питательной артерией народного хозяйства, втянув их в сложное торговое движение, которое шло тогда в юго-восточном углу Европы. Своим низовым течением и левыми притоками Днепр потянул славянских поселенцев к черноморским и каспийским рынкам. Это торговое движение вызвало разработку естественных богатств занятой поселенцами страны. Восточные славяне, как мы знаем, заняли преимущественно лесную полосу равнины. Эта лесная полоса своим пушным богатством и лесным пчеловодством (бортничеством) и доставляла славянам обильный материал для внешней торговли. С тех пор меха, мед, воск стали главными статьями русского вывоза; с тех пор при хлебопашестве для себя или с незначительным вывозом началась усиленная эксплуатация леса, продолжавшаяся целые века и положившая глубокий отпечаток на хозяйственный и общественный быт и даже национальный характер русского народа. Лесной звероловов и бортник — самый ранний тип, явственно обозначившийся в истории русского народного хозяйства.

Посредничество хазар

Одно внешнее обстоятельство особенно содействовало успехам этой торговли. Случилось так, что около того времени, когда восточные славяне с запада вступили в пределы нашей равнины, расселяясь по ее лесам, с противоположной восточной стороны из-за Волги и Дона, по южно-русским степям распространялась новая азиатская орда, *хазары*, давно блуждавшие между Черным и Каспийским морями. Они начали утверждаться на северных берегах Понта и в степях между Доном и Днепром именно с VII в., когда началось расселение славян по нашей равнине. Хазары—кочевое племя тюркского происхождения, но оно не было похоже на предшествовавшие ему и следовавшие за ним азиатские орды, преемственно господствовавшие в южно-русских степях. Хазары скоро стали покидать кочевой быт с его хищничеством и обращаться к мирным промыслам. У них были города, куда они на зиму перебирались с летних степных кочевий. В VIII в. среди них водворились из Закавказья промышленные евреи и арабы. Еврейское влияние здесь было так сильно, что династия хазарских каганов со своим двором, т.-е. высшим классом хазарского общества, приняла иудейство. Раскинувшись на привольных степях по берегам Волги и Дона, хазары основали средоточие своего государства в низовьях Волги. Здесь столица их Итиль скоро стала огромным разноязычным торжищем, где рядом жили магометане, евреи, христиане и язычники. Хазары вместе с волжскими болгарами стали посредниками живого торгового обмена, завязавшегося между балтийским Севером и арабским Востоком приблизительно с половины VIII в., около того времени, когда при Аббасидах центр халифата переместился из Дамаска в Багдад. В VIII в. хазары покорили племена восточ-

ных славян, жившие близко к степям, полян, северян, вятичей. Древнее киевское предание отметило впечатление, произведенное хазарами на покоренных ими днепровских славян,—впечатление народа невоинственного и нежестокого, мягкого. Повесть временных лет рассказывает, как хазары стали брать дань с полян. Нашли хазары полян, сидящих на горах сих (по высокому правому берегу Днепра) в лесах, и сказали хазары: „платите нам дань“. Подумали поляне и дали „от дыма“ (с каждой избы) по мечу. И понесли эту дань хазары ко князю своему и к старейшинам и сказали им: «вот мы отыскали новую дань». Те спросили: «где?»—«В лесу на горах по реке Днепру».—„А что вам дали?“ Те показали мечи. И сказали старейшины хазарские: «не добра эта дань, князь; мы доискались ее оружием односторонним, т.-е. саблями, а у этих оружие обоюдоострое, т.-е. меч; они будут брать дань с нас и с других стран“. Так и сбылось: владеют хазарами русские и до нынешнего дня. Ирония, которая звучит в этом сказании, показывает, что хазарское иго было для днепровских славян не особенно тяжело и нестрашно. Напротив, лишив восточных славян внешней независимости, оно доставило им большие экономические выгоды. С тех пор для днепровцев, послушных данников хазар, были открыты степные речные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам. Под покровительством хазар по этим рекам и пошла бойкая торговля из Днепровья. Встречаем ряд довольно ранних указаний на успехи этой торговли. Арабский писатель IX в. Хордадбе, современник Рюрика и Аскольда, замечает, что русские купцы возят товары из отдаленных краев свой страны к Черному морю в греческие города, где византийский

император берет с них десятину (торговую пошлину); что те же купцы по Дону и Волге спускаются к хазарской столице, где властитель Хазарии берет с них также десятину, выходят в Каспийское море, проникают на юго-восточные берега его и даже провозят свои товары на верблюдах до Багдада, где их и видал Хордадбе. Это известие тем важнее, что его относят еще к первой половине IX в., не позднее 846 года, т.-е. десятилетия на два раньше предположенного летописцем времени призвания Рюрика с братьями. Сколько поколений нужно было, чтобы проложить такие далекие и разносторонние торговые пути с берегов Днепра или Волхова! Восточная торговля Днепровья, как ее описывает Хордадбе, могла завязаться, по крайней мере, лет за сто до этого арабского географа, т.-е. около половины VIII в. Впрочем, есть и более прямое указание на время, когда началась и развивалась эта торговля. В области Днепра найдено множество кладов с древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть их относится к IX и X вв., ко времени наибольшего развития восточной торговли Руси. Но есть клады, в которых самые поздние монеты не позже начала IX в., а ранние восходят к началу VIII в.; изредка попадаются монеты VII в. и то лишь самых последних его лет. Эта нумизматическая летопись наглядно показывает, что именно в VIII в. возникла и упрочилась торговля славян днепровских с хазарским и арабским Востоком. Но этот век был временем утверждения хазар в южнорусских степях: ясно, что хазары и были торговыми посредниками между этим Востоком и русскими славянами.

Древнейшие города.

Следствием успехов восточной торговли славян, завязавшейся в VIII в., было возникновение древнейших

торговых городов на Руси. Повесть о начале Русской земли не помнит, когда возникли эти города Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Ростов, Полоцк. В ту минуту, с которой она начинает свой рассказ о Руси, большинство этих городов, если не все они, повидимому, были уже значительными поселениями. Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси. Большинство их вытянулось длинной цепью по главному речному пути „из Варяг в Греки“, по линии Днепра-Волхова; только некоторые, Переяславль на Трубеже, Чернигов на Десне, Ростов в области верхней Волги, выдвинулись к востоку с этого, как бы сказать, операционного базиса русской торговли, как ее восточные форпосты, указывая фланговое ее направление к Азовскому и Каспийскому морям. Возникновение этих больших торговых городов было завершением сложного экономического процесса, завязавшегося среди славян на новых местах жительства. Мы видели, что восточные славяне расселялись по Днепру и его притокам одинокими укрепленными дворами. С развитием торговли среди этих однодворок возникли сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли, для *гостьбы*, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название *погостов*. Впоследствии, с принятием христианства, на этих местных сельских рынках, как привычных людских сборищах прежде всего ставились христианские храмы: тогда погост получал значение места, где стоит приходская церковь. При церквах хоронили покойников: отсюда произошло значение погоста, как кладбища. С приходами совпадало или к ним приурочивалось сельское администра-

тивное деление; это сообщало погосту значение сельской волости. Но все это — позднейшие значения термина: первоначально так назывались сборные торговые, „гостинные“ места. Мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие торговые города по греко-варяжскому торговому пути. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокруг них промышленных округов.

Таковы два важные экономические последствия, которыми сопровождалось расселение славян по Днепру и его притокам: это 1) развитие внешней южной и восточной, черноморско-каспийской торговли славян и вызванных ею лесных промыслов, 2) возникновение древнейших городов на Руси с тянувшими к ним торгово-промышленными округами. Оба эти факта можно относить к VIII в.

Оговорка о слове *Русь*

Закончу изложение экономических следствий расселения восточных славян одной оговоркой с целью предупредить возможное недоразумение с вашей стороны. Передавая известия о торговле восточных славян в VIII и IX вв., я называл их русскими славянами, говорил о Руси, о русских купцах, как будто это выражения однозначащие и своевременные. Но о Руси среди восточных славян в VIII в. совсем не слышно, а в IX и X вв. Русь среди восточных славян—еще не славяне, отличалась от них, как пришлый и господствующий класс от туземного и подвластного населения. В следующий час мы коснемся этого важного в нашей истории предмета, а теперь ограничусь замечанием, что, пользуясь привычным словоупотреблением и говоря о русских славянах

тех веков, я разумел славян, которые потом стали называться русскими. Водворившись среди восточных славян, Русь стала направлять и расширять торговое движение, которое она здесь застала; но в промышленных успехах, ею достигнутых, участвовало и туземное славянство, труд которого возбуждался и направлялся ее спросом.

Лекция IX

3) Политические следствия расселения восточных славян по русской равнине. — Печенеги в южнорусских степях. — Русские торговые города вооружаются. — Варяги; вопрос об их происхождении и времени появления на Руси. — Образование городовых областей и их отношение к племенам. — Варяжские княжества. — Сказание о призвании князей; его историческая основа. — Поведение скандинавских викингов IX в. въ западной Европе. — Образование великого княжества Киевского, как первой формы русского государства. Значение Киева в образовании государства. — Обзоръ изученного.

Печенеги.

Изложенными в прошлый час экономическими последствиями расселения восточных славян по русской равнине были подготовлены и последствия политические, которые становятся заметны несколько позднее, с начала IX в. С этого времени хазарское владычество, казавшееся столь прочным дотоле, начало видимо колебаться. Причиной этого было то, что с востока в тылу у хазар появились новые орды печенегов и следовавших за ними узов-торков. Хазары с трудом сдерживали напор этих новых пришельцев. Чтобы сдержать этот напор, около 835 года, по просьбе хазарского кагана, византийские инженеры построили где-то на Дону, вероятно там, где Дон близко подходит к Волге, крепость Сар-

кел, известную в нашей летописи под именем Белой Вежи. Но этот оплот не сдержал азиатского напора. В первой половине IX в. варвары, очевидно, прорвались сквозь хазарские поселения на запад за Дон и засорили дотоле чистые степные дороги днепровских славян. Есть два указания на это, идущие с разных сторон. В одной западной латинской летописи IX в., так называемой Бертинской, под 839 годом есть любопытный рассказ о том, как послы от народа *Руси*, приходившие в Константинополь для подтверждения дружбы, т.-е. для возобновления торгового договора, не хотели возвращаться домой прежней дорогой по причине живших по ней варварских жестоких народов (qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant). Из нашего источника узнаем, какие это были варварские попутные народы. Одно из первых известий о Киеве в некоторых редакциях Повести о начале Русской земли говорит, что Аскольд и Дир в 867 году избили множество печенегов. Значит, печенеги уже около половины IX в успели придвинуться близко к Киеву, отрезывая среднее Поднепровье от его черноморских и каспийских рынков. Другим врагом киевской Руси были тогда Черные болгары, бродившие по приморским степям между Доном и Днепром: сохранилось известие, что в 864 году в войне с ними погиб сын Аскольда. Хазарская власть, очевидно, уже не была в состоянии оберегать русских купцов на востоке. Главные торговые города Руси должны были сами взять на себя защиту своей торговли и торговых путей. С этой минуты они начали вооружаться, опоясываться стенами, вводить у себя военное устройство, запасаться ратными людьми. Так промышленные центры, склады товаров, превращались в укрепленные пункты, вооруженные убежища.

Вооружение городов.

Варяги.

Одно внешнее обстоятельство помогло скоплению военно-промышленного люда в этих городах. С начала IX в., с конца царствования Карла Великого, по берегам западной Европы начинают рыскать вооруженные шайки пиратов из Скандинавии. Так как эти пираты выходили преимущественно из Дании, то они стали известны на Западе под именем *данов*. Около этого же времени и на речных путях нашей равнины стали появляться заморские пришельцы с Балтийского моря, получившие здесь название *варягов*. В X и XI вв. эти варяги постоянно приходили на Русь или с торговыми целями, или по зову наших князей, набиравших из них свои военные дружины. Но присутствие варягов на Руси становится заметно гораздо раньше X в.: Повесть временных лет знает этих варягов по русским городам уже около половины IX в. Киевское предание XI столетия склонно было даже преувеличивать численность этих заморских пришельцев. По этому преданию варяги, обычные обыватели русских торговых городов, издавна наполняли их в таком количестве, что образовали густой слой в составе их населения, закрывавший собою туземцев. Так, по словам Повести, новгородцы сначала были славянами, а потом стали варягами, как бы оваряжились вследствие усиленного наплыва пришельцев из-за моря. Особенно людно скоплялись они в Киевской земле. По летописному преданию Киев даже был основан варягами, и их в нем было так много, что Аскольд и Дир, утвердившись здесь, могли набрать из них целое ополчение, с которым отважились напасть на Царьград. Так смутное воспоминание нашей летописи как будто отодвигает появление варягов на Руси еще в первую половину IX в. Встречаем иноземное известие, из которого видим, что действительно варяги или те, кого

Время их появления.

так звали у нас в XI в., стали известны восточной Европе еще в первой половине IX в., задолго до того времени, к которому наша Начальная летопись приурочивает появление Рюрика в Новгороде. Упомянутые послы от народа Руси, не хотевшие из Константинополя возвратиться домой прежней дорогой, отправлены были в 839 году с византийским посольством к германскому императору Людовику Благочестивому и там по расследовании дела, по удостоверении их личности, оказались *свеонами*, шведами, т. е. варягами, к которым наша Повесть причисляет и шведов. Вслед за этим свидетельством западной хроники идут на встречу темному преданию нашей летописи с византийского и арабского Востока известия о том, что уже в первой половине IX в. там хорошо знали Русь по торговым делам с нею и по ее нападениям на северные и южные берега Черного моря. Образцовые критические исследования академика Васильевского о житиях свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского выяснили этот важный в нашей истории факт. В первом из этих житий, написанном до 842 года, автор рассказывает, как Русь, народ, который „все знают“, начав опустошение южного черноморского берега от Пропонтиды, напала на Амастриду. Во втором житии читаем, что по прошествии немногих лет от смерти св. Стефана, скончавшегося в исходе VIII в., большая русская рать с сильным князем Бравлином, пленив страну от Корсуня до Керчи, после десятидневного боя взяла Сурож (Судак в Крыму). Другие известия ставят эту Русь первой половины IX в. в прямую связь с заморскими пришельцами, которых наша летопись помнит среди своих славян во второй половине того же века. Русь Бертинской хроники, оказавшаяся шведами, посольствовала в Константинополе от имени своего царя *хакана*, всего

вероятнее, хазарского кагана, которому тогда подвластно было днепровское славянство, и не хотела возвращаться на родину ближайшей дорогой по причине опасностей от варварских народов—намек на кочевников днепровских степей. Араб Хордадбе даже считает „русских“ купцов, которых он встречал в Багдаде, прямо славянами, приходящими из отдаленнейших концов страны славян. Наконец, патриарх Фотий называет Русью нападавших при нем на Царьград, а по нашей летописи это нападение было произведено киевскими варягами Аскольда и Дира. Как видно, в одно время с набегами данов на Западе их родичи варяги не только людно рассыпались по большим городам греко-варяжского пути восточной Европы, но и так уже освоились с Черным морем и его берегами, что оно стало зваться *Русским*, и по свидетельству арабов никто кроме Руси по нему не плавал в начале X в.

Их происхождение.

Эти балтийские варяги, как и черноморская Русь, по многим признакам были скандинавы, а не славянские обитатели южно-балтийского побережья или нынешней южной России, как думают некоторые ученые. Наша Повесть временных лет признает варягов общим названием разных германских народов, обитавших в северной Европе, преимущественно по *Варяжскому* (Балтийскому) морю, каковы шведы, норвежцы, готы, англы. Название это, по мнению некоторых ученых, есть славянорусская форма скандинавского слова vaering или varing, значение которого недостаточно выяснено. Византийцы XI в. знали под именем βάραγγοι норманнов, служивших наемными телохранителями у византийского императора. Въ начале XI в. немцы, участвовавшие в походе польского короля Болеслава на князя русского Ярослава в 1018 году, приглядевшись к населению Киевской земли,

рассказывали потом епископу мерзебургскому Титмару, дописывавшему тогда свою хронику, что в Киевской земле несметное множество народа, состоящего преимущественно из беглых рабов и «проворных данов» (ex velocibus danis), а немцы едва ли могли смешать своих соплеменников скандинавов с балтийскими славянами. В Швеции находят много древних надписей на могильных камнях, которые говорят о древних морских походах из Швеции на Русь. Скандинавские саги, восходящие иногда к очень древнему времени, рассказывают о таких же походах в страну *Гардарик*, как называют они нашу Русь, т.-е. в «царство городов». Самое это название, так мало идущее к деревенской Руси, показывает, что варяжские пришельцы держались преимущественно в больших торговых городах Руси. Наконец, имена первых русских князей-варягов и их дружинников почти все скандинавского происхождения; те же имена встречаем и в скандинавских сагах: *Рюрик* в форме Hrörekr, *Трувор* Thorvardr, *Олег* по древне-киевскому выговору на *о* Helgi, *Ольга* Helga, у Константина Багрянородного Ἔλγα, *Игорь* Ingvarr, *Оскольд* Höskuldr, *Дир* Dyri, *Фрелаф* Frilleifr, *Свенальд* Sveinaldr и т. п. Что касается до Руси, то арабские и византийские писатели X в. отличают ее, как особое племя, от славян, над которыми она господствовала, и Константин Багрянородный в перечне днепровских порогов отчетливо различает славянские и русские их названия, как слова, принадлежащие совсем особым языкам.

Образование военно-промышленного класса в городах.

Эти варяги-скандинавы и вошли в состав военно-промышленного класса, который стал складываться в IX веке по большим торговым городам Руси под влиянием внешних опасностей, Варяги являлись к нам с иными целями

и с иной физиономией, не с той, какую носили даны на Западе: там дан—пират, береговой разбойник; у нас варяг—преимущественно вооруженный купец, идущий на Русь, чтобы пробраться далее в богатую Византию, там с выгодой послужить императору, с барышом поторговать, а иногда и пограбить богатого грека, если представится к тому случай. На такой характер наших варягов указывают следы в языке и в древнем предании. В областном русском лексиконе *варяг*—разносчик, мелочной торговец, *варяжить*—заниматься мелочным торгом. Любопытно, что когда неторговому вооруженному варягу нужно было скрыть свою личность, он прикидывался купцом, идущим из Руси или на Русь: эта была личина, внушавшая наибольшее доверие, наиболее привычная, к которой все пригляделись. Известно, чем обманул Олег своих земляков Аскольда и Дира, чтобы выманить их из Киева. Он послал сказать им: «я купец, идем мы в Грецию от Олега и княжича Игоря: придите к нам, землякам своим». Превосходная скандинавская сага о св. Олафе, полная исторических черт, рассказывает, как этот скандинавский герой, долго и усердно служивший русскому конунгу Вальдамару, т.-е. св. Владимиру, возвращаясь с дружиной на кораблях домой, был занесен бурею в Померанию во владения вдовствующей княгини Гейры Буриславны, и не желая открывать свое звание, выдал себя за купца гардского, т.-е. русского. Осаживаясь в больших торговых городах Руси, варяги встречали здесь класс населения, социально им родственный и нуждавшийся в них, класс вооруженных купцов, и входили в его состав, вступая в торговое товарищество с туземцами или нанимаясь за хороший корм оберегать русские торговые пути торговых людей, т.-е. конвоировать русские торговые ка

Города и окрестное население.

раваны. Как скоро из туземных и пришлых элементов образовался такой класс в больших торговых городах и они превратились в вооруженные пункты, должно было измениться и их отношение к окрестному населению. Когда стало колебаться хазарское иго, эти города у племен, плативших дань хазарам, сделались независимыми. Повесть временных лет не помнит, как поляне освободились от хазарского ига. Она рассказывает, что Аскольд и Дир, подошедши Днепром к Киеву и узнав, что городок этот платит дань хазарам, остались в нем и, набрав много варягов, начали владеть землею полян. Повидимому этим и обозначился конец хазарского владычества в Киеве. Мы не знаем, как Киев и другие города управлялись при хазарах; но можно заметить, что, взявши в свои руки защиту торгового движения, они скоро подчинили себе свои торговые округа. Это политическое подчинение торговых районов промышленным центрам, теперь вооруженным, повидимому началось еще до призыва князей, т.-е. раньше половины IX века. Повесть о начале Русской земли, рассказывая о первых князьях, вскрывает любопытный факт: за большим городом идет его округ, целое племя или часть его. Олег, отправившись по смерти Рюрика из Новгорода на юг, взял Смоленск и посадил в нем своего наместника: в силу этого без дальнейшей борьбы смоленские кривичи стали признавать власть Олега. Олег занял Киев, и киевские поляне вследствие этого также признали его власть. Так целые округа являются в зависимости от своих главных городов и эта зависимость повидимому установилась помимо и раньше князей. Трудно сказать, как она устанавливалась. Может-быть, торговые округа добровольно подчинялись городам, как укрепленным убежищам, под давлением внешней опас-

ности; еще вероятнее, что при помощи вооруженного класса, скопившегося в торговых городах, последние силой завладели своими торговыми округами; могло быть в разных местах и то, и другое.

Образование городовых областей.

Как бы то ни было, в неясных известиях нашей Повести обозначается первая местная политическая форма, образовавшаяся на Руси около половины IX в.: это—*городовая область*, т.-е. торговый округ, управляемый укрепленным городом, который вместе с тем служил и промышленным средоточием для этого округа. Эти области и звались по именам городов. Когда образовалось княжество Киевское, вобравшее в себя племена восточных славян, эти древние городовые области Киевская, Черниговская, Смоленская и другие, прежде независимые, вошли в его состав, как его административные округа, послужили готовыми единицами областного деления, установившегося на Руси при первых киевских князьях к половине XI в. Возникает вопрос: действительно ли эти области образовались под влиянием торговых городов, не имели ли они племенного происхождения? Наша древняя Повесть о начале Руси, как мы видели, делит восточных славян на несколько племен и довольно точно указывает их размещение. Может быть, области Киевского княжества X—XI вв. были политически объединившиеся племена полян, северян и пр., а не промышленные округа древних торговых городов Руси? Разбор этнографического состава древних городовых областей дает отрицательный ответ на этот вопрос. Если бы эти области имели племенное происхождение, сложились из племенных связей, без участия экономических интересов, каждое племя образовало бы особую область или, иначе говоря, каждая область составилась бы из одного

племени. Но этого не было на деле: не было ни одной области, которая бы состояла только из одного и притом цельного племени; большинство областей составилось из разных племен или их частей; в иных областях к одному цельному племени примкнули разорванные части других племен. Так Новгородская область состояла из славян ильменских с ветвью кривичей, центром которой был городок Изборск. В состав Черниговской области вошла северная половина северян с частью радимичей и с целым племенем вятичей, а Переяславскую область составила южная половина северян. Киевская область состояла из всех полян, почти всех древлян и южной части дреговичей с городом Туровом на Припети. Северная часть дреговичей с городом Минском оторвана была западной ветвью кривичей и вошла в состав Полоцкой области. Смоленская область составилась из восточной части кривичей со смежной частью радимичей. Таким образом древнее племенное деление не совпадало с городовым или областным, образовавшимся к половине XI в. Значит, не размещением племен очертились пределы городовых областей. По племенному составу этих областей не трудно заметить, какая сила стягивала их. Если среди племени возникло два больших города, оно разрывалось на две области (кривичи, северяне). Если среди племени не оказывалось и одного такого города, оно не образовывало и особой области, а входило в состав области чужеплеменного города. Замечаем при этом, что появление значительного торгового города среди племени зависело от географического положения последнего: такие города, становившиеся центрами областей, возникали среди населения, жившего по главным речным торговым линиям Днепра, Волхова и Западной Двины. Напротив, племена, удаленные от этих линий,

не имели своих значительных торговых городов и потому не составили особых областей, но вошли в состав областей чужеплеменных торговых городов. Так не видно больших торговых городов у древлян, дреговичей, радимичей и вятичей: не было и особых областей этих племен. Значит, силой, которая стягивала все эти области, были именно торговые города, какие возникали по главным речным путям русской торговли и каких не было среди племен, от них удаленных. Если мы представим себе восточных славян, как они устроились во второй половине IX в., и сопоставим это устройство с древним племенным делением их, то найдем на всем пространстве от Ладоги до Киева восемь славянских племен. Четыре из них (дреговичи, радимичи, вятичи и древляне постепенно, частью уже при первых киевских князьях, а частью еще до них, вошли в состав чужеплеменных областей, а четыре других племени (славяне ильменские, кривичи, северяне и поляне) образовали шесть самостоятельных городовых областей, из коих ни одна кроме Переяславской не имела цельного, одноплеменного состава, каждая вобрала в себя сверх одного господствующего племени или господствующей части одного племени еще подчиненные части других племен, не имевших своих больших городов. Это были области Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская. Переяславская и Киевская. Итак, повторю, большие вооруженные города, ставшие правителями областей, возникли именно среди тех племен, которые принимали наиболее деятельное участие во внешней торговле. Города эти подчинили себе соплеменные им окрестные населения, для которых они прежде служили торговыми средоточиями, и образовали из них политические союзы, области, в состав которых

втянули, частью еще до появления князей киевских, а частью при них, и соседние поселения чужих безгородных племен.

Варяжские княжества.

Образование этой первой политической формы на Руси сопровождалось в иных местах появлением другой, вторичной и тоже местной формы, *варяжского княжества*. В тех промышленных пунктах, куда с особенной силой приливали вооруженные пришельцы из-за моря, они легко покидали значение торговых товарищей или наемных охранителей торговых путей и превращались во властителей. Во главе этих заморских пришельцев, составлявших военно-промышленные компании, становились вожди, получавшие при таком перевороте значение военных начальников охраняемых ими городов. Такие вожди в скандинавских сагах называются *конингами* или *викингами*. Оба эти термина перешли и в наш язык, получив славяно-русские формы *князя* и *витязя*. Эти слова есть и у других славян, которые заимствовали их у германских племен средней Европы, в наш язык они перешли от более близких к нам в древности скандинавов, северных германцев. Превращение варягов из союзников во властителей при благоприятных обстоятельствах совершалось довольно просто. Известен рассказ Начальной летописи о том, как Владимир, одолев киевского брата своего Ярополка в 980 году, утвердился в Киеве с помощью призванных из-за моря варягов. Заморские его соратники, почувствовав свою силу в занятом ими городе, сказали своему наемщику: „князь, ведь город-то наш, мы его взяли; так мы хотим брать с горожан окуп—контрибуцию—по две гривны с человека». Владимир только хитростью сбыл с рук этих назойливых наемников, выпроводив их в Царьград. Так иные вооруженные города со своими

областями при известных обстоятельствах попадали в руки заморских пришельцев и превращались во владения варяжских конингов. Таких варяжских княжеств мы встречаем на Руси несколько в IX и X в. Так являются во второй половине IX в. на севере княжества Рюрика в Новгороде, Синеусово на Белом Озере, Труворово в Изборске, Аскольдово в Киеве. В X в. становятся известны два других княжества такого же происхождения, Рогволодово в Полоцке и Турово в Турове на Припети. Наша древняя летопись не помнит времени возникновения двух последних княжеств; самое существование их отмечено в ней лишь мимоходом, кстати. Отсюда можно заключать, что такие княжества появлялись и в других местах Руси, но исчезали бесследно. Подобное явление совершалось в то время и среди славян южно-балтийского побережья, куда также проникали варяги из Скандинавии. Стороннему наблюдателю такие варяжские княжества представлялись делом настоящего завоевания, хотя основатели их варяги являлись обыкновенно без завоевательной цели, искали добычи, а не мест для населения. Еврей Ибрагим, человек бывалый в Германии, хорошо знакомый с делами средней и восточной Европы, записка которого сохранилась в сочинении арабского писателя XI в. Аль-Бекри, около половины X в. писал, что «племена севера (в числе их и Русь) завладели некоторыми из славян и до сей поры живут среди них, даже усвоили их язык, смешавшись с ними». Это наблюдение, очевидно, прямо схвачено со славяно-варяжских княжеств, возникавших в то время по берегам Балтийского моря и по речным путям на Руси.

Сказание о призвании князей.

Появлением этих варяжских княжеств вполне объяснится и занесенное в нашу Повесть о начале Руси *сказание о призвании князей из-за моря*. По этому сказа-

нию, еще до Рюрика варяги как-то водворились среди новгородцев и соседних с ними племен славянских и финских, кривичей, чуди, мери, веси, и брали с них дань. Потом данники отказались ее платить и прогнали варягов назад за море. Оставшись без пришлых властителей, туземцы перессорились между собою; не было между ними правды, один род восстал на другой и пошли между ними усобицы. Утомленные этими ссорами, туземцы собрались и сказали: „поищем себе князя, который бы владел нами и судил нас по праву“. Порешив так, они отправили послов за море к знакомым варягам, к Руси, приглашая желающих из них притти владеть пространной и обильной, но лишенной наряда землей. Три родные брата откликнулись на зов и пришли «с роды своими», т.-е. с дружинами земляков. Если снять несколько идиллический покров, которым подернуто это сказание, то пред нами откроется очень простое, даже грубоватое явление, не раз повторявшееся у нас в те века. По разным редакциям начального летописного свода рассеяны черты предания, позволяющие восстановить дело в его действительном виде. Собрав их, узнаем, что пришельцы призваны были не для одного внутреннего наряда, т. е. устройства управления. Предание говорит, что князья-братья, как только уселись на своих местах, начали „города рубить и воевать всюду». Если призванные принялись прежде всего за стройку пограничных укреплений и всестороннюю войну, значит, они призваны были оборонять туземцев от каких-то внешних врагов, как защитники населения и охранители границ. Далее, князья-братья повидимому не совсем охотно, не тотчас, а с раздумьем приняли предложение славяно-финских послов, „едва избрашась, как записано в одном из летописных сводов, боясь звери-

ного их обычая и права“. С этим согласно и уцелевшее известие, что Рюрик не прямо уселся в Новгороде, но сперва предпочел остановиться вдали от него, при самом входе в страну, в городе Ладоге, как будто с расчетом быть поближе к родине, куда можно было бы укрыться в случае нужды. В Ладоге же он поспешил «срубить город», построить крепость тоже на всякий случай, для защиты туземцев от земляков-пиратов или же для своей защиты от самих туземцев, если-бы не удалось с ними поладить. Водворившись в Новгороде, Рюрик скоро возбудил против себя недовольство в туземцах: в том же летописном своде записано, что через два года по призвании новгородцы «оскорбились, говоря: быть нам рабами и много зла потерпеть от Рюрика и земляков его». Составился даже какой-то заговор: Рюрик убил вождя крамолы, «храброго Вадима» и перебил многих новгородцев, его соумышленников. Чрез несколько лет еще множество новгородских мужей бежало от Рюрика в Киев к Аскольду. Все эти черты говорят не о благодушном приглашении чужаков властвовать над безнарядными туземцами, а скорее о военном найме. Очевидно, заморские князья с дружиною призваны были новгородцами и союзными с ними племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов и получали определенный корм за свои сторожевые услуги. Но наемные охранители повидимому желали кормиться слишком сытно. Тогда поднялся ропот среди плательщиков корма, подавленный вооруженною рукою. Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей, а свое наемное жалованье превратили в обязательную дань с повышением оклада. Вот простой прозаический факт, повидимому скрывающийся в поэтической легенде о при-

звании князей: область вольного Новгорода стала варяжским княжеством.

Скандинавские викинги в зап. Европе.

События, о которых повествует наше сказание о призвании князей, не заключали в себе ничего особенного, небывалого, что случилось только в нашей стране. Они принадлежали к порядку явлений, довольно обычных в тогдашней западной Европе. Девятый век был временем усиленного опустошительного разгула морских пиратов из Скандинавии. Достаточно прочитать хроники IX в. монастырей Бертинского и Ваастского, чтобы видеть, что на Востоке с некоторыми местными изменениями повторялось то же, что происходило тогда на Западе. С 830 годов до конца века там не проходило почти ни одного года без норманского нашествия. На сотнях судов реками, впадающими в Немецкое море и Атлантический океан, Эльбой, Рейном, Сеной, Луарой, Гаронной, даны проникали в глубь той или другой страны, опустошая все вокруг, жгли Кельн, Трир, Бордо, самый Париж, проникали в Бургундию и Овернь, иногда на много лет водворялись и хозяйничали в стране из укрепленных стоянок где-нибудь на острове в устье реки и отсюда выходили собирать дань с покоренных обывателей или, взяв окуп, сколько хотели, в одном месте, шли затем же в другую сторону. В 847 году после многолетних вторжений в Шотландию они заставили страну платить им дань, усевшись на ближних островах; но через год скотты не дали им дани и прогнали их, как поступили с их земляками новгородцы около того же времени. Бессильные Каролинги заключали с ними договоры, некоторыми условиями живо напоминающие договоры киевских князей X в. с греками, откупались от них тысячами фунтов серебра или уступали их вождям в лен целые погранич-

ные области с обязательством защищать страну от своих же соплеменников: так возникали и на Западе своего рода варяжские княжества. Бывали случаи, когда партия данов, хозяйничавшая по одной реке Франции, обязывалась франкскому королю за известную плату прогнать или перебить соотчичей, грабивших по другой реке, нападала на них, брала и с них окуп, потом враги соединялись и партиями расходились по стране на добычу, как Аскольд и Дир, слуги мирно призванного Рюрика, отпросившись у него в Царьград, по пути засели в Киеве, набрали варягов и начали владеть полянами независимо от Рюрика. Во второй половине IX в. много шумел по Эльбе и Рейну современник и тезка нашего Рюрика, может быть, даже земляк его, датский бродяга-викинг Popих, как называет его Бертинская хроника. Он набирал ватаги норманнов для побережных грабежей, заставил импер. Лотаря уступить ему в лен несколько графств во Фрисландии, не раз присягал ему верно служить и изменял присяге, был изгоняем фризами, добивался королевской власти на родине и, наконец, где-то сложил свою обремененную приключениями голову. И достойно замечания, что подобно дружинам первых киевских князей эти ватаги пиратов состояли из крещеных и язычников; первые при договорах переходили на службу к франкским королям, владения которых только что опустошали.

Балтийские варяги на Волхове и Днепре.

Этими западными делами проясняются события на Волхове и Днепре. Около половины IX в. дружина балтийских варягов проникла Финским заливом и Волховом к Ильменю и стала брать дань с северных славянских и финских племен. Туземцы, собравшись с силами, прогнали пришельцев и для обороны от их дальнейших нападений наняли партию других варягов, которых звали

Русью. Укрепившись в обороняемой стране, нарубив себе „городов", укрепленных стоянок, наемные сторожа повели себя завоевателями. Вот все, что случилось. Факт состоял из двух моментов, из наемного договора с иноземцами о внешней обороне и из насильственного захвата власти над туземцами. Наше сказание о призвании князей поставило в тени второй момент и изъяснительно изложило первый, как акт добровольной передачи власти иноземцам туземцами. Идея власти перенесена из второго момента, с почвы силы, в первый на основу права, и вышла очень недурно комбинированная юридическая постройка начала русского государства. На то были свои причины. Не забудем, что сказание о призвании князей, как и все древнейшие предания о Русской земле, дошло до нас в том виде, как его знали и понимали русские, книжные, ученые люди XI и начала XII века, к которым принадлежали неизвестный автор Повести временных лет и игумен Сильвестр, составитель начального летописного свода, обработавший эту Повесть и поставивший ее во главе своего ученого исторического труда. В XI в. варяги продолжали приходить на Русь наемниками, но уже не превращались здесь в завоевателей, и насильственный захват власти, перестав повторяться, казался маловероятным. Притом, русское общество XI в. видело в своих князьях установителей государственного порядка, носителей законной власти, под сенью которой оно жило, и возводило ее начало к призванию князей. Автор и редактор Повести временных лет не могли довольствоваться уцелевшими в предании мало назидательными подробностями того, что случилось некогда в Новгороде: как мыслящие бытописатели, они хотели осмыслить факт его следствиями, случай осветить идеей. Фактически государства основы-

ваются различным образом, но юридическим моментом их возникновения считается общественное признание властвующей силы властью по праву. Идея такой правомерной власти и внесена в легенду о призвании. Вече северных союзных племен, как-то собравшееся среди родовой усобицы и постановившее искать князя, который бы „владел и судил по праву“, и обращенное к Руси депутатами веча приглашение итти „княжить и володеть“ великой и обильной, но безнарядной землей—что это такое, как не стереотипная формула идеи правомерной власти, возникающей из договора,—теории очень старой, но постоянно обновляющейся по ея доступности мышлению, делающему первые опыты усвоения политических понятий? Сказание о призвании князей, как оно изложено в Повести, совсем не народное предание, не носит на себе его обычных признаков: это—схематическая притча о происхождении государства, приспособленная к пониманию детей школьного возраста.

Образование вел. княжества Киевского.

Из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городовых областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было *великое княжество Киевское*. Образование этого княжества было подготовлено указанными выше экономическими и политическими фактами. На каких бы пунктах русского промышленного мира ни появлялись варяжские князья, их постоянно тянуло к городу на южной окраине этого мира, замыкавшему цепь торговых русских городов по греко-варяжской речной линии Днепра-Волхова,—к Киеву. Здесь заморские искатели выгодного найма и торгового барыша могли поживиться всего более. Киев был сборным пунктом русской торговли; к нему стягивались торговые лодки отовсюду, с Волхова, Западной Двины, верхнего Днепра

и его притоков. Отсюда, в летописном рассказе о событиях IX и X вв. довольно явственно выступают два факта. тяготение варяжских пришельцев с Балтийского моря к Киеву и экономическая зависимость русских городов от Киева. Кто владел Киевом, тот держал в своих руках ключ от главных ворот русской торговли. Вот почему всех варяжских князей, появлявшихся на севере, тянуло к Киеву. Из-за него они соперничали друг с другом и истребляли один другого. Так новгородский князь Олег за Киев погубил земляков своих Аскольда и Дира; так и другой новгородский князь Владимир за тот же Киев погубил своего родного брата Ярополка. С другой стороны, все торговые русские города стояли в экономической зависимости от Киева. В Киеве сходились нити их благосостояния; он мог подорвать их торговлю, перерезав главную артерию хозяйственных оборотов страны, не пропуская торговых лодок вниз по Днепру к азовским и черноморским рынкам. Поэтому общим интересом этих городов было жить в дружбе с Киевом, чтобы из Киева иметь свободный выход на степные торговые дороги. Этот общий интерес заметно сквозит в рассказе Начальной летописи о первых князьях, утверждавшихся в Киеве. Аскольд с Диром, отделившись от дружины Рюрика, беспрепятственно спустились Днепром до Киева и без заметной борьбы овладели им вместе со всею землею полян. Дальнейшая деятельность этих варяжских викингов в Киеве объясняет причины их успеха. Летопись замечает, что после Кия, основателя Киева, полян обижали древляне и другие окольные племена. Поэтому Аскольд и Дир, как только утвердились в Киеве, вступили в борьбу с этими племенами, древлянами, печенегами, болгарами, а потом, собрав варягов, предприняли

поход на Царьград. Современник и очевидец этого нападения, константинопольский патриарх Фотий говорит в одной произнесенной по этому случаю проповеди, что Русь очень ловко смастерила набег, тихонько подкралась к Константинополю, когда император Михаил III с войском и флотом ходил на сарацин, оставив свою столицу беззащитной со стороны моря. Значит, киевская Русь не только хорошо знала морской путь к Царьграду, но и умела добывать своевременные сведения о делах Византии; сами греки дивились нечаянности и необычайной быстроте нападения. Оно вызвано было, по словам Фотия, тем, что греческий народ нарушил договор, предпринято было Русью с целью отмстить за обиду, нанесенную ея землякам, русским купцам, повидимому за неуплату долга, следовательно, имело целью силой восстановить торговые сношения, насильственно прерванные греками. Значит, еще до 860 года между Русью и Византией существовали торговые сношения, закрепленные дипломатическим актом, и узлом этих сношений был Киев, откуда вышел смелый набег 860 года. Узнаем далее, что эти сношения были довольно давние, завязались еще в первой половине IX в. Послы от народа Руси, о которых говорит Бертинская летопись под 839 годом, приходили в Царьград для установления или восстановления дружбы, т.-е. для заключения договора. Такой же ряд явлений повторился и в истории Олега, шедшего по следам Аскольда. Он так же беспрепятственно спустился из Новгорода по Днепру, без особенного труда захватил по дороге Смоленск и Любеч и без борьбы завладел Киевом, погубивши своих земляков Аскольда с Диром. Утвердившись в Киеве, он начал рубить вокруг него новые города для защиты Киевской

земли от набегов из степи, а потом с соединенными силами разных племен предпринял новый поход на Царьград, кончившийся также заключением торгового договора. Значит, и этот поход предпринят был с целью восстановить торговые сношения Руси с Византией, опять чем-либо прерванные. Обоих вождей, повидимому, дружно поддерживали в этих походах все племена, заинтересованные во внешней торговле, преимущественно обитавшие по речной линии Днепра-Волхова, т.-е. обыватели больших торговых городов Руси. По крайней мере, в летописном рассказе о походе Олега читаем, что кроме подвластных Олегу племен в деле участвовали и племена неподвластные, добровольно к нему присоединившиеся, отдаленные дулебы и хорваты, жившие в области верхнего Днестра и обоих Бугов, по северо-восточным склонам и предгорьям Карпат. Охрана страны от степных кочевников и далекие военные походы на Царьград для поддержания торговых сношений, очевидно, вызывали общее и дружное содействие во всем промышленном мире по торговым линиям Днепра-Волхова и других рек равнины. Этот общий интерес и соединил прибрежные торговые города под властью князя киевского, руководителя в этом деле по положению, какое создавалось для него двояким значением Киева.

Двоякое значение Киева.

Киев служил главным оборонительным форпостом страны против степи и центральной вывозной факторией русской торговли. Потому, попав в варяжские руки, он не мог остаться простым местным варяжским княжеством, какими были возникшие в то же время княжества в Новгороде, Изборске и на Белоозере или позднее в Полоцке и Турове. Завязавшиеся торговые связи с Византией и арабским Востоком, с черноморскими, азов-

скими и каспийскими рынками, направляя народный труд на разработку лесных богатств страны, стягивали к Киеву важнейшие хозяйственные ее обороты. Но для обеспечения этих оборотов необходимо было иметь безопасные границы и открытые торговые пути по степным рекам, даже производить иногда вооруженное давление на самые рынки для приобретения выгодных торговых условий. Всего этого можно было достигнуть только соединенными силами всех восточных славянских племен, т.-е. насильственным подчинением тех из них, которые, живя в стороне от главных торговых путей, не имели побуждений добровольно поддерживать князей киевских. Вот почему известия свои и чужие говорят о воинственных делах первых князей киевских. Исследование академика Васильевского о житиях св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского достаточно убедительно доказали, что Русь еще в первой половине IX в. делала набеги на берега Черного моря, даже южные. Но до патриарха Фотия она не отваживалась напасть на самый Царьград. До Фотия дошли кое-какие слухи о начавшемся важном перевороте на Руси, шедшем именно из Киева, и он в своих проповедях по случаю нападения Руси на Царьград и в последовавшем за тем окружном послании объясняет происхождение этой русской дерзости. Народ, ни кем не знаемый до этого нападения, ничтожный, по словам Фотия, вдруг стал пресловутым, прославленным после этого отважного дела, а отвага внушена была ему тем, что недавно он поработил соседние племена, и этот успех сделал его чересчур гордым и дерзким. Значит, как только основалось в Киеве варяжское княжество, отсюда началось сосредоточение сил страны и

вышло первое общерусское предприятие, вызванное общим интересом, обезпечением торговых сношений.

Киевское княжество — первая форма русского государства.

Таковы были условия, при содействии которых возникло великое княжество Киевское. Оно явилось сперва одним из местных варяжских княжеств: Аскольд с братом уселись в Киеве, как простые варяжские конинги, охранявшие внешнюю безопасность и торговые интересы захваченного ими владения. Олег шел по их следам и продолжал их дела. Но военно-промышленное положение Киева сообщило всем им более широкое значение. Киевская земля прикрывала собою с юга всю страну по греко-варяжскому пути; ее торговые интересы разделяла вся страна, ею прикрываемая. Потому, под властью киевского князя волей или неволей соединились другие варяжские княжества и городовые области Руси, и тогда Киевское княжество получило значение русского государства. Это подчинение было вынуждено политической и экономической зависимостью от Киева, в какую эти княжества и области стали с падением хазарского владычества в степи. Поэтому, появление Рюрика в Новгороде, кажется мне, неудобно считать началом русского государства: тогда в Новгороде возникло местное и притом кратковременное варяжское княжество. Русское государство основалось деятельностью Аскольда и потом Олега в Киеве: из Киева, а не из Новгорода пошло политическое объединение русского славянства; Киевское варяжское княжество этих витязей стало зерном того союза славянских и соседних с ними финских племен, который можно признать первоначальной формой русского государства.

Военно-промышленное его происхождение.

Государство становится возможно, когда среди населения, разбитого на бессвязные части с разобщенными или даже враждебными стремлениями, является либо вооружен-

ная сила, способная принудительно сплотить эти бессвязные части, либо общий интерес, достаточно сильный, чтобы добровольно подчинить себе эти разобщенные или враждебные стремления. В образовании русского государства принимали участие оба указанные фактора, общий интерес и вооруженная сила. Общий интерес состоял в том, что все торговые города Руси с появлением наводнивших степь печенегов почувствовали потребность в вооруженной силе, способной оградить пределы страны и ее степные торговые дороги от внешних нападений. Главным исходным пунктом, из которого выходили русские торговые караваны к черноморским и каспийским рынкам по степным рекам, был Киев. Как скоро здесь явилась вооруженная сила, доказавшая свою способность удовлетворять указанным потребностям страны, этой силе добровольно подчинились все торговые города Руси с их областями. Этой силой был варяжский князь со своей дружиной. Став носителем и охранителем общего интереса, подчинившего ему торговые города страны, этот князь с дружиной из вооруженной силы превращается в *политическую власть*. Но пользуясь новыми средствами, которые доставляла ему эта власть, князь начал насильственно подчинять себе и другие племена, не разделявшие этого общего интереса, слабо участвовавшие в торговых оборотах страны. Завоеванием этих племен, удаленных от центральной речной дороги, завершено было политическое объединение восточных славян. Так, повторяю, в образовании русского государства участвовали и общий интерес, и вооруженная завоевательная сила, потому что общий интерес соединился с завоевательной силой: нужды и опасности русской торговли вызвали к действию на ее защиту вооруженную дружину с князем во главе, а эта

дружина, опираясь на одни племена, завоевала другие. Прочтите внимательно рассказ Начальной летописи о киевских князьях IX и X вв. и пред вами раскроется это двойственное военно-промышленное происхождение Киевского княжества, древнейшей формы русского государства. Первые племена, примкнувшие к Киевскому княжеству и усердно поддерживавшие его князей в заморских походах, были именно племена, жившие по главной речной дороге Днепра-Волхова и тяготевшие к большим торговым городам. Эти племена легко подчинялись власти киевского князя. Славяне новгородские, призвавшие князей, пытавшиеся бунтовать против Рюрика и потом покинутые Олегом и Игорем для Киева, повиновались им безропотно. Чтобы подчинить другие племена, иногда достаточно было одного похода, даже без борьбы: так были покорены кривичи смоленские и северяне. Напротив, племена, обитавшие в стороне от этой речной дороги, среди которых не было бо́льших торго́вых городов, т.-е. значительного вооруженного купечества, долго противились власти новых правителей и покорились им только после упорной, не раз возобновлявшейся борьбы. Так после многих трудных походов были покорены древляне и радимичи; с такими же усилиями были покорены и вятичи в конце X в., спустя столетие после основания Киевского княжества. Таков был окончательный факт, завершивший собою ряд сложных процессов юридических, экономических и политических, начавшихся расселением восточных славян по русской равнине. Перечислю еще раз эти процессы.

Обзор изученного.

Мы застаем восточных славян в VII и VIII вв. на походе, в состоянии все усиливавшегося общественного разложения. Образовавшийся между ними на Карпатах воен-

ный союз распался на составлавшие его племена, племена разложились на роды, даже роды начали дробиться на мелкие дворы или семейные хозяйства, какими эти славяне стали жить на днепровском новосельи. Но здесь под действием новых условий завязался среди них обратный процесс постепенного взаимного сцепления; только связующим элементом в новых общественных построениях служило уже не чувство кровного родства, а экономический интерес, вызванный к действию свойствами страны и внешними обстоятельствами. Южные реки равнины и наложенное со стороны иго втянуло восточных славян в оживленную внешнюю торговлю. Эта товговля стянула разбросанные одинокие дворы в сельские торговые средоточия, погосты, потом—в большие торговые города с их областями. Новые внешние опасности с начала IX в. вызвали новый ряд переворотов. Торговые города вооружились; тогда они из главных складочных пунктов торговли превратились в политические центры, а их торговые округа стали их государственными территориями, городовыми областями; некоторые из этих областей сделались варяжскими княжествами, а из соединения тех и других образовалось великое княжество Киевское, древнейшая форма русского государства. Такова связь экономических и политических фактов в нашей начальной истории: экономические интересы последовательно превращались в общественные связи, из которых выростали политические союзы.

Теперь, изучив ряд древнейших явлений нашей истории, припомним тот исходный вопрос, от которого мы отправились в этом изучении. Обращаясь к первому периоду нашей истории, я изложил два взгляда на ее начало. Одни начинают ее довольно поздно, не ранее половины IX в., с прихода варягов, заставших восточных славян

в диком состоянии, без всяких зачатков гражданственности; другие отодвигают начало нашей истории в туманную даль дохристианской древности. Припомнив изученные нами факты и извлеченные из них выводы, мы можем установить свое отношение к тому и другому взгляду. Наша история не так стара, как думают одни, началась гораздо позднее начала христианской эры; но она и не так запоздала, как думают другие: около половины IX в. она не начиналась, а уже имела за собою некоторое прошедшее, только не многовековое, считавшее в себе два с чем-нибудь столетия.

Лекция X.

Деятельность первых киевских князей.—Объединение восточных славянских племен под властью киевского князя.— Устройство управления. Налоги; повозы и полюдья.—Связь управления с торговым оборотом.—Внешняя деятельность киевских князей.—Договоры и торговые сношения Руси с Византией.—Значение этих договоров и сношений в истории русского права.— Внешние затруднения и опасности русской торговли.—Оборона степных границ.—Русская земля в половине XI в.—Население и пределы.—Значение великого князя киевского.—Княжеская дружина; ее политическая и экономическая близость к купечеству больших городов.—Варяжский элемент в составе этого купечества.—Рабовладение, как первоначальная основа сословного деления.—Варяжский элемент в составе дружины.—Разновременные значения слова *Русь*.—Превращение племен в сословия.

Мы старались рассмотреть факт, скрытый в рассказе Начальной летописи о первых киевских князьях, который можно было бы признать началом русского государства. Мы нашли, что сущность этого факта такова: приблизительно к половине IX в. внешние и внутренние отношения в торгово-промышленном мире русских городов сложились в такую комбинацию, в силу которой охрана границ страны и ее внешней торговли стала их общим интересом, подчинившим их князю киевскому и сделавшим Киевское варяжское княжество зерном рус-

ского государства. Этот факт надобно относить ко второй половине IX в.: точнее я не решаюсь обозначить его время.

Направление деятельности киевских князей.

Общий интерес, создавший великое княжество Киевское, охрана границ и внешней торговли, направлял и его дальнейшее развитие, руководил как внутренней, так и внешней деятельностью первых киевских князей. Читая начальный летописный свод, встречаем ряд полуисторических и полусказочных преданий, в которых историческая правда сквозит чрез прозрачную ткань поэтической саги. Эти предания повествуют о князьях киевских IX и X вв. Олеге, Игоре, Святославе, Ярополке, Владимире. Вслушиваясь в эти смутные предания, без особенных критических усилий можно уловить основные побуждения, которые направляли деятельность этих князей.

Покорение восточного славянства.

Киев не мог остаться стольным городом одного из местных варяжских княжеств; он имел общерусское значение, как узловой пункт торгово-промышленного движения, и потому стал центром политического объединения всей земли. Деятельность Аскольда, повидимому, ограничивалась ограждением внешней безопасности Киевской области: из летописи не видно, чтобы он покорил какое-либо из окольных племен, от которых оборонял своих полян, хотя слова Фотия о Росе, возгордившемся порабощением окрестных племен, как будто намекают на это. Первым делом Олега в Киеве летопись выставляет расширение владений, собирание восточного славянства под своею властью. Летопись ведет это дело с подозрительной последовательностью, присоединяя к Киеву по одному племени ежегодно. Олег занял Киев в 882 году; в 883 году были покорены древляне, в 884 северяне, в 885 радимичи; после того длинный ряд лет оставлен пустым. Очевидно, это порядок летописных воспоминаний или со-

ображений, а не самых событий. К началу XI в. все племена восточных славян были приведены под руку киевского князя; вместе с тем племенные названия появляются все реже, заменяясь областными по именам главных городов. Расширяя свои владения, князья киевские устанавливали в подвластных странах государственный порядок, прежде всего, разумеется, администрацию налогов. Старые городовые области послужили готовым основанием административного деления земли. В подчиненных городовых областях по городам Чернигову, Смоленску и др. князья сажали своих наместников, *посадников*, которыми были либо их наемные дружинники, либо собственные сыновья и родственники. Эти наместники имели свои дружины, особые вооруженные отряды, действовали довольно независимо, стояли лишь в слабой связи с государственным центром, с Киевом, были такие же конунги, как и князь киевский, который считался только старшим между ними и в этом смысле назывался «великим князем русским» в отличие от князей местных, наместников. Для увеличения важности киевского князя и эти наместники его в дипломатических документах величались «великими князьями». Так по предварительному договору с греками 907 г. Олег потребовал «укладов» на русские города Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие города, «по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще». Это были еще варяжские княжества, только союзные с киевским: *князь* сохранял тогда прежнее военно-дружинное значение, не успев еще получить значения династического. Генеалогическое пререкание, какое затеял под Киевом Олег, упрекая Аскольда и Дира за то, что они княжили в Киеве, не будучи князьями, «ни рода княжа»,—

притязание Олега, предупреждавшее ход событий, а еще вероятнее—такое же домышление самого составителя летописного свода. Некоторые из наместников, покорив то или другое племя, получали его от киевского князя в управление с правом собирать с него дань в свою пользу, подобно тому как на западе в IX в. датские викинги, захватив ту или другую приморскую область империи Карла Великого, получали ее от франкских королей в лен, т.-е. в кормление. Игорев воевода Свенельд, победив славянское племя улучей, обитавшее по нижнему Днепру, получал в свою пользу дань не только с этого племени, но и с древлян, так что его дружина, *отроки*, жила богаче дружины самого Игоря.

Налоги.

Главной целью княжеской администрации был сбор налогов. Олег, как только утвердился в Киеве, занялся установлением даней с подвластных племев. Ольга объезжала подвластные земли и также вводила «уставы и оброки, дани и погосты», т.-е. учреждала сельские судебно-административные округа и устанавливала податные оклады. Дань обыкновенно платили натурою, преимущественно мехами, «скорою». Впрочем, из летописи узнаем, что неторговые радимичи и вятичи в IX и X вв. платили дань хазарам, а потом киевским князьям «по шлягу от рала», с плуга или сохи. Под *шлягами* (skilling) надобно разуметь, вероятно, всякие иноземные металлические деньги, обращавшиеся тогда на Руси, преимущественно серебряные арабские диргемы, которые путем торговли в изобилии приливали тогда на Русь. Дань получалась двумя способами: либо подвластные племена привозили ее в Киев, либо князья сами ездили за нею по племенам. Первый способ сбора дани назывался *повозом*, второй *полюдьем*. Полюдье — это административно - финансовая

поездка князя по подвластным племенам. Император Константин Багрянородный в своем сочинении *О народах*, писанном в половине X в., рисует изобразительную картину полюдья современного ему русского князя. Как только наступал месяц ноябрь, русские князья «со всею Русью» (μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς), т. е. с дружиной, выходили из Киева εἰς τὰ πολίδια, в городки, т. е. на *полюдье*, о котором ему говорили его славяно-русские рассказчики и которое он по созвучию приурочил к этому греческому слову. Князья отправлялись в славянские земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, плативших дань Руси, и кормились там в течение всей зимы, а в апреле месяце, когда проходил лед на Днепре, спускались опять к Киеву. Между тем как князья с Русью блуждали по подвластным землям, славяне, платившие дань Руси, в продолжение зимы рубили деревья, делали из них лодки-однодеревки и весной, когда вскрывались реки, Днепром и его притоками сплавляли к Киеву, вытаскивали на берег и продавали Руси, когда она по полой воде возвращалась с полюдья. Оснастив и нагрузив купленные лодки, Русь в июне спускала их по Днепру к Витичеву, где поджидала несколько дней, пока по тому же Днепру собирались купеческие лодки из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода. Потом все направлялись вниз по Днепру к морю в Константинополь. Читая этот рассказ императора, легко понять, какими товарами грузила Русь свои торговые караваны лодок, сплавлявшихся летом к Царьграду: это была дань натурой, собранная князем и его дружиной во время зимнего объезда, произведения лесных промыслов, меха, мед, воск. К этим товарам присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины. Почти весь X в. продолжалось покорение славянских и

соседних финских племен из Киева, сопровождавшееся обращением массы побежденных в рабство. Араб Ибн-Даста, писавший в первой половине этого века, говорит о Руси, что она производит набеги на славян, подъезжает к ним на кораблях, высаживается, забирает обывателей в плен и продает другим народам. У византийца Льва Диакона встречаем очень редкое известие, что император Цимисхий по договору со Святославом дозволил Руси привозить в Грецию хлеб на продажу. Главными торговцами были киевское правительство, князь и его „мужи“, бояре. К торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простых купцов, чтобы под прикрытием княжеского конвоя дойти до Царьграда. В договоре Игоря с греками читаем, между прочим, что великий князь русский и его бояре ежегодно могут посылать к великим царям греческим столько кораблей, сколько захотят, с *послами* и с *гостями*, т.-е. со своими собственными приказчиками и с вольными русскими купцами. Этот рассказ византийского императора наглядно указывает нам на тесную связь между ежегодным оборотом политической и экономической жизни Руси. Дань, которую собирал киевский князь, как правитель, составляла в то же время и материал его торговых оборотов: став государем, как конинг, он, как варяг, не переставал еще быть вооруженным купцом. Данью он делился со своею дружиной, которая служила ему орудием управления, составляла правительственный класс. Этот класс действовал, как главный рычаг, в том и в другом обороте, и политическом, и экономическом: зимою он правил, ходил по людям, побирался, а летом торговал тем, что собирал в продолжение зимы. В том же рассказе Константина живо обрисовывается и централизующее значение Киева, как средоточия политиче-

ской и хозяйственной жизни Русской земли. Русь, правительственный класс с князем во главе, своими заморскими торговыми оборотами поддерживала в славянском населении всего днепровского бассейна судовой промысел, находивший себе сбыт на весенней ярмарке однодеревок под Киевом, и каждую весну стягивала сюда же из разных углов страны по греко-варяжскому пути купеческие лодки с товарами лесных зверогонов и бортников. Таким сложным экономическим круговоротом серебряный арабский диргем или золотая застежка византийской работы попадали из Багдада или Царьграда на берега Оки или Вазузы, где их и находят археологи.

Связь управления с торговлей.

Так устроялась *внутренняя* политическая жизнь в Киевском княжестве IX и X вв. Легко заметить основной экономический интерес, руководивший этой жизнью, сближавший и объединявший отдаленные и разрозненные части земли: дань, шедшая киевскому князю с дружиной, питала внешнюю торговлю Руси. Этот же экономический интерес направлял и *внешнюю* деятельность первых киевских князей. Деятельность эта была направлена к двум главным целям: 1) к приобретению заморских рынков, 2) к расчистке и охране торговых путей, которые вели к этим рынкам. Самым видным явлением во внешней истории Руси до половины XI в. по Начальной летописи были военные походы киевских князей на Царьград. До смерти Ярослава их можно насчитать шесть, если не считать похода Владимира на византийскую колонию Херсонес Таврический в 988 году: Аскольдов, который приурочивали к 865 году, а теперь относят к 860 году, Олегов 907 г., два Игоревых, 941 и 944 г., второй болгарский поход Святослава 971 г., превратившийся в войну с греками, и, наконец, поход Ярослава сына Владимира 1043 года.

Достаточно знать причину первого и последнего из этих походов, чтобы понять главное побуждение, которое их вызывало. При Аскольде Русь напала на Царьград, раздраженная, по словам патр. Фотия, умерщвлением своих земляков, очевидно, русских купцов, после того как византийское правительство отказало в удовлетворении за эту обиду, расторгнув тем свой договор с Русью. В 1043 году Ярослав послал на греков своего сына с флотом, потому что в Константинополе избили русских купцов и одного из них убили. Итак, византийские походы вызывались, большею частью, стремлением Руси поддержать или восстановить порывавшиеся торговые сношения с Византией. Вот почему они оканчивались обыкновенно торговыми трактатами. Такой торговый характер имеют все дошедшие до нас договоры Руси с греками X в. Из них дошли до нас два договора Олега, один Игорев и один краткий договор или только начало договора Святославова. Договоры составлялись на греческом языке и с надлежащими изменениями формы переводились на язык понятный Руси. Читая эти договоры, легко заметить, какой интерес связывал в X в. Русь с Византией Всего подробнее и точнее определен в них порядок ежегодных торговых сношений Руси с Византией, а также порядок частных отношений русских в Константинополе к грекам: с этой стороны договоры отличаются замечательной выработкой юридических норм, особенно международного права.

Договоры и торговля с Византией.

Ежегодно летом русские торговцы являлись в Царьград на торговый сезон, продолжавшийся 6 месяцев; по договору Игоря никто из них не имел права оставаться там на зиму. Русские купцы останавливались в предместьи Константинополя у св. Мамы, где находился некогда монастырь св. Маманта. Со времени того же договора импера-

торские чиновники отбирали у прибывших купцов княжескую грамоту с обозначением числа посланных из Киева кораблей и переписывали имена прибывших княжеских послов и простых купцов, гостей, „да увемы и мы, прибавляют греки от себя в договоре, оже с миром приходят»: это была предосторожность, чтобы под видом агентов киевского князя не прокрались в Царьград русские пираты. Русские послы и гости во все время своего пребывания в Константинополе пользовались от мѣстного правительства даровым кормом и даровой баней—знак, что на эти торговые поездки Руси в Константинополе смотрели не как на частные промышленные предприятия, а как на торговые посольства союзного киевского двора. По свидетельству Льва Диакона, такое значение русских торговых экспедиций в Византию было прямо оговорено в трактате Цимисхия со Святославом, где император обязался принимать приходящих в Царьград для торговли руссов в качестве союзников, «как искони повелось» (καθάπερ ἀνέκαθεν ἔθιμον ἦν). Надобно заметить при этом, что Русь была платной союзницей Византии, обязывалась договорами за условленную «дань» оказывать грекам некоторые оборонительные услуги на границах империи. Так договор Игоря обязывал русского князя не пускать Черных болгар в Крым «пакостить» в стране Корсунской. Торговые послы Руси получали в Царьграде свои посольскіе оклады, а простые купцы *месячину*, месячный корм, который им раздавался в известном порядке по старшинству русских городов, сначала киевским, потом черниговским, переяславским и из прочих городов. Греки побаивались Руси, даже приходившей с законным видом: купцы входили в город со своими товарами непременно без оружия, партиями не больше 50 человек

одними воротами, с императорским приставом, который наблюдал за правильностью торговых сделок покупателей с продавцами; в договоре Игоря прибавлено: «входяще же Русь в град, да не творят пакости». По договору Олега русские купцы не платили никакой пошлины. Торговля была преимущественно меновая: этим можно объяснить сравнительно малое количество византийской монеты, находимой в старинных русских кладах и курганах. Меха, мед, воск и челядь Русь меняла на паволоки (шелковые ткани), золото, вина, овощи. По истечении торгового срока, уходя домой, Русь получала из греческой казны на дорогу продовольствие и судовые снасти, якори, канаты, паруса, все, что ей надобилось.

Ихъ значение в истории права.

Такой порядок торговых сношений Руси с Византией установлен был договорами Олега и Игоря. Разностороннее культурное значение их для Руси понятно само собою: достаточно припомнить, что они были главным средством, подготовившим принятие христианства Русью и именно из Византии. Но надобно теперь же отметить в них одну сторону, которая могла возыметь свое действие еще до принятия христианства,—сторону юридическую. Правовые отношения между русскими и греками в Константинополе определялись, уголовные и гражданские правонарушения, между ними случавшиеся, разбирались «по закону греческому и по уставу и по закону русскому». Так возникали смешанные нормы, комбинированные из двух прав, которые излагались в договорах. В них иногда трудно различить составные элементы, римско-византийский и русский, притом русский двойственный, варяжский и славянский. Договоры самй по себе, как дипломатические документы, лежавшие в киевском княжеском архиве, не могли оказать прямого действия на русское право. Они имеют важное

научное значение, как древнейшие письменные памятники, в которых проступают черты этого права, хотя изучая их, не всегда можно решить, имеем ли мы перед собою чистую русскую норму или разбавленную византийской примесью. Но отношения, в которые становилась Русь, имевшая дела с Константинополем, не могли остаться без влияния на юридические ее понятия и сами по себе, как непохожие на то, что было на Днепре или Волхове. В юридическое мышление этих людей иное греко-римское понятие могло запасть также невзначай, как в некоторые статьи Олегова договора с греками проскользнула терминология греко-римского права. В Константинополе на императорской службе состояло не мало Руси и крещеной, и поганой. По одной статье Олегова договора, если кто из таких русских умрет, не урядив своего имения, не оставив завещания, а «своих не имать», его имение передается «к малым ближикам в Русь». *Свои*—это римское sui, нисходящие, а *малые ближики* или просто ближики, как читаем в некоторых древнерусских памятниках—proximi, οἱ πλησίον, боковые. Русь, торговавшая с Византией, была у себя дома господствующим классом, который обособлялся от туземного славянства сначала иноплеменным происхождением, а потом, ославянившись, сословными привилегиями. Древнейшие русские письменные памятники воспроизводят преимущественно право этой привилегированной Руси и только отчасти, по соприкосновению, туземный, народный правовой обычай, которого нельзя смешивать с этим правом. Мы припомним это замечание, когда будем изучать Русскую Правду.

Охрана торговых путей

Другою заботой киевских князей была поддержка и охрана торговых путей, которые вели к заморским рынкам. С появлением печенегов в южно-русских степях это стало очень трудным делом. Тот же император Констан-

тин, описывая торговые плавания Руси в Царьград, ярко рисует затруднения и опасности, какие приходилось ей одолевать на своем пути. Собранный пониже Киева под Витичевом караван княжеских, боярских и купеческих лодок в июне отправлялся в путь. Днепровские пороги представляли ему первое и самое тяжелое препятствие. Вы знаете, что между Екатеринославом и Александровском, там, где Днепр делает большой и крутой изгиб к востоку, он на протяжении 70 верст пересекается отрогами Авратынских возвышенностей, которые и заставляют его делать этот изгиб. Отроги эти принимают здесь различные формы; по берегам Днепра рассеяны огромные скалы в виде отдельных гор; самые берега поднимаются отвесными утесами высотой до 35 саж. над уровнем воды и сжимают широкую реку; русло ея загромождается скалистыми островами и перегораживается широкими грядами камней, выступающих из воды заостренными или закругленными верхушками. Если такая гряда сплошь загораживает реку от берега до берега, это—*порогъ*; гряды, оставляющие проход судам, называются *заборами*. Ширина порогов по течению до 150 саженей; один тянется даже на 350 саж. Скорость течения реки вне порогов не более 25 саж. в минуту, в порогах до 150 саж. Вода, ударяясь о камни и скалы, несется с шумом и широким волнением. Значительных порогов теперь считают до 10, во времена Константина Багрянородного считалось до 7. Небольшие размеры русских однодеревок облегчали им прохождение порогов. Мимо одних Русь, высадив челядь на берег, шестами проталкивала свои лодки, выбирая в реке вблизи берега места, где было поменьше камней. Перед другими, более опасными, она высаживала на берег и выдвигала в степь вооружен-

ный отряд для охраны каравана от поджидавших его печенегов, вытаскивала из реки лодки с товарами и тащила их волоком или несла на плечах и гнала скованную челядь. Выбравшись благополучно из порогов и принесши благодарственные жертвы своим богам, она спускалась в днепровский лиман, отдыхала несколько дней на острове св. Елевферия (ныне Березань), исправляла судовые снасти, готовясь к морскому плаванию, и держась берега, направлялась к устьям Дуная, все время преследуемая печенегами. Когда волны прибивали лодки к берегу, руссы высаживались, чтобы защитить товарищей от подстерегавших их преследователей. Дальнейший путь от устьев Дуная был безопасен. Читая подробное описание этих царьградских поездок Руси у императора, живо чувствуешь, как нужна была русской торговле вооруженная охрана при движении русских купцов к их заморским рынкам. Недаром Константин заканчивает свой рассказ замечанием, что это—мучительное плавание, исполненное невзгод и опасностей.

Оборона степных границ.

Но засаривая степные дороги русской торговли, кочевники безпокоили и степные границы Русской земли. Отсюда третья забота киевских князей—ограждать и оборонять пределы Руси от степных варваров. С течением времени это дело становится даже господствующим в деятельности киевских князей вследствие все усиливавшегося напора степных кочевников. Олег, по рассказу Повести временных лет, как только утвердился в Киеве, начал города ставить вокруг него. Владимир, став христианином, сказал „худо, что мало городов около Киева“, и начал строить города по Десне, Трубежу, Стугне, Суле и другим рекам. Эти укрепленные пункты заселялись боевыми людьми, „мужами лучшими“, по выражению лето-

писи, которые вербовались из разных племен, славянских и финских, населявших русскую равнину. С течением времени эти укрепленные места соединялись между собою земляными валами и лесными засеками. Так по южным и юго-восточным границам тогдашней Руси, на правой и левой стороне Днепра, выведены были в X и XI вв. ряды земляных окопов и сторожевых „застав", городков, чтобы сдерживать нападения кочевников. Все княжение Владимира Св. прошло в упорной борьбе с печенегами, которые раскинулись по обеим сторонам нижнего Днепра восемью ордами, делившимися каждая на пять колен. Около половины X в., по свидетельству Константина Багрянородного, печенеги кочевали на расстоянии одного дня пути от Руси, т.-е. от Киевской области. Если Владимир строил города по р. Стугне (правый приток Днепра), значит, укрепленная южная степная граница Киевской земли шла по этой реке, на расстоянии не более одного дня пути от Киева. В начале XI в. встречаем указание на успех борьбы Руси со степью. В 1006—7 г. чрез Киев проезжал немецкий миссионер Бруно, направляясь к печенегам для проповеди Евангелия. Он остановился погостить у князя Владимира, которого в письме к императору Генриху II называет сеньором Руссов (senior Ruzorum). Князь Владимир уговаривал миссионера не ездить к печенегам, говоря, что у них он не найдет душ для спасения, а скорее сам погибнет позорною смертью. Князь не мог уговорить Бруно и вызвался проводить его со своей дружиной (cum exercitu) до границ своей земли, „которые он со всех сторон оградил крепким частоколом на весьма большом протяжении по причине скитающихся около них неприятелей". В одном месте князь Владимир провел немцев воротами

чрез эту линию укреплений и, остановившись на сторожевом степном холме, послал сказать им: „вот я довел вас до места, где кончается моя земля и начинается неприятельская“. Весь этот путь от Киева до укрепленной границы пройден был в два дня. Мы заметили выше, что в половине X в. линия укреплений по южной границе шла на расстоянии одного дня пути от Киева. Значит, в продолжение полувековой упорной борьбы при Владимире Русь успела пробиться в степь на один день пути, т.-е. передвинуть укрепленную границу на линию р. Роси, где преемник Владимира Ярослав «поча ставити городы», населяя их пленными ляхами.

Так первые киевские князья продолжали начавшуюся еще до них деятельность вооруженных торговых городов Руси, поддерживая сношения с приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси от степных ее соседей.

Население и пределы Русской земли в XI в.

Описавши деятельность первых киевских князей, сведем ее результаты, бросим беглый взгляд на состояние Руси около половины XI в. Своим мечом первые киевские князья очертили довольно широкий круг земель, политическим центром которых был Киев. Население этой территории было довольно пестрое; в состав его постепенно вошли не только все восточные славянские племена, но и некоторые из финских: чудь прибалтийская, весь белозерская, меря ростовская и мурома по нижней Оке. Среди этих инородческих племен рано появились русские города. Так среди прибалтийской чуди при Ярославе возник Юрьев (Дерпт), названный так по христианскому имени Ярослава; еще раньше являются правительственные русские средоточия среди финских племен на востоке, среди муромы, мери и веси, Муром, Ростов и Бело

зерся. Ярослав построил еще на берегу Волги город, названный по его княжескому имени Ярославлем. Русская территория таким образом простиралась от Ладожского озера до устьев реки Роси, правого притока Днепра, и Ворсклы или Псла, левых притоков; с востока на запад она шла от устья Клязьмы, на которой при Владимире Мономахе возник г. Владимир (Залесский), до области верховьев Западного Буга, где еще раньше, при Владимире Св. возник другой г. Владимир (Волынский). Страна древних хорватов Галиция была в X и XI вв. спорным краем, переходившим между Польшей и Русью из рук в руки. Нижнее течение реки Оки, которая была восточной границею Руси, и низовья южных рек Днепра, Восточного Буга и Днестра находились, повидимому, вне власти киевского князя. В стороне Русь удерживала еще за собой старую колонию Тмуторокань, связь с которой поддерживалась водными путями по левым притокам Днепра и рекам Азовского моря.

Характер государства.

Разноплеменное население, занимавшее всю эту территорию, вошло в состав великого княжества Киевского или Русского государства. Но это Русское государство еще не было государством русского народа, потому что еще не существовало самого этого народа: к половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом выработается русская народность. Все эти разноплеменные элементы пока были соединены чисто механически; связь нравственная,—христианство—распространялась медленно и не успела еще захватить даже всех славянских племен Русской земли: так вятичи не были христианами еще в начале XII в. Главной механической связью частей населения Русской земли была княжеская администрация с ее посадниками,

данями и пошлинами. Во главе этой администрации стоял великий князь киевский. Нам уже известен характер его власти, как и ее происхождение; он вышел из среды тех варяжских викингов, вождей военно-промышленных компаний, которые стали появляться на Руси в IX в.; это был первоначально наемный вооруженный сторож Руси и ее торговли, ее степных торговых путей и заморских рынков, за что он получал корм с населения. Завоевания и столкновения с чуждыми политическими формами клали заимствованные черты на власть этих наемных военных сторожей и осложняли ее, сообщая ей характер верховной государственной власти: так в X в. наши князья под хазарским влиянием любили величаться „каганами". Из слов Ибн-Дасты видно, что в первой половине X в. обычным названием русского князя было „хакан-рус", русский каган. Русский митрополит Иларион, писавший в половине XI в., в похвальном слове Владимиру Святому дает даже этому князю хазарский титул кагана. Вместе с христианством стала проникать на Русь струя новых политических понятий и отношений. На киевского князя пришлое духовенство переносило византийское понятие о государе, поставленном от Бога не для внешней только защиты страны, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка. Тот же митрополит Иларион пишет, что князь Владимир «часто с великим смирением советовался с отцами своими епископами о том, как уставить закон среди людей, недавно познавших Господа". И рассказ начального летописного свода выводит Владимира в совете с епископами, которые внушают ему мысль о необходимости князю казнить разбойников, потому что он поставлен от Бога казнить злых и миловать добрых.

Дружина

Теперь бросим взгляд на состав русского общества, которым правил великий князь киевский. Высшим классом этого общества, с которым князь делил труды управления и защиты земли, была княжеская дружина. Она делилась на высшую и низшую: первая состояла из *княжих мужей* или *бояр*, вторая из *детских* или *отроков*; древнейшее собирательное название младшей дружины *гридь* или *гридьба* (скандин. grid—дворовая прислуга) заменилось потом словом *двор* или *слуги*. Эта дружина вместе со своим князем вышла, как мы знаем, из среды вооружённого купечества больших городов. В XI в. она еще не отличалась от этого купечества резкими чертами ни политическими, ни экономическими. Дружина княжества составляла собственно военный класс; но и большие торговые города были устроены по военному, образовали каждый цельный организованный полк, называвшийся *тысячей*, которая подразделялась на *сотни и десятки* (батальоны и роты). Тысячей командовал выбиравшийся городом, а потом назначаемый князем тысяцкий, сотнями и десятками также выборные сотские и десятские. Эти выборные командиры составляли военное управление города и принадлежавшей ему области, военно - правительственную старшину, которая называется в летописи „старцами градскими“. Городовые полки, точнее говоря, вооруженные города принимали постоянное участие в походах князя наравне с его дружиной. С другой стороны, дружина служила князю орудием управления: члены старшей дружины бояре, составляли думу князя, его государственный совет. „Бе Волидимир, говорит об нем летопись, любя дружину и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем“. Но в этой дружинной или боярской думе сидели и „старцы градские“, т.-е. выборные военные власти

города Киева, может быть, и других городов, тысяцкие и сотские. Так самый вопрос о принятии христианства был решен князем по совету с боярами, „старцами градскими“. Эти старцы или старейшины городские являются об руку с князем, вместе с боярами, в делах управления, как и при всех придворных торжествах, образуя как бы земскую аристократию рядом с княжеской служилой. На княжий пир по случаю освящения церкви в Василеве в 996 году званы были вместе с боярами и посадниками и „старейшины по всем градом“. Точно также по распоряжению Владимира на его воскресные пиры в Киеве положено было приходить боярам, гриди, сотским, десятским и всем нарочитым мужам. Но составляя военно-правительственный класс, княжеская дружина в то же время оставалась еще во главе русского купечества, из которого выделилась, принимала деятельное участие в заморской торговле. Это русское купечество около половины X в. далеко еще не было славяно-русским. Договор Игоря с греками заключили в 945 году послы от киевского правительства и гости, купцы, которые вели торговые дела с Византией. Те и другие говорят о себе в договоре: „мы от рода *русского* сли и гостье“. Все это были варяги. В перечне 25 послов нет ни одного славянского имени; из 25 или 26 купцов только одного или двоих можно признать славянами. Указывая на близость тогдашнего русского купечества к киевскому правительству, призвавшему купцов к участию в таком важном дипломатическом акте, договор вскрывает и роль варягов в заморской русской торговле того времени: как люди бывалые и привычные к морю, варяги, входившие в состав туземного купечества, служили его комиссионерами, посредниками между ними и заморскими рынками. Сторон-

Варяжский элемент.

ним наблюдателям оба класса, княжеская дружина и городское купечество, представлялись одним общественным слоем, который носил общее название *Руси* и, по замечанию восточных писателей X в., занимался исключительно войной и торговлей, не имел ни деревень, ни пашен, т.-е. не успел еще сделаться землевладельческим классом. Следы землевладения у служилых людей появляются в памятниках не ранее XI столетия; оно и провело экономическую и юридическую грань между княжеской дружиной и городовым купечеством, но уже несколько позднее: в более раннее время, может быть, и городские купцы бывали землевладельцами, как это видим потом в Новгороде и Пскове. В Русской Правде сословное деление основывается на отношении лиц к князю, как верховному правителю. Княж муж, боярин, приобретая землю, становился привилегированным землевладельцем, как привилегированный слуга князя. Но первоначальным основанием сословного деления русского общества, может быть, еще до князей, служило, повидимому, *рабовладение*. В некоторых статьях Русской Правды упоминается привилегированный класс, носящий древнее название *огнищан*, которое в других статьях заменено более поздним термином *княжи мужи*; убийство огнищанина, как и княжа мужа, оплачивается двойною вирой. В древних памятниках славяно-русской письменности слово *огнище* является со значением челяди; следовательно, огнищане были рабовладельцы. Можно думать, что так назывался до князей высший класс населения в больших торговых городах Руси, торговавший преимущественно рабами. Но если княжеская дружина в XI в. еще не успела резко обособиться от городского купечества ни политически, ни экономически, то можно заметить между ними различие

Рабовладение.

племенное. Княжеская дружина принимала в свой состав и туземные силы, преимущественно из городской военно-правительственной старшины. Но по спискам киевских послов, заключавших договоры с греками в X в., можно видеть, что решительное большинство в тогдашнем составе княжеской дружины принадлежало «находникам», как их называет летопись, заморским варягам. Повидимому варяжский элемент преобладал в составе дружины еще и в XI в. Русское общество того времени привыкло считать русского боярина варягом. Есть любопытный памятник, относящийся к первым временам христианства на Руси: это слова на св. четыредесятницу с предшествующими ей неделями. В одном из этих несомненно русских произведений, в слове на неделю мытаря и фарисея, следовательно на тему о смирении, мы встречаем одно любопытное указание проповедника. Внушая знати не кичиться своей знатностью, проповедник говорит: «не хвались родом ты, благородный, не говори: отец у меня боярин, а *мученики Христовы братья мне*». Это намек на христиан-варягов, отца с сыном, пострадавших от киевских язычников при князе Владимире в 983 году. Значит, русскому обществу XI в. боярин русский представлялся непременно родичем, земляком киевских мучеников-варягов, хотя в X и в начале XI в. известно по летописи немало княжих мужей из туземцев славян. Слово писано, когда совершалось племенное обновление княжеской дружины, но еще не успели соответственно измениться привычные социальные представления. Княжеская дружина, служа орудием администрации в руках киевского князя, торгуя вместе с купечеством больших городов, носила вместе с ним специальное название *Руси*. До сих пор не объяснено удовлетвори-

Слово *Русь*.

тельно ни историческое происхождение, ни этимологическое значение этого загадочного слова. По предположению автора древней Повести о Русской земле первоначальное значение его было племенное; так называлось то варяжское племя, из которого вышли первые наши князья. Потом это слово получило сословное значение: Русью в X в. по Константину Багрянородному и арабским писателям назывался высший класс русского общества, преимущественно княжеская дружина, состоявшая в большинстве из тех же варягов. Позднее Русь или *Русская земля*,—выражение, впервые появляющееся в Игоревом договоре 945 года, — получило географическое значение: так называлась преимущественно Киевская область, где гуще осаживались пришлые варяги [„поляне, яже ныне зовомая Русь", по выражению Начальной летописи]. Наконец, XI—XII в., когда Русь, как племя, слилась с туземными славянами, оба эти термина *Русь* и *Русская земля*, не теряя географического значения, являются со значением политическим: так стала называться вся территория, подвластная русским князьям, со всем христианским славяно-русским ее населением. Но в X в. от смешанного высшего класса, называвшегося Русью, военного и промышленного, в значительном количестве пришлого, еще резко отличалось туземное низшее население, славянское простонародье, платившее дань Руси. Скоро и это простонародье обозначится в наших памятниках не как туземная масса, платящая дань пришлым иноплеменникам, а в виде низших классов русского общества, отличающихся правами и обязанностями от верхних слоев того же единоплеменного им русского общества. Так и в нашей истории вы наблюдаете процесс превращения в сословия племен, сведенных судьбой для совместной

Превращение племен в сословия.

жизни в одном государственном союзе, с преобладанием одного племени над другими. Можно теперь же отметить особенность, отличавшую наш процесс от параллельных ему, известных вам из истории Западной Европы: у нас пришлое господствующее племя, прежде чем превратиться в сословие, сильно разбавлялось туземной примесью. Это лишало общественный склад рельефных сословных очертаний, зато смягчало социальный антагонизм.

В таких чертах представляется нам состояние Русской земли около половины XI в. С этого времени до исхода XI в., т.-е. до конца первого периода нашей истории, политический и гражданский порядок, основания которого были положены старыми волостными городами и потом первыми киевскими князьями, получает дальнейшее развитие. Переходим к изучению явлений, в которых обнаружилось это развитие, и прежде всего изучим факты политические, т.-е. порядок княжеского владения, установившийся на Руси по смерти Ярослава.

Лекция XI.

Порядок княжеского владения Русской землей после Ярослава.— Неясность порядка до Ярослава.—Раздел земли между сыновьями Ярослава и его основание. — Дальнейшие перемены в распорядке наделов.—Очередь старшинства во владении, как основа порядка.— Его схема. Происхождение очередного порядка.—Практическое его действие.—Условия, его расстраивавшие ряды и усобицы князей: мысль об отчине; выделение князей-изгоев; личные доблести князей; вмешательство волостных городов. — Значение очередного порядка.

Нам предстоит изучить политический строй, устанавливавшийся в Русской земле с половины XI в., по смерти Ярослава. Различные общественные силы и исторические условия участвовали в созидании этого строя; но основанием его служил *порядок княжеского владения* Русской землей, действовавший в это время. На нем прежде всего и остановимся.

Княжеское владение до Ярослава.

Довольно трудно сказать, какой порядок княжеского владения существовал на Руси при предшественниках Ярослава и даже существовал ли какой-либо определенный порядок. Иногда власть как будто переходила от одного князя к другому по старшинству: так преемником Рюрика был не малолетний сын его Игорь, а родственник Олег, по преданию его племянник. Иногда всею землею правил, повидимому, один князь; но можно заметить, что это бы-

вало тогда, когда не оставалось налицо других взрослых князей. Следовательно, единовластие до половины XI в. было политическою случайностью, а не политическим порядком. Как скоро у князя подрастало несколько сыновей, каждый из них, несмотря на возраст, обыкновенно еще при жизни отца получал известную область в управление. Святослав, оставшийся после отца малолетним, однако еще при его жизни княжил в Новгороде. Тот же Святослав потом, собираясь во второй поход на Дунай против болгар, роздал волости на Руси трем своим сыновьям; точно так же поступил со своими сыновьями и Владимир. При отце сыновья правили областями в качестве его посадников (наместников) и платили, как посадники, дань со своих областей великому князю-отцу. Так о Ярославе летопись замечает, что он, правя при отце Новгородом, давал Владимиру ежегодную урочную дань по 2000 гривен: „так, прибавляет летописец, и все *посадники* новгородские платили“. Но когда умирал отец, тогда, повидимому, разрывались все политические связи между его сыновьями: политической зависимости младших областных князей от старшего их брата, садившегося после отца в Киеве, незаметно. Между отцом и детьми действовало семейное право; но между братьями не существовало, повидимому, никакого установленного, признанного права, чем и можно объяснить усобицу между сыновьями Святослава и Владимира. Впрочем, мелькает неясная мысль о праве старшинства. Мысль эту высказал один из сыновей Владимира князь Борис. Когда ему по смерти отца дружина советовала занять киевский стол помимо старшего брата Святополка, Борис отвечал: «не буди мне възняти рукы на брата своего старейшего; аще и отець ми умре, то сь ми буди в отца место».

Раздел после Ярослава.

По смерти Ярослава власть над Русской землей не сосредоточивается более в одном лице: единовластие, случавшееся иногда до Ярослава, не повторяется; никто из потомков Ярослава не принимает, по выражению летописи, „власть русскую всю“, не становится „самовластцем Русстей земли“. Это происходит оттого, что род Ярослава с каждым поколением размножается все более, и земля Русская делится и переделяется между подраставшими князьями. Надобно следить за этими непрерывными дележами, чтобы разглядеть складывавшийся порядок и понять его основы. При этом следует различать схему или норму порядка и его практическое развитие. Первую надобно наблюдать по практике первых поколений Ярославичей, а потом она остается только в понятиях князей, вытесняемая из практики изменяющимися обстоятельствами. Так обыкновенно бывает в жизни: отступая от привычного, затверженного правила под гнетом обстоятельств, люди еще долго донашивают его в своем сознании, которое вообще консервативнее, неповоротливее жизни, ибо есть дело одиночное, индивидуальное, а жизнь изменяется коллективными усилиями и ошибками целых масс. Посмотрим прежде всего, как разделилась Русская земля между Ярославичами тотчас по смерти Ярослава. Их было тогда налицо шестеро: пять сыновей Ярослава и один внук Ростислав от старшего Ярославова сына Владимира, умершего еще при жизни отца. Мы не считаем раньше выделившихся и не принимавших участия в общем владении Ярославичей князей полоцких, потомков старшего Ярославова брата Изяслава, Владимирова сына от Рогнеды. Братья поделились, конечно, по завету отца, и летопись приписывает Ярославу предсмертное изустное завещание, в котором он распределяет Русскую землю между сы-

новьями в том самом порядке, как они владели ею после отца. Старший Ярославич Изяслав сел в Киеве, присоединив к нему и Новгородскую волость: значит, в его руках сосредоточились оба конца речного пути «из Варяг в Греки». Второму сыну Ярослава Святославу досталась область днепровского притока Десны, земля Черниговская с примыкавшей к ней по Оке Муромо-Рязанской окраиной и с отдаленной азовской колонией Руси Тмутороканью. возникшей на месте старинной византийской колонии Таматарха (Тамань) Третий Ярославич Всеволод сел в Переяславле Русском (ныне уездный город Полтавской губернии) и получил в прибавок к этой сравнительно небольшой и окрайной волости оторванный от нее географически край Суздальский и Белозерский по верхнему Поволжью. Четвертый Вячеслав сел в Смоленске, пятый Игорь на Волыни, где правительственным центром стал построенный при Владимире Св. город Владимир (на реке Луге, притоке Западного Буга). Сирота племянник получил от дядей отдаленный Ростовский край среди владений Всеволода переяславского, хотя его отец княжил в Новгороде. Очевидно между братьями распределялись городовые области, старые и новые. Легко заметить двойное соображение, каким руководился Ярослав при таком разделе Русской земли: он распределил ее части между сыновьями, согласуя их взаимное отношение по степени старшинства со сравнительной доходностью этих частей. Чем старше был князь, тем лучше и богаче волость ему доставалась. Говоря короче, раздел основан был на согласовании генеалогического отношения князей с экономическим значением городовых областей. Любопытно, что три старших города, Киев, Чернигов и Переяславль, по распределению Ярослава следуют друг за другом со-

вершенно в том же порядке, в каком перечислялись они в договорах с греками, а там они расположены в порядке своего политического и экономического значения Киев, доставшийся старшему брату, в XI в. был, как средоточие русской торговли, богатейшим городом Руси. Иностранцы XI в. склонны были даже преувеличивать богатство и населенность этого города. Писатель самого начала XI в. Титмар Мерзебургский считает Киев чрезвычайно большим и крепким городом, в котором около 400 церквей и 8 рынков. Другой западный писатель того же века Адам Бременский называет Киев соперником Константинополя, „блестящим украшением Греции", т.-е. православного Востока. И в наших летописях встречаем известие, что в большой пожар 1071 года в Киеве сгорело до 700 церквей. За Киевом по своему богатству и значению следовал Чернигов, доставшийся второму Ярославичу, и т. д.

Дальнейшие перемены.

Теперь представляется вопрос: как Ярославичи владели Русской землей при дальнейших переменах в наличном составе своей семьи? Получив, что досталось каждому по разделу, оставались ли они постоянными владельцами доставшихся им областей, и как их области наследовались? Я сейчас упомянул о предсмертном завещании Ярослава. Вы, наверное, читали его еще в гимназии, и я его не повторяю. Оно отечески-задушевно, но очень скудно политическим содержанием; невольно спрашиваешь себя, не летописец ли говорит здесь устами Ярослава. Среди наставлений сыновьям пребывать в любви между собою можно уловить только два указания на дальнейший порядок отношений между братьями-наследниками. Перечислив города, назначенные каждому, завещание внушает младшим братьям слушаться старшего, как они слушались отца: „да

той вы будет в мено место". Потом отец сказал старшему сыну: „если брат будет обижать брата, ты помогай обижаемому". Вот и все. Но есть два важные дополнения этого завещания. В сказании о Борисе и Глебе уже известного нам мниха Иакова, читаем, что Ярослав оставил наследниками и преемниками своего престола не всех пятерых своих сыновей, а только трех старших. Это — известная норма родовых отношений, ставшая потом одной из основ местничества. По этой норме в сложной семье, состоящей из братьев с их семействами, т.-е. из дядей и племянников, первое, властное поколение состоит только из трех старших братьев, а остальные, младшие братья отодвигаются во второе, подвластное поколение, приравниваются к племянникам: по местническому счету старший племянник четвертому дяде в версту, причем в числе дядей считался и отец племянника. Потом летописец. рассказав о смерти третьего Ярославича Всеволода, вспомнил, что Ярослав, любя его больше других своих сыновей, говорил ему перед смертью: «если Бог даст тебе принять власть стола моего *после своих братьев* с правдою, а не с насильем, то когда придет к тебе смерть, вели положить себя, где я буду лежать, подле моего гроба». Итак Ярослав отчетливо представлял себе порядок, какому после него будут следовать его сыновья в занятии киевского стола: это порядок по очереди старшинства. Посмотрим, так ли было на деле, и как применялась общая схема этого порядка. В 1057 году умер четвертый Ярославич Вячеслав смоленский, оставивши сына. Старшие Ярославичи перевели в Смоленск Игоря с Волыни, а на его место па Волынь перевели из Ростова племянника Ростислава. В 1060 г. умер другой младший Ярославич Игорь смоленский, так же оставивши сыновей. Старшие братья не отдали Смолен-

ска ни этим сыновьям, ни Ростиславу. Последний, однако, считая себя в праве переместиться по очереди с Волыни в Смоленск, осердился на дядей и убежал в Тмутороканъ собирать силы для мести. В 1073 г. Ярославичи Святослав и Всеволод заподозрили старшего брата Изяслава в каких-то козням против братьев и выгнали его из Киева. Тогда в Киеве сел по старшинству Святослав из Чернигова, а в Чернигов на его место перешел Всеволод из Переяславля. В 1076 году Святослав умер, оставив сыновей; на его место в Киев перешел из Чернигова Всеволод. Но скоро Изяслав вернулся на Русь с польской помощью. Тогда Всеволод добровольно уступил ему Киев, как старшему, а сам воротился в Чернигов. Обделенные племянники хотели добиться владений силой. В бою с ними пал Изяслав в 1078 году. Тогда Всеволод, единственный из сыновей Ярослава, остававшийся в живых, снова переместился на старший стол в Киев. В 1093 году умер Всеволод. На сцену теперь выступает второе поколение Ярославичей, внуки Ярослава, и на киевский стол садится сын старшего Ярославича Святополк Изяславич.

Очередь старшинства.

Достаточно перечисленных случаев, чтобы видеть, какой порядок владения устанавливался у Ярославичей. Князья-родичи не являются постоянными, неподвижными владельцами областей, достававшихся им по разделу: с каждой переменой в наличном составе княжеской семьи идет передвижка, младшие родичи, следовавшие за умершим, передвигались из волости в волость; с младшего стола на старший. Это передвижение следовало известной очереди, совершалось в таком же порядке старшинства князей, как был произведен первый раздел. В этой очереди выражалась мысль о нераздельности княжеского вла-

дения Русской землей: Ярославичи владели ею, не разделяясь, а переделяясь, чередуясь по старшинству. Очередь, устанавливаемая отношением старшинства князей и выражавшая мысль о нераздельности княжеского владения, остается по понятиям князей основанием владельческого их порядка в XI и до конца XII в. В продолжение всего этого времени князья не переставали выражать мысль, что вся совокупность их, весь род Ярослава должен владеть наследием отцов и дедов нераздельно-поочередно. Эта была целая теория, постепенно сложившаяся в политическом сознании Ярославичей, с помощью которой они старались ориентироваться в путанице своих перекрещивавшихся интересов и пытались исправить практику своих отношений, когда они черезчур осложнялись. В рассказе летописи эта теория выражается иногда довольно отчетливо. Владимир Мономах, похоронив отца в 1093 году, начал размышлять, вероятно, по поводу советов занять киевский стол помимо старшего двоюродного брата Святополка Изяславича: „сяду я на этот стол—будет у меня рать со Святополком, потому что его отец сидел на том столе прежде моего отца“. И размыслив так, послал он звать Святополка в Киев. В 1195 году правнук Мономаха, смоленский князь Рюрик с братьями, признав старшинство в своей линии за внуком Мономаха Всеволодом III суздальским, обратился к черниговскому князю Ярославу, четвероюродному брату этого Всеволода, с таким требованием: «целуй нам крест со всею своею братиею, что не искать вам Киева и Смоленска под нами, ни под нашими детьми, ни под всем нашим Владимировым племенем: дед наш Ярослав разделил нас Днепром, потому вам и нет дела до Киева». Рюрик выдумал небывалый раздел: Ярослав

никогда не делил сыновей своих Всеволода и Святослава Днепром, оба эти сына получили области на восточной стороне Днепра, Чернигов и Переяславль. Так как это требование Рюрика было внушено ему главой линии Всеволодом суздальским, то с ответом на это требование Ярослав черниговский обратился прямо к Всеволоду III, послав сказать ему: „у нас был уговор не искать Киева под тобою и под сватом твоим Рюриком; мы и стоим на этом уговоре; но если ты велишь нам отказаться от Киева навсегда, то ведь мы не угры и не ляхи, а единого деда внуки: пока вы оба живы с Рюриком, мы не ищем Киева, а после вас—кому Бог даст". Не забудем, что в этом столкновении выступают довольно далекие родственники, Ярославичи 4-го и 5-го поколения, и однако они ясно выражают мысль об очередном порядке владения, основанном на единстве княжеского рода и нераздельности отчего и дедовского достояния князей.

Схема очередного порядка.

Такой своеобразный порядок княжеского владения устанавливался на Руси по смерти Ярослава. Изложим его в возможно простейшей схеме. Князь русский имел уже династическое значение: это звание усвоено было только потомкам Владимира Св. Не было ни единоличной верховной власти, ни личного преемства ея по завещанию. Ярославичи не делили достояние отцов и дедов на постоянные доли и не передавали доставшейся каждому доли своим сыновьям по завещанию. Они были подвижными владельцами, которые передвигались из волости в волость по известной очереди. Очередь эта определялась старшинством лиц и устанавливала постоянно колебавшееся, изменчивое соотношение наличного числа князей с количеством княжеских волостей или владений. Все наличные князья по степени старшинства составляли одну генеало-

гическую лествицу. Точно так же вся Русская земля представляла лествицу областей по степени их значения и доходности. Порядок княжеского владения основывался на точном соответствии ступеней обоих этих лествиц, генеалогической и территориальной, лествицы лиц и лествицы областей. На верху лествицы лиц стоял старший из наличных князей, великий князь киевский. Это старшинство давало ему кроме обладания лучшей волостью известные права и преимущества над младшими родичами, которые „ходили в его послушании". Он носил звание *великого*, т.-е. старшего князя, названного отца своей братии. *Быть в отца место*—эта юридическая фикция поддерживала политическое единство княжеского рода при его естественном распадении, восполняя или исправляя естественный ход дел. Великий князь распределял владения между младшими родичами, „наделял" их, разбирал их споры и судил их, заботился об их осиротелых семьях, был высший попечитель Русской земли, „думал, гадал о Русской земле", о чести своей и своих родичей. Так великому князю принадлежали распорядок владений, суд над родичами, родственная опека и всеземское попечительство. Но руководя Русью и родичами, великий князь в более важных случаях действовал не один, а собирал князей в общий *совет*, *снем* или *поряд*, заботился об исполнении постановлений этого родственного совета, вообще действовал как представитель и исполнитель воли всего державного княжеского рода. Так можно формулировать междукняжеские отношения, какие признавались правильными. В нашей исторической литературе они впервые подробно были исследованы С. М. Соловьевым. Если я не ошибаюсь, нигде более в истории мы не имеем возможности наблюдать столь своеобразный политический порядок.

По его главной основе, очереди старшинства, будем называть его *очередным* в отличие от последующего *удельного*, установившегося в XIII и XIV вв.

Его происхождение.

Остановимся на вопросе о происхождении этого порядка. Чтобы видеть, что нужно объяснить в вопросе, припомним основания порядка. Их два: 1) верховная власть была собирательная, принадлежала всему княжескому роду; 2) отдельные князья временно владели теми или другими частями земли. Следовательно в рассматриваемом складе княжеского владения надобно различать *право* владения, принадлежавшее целому владетельному роду, и *порядок* владения по известной очереди, как средство осуществления этого права.

Происхождение родового порядка княжеского владения объясняют влиянием частного туземного быта на политический строй земли; пришлые варяжские князья усвоили господствовавшие среди восточных славян родовые понятия и отношения и по ним устроили свой порядок управления страной. Можно принять такое объяснение происхождения *права* коллективного владения только с некоторой оговоркой: родовые понятия и отношения у туземцев находились уже в состоянии разрушения, когда князья начали усвоять их. Впрочем, в этой части вопроса мало что требует объяснения. Присутствие норм частного семейного права в государственном порядке—довольно обычное явление: таково, например, в монархиях преемство верховной власти в порядке старшинства нисходящих или наследственность сословных прав и т. п. Это объясняется свойством самых учреждений независимо от быта населения. Исключительное положение династий, естественно, замыкает каждую в обособленный родственный круг. Идеи чистой монархии еще не было у русских князей XI в.;

совместное владение со старшим во главе казалось проще и было доступнее пониманию. Но родовыми отношениями не объясняется самый *порядок* княжеского владения по очереди старшинства с владельческой передвижкой князей: подобного подвижного порядка не видим в тогдашнем частном быту русских славян. Родовое право могло выражаться в различных порядках владения. Мог владеть землей один старший в княжеском роде, держа младших родичей в положении своих сотрудников или исполнителей своих поручений по общему управлению и не делая их постоянными территориальными владетелями: так поступал Владимир со своими сыновьями, посылая их управлять областями, как своих наместников, и переводя их из одной области в другую. Можно было раз навсегда поделить общее родовое достояние на постоянные наследственные доли, как было у Меровингов при преемниках Хлодвига или как у нас владели отчиной потомки Всеволода III. Откуда и как возникла мысль о подвижном порядке владения по очереди старшинства и о том, что соответствие порядка старшинства князей политико-экономическому значению областей должно поддерживаться постоянно и восстановляться при каждой перемене в наличном составе владетельного княжья, производя постоянную передвижку владельцев? Вот что требует объяснения.

Чтобы понять это явление, надобно войти в политическое сознание русских князей того времени. Вся совокупность их составляла династию, власть которой над Русской землей всеми признавалась. Но понятия о князе, как территориальном владельце, хозяине какой-либо части Русской земли, имеющем постоянные связи с владеемой территорией, еще не заметно. Ярославичи в значительной мере оставались еще тем же, чем были их предки IX в., реч-

пыми викингами, которых шедшие из степи опасности едва заставили пересесть с лодки на коня. Они еще не успели вполне отрешиться от старого варяжского взгляда на себя, видели в себе не столько владетелей и правителей Русской земли, сколько наемных, кормовых охранителей страны, обязанных „блюсти Русскую землю и иметь рать с погаными“. Корм был их политическим правом, оборона земли их политической обязанностью, служившей источником этого права, и этими двумя идеями, кажется, исчерпывалось все политическое сознание тогдашнего князя, будничное, ходячее сознание, не торжественное, какое заимствовалось из книг или внушалось духовенством. Распри князей и вмешательство волостных городов в их дела давали им все живее чувствовать всю непрочность политической почвы под своими ногами. Ближайшего преемника Ярославова, великого князя Изяслава два раза выгоняли из Киева, сперва киявляне, потом собственные братья Святослав и Всеволод. Оба раза он возвращался с польской помощью. Выразительна его беседа с братом Всеволодом, когда тот, в свою очередь изгнанный из Чернигова племянниками, в горе прибежал к Изяславу в Киев. Человек добрый и простой, а потому лучше других понимавший положение дел, Изяслав говорил: „Не тужи, брат! припомни, что со мной бывало: выгоняли меня киевляне, разграбив мое имение; потом выгнали меня вы, мои братья; не блуждал ли я, всего лишенный, по чужим землям, никакого не сделав зла? и теперь не будем тужить, брат! будет нам „причастье в Русской земле“,—так обоим: потеряем ее,—так оба же, а я сложу за тебя свою голову“. Так мог говорить не самовластец Русской земли, а наемный служащий, не нынче-завтра ждущий себе неожиданной отставки. И Яро-

славичи подобно своим предкам, вождям варяжских военно-промышленных компаний, тягались друг с другом за богатые города и волости; только теперь, составляя тесный родственный круг, а не толпу случайно встретившихся искателей торгового барыша и сытого корма, они старались заменить случайное и беспорядочное действие личной удали или личной удачи обязательным правом старшинства, как постоянным правилом, и считали себя блюстителями земли не по найму, уговору, а по праву или по наследственному долгу, падавшему на каждого из них по степени боевой, оборонительной годности. Эта годность *детей* определялась волей отца, годность братьев—степенью старшинства среди родичей. По степени старшинства князь был в праве получить более или менее *доходную* волость; по той же степени старшинства он обязан был охранять более или менее *угрожаемую* извне область, ибо тогда степенью старшинства измерялись и владельческое право, и правительственный авторитет, и оборонительная способность князя. Но в то время степень доходности областей соответствовала степени их нужды во внешней обороне, потому что то и другое зависело от их близости к степи, к степным врагам Руси и к лежавшим за степью торговым ее рынкам. Доходность областей была обратно пропорциональна их безопасности: чем ближе лежала область к степи, т.-е. к морю, тем она была доходнее и следовательно чем доходнее, тем открытее для внешних нападений. Потому, как скоро князь поднимался на одну ступень по лестнице старшинства, должны были подняться на соответственную высоту и его владетельные права, а вместе с тем увеличиться и его правительственные, оборонительные обязанности, т.-е. он переходил из менее доходной и ме-

нее угрожаемой волости в более доходную и более угрожаемую. Можно думать, что очередной порядок владения был указан князьям этим своеобразным сочетанием стратегического положения и экономического значения областей при содействии некоторых других условий.

Его действие.

Указав начало, схему очередного порядка, как она проявлялась в практике первых поколений Ярославичей, изучим его историческое действие, точнее, его развитие в практике дальнейших поколений. Что такое был этот порядок? Была ли это только идеальная схема, носившаяся в умах князей, направлявшая их политические *понятия*, или это была историческая действительность, политическое правило, устанавливавшее самые *отношения* князей? Чтобы ответить на этот вопрос, надобно строго отличать начала, основания порядка и его казуальное развитие, т.-е. приложение к отдельным случаям в ходе княжеских отношений – словом, различать *право* и *политику*, разумея под политикой совокупность практических средств для осуществления права.

Причины расстройства порядка.

Мы видели, что юридическими основаниями этого порядка были: 1) совместная власть княжеского рода над всей Русской землей и 2) как практическое средство осуществления этой власти, право каждого родича на временное владение известной частью земли по очереди старшинства владельцев-родичей. Порядок владения, построенный на таких основаниях, Ярославичи до конца XII в. считали единственно правильным и возможным: они хотели править землей, как родовым своим достоянием. Но первым поколениям Ярославичей представлялись ясными и бесспорными только эти общие основания порядка, которыми определялись простейшие отношения, возможные в тесном кругу близких родичей. По мере, того, как этот круг

расширялся, и вместе с тем отношения родства усложнялись и запутывались, возникали вопросы, решение которых не легко было извлечь из этих общих оснований. Тогда началась казуальная разработка этих оснований в подробностях. Применение оснований к отдельным случаям вызывало споры между князьями. Главным источником этих споров был вопрос о способе определения относительного старшинства князей, на котором основывалась очередь владения. По смерти Ярослава, когда начал действовать очередной порядок, этот способ, вероятно, не был еще достаточно уяснен его детьми. Им не было и нужды в этом; они не могли предвидеть всех возможных случаев, а еслиб и предвидели, не стали бы предрешать. Отношения старшинства еще представлялись им в простейшей схеме, какую можно снять с тесного семейного круга отца с детьми: отец должен идти впереди сыновей, старший брат впереди младших. Но эту простую схему стало трудно прилагать к дальнейшим поколениям Ярославова рода, когда он размножился и расплался на несколько параллельных ветвей, когда в княжеской среде появилось много сверстников и трудно стало распознать, кто кого старше и насколько, кто кому как доводится. Во второй половине XII в. трудно даже сосчитать по летописи всех наличных князей, и эти князья уже не близкие родственники, а большею частью троюродные, четвероюродные и Бог знает какие братья и племянники. Отсюда чуть не при каждой перемене в наличном составе княжеского рода рождались споры: 1) о порядке старшинства и 2) об очереди владения. Укажу на один спорный случай, особенно часто возникавший и ссоривший князей. Старшинство определялось двумя условиями: 1) *порядком поколений*, т.-е. расстоянием от родо-

начальника (старшинство *генеалогическое*), 2) *порядком рождений* или сравнительным возрастом лиц в каждом поколении (старшинство *физическое*). Первоначально, в пределах простой семьи, то и другое старшинство, генеалогическое и физическое, совпадают: старший по одному порядку старше и по другому. Но с расширением простой семьи, т.-е. с появлением при отцах и детях третьего поколения—внуков это совпадение обыкновенно прекращается. Старшинство физическое расходится с генеалогическим, сравнительный возраст лиц не всегда отвечает расстоянию от родоначальника. Обыкновенно бывало и бывает, что дядя старше племянника, раньше его родился; потому дядя в силу самого генеалогического своего звания выше племянника и считался названным отцом для него. Но при тогдашней привычке князей жениться рано и умирать поздно иной племянник выходил летами старше иного дяди. У Мономаха было 8 сыновей; пятый из них Вячеслав раз сказал шестому Юрию Долгорукому: „я был уже бородат, когда ты родился“. Старший сын этого пятого бородатого брата, а тем более первого—Мстислава, мог родиться прежде своего дяди Юрия Долгорукого. Отсюда возникал вопрос: кто выше на лествице старшинства, младший ли летами дядя, или младший по поколению, но старший возрастом племянник? Большая часть княжеских усобиц XI и XII вв. выходила именно из столкновения старших племянников с младшими дядьями, т.-е. из столкновения первоначально совпадавших старшинства физического с генеалогическим. Князья не умели выработать способа точно определять старшинство, который разрешал бы все спорные случаи в их генеалогических отношениях. Это неумение и вызвало к действию ряд условий, мешавших мирному применению очередного порядка вла-

дения. Этими условиями были или последствия, естественно вытекшие из самого этого порядка, либо препятствия, приходившие со стороны, но которые не имели бы силы, еслиб князья умели всегда мирно разрешать свои владельческие недоразумения. Перечислим главныя из тех и других условий.

Ряды и усобицы.

I. *Ряды и усобицы князей.* Возникшие между князьями споры о старшинстве и порядке владения разрешались или *рядами*, договорами князей на съездах, или, если соглашение не удавалось, оружием, т.-е. усобицами. Княжеские усобицы принадлежали к одному порядку явлений с рядами, имели юридическое происхождение, были точно таким же способом решения политических споров между князьями, каким служило тогда *поле*, судебный поединок в уголовных и гражданских тяжбах между частными лицами; поэтому вооруженная борьба князей за старшинство, как и поле, называлась „судом Божиим". *Бог промежи ними будет* или *нас Бог рассудит*—таковы были обычныя формулы объявления междоусобной войны. Значит, княжеская усобица, как и ряд, была не отрицанием междукняжеского права, а только средством для его восстановления и поддержания. Таково значение княжеских рядов и усобиц в истории очередного порядка: целью тех и других было восстановить действие этого порядка, а не поставить на его место какой-либо новый. Но оба эти средства вносили в порядок элементы, противные его природе, колебавшие его, именно, с одной стороны, условность соглашения вопреки естественности отношений кровного родства, с другой—случайность перевеса материальной силы вопреки нравственному авторитету старшинства. Известный князь приобретал старшинство не потому, что становился на самом деле старшим по порядку нарождения и вымирания князей, а потому,

что его соглашались признавать старшим или потому, что он сам заставлял признать себя таковым. Отсюда при старшинстве физическом и генеалогическом возникало еще третье—*юридическое*, условное или договорное, т.-е. чисто фиктивное.

Мысль об отчине.

II. *Мысль об отчине.* Верховная власть принадлежала роду, а не лицам. Порядок лиц в очереди владения основывался на том, что дальнейшие поколения должны были повторять отношения предков, сыновья должны были подниматься по родовой лествице и чередоваться во владении волостями в том самом порядке, в каком шли друг за другом их отцы. Итак дети должны идти в порядке отцов; место в этой цепи родичей, унаследованное детьми от отца, и было их *отчиной*. Так отчина имела первоначально генеалогическое значение: под этим словом разумелось место среди родичей на лествице старшинства, доставшееся отцу по его рождению и им переданное детям. Но такое место—понятие чисто математическое. Несоответствие порядка рождений порядку смертей, личные свойства людей и другие случайности мешали детям повторять порядок отцов. Потому с каждым поколением отношения, первоначально установившиеся, путались, сыновья должны были пересаживаться, заводить порядок непохожий на отцовский. Благодаря этому затруднению отчина постепенно получила другое значение—территориальное, которое облегчало распорядок владений между князьями: отчиною для сыновей стали считать область, которою владел их отец. Это значение развилось из прежнего по связи генеалогических мест с территориальными: когда сыновьям становилось трудно высчитывать свое взаимное генеалогическое отношение по отцам, они старались разместиться по волостям, в которых сидели отцы. Такое значение отчины находило опору в постановлении одного княже-

ского съезда. Ярославичи Изяслав и Всеволод обездолили несколько осиротелых племянников, не дали им отцовских владений. По смерти последнего Ярославова сына Всеволода, когда Русью стали править внуки Ярослава, они хотели мирно покончить распри, поднятые обиженными сиротами, и на съезде в Любече 1097 г. решили: «кождо да держит отчину свою», т.-е. сыновья каждого Ярославича должны владеть тем, чем владел их отец по Ярославову разделу, Святополк Изяславич Киевом, Святославичи Олег с братьями Черниговской землей, Мономах Всеволодович Переяславской и т. д. Как видно из последующих событий, съезд не давал постоянного правила, не заменял раз навсегда очередного владения раздельным, рассчитан был только на наличных князей и их отношения, а так как это были все дети отцов, между которыми разделена была Русская земля по воле Ярослава, то легко было восстановить этот раздел и в новом поколении князей так, что территориальные их отчины совпадали с генеалогическими. Точно так еще до съезда поступил Мономах, когда Олег Святославич, добиваясь своей отцовской волости, подступил в 1094 г. к Чернигову, где тот посажен был своим отцом не по отчине. Мономах добровольно уступил Олегу „отца его место", а сам пошел „на отца своего место", в Переяславль. Но потом, когда генеалогические отношения стали запутываться, князья все крепче держались территориального распорядка отцов, даже когда он не совпадал с генеалогическими отношениями. Благодаря тому, по мере распадения Ярославова рода на ветви, каждая из них все более замыкалась в одной из первоначальных крупных областей, которыми владели сыновья Ярослава. Эти области и стали считаться отчинами отдельных княжеских линий. Всево

лод Ольгович черниговский, заняв в 1139 г. Киев, хотел перевести одного Мономаховича из его отческого Переяславля в Курск, но тот не послушался, ответив Всеволоду „лучше мне смерть на своей отчине и дедине, чем Курское княжение; отец мой в Курске не сидел, а в Переяславле: хочу умереть на своей отчине“. Была даже попытка распространить это значение и на старшую Киевскую область. С 1113 по 1139 на киевском столе сидели один за другим Мономах и его сыновья Мстислав и Ярополк, оттесняя от него старшие линии Изаславичей и Святославичей: этот стол становился отчиной и дединой Мономаховичей. По смерти Ярополка киевляне посадили на своем столе третьего Мономаховича Вячеслава. Но когда представитель долго оттесняемой от Киева линии Святославичей Всеволод черниговский потребовал, чтобы Вячеслав добром уходил из Киева, тот отвечал: „я пришел сюда по завету наших отцов на место братьев; но если ты захотел этого стола, покинув свою отчину, то пожалуй я буду меньше тебя, уступлю тебе Киев“. Когда в Киеве сел (1154 г.) другой Святославич Изяслав Давидович, отец которого в Киеве не сидел, Мономахович Юрий Долгорукий потребовал его удаления, послав сказать ему: «мне отчина Киев, а не тебе». Значит Мономаховичи пытались превратить Киевскую землю в такую же вотчину своей линии, какою становилась Черниговская земля для линии Святославовой. Легко заметить, что территориальное значение отчины облегчало распорядок владений между князьями, запутавшимися в счетах о старшинстве. Притом таким значением предупреждалась одна политическая опасность. По мере обособления линий княжеского рода их споры и столкновения получали характер борьбы возможных династий за обладание Русской землей. Сме-

лому представителю какой-либо линии могла при благоприятных обстоятельствах придти мысль „самому всю землю держати“ со своею ближайшею братиею, как это и случилось с упомянутым Всеволодом черниговским, и став великим князем, он мог бы с этою целью перетасовывать родичей по волостям; но родичи ответили бы ему словами Мономаховича: «отец наш в Курске не сидел». Но очевидно также, что территориальное значение отчины разрушало коренное основание очередного порядка, нераздельность родового владения: под его действием Русская земля распадалась на несколько генеалогических территорий, которыми князья владели уже по отчинному наследству, а не по очереди старшинства.

Князья-изгои

III. *Выделение князей-изгоев.* По обычному порядку человеческого общежития в каждую минуту действуют два поколения, отцы и дети. Во владельческом порядке Ярославичей дети вступали в передовую цепь по мере выбывания отцов и занимали места в этой цепи в порядке своих отцов; внуки вступали на места своих отцов по мере того, как те переставали быть детьми, т. е. по мере выбывания дедов. Значит, политическая карьера князя определялась движением его отца в ряду поколений. Но порядок рождений не соответствует порядку смертей; поэтому когда у князя отец умирал раньше деда, у внука не оставалось в передовой цепи отецкого места, ибо в ней не стоял его отец. Он становился князем сиротой, *изгоем*, бездольным вечным внуком, генеалогическим недорослем. Не имея генеалогической отчины, он лишался права и на территориальную, т.-е терял участие в очередном владельческом порядке, как не попавший в оч редь. Таких князей, преждевременно сиротевших, которые лишались отцов еще при жизни дедов, старшие родичи выде-

ляли из своей среды, давали им известные волости в постоянное владение и лишали их участия в общем родовом распорядке, выкидывали из очереди. Эти князья-сироты становились отрезанными ломтями в княжеском роде. Такими князьями-изгоями еще в XI в. стали дети Ярославова внука Ростислава Володарь и Василько, отнявшие у Польши города Червонной Руси и основавшие из них особое княжество. В XII столетии из общего очередного порядка владения выделяются княжества: *Муромо-Рязанское*, доставшееся младшему из черниговских князей Ярославу Святославичу, княжество *Турово-Пинское* на Припети, отошедшее в осиротелую линию Ярославова внука Святополка Изяславича, наконец, княжество *Городенское* (Гродненское), ставшее постоянным владением потомства Игоря Ярославича, которого мы видели сперва на Волыни, а потом в Смоленске. Еще раньше всех этих изгоев в положении выделенных князей очутились не по преждевременному сиротству, а в силу особенных обстоятельств князья *полоцкие*, потомки старшего сына Владимира Св. от Рогнеды. Выделение князей-изгоев из владельческой очереди было естественным следствием основанного на ней порядка, постоянно нарушаемого общественной физикой, и было необходимо для поддержания самой этой очереди; но оно, очевидно, суживало круг лиц и областей, которые захватывал очередной порядок, и вводило в него склад отношений, ему чуждый и враждебный. Исключения поддерживают правило, когда являются случайностью, но разрушают его, когда становятся необходимостью. Обратите внимание на географическое положение этих выделенных княжеств, постепенно стеснявших пространство действия очередного порядка: все они скрайные. Очередной порядок княжеского владения, подогреваемый родственным чувством князей,

снован был на соотвествии ступеней двух лествиц, генеалогической и территориальной. Теперь это соответствие, на котором он держался, повторяется и в процессе его разрушения. Князья, становившиеся,—если допустимо такое сравнение,— генеалогическими оконечностями, задержанные преждевременным сиротством на самом низу родовой лествицы, всех дальше от названного отца, великого князя киевского, очутились владельцами оконечностей территориальных окраин Русской земли, наиболее отдаленных от „матери русских городов“: как будто теплое родственное чувство князей, еще бившееся с некоторой силою около сердца земли, Киева, охладевало и застывало на ее оконечностях, вдали от этого сердца.

Перечисленные условия, расстраивавшие очередной порядок владения, вытекали из его же оснований и были средствами, к которым прибегали князья для его поддержания. В том и состояло внутреннее противоречие этого порядка, что следствия, вытекавшие из его оснований и служившие средствами его поддержания, вместе с тем разрушали самые эти основания. Это значит, что очередной порядок разрушал сам себя, не выдерживал действия собственных последствий. Кроме того, эти условия разрушения, вытекавшие из самого порядка, вызывали к действию сторонние силы, также его расстраивавшие.

Сторонние препятствия

I. *Личные доблести*, которыми отличались некоторые князья, создавали им большую популярность на Руси, при помощи которой эти князья сосредоточивали в своих руках области помимо родовой очереди. В XII столетии большая часть Русской земли является во владении одной княжеской линии Мономаховичей, самой обильной талантами. Один из этих Мономаховичей, отважный внук Мономаха Изяслав Мстиславич волынский во время усобиц

с дядьями брал столы с бою, «головою добывал» их не по очереди старшинства и смотрел на них как на личное приобретение, военную добычу. Этот князь первый и высказал взгляд на порядок княжеского владения, шедший совершенно в разрез с установившимся преданием. Он сказал раз: «не место идет к голове, а голова к месту», т.-е. не место ищет подходящей головы, а голова подходящего места. Таким образом личное значение князя он поставил выше прав старшинства.

II. Наконец, еще одна сторонняя сила вмешивалась во взаимные счеты князей и путала их очередь во владении. То были *главные города* областей. Княжеские счеты и сопровождавшие их усобицы больно задевали интересы этих городов. Среди постоянных княжеских споров у городов завязывались свои династические симпатии, привязывавшие их к некоторым князьям. Так Мономаховичи пользовались популярностью даже в городах, принадлежавших черниговским Святославичам. Увлекаемые этими сочувствиями и отстаивая свои местные интересы, волостные города иногда шли наперекор княжеским счетам, призывая на свои столы любимых князей помимо очередных. Это вмешательство городов, путавшее княжескую очередь старшинства, началось вскоре после смерти Ярослава. В 1068 году киевляне выгоняют великого князя Изяслава и сажают на его место изгоя Всеслава полоцкого, посаженного Ярославичами в киевскую тюрьму. Позднее, в 1154 году киевляне же, признав самовольно Ростислава смоленского соправителем его дяди, номинального великого князя Вячеслава, сказали ему: „до твоего живота Киев твой“, т.-е. признали его своим пожизненным князем, невзирая на права старших князей. Новгород особенно больно чувствовал последствия княжеских счетов и споров.

Новгородом обыкновенно правил старший сын или другой ближайший родственник великого князя киевского. При частых сменах князей в Киеве князья часто менялись и в Новгороде. Эти смены сопровождались большими административными неудобствами для города. Менее чем в 50 лет со смерти Ярослава в Новгороде сменилось шесть князей, и Новгород стал думать, как бы завести своего постоянного князя. В 1102 году там сидел посаженный еще в детстве и „вскормленный" Новгородом сын Мономаха Мстислав. Великий князь Святополк и Мономах решили вывести Мстислава из Новгорода и по заведенному обычаю посадить на его место великокняжеского сына. Узнавши об этом, новгородцы послали в Киев послов, которые на княжем дворе сказали великому князю: „послал нас Новгород и вот что велел сказать тебе: не хотим Святополка, ни сына его; если у твоего сына две головы, пошли его в Новгород; Мстислава дал нам Всеволод (дед), мы для себя его вскормили". Великий князь много препирался с послами, но те стали на своем, взяли Мстислава и уехали с ним в Новгород. Князья не всегда послушно подчинялись вмешательству городов, но поневоле должны были сообразоваться с его возможностью и вероятными последствиями.

Значение очередного порядка.

Все изложенные условия позволяют нам ответить на поставленный вопрос о действии очередного порядка, т.-е. о его значении: считать ли его только политической теорией князей, их идеалом, или он был действительным политическим порядком, и если был таковым, то в какой силе и долго ли действовал? Он был и тем, и другим: в продолжение более чем полутора века со смерти Ярослава он действовал всегда и никогда—всегда отчасти и никогда вполне. До конца этого периода он не терял своей силы, насколько его основания были применимы

к запутывавшимся княжеским отношениям; но он никогда не получал такого развития, такой практической разработки, которая бы давала ему возможность распутывать эти отношения, устранять всякие столкновения между князьями. Эти столкновения, не разрешаясь им, заставляли отступать от него или искажать его, во всяком случае расстраивали его. Потому действие очередного порядка было процессом его саморазрушения, состояло в его борьбе с собственными последствиями, его расстраивавшими.

Это—нередкое явление в истории обществ: люди мысленно живут житейским строем, который признается единственно правильным и нарушается на каждом шагу. Но при описанном ходе дел, спрашивается, какой порядок мог установиться в Русской земле и мог ли держаться какой-либо порядок? Отвечая на этот вопрос, надобно строго различать порядок княжеских отношений и земский порядок на Руси. Последний поддерживался не одними князьями, даже не ими преимущественно, имел свои основы и споры. Князья не установили на Руси своего государственного порядка и не могли установить его. Их не для того и звали, и они не для того пришли. Земля звала их для внешней обороны, нуждалась в их сабле, а не учредительном уме. Земля жила своими местными порядками, впрочем довольно однообразными. Князья скользили поверх этого земского строя, без них строившегося, и их фамильные счеты—не государственные отношения, а разверстка земского вознаграждения за охранную службу. Давность службы могла внушать им идею власти, они могли воображать себя владетелями, государями земли, как старый чиновник иногда говорит: «моя канцелярия». Но это—воображение, а не право и не действительность. Впрочем, мы еще коснемся этого предмета в следующий час.

Лекция XII.

Следствие очередного порядка и условий, ему противодействовавших.—Политическое раздробление Русской земли в XII в.—Усиление старших волостных городов; их веча и ряды с князьями.—Элементы земского единства Руси в XII веке: действие княжеских отношений на общественное настроение и сознание; общеземское значение княжеских дружин; значение Киева для князей и народа; обобщение бытовых форм и интересов.—Политический строй Русской земли в XII в.—Пробуждение чувства народного единства—завершительный факт периода.

Изучая очередной порядок княжеского владения, мы рассматривали общественные потребности и понятия, его вызвавшие и поддерживавшие, и препятствия, ему противодействовавшие. Нам предстоит видеть, к чему привело совместное действие этих противоположных условий.

Политическое раздробление.

Отсюда вышли два ряда следствий, которыми завершился политический склад Руси к концу I периода. Одним из них было двойное политическое раздробление Руси, династическое и земское. По мере размножения князей отдельные линии княжеского рода все далее расходились друг с другом, отчуждались одна от другой. Сначала племя Ярославичей распадается на две враждебные ветви, Мономаховичей и Святославичей; потом линия Мономаховичей в свою очередь разделилась на Изяславичей волынских, Ростислави-

чей смоленских, Юрьевичей суздальских, а линия Святославичей на Давидовичей черниговских и Ольговичей новгород-северских. Каждая из этих ветвей, враждуя с другими из-за владельческой очереди, все плотнее усаживалась на постоянное владение в известной области. Потому, с другой стороны, одновременно с распадением княжеского рода на местные линии и Русская земля распалась на обособленные друг от друга области, *земли*. Как мы знаем, первые князья киевские установили политическую зависимость областей от Киева. Эта зависимость поддерживалась княжескими посадниками и выражалась в дани, какую области платили великому князю киевскому. По смерти Ярослава этой зависимости незаметно. Посадники князя киевского в главных городах областей исчезают, уступая место все размножавшимся князьям. Областные или местные князья перестают платить дань Киеву, несовместную с отношениями младших родичей к названному отцу, великому князю киевскому. Вместо постоянной дани младшие князья давали старшему от времени до времени добровольные дары. С владельческим разъединением правящего рода разрывалась и политическая связь областей. Но, делаясь менее зависимыми сверху, областные князья становились все более стеснены снизу. Постоянное передвижение князей со стола на стол и сопровождавшие его споры роняли земский авторитет князя. Князь не прикреплялся к месту владения, к тому или другому столу ни династическими, ни даже личными связями. Он приходил и скоро уходил, был политической случайностью для области, блуждающей кометой. Областное население, естественно, искало усидчивой местной силы, около которой могло бы сосредоточиться, которая постоянно оставалась на месте, не приходила и не уходила подобно князю. Такая сила давно была уже со-

Волостные города.

здана ходом нашей истории. Это были главные города областей. Некогда, еще до прихода князей, они одни правили своими областями. Но потом в них произошла большая перемена. В IX в. управление городом и областью сосредоточивалось в руках военной старшины, военных начальников главного города, тысяцких, сотских и т. д., выходивших из среды торговой городской знати. С появлением князей эта городская аристократия постепенно переходила в состав княжеской дружины, в класс княжих мужей, или оставалась на месте без правительственного дела. Военное управление городов, по личному составу прежде бывшее, может быть, выборным, во всяком случае туземным по происхождению своего личного состава, теперь стало приказно-служилым, перешло в руки княжих мужей по назначению князя. По мере упадка авторитета князей вследствие усобиц стало опять подниматься значение главных областных городов; вместе с тем политической силой в этих городах явилась вместо исчезнувшей правительственной знати вся городская масса, собиравшаяся на вече. Таким образом всенародное вече главных областных городов было преемником древней городской торгово-промышленной аристократии. Эти веча волостных городов, в Киеве и Новгороде, появляющиеся по летописи еще в начале XI в., со времени борьбы Ярослава со Святополком в 1015 году все громче начинают шуметь с конца этого века, делаясь повсеместным явлением, вмешиваясь в княжеские отношения. Князья должны были считаться с этою силой, входить с ней в сделки, заключать „ряды“ с городами, политические договоры. Эти договоры определяли порядок, которого должны были держаться местные князья в своей правительственной деятельности. Так власть местных князей является ограниченной вечами волостных городов. Случаи такого договора мы

встречаем в самом Киеве. В 1146 году, по смерти великого князя Всеволода из линии черниговских князей, на великокняжеском столе по уговору с киевлянами должен был сесть его брат Игорь. Но киевляне, много терпевшие при Всеволоде от княжеских городских судей, тиунов, восстали и потребовали от Игоря, чтоб впредь он сам судил горожан, не поручая суда своим приказчикам. Князь Игорь должен был дать киевлянам обязательство в том, что впредь городской судья будет назначаться по соглашению с городом, т.-е. с его вечем.

Ряды с городами.

Эти *ряды* князей с волостными городами были новым явлением Руси XI и XII вв. и внесли важную перемену в ее политическую жизнь или, точнее, были выражением такой перемены, подготовленной ходом дел на Руси. Весь княжеский род оставался носителем верховной власти в Русской земле; отдельные князья считались только временными владельцами княжеств, достававшихся им по очереди старшинства. При сыновьях и внуках Ярослава эта владельческая очередь простиралась на всю Русскую землю. В дальнейших поколениях Ярославова рода, когда он распался на отдельные ветви, каждая ветвь заводила свою местную очередь владения в той части Русской земли, где она утверждалась. Эти части, *земли*, как их называет летопись XII в., почти все были те же самые городовые области, которые образовались вокруг древних торговых городов еще до призвания князей: *Киевская*, *Переяславская*, *Черниговская*, *Смоленская*, *Полоцкая*, *Новгородская*, *Ростовская*. К этим древним областям присоединились образовавшиеся позднее области *Волынская*, *Галицкая*, *Муромо-Рязанская*. Из этих земель три, Киевская, Переяславская и Новгородская, оставались в общем владении княжеского рода или, точнее, служили пред-

метом спора для князей; в остальных основались отдельные линии княжеского рода: в Полоцкой потомство Владимирова сына Изяслава, в Черниговской линии Ярославова сына Святослава, в Волынской, Смоленской и Ростовской—ветви Мономахова потомства и т. д. Первоначальными устроителями этих областей были древние торговые города Руси, по именам которых они и назывались. С образованием Киевского княжества на этих городовых областях основались административное деление страны, а потом династический распорядок владений между первыми Ярославичами. Но в том и другом князья руководились своими собственными правительственными или генеалогическими видами. Теперь все отношения князей не только между собою, но и к главным городам областей стали договорными. Волостной город со своим вечем вошел властным участником в политические соображения князей. Князь, садясь в Киеве, должен был упрочивать старший стол под собою уговором с киевским вечем; иначе бояре напоминали ему: «ты ся еси еще с людьми Киеве не укрепил». Не посягая на верховные права всего княжеского рода, вечевые города считали себя в праве рядиться с отдельными князьями-родичами.

Усиление городов.

Ограждая свои местные политические интересы договорами с князем, эти города постепенно приобретали в своих областях значение руководящей политической силы, которая соперничала с князьями, а к концу XII в. взяла над ними решительный перевес. В это время областные общества больше смотрели на вечевые сходки своих главных городов, чем на местных князей, являвшихся в них на короткое время. К тому же волостной город в каждой земле был один, а князей обыкновенно бывало много. Управление целой землей редко сосредоточива-

лось в руках одного князя: обыкновенно она делилась на несколько княжеств по числу наличных взрослых князей известной линии, и во владении этими княжествами соблюдалась та же очередь старшинства, сопровождавшаяся обычными спорами и раздорами. Эти изменчивые владения назывались *волостями* или *наделками* князей: например, в Черниговской земле были княжества *Черниговское Северское* (область Новгорода Северского), *Курское*, *Трубчевское*. Так в каждой области стали друг против друга две соперничавшие власти, вече и князь, и по мере того, как городское вече, представлявшее силу центробежную, брало верх над князем, который, как член владетельного рода, владевшего совместно всей землей, поддерживал связь управляемой области с другими, городовые области все более обособлялись политически. Благодаря этому Русская земля в XII в. распалась на несколько местных, плохо связанных друг с другом областных миров. Такой политический порядок изображается и в русской летописи второй половины XII в. По одному случаю она замечает, что новгородцы изначала и смольняне и киевляне и все „власти“ (волостные, главные города) на веча, как на думу, сходятся, „на что же старейшии (старшие города) сдумают, на том пригороди (города младшие) станут“. Значит, вечевые постановления старшего, волостного города имели обязательную силу для его пригородов, как приговоры верховной законодательной власти в области. Изображая политический порядок, установившийся в старых областях, публицист-летописец отметил вече старших городов, но позабыл или не счел нужным упомянуть о князе. Так пал политический авторитет князя перед значением веча. Итак, очередной порядок княжеского владения при содействии условий, его расстраивавших, привел к двойному полити-

ческому раздроблению Руси: 1) к постепенному распадению владельческого княжеского рода на линии, все более удалявшиеся одна от другой генеалогически, и 2) к распадению Русской земли на городовые области, все более обособлявшиеся друг от друга политически.

Элементы единства.

Но тот же порядок с противодействовавшим ему условиями создавал или вызывал к действию ряд связей, сцеплявших части Русской земли в одно если не политическое, то бытовое земское целое. Это второй ряд следствий очередного порядка. Перечислим эти связи.

Князья.

I. Первою из этих бытовых связей являются главные виновники политического раздробления Руси, сами князья, точнее говоря, то впечатление, какое производили они на Русскую землю своими владельческими отношениями. Очередной порядок владения, захватывая прямо или косвенно все части Русской земли, устанавливал между ними невольное общение, всюду пробуждал известные одинаковые думы, помыслы, вносил или затрогивал одинаковые чувства и заботы. Несмотря на повсеместный упадок княжеского авторитета, с князем в каждой области связаны были многие существенные местные интересы. Областные миры тяготились княжескими спорами, были равнодушны к княжеским счетам о старшинстве; но они не могли оставаться равнодушны к последствиям этих споров, которые иногда тяжело отзывались на областном населении. Таким образом, благодаря передвижению князей из волости в волость все части земли невольно и незаметно для себя и князей смыкались в одну цепь, отдельные звенья которой были тесно связаны друг с другом. Смена князя в одной волости чувствительно отзывалась на положении других, даже отдаленных. Сядет в Киеве великий князь из Мономаховичей, — он пошлет править

Новгородом своего сына. Тот придет со своими боярами, своею дружиною, которая займет все важные правительственные должности в области. С этими боярами князь станет, выражаясь языком древне-русских памятников, „суды судить, ряды рядить, всякие грамоты записывать". Но сгонит великого князя с киевского стола родич из Чернигова или с Волыни, и сын согнанного должен будет уйти из Новгорода вместе со своей дружиной. На место ушедшего явится новый князь, обыкновенно враждебный предшествовавшему. Для новгородцев возникал важный вопрос, знает ли новый князь порядки новгородские, местную старину-пошлину, даже захочет ли знать ее. Пожалуй, из вражды к предшественнику станет он суды судить и ряды рядить не по старому, старые грамоты пересуживать. Таким образом, княжеский круговорот втягивал в себя местную жизнь, местные интересы областей, не давая им слишком обособляться. Области эти поневоле вовлекались в общую сутолоку жизни, какую производили князья. Они еще далеко не были проникнуты одним национальным духом, сознанием общих интересов, общей земской думой, но по крайней мере приучались все более думать друг о друге, внимательно следить за тем, что происходило в соседних или отдаленных областях. Так благодаря очередному порядку княжеского владения создавалось общее настроение, в котором первоначально отчетливо сказывалось, может быть, только чувство общих затруднений, но которое со временем должно было переработаться в сознание взаимных связей между всеми частями Русской земли.

Их дружины.

II. Одинаковое с князьями общеземское значение имели и их дружины. Чем больше размножался княжеский род и чем сильнее разгоралась борьба со степью, тем больше увеличивался численно служилый дружинный класс. У нас

нет достаточно сведений о количестве дружины у отдельных князей. Можно только заметить, что старшие и богатые младшие князья имели довольно многочисленные дворы. Святополк, великий князь киевский, хвалился, что у него до 300 одних отроков, т.-е. младших придворных слуг. В Галиче, богатом княжестве XII—XIII вв., во время одной усобицы (1208 г.) перебито было 500 одних бояр; но много их еще разбежалось. Старшие и богатые младшие князья выводили в поле по две и по три тысячи человек дружины. О многочисленности этого класса можно судить еще и по тому, что каждый взрослый князь имел особую, хотя иногда и небольшую дружину, а во второй половине XII в. таких князей действовало несколько десятков, если не целая сотня. Дружина попрежнему имела смешанный племенной состав. В X—XI вв., как мы знаем, в ней преобладали еще пришлые варяги. В XII в. в ее состав входят и другие сторонние элементы: рядом с туземцами и обрусевшими потомками варягов видим в ней людей из инородцев восточных и западных, которые окружали Русь, торков, берендеев, половцев, хазар, даже евреев, угров, ляхов, литву и чудь. Очередной порядок княжеского владения, заставляя князей постоянно передвигаться с места на место, делал столь же подвижною и княжескую дружину. Когда князь по очереди переходил с худшего стола на лучший, его боярам и слугам выгодно было следовать за ним, покидая прежнюю волость. Когда князь вопреки очереди покидал лучший стол для худшего вследствие усобицы, дружине его выгоднее было покинуть князя и остаться в прежней волости. Единство княжеского рода позволяло дружиннику переходить от князя к князю, а единство земли—из области в область, ни в том, ни в другом случае не делаясь изменником. Так очередной

порядок княжеского владения приучал дружину менять волости, как их меняли князья, менять и князей, как она меняла волости. Притом, благодаря этой подвижности старшие дружинники, княжи мужи, бояре, занимавшие высшие правительственные должности, не могли занимать их долгое время в одних и тех же волостях и чрез это приобретать прочное местное политическое значение в известной области, тем менее могли превращать свои должности в наследственные, как это было на феодальном Западе и в соседней Польше. Сосчитали всех упоминаемых в летописи дружинников со смерти Ярослава до 1228 года и насчитали до 150 имен. Из всего этого количества нашли не более шести случаев, когда дружинник по смерти князя-отца, которому он служил, оставался на службе у его сына, и не более шести же случаев, когда дружинник при княжеской смене оставался в прежней волости; только в двух случаях на важной должности тысяцкого, военного начальника главного областного города, являлись преемственно члены одного и того же боярского рода. Главным образом, благодаря этой подвижности у бояр туго развивалась и самая крепкая привязь к месту— землевладение. В XI и XII вв. находим указания на земли бояр и младших дружинников. Но легко заметить, что боярское землевладение развивалось слабо, не составляло главного экономического интереса для служилых людей. Дружинники предпочитали другие источники дохода, продолжали принимать деятельное участие в торговых оборотах и получали от своих князей денежное жалованье. Мы даже знаем наиболее обычный размер этого жалованья. Летописец XIII в., вспоминая, как живали в старину, замечает, что прежде бояре не говорили князю: „мало мне, князь, 200 гривен“. Эти 200 гривен кун (не менее 50 ф.

серебра), очевидно, были в XII в. наиболее обычным окладом боярского жалованья. Значит, большинство бояр, не приобретая в областях прочного правительственного положения, не имело и влиятельного местного значения экономического. Так служилый человек не привязывался крепко ни к месту службы, ни к лицу или семье князя, которому служил. Не привязанный крепко ни к какому князю, ни к какому княжеству, боярин привыкал сознавать себя слугою всего княжеского рода, „передним мужем“ всей Русской земли. У него не могли установиться ни прочные местные интересы в той или другой области, ни прочные династические связи с той или другой княжеской линией. Вместе с другим высшим классом общества, духовенством, и, может-быть, еще в большей степени, чем это сословие, многочисленный дружинный класс был подвижным носителем мысли о нераздельности Русской земли, о земском единстве.

Киев. III. Очередной порядок княжеского владения поддерживал и усиливал общеземское значение политического средоточия Руси, города Киева. Киев был центральным узлом княжеских отношений: туда направлялся княжеский круговорот; оттуда он нормировался. Удобства жизни в Киеве, фамильные предания, честь старшинства, названного отчества, церковное значение этого города делали его заветной мечтой для каждого князя. Молодой княжич, кружась по отдаленным областям, не спускал с него глаз, спал и видел его. Превосходное поэтическое выражение этой тоски по Киеве, одолевавшей молодого князя, находим в *Слове о полку Игореве*. В 1068 году киевляне восстали на великого князя Изяслава и прогнали его, а на великокняжеский стол возвели посаженного старшими князьями в тюрьму Всеслава полоцкого. Только семь месяцев посидел Все-

слав на киевском столе, лишь дотронулся копьем до него и должен был бежать в Полоцк. Но он уже всю жизнь не мог забыть Киева. Бывало, рано утром зазвонят к утрени у св. Софии в Полоцке, а князю все еще слышится знакомый звон у св. Софии киевской. Доля этих княжеских чувств к Киеву сообщалась и населению русских областей, даже самых отдаленных. Оно также все более и все чаще приучалось думать о Киеве, где сидел старший князь Русской земли, откуда выходили все добрые княжеские походы в степь на поганых, где жил высший пастырь русской Церкви, митрополит всея Руси, и сосредоточивались наиболее чтимые святыни Русской земли. Выражение этого народного отношения к Киеву мы встречаем в известном духовном стихе о *Голубиной книге*. Отвечая на вопрос, какой город всем городам мать, он иногда, забывая про Иерусалим, поет: „а Киев град всем городам мати".

Культурное влияние княж отношений.

IV. Усиливая земское значение главного города Русской земли, очередной порядок княжеского владения содействовал успехам общежития и гражданственности в самых отдаленных углах Руси. Чем больше становилось князей, тем мельче дробилась Русская земля. Каждый взрослый князь обыкновенно получал от старших родичей особую волость. Благодаря этому отдаленные захолустья постепенно превращались в особые княжества. В каждом из этих княжеств являлся свой стольный город, куда наезжал князь со своей дружиной, своими боярами. Город обстраивался, князья украшали его храмами, монастырями; среди простеньких обывательских домов появлялись большие хоромы и дворы княжеские и боярские, и все устроялось по-киевски. Таким образом в разные углы Руси вносились обстановка и формы жизни, снятые с одного образца. Таким образцом и руководителем местной жизни служил

Киев, источник права, богатства, знания и искусства для всей тогдашней Руси. Благодаря распространению князей по Русской земле совершалось известное обобщение житейских отношений, нивелировка местной жизни: во всех частях земли устанавливались одинаковые бытовые формы, одинаковые общественные вкусы и понятия. Перелетные птицы Русской земли, князья со своими дружинами всюду разносили семена культуры, какая росла и расцветала в средоточии земли, в Киеве.

Князья и земля.

Полученные нами два противоположных ряда последствий, вышедших из борьбы очередного порядка с условиями, его разрушившими, дают нам возможность определить политический строй тогдашней Русской земли, обозначить форму ее политического быта привычной нам терминологией. Что такое была Русская земля в XII в., как политический состав? Было ли это - единое цельное государство с единой верховной властью, носительницей политического единства страны? На Руси была тогда единая верховная власть, только не единоличная. Она имела довольно условное, стесненное значение. Князья были не полновластные государи земли, а только военно-полицейские ее правители. Их признавали носителями верховной власти, насколько они обороняли землю извне и поддерживали в ней существовавший порядок; только в этих пределах они и могли законодательствовать. Но не их дело было созидать новый земский порядок: такого полномочия верховной власти еще не было ни в действовавшем праве, ни в правовом сознании земли. Князья внесли не мало нового в земские отношения Руси, но не в силу своей власти, а по естественному ходу дел: эти новости рождались не только из действия княжеского порядка владения, но и из противодействия ему, например, из вмешательства

волостных городов. К числу этих новостей относится и то, что княжеский род стал элементом единства Русской земли. Естественное преемство поколений сообщило потомству Владимира Св. вид династии, платным сторожам Руси дало монополию наследственного правления землей. Это был простой факт, никогда не закрепленный признанием земли, у которой не было и органа для такого признания: при замещении столов волостные города договаривались с отдельными князьями, а не с целым княжеским родом. Порядок совместного княжеского владения и стал одним из средств объединения земли; но он был не актом их учредительной власти, а следствием их неуменья разделиться, как разделились потом суздальские потомки Всеволода III. Так две общественные силы стали друг против друга, князья со своим родовым единством и земля, разделенная на области. При первом взгляде Русская земля представляется земской федерацией, союзом самостоятельных областей, земель. Однако их объединял политически только княжеский род, помимо которого между ними не было другой политической связи. Но и единство княжеского рода было не государственным установлением, а бытовым обычаем, к которому была равнодушна земля и которому подчас противодействовала. В этом заключались существенные отличия Руси XII в., как земского союза, от федерации в привычном смысле этого слова. Основание федерации — постоянный *политический договор*, момент юридический; в основе княжеского совместного владения лежал *факт происхождения*, момент генеалогический, из которого выходили постоянно изменявшиеся личные соглашения. Этот факт навязывал князьям солидарность действий, не давая им постоянных норм, не указывая определенного порядка отношений. Далее, в федерации

должны быть союзные учреждения, простирающие свое действие на всю союзную территорию. Правда, и на Руси XII в. было два таких учреждения: власть великого князя киевского и княжеские съезды. Но власть великого князя киевского, вытекая из генеалогического факта, а не из постоянного договора, не была точно определена и прочно обеспечена, не имела достаточных средств для действия и постепенно превратилась в почетное отличие, получила очень условное значение. Какие сколько-нибудь определенные, обязательные политические отношения могли выдти из такого неполитического источника, как звание названного отца? Это генеалогическая фикция, а не реальная политическая власть. Каждый младший родич, областной князь, считал себя в праве противиться великому князю Киевскому, если находил его действия неправильными, неотеческими. С другой стороны, по призыву великого князя нередко устраивались княжеские съезды для обсуждения общих дел. Такими общими делами были обыкновенно вопросы законодательства, чаще вопросы о взаимных отношениях князей и о средствах защиты Русской земли от внешних врагов. Но эти съезды никогда не соединяли всех наличных князей и никогда не было точно определено значение их постановлений. Князья, не присутствовавшие на съезде, едва ли считали для себя обязательными их решения; даже князья, участвовавшие в съезде, считали себя в праве действовать вопреки его решению по личному усмотрению. На съезде в Витичеве в 1100 г. старшие двоюродные братья Святополк, Мономах, Давид и Олег (Святославичи), приговоривши наказать Давида Игоревича волынского за ослепление Василька, постановили отнять и у этого последнего его Теребовльскую волость, как у неспособного править ею. Но Ростиславичи Воло-

дарь и Василько не признали этого решения. Старшие князья хотели принудить их к тому силой; но самый видный из членов съезда Мономах, участвовавший в этом решении, отказался идти в поход, признав за Ростиславичами право ослушаться съезда на основании постановления прежнего съезда в Любече (1097 года), где за Васильком был утвержден Теребовль. Так ни власть великого князя, ни княжеские съезды не сообщали Русской земле характера политической федерации, союзного государства в точном смысле слова. Русская земля представляла собою не союз князей или областей, а союз областей через князей. Это была федерация не политическая, а генеалогическая, если можно соединять в одном определении понятия столь различных порядков, федерация, построенная на факте родства правителей, союз невольный по происхождению и ни к чему не обязывавший по своему действию—один из тех средневековых общественных составов, в которых из частно-правовой основы возникали политические отношения. Русская земля не делилась на части, совершенно обособленные друг от друга, не представляла кучи областей, соединенных только соседством. В ней действовали связи, соединявшие эти части в одно целое; только эти связи были не политические, а племенные, экономические, социальные и церковно-нравственные. Не было единства государственного, но завязывалось единство земское, народное. Нитями, из которых сплеталось это единство, были не законы и учреждения, а интересы, нравы и отношения, еще не успевшие облечься в твердые законы и учреждения. Перечислим еще раз эти связи: 1) взаимное невольное общение областей, вынужденное действием очередного порядка княжеского владения, 2) общеземский характер, усвоенный высшими правящими классами общества,

духовенством и княжеской дружиной, 3) общеземское значение Киева, как средоточия Руси не только торгово-промышленного, но и церковно-нравственного, и 4) одинаковые формы и обстановка жизни гражданского порядка, устанавливавшиеся во всех частях Руси при помощи очередного порядка княжеского владения.

Двоякое действие очередного порядка.

Двоякое действие очередного порядка и условий, его расстраивавших, привело к двойственному результату: оно 1) разрушило политическую цельность, государственное единство Русской земли, над которым повидимому с таким успехом трудились первые киевские князья, и 2) содействовало пробуждению в русском обществе чувства земского единства, зарождению русской народности. В этом втором результате, кажется, надобно искать разгадки своеобразного отношения к старой Киевской Руси со стороны нашего народа и нашей историографии. И народ, и историки до сих пор относятся к этой Руси с особенным сочувствием, которое кажется неожиданным при том хаотическом впечатлении, какое выносим из изучения того периода. В современной русской жизни осталось очень мало следов от старой Киевской Руси, от ее быта. Казалось бы, от нее не могло остаться каких-либо следов и в народной памяти, а всего менее благодарных воспоминаний. Чем могла заслужить благодарное воспоминание в народе Киевская Русь со своей неурядицей, вечной усобицей князей и нападениями степных поганых? Между тем для него старый Киев Владимира Св.—только предмет поэтических и религиозных воспоминаний. *Язык до Киева доводит*: эта народная поговорка значит не то, что неведома дорога к Киеву, а то, что везде всякий укажет вам туда дорогу, потому что по всем дорогам идут люди в Киев; она говорит то же, что средневековая западная поговорка: все

дороги ведут в Рим. Народ доселе помнит и знает старый Киев с его князьями и богатырями, с его св. Софией и Печерской лаврой, непритворно любит и чтит его, как не любил и не чтил он ни одной из столиц, его сменивших, ни Владимира на Клязьме, ни Москвы, ни Петербурга. О Владимире он забыл, да и в свое время мало знал его; Москва была тяжела народу, он ее немножко уважал и побаивался, но не любил искренно; Петербурга он не любит, не уважает и даже не боится. Столь же сочувственно относится к Киевской Руси и наша историография. Эта Русь не выработала прочного политического порядка, способного выдержать внешние удары; однако исследователи самых различных направлений вообще наклонны рисовать жизнь Киевской Руси светлыми красками. Где причина такого отношения? В старой киевской жизни было много неурядиц, много бестолковой толкотни; «бессмысленные драки княжеские», по выражению Карамзина, были прямым народным бедствием. Зато в князьях того времени так живо было родственное, точнее, генеалогическое чувство, так много удали, стремление «любо налезти собе славу, а любо голову свою сложить за землю Русскую», на поверхности общества так много движения, а люди вообще неравнодушны к временам, исполненным чувства и движения. Но это мы, поздние наблюдатели, находим эстетическое удовольствие в оживленном движении, изображаемом летописью XI—XII вв. Сами участники движения наверное выносили несколько иное впечатление из шума, какой они производили и переживали. Они видели себя среди все осложнявшихся затруднений и опасностей, внутренних и внешних, и все сильнее чувствовали, что с этими делами им не справиться разобщенными местными силами, и необходимо дружное действие всей земли. Необходимость эта

особенно живо должна была чувствоваться после Ярослава и Мономаха. Эти сильные князья умели забирать в свои руки силы всей земли и направлять их в ту или другую сторону. Без них, по мере того как их слабые родичи и потомки запутывались в своих интересах и отношениях, общество все яснее видело, что ему самому приходится искать выхода из затруднений, обороняться от опасностей. В размышлениях о средствах для этого киевлянин все чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце и все вместе о Русской земле, об общем земском деле. Пробуждение во всем обществе мысли о Русской земле, как о чем-то цельном, об общем земском деле, как о неизбежном, обязательном деле всех и каждого,—это и было коренным, самым глубоким фактом времени, к которому привели разнообразные, несоглашенные и нескладные, часто противодействовавшие друг другу стремления князей, бояр, духовенства, волостных городов, всех общественных сил того времени. Историческая эпоха, в делах которой весь народ принимал участие и через это участие почувствовал себя чем-то цельным, делающим общее дело, всегда особенно глубоко врезывается в народной памяти. Господствующие идеи и чувства времени, с которыми все освоились и которые легли во главу угла их сознания и настроения, обыкновенно отливаются в ходячие, стереотипные выражения, повторяемые при всяком случае. В XI—XII вв. у нас таким стереотипом была *Русская земля*, о которой так часто говорят и князья, и летописцы. В этом и можно видеть коренной факт нашей истории, совершившийся в те века: Русская земля, механически сцепленная первыми киевскими князьями из разнородных этнографических элементов в одно политическое целое, теперь, теряя эту политическую цельность, впервые начала чувствовать себя цельным на-

родным или земским составом. Последующие поколения вспоминали о Киевской Руси, как о колыбели русской народности.

Общеземское чувство.

Этого факта, конечно, не докажешь какой-либо цитатой, тем или другим местом исторического памятника; но он сквозить всюду, в каждом проявлении духа и настроения времени. Прочитайте или припомните рассказ Даниила Паломника из Черниговской земли о том, как он в начале XII в. ставил русскую лампаду на гробе Господнем в Іерусалиме. Пришел он к королю Балдуину с просьбой разрешить ему это дело. Король знал русского игумена и встретил его ласково, потому что был он человек добрый и смиренный.—Что тебе надо, игумене русский,—спросил он Даниила.—Князь и господин,—отвечал ему Даниил,—хотел бы я на гробе Господнем поставить лампаду от всей Русской земли, за всех князей и за всех христиан Русской земли. По ходу политических дел на Руси Черниговская область рано стала обособляться от других русских областей и земские русские чувства по характеру и отношениям черниговских Святославичей могли находить себе пищи менее, чем где-либо при тамошних княжеских столах. Ничего этого не сказалось в *Слове о полку Игореве*, певец которого принадлежал к черниговской княжеской дружине. Поэма вся проникнута живым общеземским чувством и чужда местных сочувствий и пристрастий. Когда ее северские и курские полки вступили в степь, она восклицает: „о Русская земля! уже ты за холмами". Эти полки зовутся в ней русиками, русскими полками; разбитые, они ложатся за землю Русскую; тоска разливается по всей Русской земле, когда распространилась весть об этом поражении. Не своих черниговских Святославичей, а Мономаховичей, Всеволода из Суздальской земли, Рюрика и

Давида из Смоленской, Романа с Волыни зовет северский певец вступиться за обиду своего времени, за землю Русскую. Везде Русская земля, и нигде, ни в одном памятнике не встретим выражения *русский народ*. Пробуждавшееся чувство народного единства цеплялось еще за территориальные пределы земли, а не за национальные особенности народа. Народ—понятие слишком сложное, заключающее в себе духовно-нравственные признаки, еще не дававшиеся тогдашнему сознанию или даже еще не успевшие достаточно обнаружиться в самом русском населении. Притом не успели еще сгладиться остатки старинного племенного деления, и в пределах Русской земли было много нетронутых ассимиляцией иноплеменников, которых еще нельзя было ввести в понятие русского общества. Из всех элементов, входящих в состав государства, территория наиболее доступна пониманию; она и служила определением народности. Потому чувство народного единства пока выражалось еще только в идее *общего отечества*, а не в сознании национального характера и исторического назначения и не в мысли о долге служения народному благу, хотя и пробуждалось уже помышление о нравственной ответственности перед отечеством наравне со святыней. На Любецком съезде князья, поцеловав крест на том, чтобы всем дружно вставать на нарушителя договора, скрепили свое решение заклятием против зачинщика: „да будет на него крест честной и вся земля Русская".

Лекция XIII.

Русское гражданское общество в XI и XII вв. — *Русская Правда*, как его отражение. Два взгляда на этот памятник. — Особенности Русской Правды, — указывающие на ее происхождение. — Необходимость переработанного свода местных юридических обычаев для церковного судьи XI и XII вв. — Значение кодификации в ряду основных форм права. — Византийская кодификация и ее влияние на русскую - Церковно-судное происхождение Правды. — Денежный счет Правды и время ее составления. Источники Правды. *Законъ русский.* — Княжеское законодательство. — Судебные приговоры князей. — Законодательные проекты духовенства. — Пособия, которыми они пользовались.

Я кончил изображение политического порядка, установившегося на Руси в XI и XII вв. Теперь я должен обратиться к более глубокой, зато и более сокрытой от глаз наблюдателя сфере жизни, к гражданскому порядку к ежедневным частным отношениям лица к лицу и тем интересам и понятиям, которыми эти отношения направлялись и скреплялись. Впрочем, я ограничусь лишь лицевою юридической стороной гражданского быта. До сих пор господствует в нашей исторической литературе убеждение, что эта частная юридическая жизнь древнейшей Руси наиболее полно и верно отразилась в древнейшем памятнике русского права, в *Русской Правде*. Прежде

чем взглянуть на частные юридические отношения чрез это зеркало, мы должны рассмотреть, насколько полно и верно отразило оно в себе эти отношения. С этой целью я остановлю предварительно ваше внимание на вопросе о происхождении и составе Русской Правды и потом изложу в главных чертах ее содержание.

Два взгляда.

В нашей литературе по истории русского права господствуют два взгляда на происхождение Русской Правды. Одни видят в ней неофициальный документ, не подлинный памятник законодательства, как он вышел из рук законодателя, а приватный юридический сборник, составленный каким-то древне-русским законоведом или несколькими законоведами для своих частных надобностей. Другие считают Русскую Правду официальным документом, подлинным произведением русской законодательной власти, только испорченным переписчиками, вследствие чего явилось множество разных списков Правды, различающихся количеством, порядком и даже текстом статей. Разберем Русскую Правду, чтобы проверить и оценить оба эти взгляда.

Читая Русскую Правду, вы прежде всего узнаете по заглавию над первой статьей памятника в древнейших списках, что это «суд» или «устав» Ярославль. В самом памятнике не раз встречается замечание, что так „судил" или «уставил» Ярослав. Первое заключение, к которому приводят эти указания, то, что Русская Правда есть кодекс, составленный Ярославом и служивший руководством для княжеских судей XI в. И в нашей древней письменности сохранилась память об Ярославе, как установителе правды, закона: ему давалось иногда прозвание *Правосуда*. Всматриваясь ближе в памятник, мы соберем значительный запас наблюдений, разрушающих это первое заключение.

I. Встречаем в Правде несколько постановлений, изданных преемниками Ярослава, его детьми и даже его внуком Мономахом, которому принадлежит закон, направленный против ростовщичества и занесенный в Правду. Итак Правда была плодом законодательной деятельности не одного Ярослава.

Следы Ярославичей и Мономаха.

II. Текст некоторых статей представляет не подлинные слова законодателя, а их изложение, парафразу, принадлежащую кодификатору или повествователю, рассказавшему о том, как закон был составлен. Такова, например, вторая статья Правды по пространной редакции. Статья эта есть добавка, точнее, поправка к первой статье о кровной мести и гласит: «после Ярослава собрались сыновья его Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их и отменили месть за убийство, а установили денежный выкуп, все же прочее, как судил Ярослав, как уставили и его сыновья». Вы видите, что это не подлинный текст закона Ярославовых сыновей, даже не текст какого-либо закона, а протокол княжеского съезда или историческое изложение закона словами кодификатора.

Парафразы.

III. В Русской Правде нет и следа одной важной особенности древне-русского судебного процесса, одного из судебных доказательств — судебного поединка, *поля*. Между тем сохранились в древних источниках нашей истории следы, указывающие на то, что поле практиковалось как до Русской Правды, так и долго после нее. Византийский писатель X в. Лев Диакон в рассказе о болгарском походе Святослава говорит, что русские в его время имели обыкновение решать взаимные распри «кровью и убийством». Под этим неопределенным выражением можно еще разуметь родовую кровную месть; но арабский писатель Ибн-Даста, писавший несколько раньше

Влияние духовенства.

Льва, рисует нам изобразительную картину судебного поединка на Руси в первой половине X в. По его словам, если кто на Руси имеет дело против другого, то зовет его на суд к князю, пред которым и препираются обе стороны. Дело решается приговором князя. Если же обе стороны недовольны этим приговором, окончательное решение предоставляется оружию: чей меч острее, тот и берет верх. При борьбе присутствуют родичи обоих сторон, вооруженные. Кто одолеет в бою, тот и выигрывает дело. Итак несомненно, что задолго до Русской Правды Ярослава в русском судопроизводстве практиковалось поле, судебный поединок. С другой стороны, указания на практику поля появляются в памятниках русского права с самого начала XIII в. Почему Правда не знает этого важного судебного средства, к которому так любили прибегать в древних русских судах? Она знает его, но игнорирует, не хочет признавать. Находим и объяснение этого непризнания. Духовенство наше настойчиво в продолжение веков восставало против судебного поединка, как языческого остатка, обращалось даже к церковным наказаниям, чтобы вывести его из практики русских судов; но долго, едва ли не до конца XVI в., ее усилия оставались безуспешны. Итак замечается некоторая солидарность между Русской Правдой и юридическими понятиями древнерусского духовенства.

Русская Правда — часть церковного свода.

IV. По разным спискам Русская Правда является в двух основных редакциях, в краткой и пространной. В письменности раньше становится известна последняя: пространную Правду мы встречаем уже в новгородской Кормчей конца XIII столетия, тогда как древнейший список краткой редакции находим в списке новгородской летописи конца XV в. Эта пространная Правда является

всегда в одинаковом, так сказать, окружении, в одном литературном обществе. Краткая редакция правды обыкновенно попадается в памятниках чисто литературного свойства, не имевших практического судебного употребления, чаще в списках новгородской летописи древнейшей редакции. Правду пространную встречаем большею частью в Кормчих, древне-русских сводах церковных законов, иногда в сборниках канонического содержания, носящих название *Мерила Праведного.* Таким образом Русская Правда жила и действовала в церковно-юридическом обществе: ее встречаем среди юридических памятников церковного или византийского происхождения, принесенных на Русь духовенством и имевших практическое значение в церковных судах. Перечислю членов этого церковно-юридического общества Правды. Вам известно, что древняя русская *Кормчая* (Πηδάλιον) есть перевод византийского *Номоканона.* Номоканон есть свод церковных правил (κανόνες) и касающихся Церкви законов (νόμοι) византийских императоров. Этим сводом и руководилась, частию руководится и доселе русская Церковь в своем управлении и особенно в суде по духовным делам. Византийский номоканон, наша Кормчая, является в нашей письменности с целым рядом дополнительных статей, внесенных во вторую часть ее, в отдел императорских законов. Главные из них таковы: 1) извлечение из законов Моисеевых; 2) Эклога (Ἐκλογὴ τῶν νόμων, выборка законов), свод, составленный при иконоборческих императорах-соправителях первой половины VIII в. Льве Исавре и его сыне Константине Копрониме; этот свод содержит преимущественно постановления семейного и гражданского права, но в нем есть отдел и о наказаниях за уголовные преступления; 3) *Закон судный людем* или Судебник царя

Константина: это—славянская переделка той же Эклоги, преимущественно ее статей о наказаниях; переделка эта является в славянской письменности даже раньше перевода самой Эклоги и, кажется, сделана для болгар вскоре после принятия ими христианства, т.-е. в IX в.; 4) *Прохирон* (Ὁ *πρόχειρος νόμος*, *Закон градский*—jus civile), законодательный свод императора Василия Македонянина IX же века; 5) целиком или отрывками церковные уставы наших первых христианских князей Владимира и Ярослава. Среди этих-то дополнительных статей Кормчей обыкновенно и встречаем мы нашу пространную правду. Так она не является самостоятельным памятником древне-русского законодательства, а одной из дополнительных статей к своду церковных законов.

Черты церковно-византийского права.

V. Разбирая дополнительные статьи церковно-византийского происхождения, замечаем некоторую внутреннюю связь между ними и нашей Правдой: некоторые постановления последней как будто составлены при содействии первых. Например, в извлечении из Моисеевых законов читаем статью о ночном воровстве. Эта статья, заимствованная из книги Исход, в нашей печатной Библии читается так: «аще в подкопании обрящется тать и язвен умрет, несть ему убийство; аще же взыдет солнце над ним, повинен есть, умрет за него». Смысл этой статьи таков: если ночью захватят татя на месте преступления и убьют, не считать этого за убийство; если же его убьют по восходе солнца, то убийца виновен, должен сам подвергнуться смертной казни. В нашей Правде читается такая статья о ночной татьбе: „кого застанут ночью у клети или на каком воровстве, могут убить, как собаку; если же продержат пойманного вора до рассвета, то должны вести его на княжий двор, в суд; если же вор окажется

убитым, а сторонние люди видели его уже связанным, то платить за убийство пеню в 12 гривен". Вы чувствуете внутреннюю связь этой статьи с приведенным местом Моисеева закона, но видите также, как Моисеево постановление обрусело в Правде, приноровлено к местному обществу и приняло своеобразные туземные формы выражения. Другой пример. В числе статей упомянутых Эклоги и Прохирона мы встречаем краткое постановление: „раб не послушествует" (не допускается на суде, как свидетель). У нас на Руси кроме рабов был еще класс полусвободных людей, называвшихся *закупами*. В Русской Правде читаем такую статью о свидетельстве в суде, о *послушестве*: „свидетелем холоп быть не может (а послушества на холопа не складают); если не будет свидетеля из свободных людей, то по нужде можно призвать в свидетели боярского тиуна (приказчика), но не других (простых) холопов; только в малом иске и то по нужде можно сослаться и на свидетельство закупа". Опять мысль Эклоги развита в Правде применительно к составу русского общества, выразилась в чисто русской форме. Или в числе статей упомянутого Закона Судного Людем мы встречаем постановление о том, как наказывать человека, который без спроса сядет на чужую лошадь: „аще кто без повеления на чужем коне ездит, да ся тепет по три краты", т.-е. наказывается тремя ударами. В нашей Правде есть постановление на тот же случай, которое читается так: „кто сядет на чужого коня без спросу, три гривны за это". Русь времен Правды не любила телесных наказаний, и византийские удары плетью переведены в Правде на обычный у нас денежный штраф, на гривны. Последний пример. В Законе Судном есть взятая из Эклоги или Прохирона статья о рабе, совершившем кражу на стороне,

но у своего господина: если господин такого раба-вора захочет удержать его за собою, обязан вознаградить потерпевшего, в противном случае должен отдать его в полное владение потерпевшему. В нашей Правде есть статья, по которой господин холопа, обокравшего кого-либо, должен выкупать вора, платить все причиненные им убытки и пени или же выдать его потерпевшему; но в нашей статье к этому прибавлено постановление, как поступать с семьей холопа-вора и со свободными людьми, участвовавшими в краже. Так мы замечаем, что составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно из памятников церковного и византийского права, однако руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшие определения, ставили законодательные вопросы, ответов на которые он искал в туземном праве.

Выводы. Изложенные наблюдения проливают некоторый свет на происхождение Русской Правды. Мы замечаем, что Русская Правда—закон не одного Ярослава, еще составлялась и в XII в., долго после Ярославовой смерти, что она представляет не везде подлинный текст закона, а часто только его повествовательное изложение, что Русская Правда игнорирует судебные поединки, несомненно практиковавшиеся в русском судопроизводстве XI и XII вв., но противные Церкви, что Русская Правда является не как особый самостоятельный судебник, а только как одна из дополнительных статей к Кормчей, и что эта Правда составлялась не без влияния памятников церковно-византийского права, среди которых она вращалась. К чему приводит совокупность этих наблюдений? Думаю, к тому, что читаемый нами текст Русской Правды сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой и руко-

водился составитель Правды в своей работе. Церковный кодификатор воспроизводил действовавшее на Руси право, имея в виду потребности и основы церковной юрисдикции, и воспроизводил только в меру этих потребностей и в духе этих основ. Вот почему Правда не хочет знать поля. Потому же она молчит о преступлениях политических, не входивших в компетенцию церковного суда, также об умычке, об оскорблении женщин и детей, об обидах словом: эти дела судились церковным судом, но на основании не Русской Правды, а особых церковных законоположений, как увидим. С другой стороны, до половины XI столетия княжескому судье едва ли был и нужен писанный свод законов. Княжеский судья мог обходиться без такого свода по многим причинам: 1) были еще крепки древние юридические обычаи, которыми руководствовались в судебной практике князь и его судьи; 2) тогда господствовал состязательный процесс, *пря*, и если бы судья забыл или не захотел вспомнить юридический обычай, то ему настойчиво напомнили бы о нем сами тяжущиеся стороны, которые собственно и вели дело и при которых судья присутствовал более безучастным зрителем или пассивным председателем, чем руководителем дела; наконец 3) князь всегда мог в случае нужды своей законодательной властью восполнить юридическую память или разрешить казуальное недоумение судьи.

Но если княжеские судьи до половины или до конца XI в. могли обходиться без писанного свода законов, то такой свод был совершенно необходим церковным судьям. Со времени принятия христианства русской Церкви была предоставлена двоякая юрисдикция. Она, во-первых, судила *всех* христиан, духовных и мирян, по *некоторым* делам духовно-нравственного характера, во-вторых, судила

некоторых христиан, духовных и мирян, по *всем* делам церковным и нецерковным, гражданским и уголовным. Эти некоторые христиане, во всех делах подсудные Церкви, образовали особое церковное общество, состав которого скоро увидим. Церковный суд по духовным делам над всеми христианами производился на основании Номоканона, принесенного из Византии, и церковных уставов, изданных первыми христианскими князьями Руси. Церковный суд по нецерковным уголовным и гражданским делам, простиравшийся только на церковных людей, должен был производиться по местному праву и вызывал потребность в письменном своде местных законов, каким и явилась Русская Правда. Необходимость такого свода обусловливалась двумя причинами: 1) первые церковные судьи на Руси, греки или южные славяне, незнакомы были с русскими юридическими обычаями; 2) этим судьям нужен был такой письменный свод туземных законов, в котором были бы устранены или по крайней мере смягчены некоторые туземные обычаи, особенно претившие нравственному и юридическому чувству христианских судей, воспитанных на византийском церковном и гражданском праве. В самом языке Русской Правды можно найти некоторые указания на то, что она вышла из среды, знакомой с терминологией византийского и южно-славянского права: так встречаем чуждое русскому языку слово *братучадо* в значении двоюродного брата, представляющее довольно механический перевод термина византийских кодексов ἀδελφόπαις, также слово *вражда* в смысле пени за убийство или вообще судебного взыскания, довольно употребительное в южно-славянских юридических памятниках, между прочим в Законнике Душана и в законе Винодольском.

Наконец, и внешним видом своим Русская Правда указывает на свою связь с византийским законодательством. Это—небольшой синоптический кодекс в роде Эклоги и Прохирона. Самая эта форма права, кодификация, была принесена к нам церковными законоведами, которые одни понимали ее смысл и надобность.

Форма кодификации.

Есть две основные формы права: *юридический обычай* и *закон*. Юридический обычай—первоначальная, естественная форма права: на первых ступенях общежития все право заключено в юридическом обычае. Он слагается постепенно путем продолжительного применения к одинаковым случаям или отношениям известного правила, выработанного юридическим сознанием народа под влиянием исторических условий его жизни. Согласие с юридическими и религиозными воззрениями народа и продолжительность действия сообщают этому правилу физиологически-принудительную силу привычки, предания. Закон есть правило, установленное верховной государственной властью для удовлетворения текущих нужд государства и под их давлением тотчас получает обязательную силу, поддерживаемую всеми средствами государственной власти. Закон является позднее юридического обычая и первоначально только дополняет или поправляет его, а потом вытесняет и заменяет новым правом. *Кодификация* является еще позднее и обыкновенно совмещает в себе обе предшествующие формы права. По общепринятому ее пониманию, она не дает новых юридических норм, а только приводит в порядок правила, установленные юридическим обычаем и законодательством, или применяет их к изменяющимся нравам и юридическим воззрениям народа или потребностям государства. Но самое это упорядочение и применение действующих

норм нечувствительно изменяет их и подготовляет новое право. В Византии по традиции, шедшей от римской юриспруденции, усердно обрабатывалась особая форма кодификации, которую можно назвать кодификацией синоптической. Образец ее дан был Институциями Юстиниана, а дальнейшими образчиками являются соседи Русской Правды по Кормчей книге Эклога и Прохирон. Это—краткие систематические изложения права, скорее произведения законоведения, чем законодательства, не столько уложения, сколько юридические учебники, приспособленные к легчайшему познанию законов. Главы, или параграфы титулов, на которые разделены эти кодексы, похожи на тезисы конспекта лекций из курса гражданского права. Кроме руководств такого рода, исходивших от законадательной власти, составлялись по их типу перерабатывавшие или пополнявшие их частные своды, известные под названиями „Эклоги приватной“, „Эпанагоги, сведенной с Прохироном“, «Эклоги, переработанной по Прохирону», и т. п. Эти приватные руководства были в ходу у греков в те же XI—XII вв., когда и у нас производилась по византийским образцам подобная кодификационная работа. Нужды местной церковной юрисдикции привели к этой работе, а византийская синоптическая кодификация дала ей готовую форму и приемы. При таких пособиях изложенными потребностями и вызвана была в церковной среде попытка составить кодекс, который воспроизводил бы действовавшие на Руси юридические обычаи применительно к принесенным Церковью или измененным под ее влиянием понятиям и отношениям. Плодом этой попытки и была Русская Правда. Итак, повторяю, Русская Правда родилась в сфере церковной юрисдикции.

Судьба памятника.

Изложенный разбор Русской Правды дает нам возможность ответить на вопрос, поставленный при самом начале ее изучения: был ли это документ оффициальный, дело княжеской законодательной власти, или частный юридический сборник, не имевший ни оффициального происхождения, ни обязательного действия? Ни то, ни другое: Русская Правда не была произведением княжеской законодательной власти; но она не осталась и частным юридическим сборником, получила обязательное действие, как законодательный свод, в одной части русского общества, именно в той, на которую простиралась церковная юрисдикция по нецерковным делам, и в таком обязательном значении признаваема была самой княжеской властью. Впрочем можно думать, что действие Русской Правды с течением времени перешло за пределы церковной юрисдикции. До половины XI в. еще крепкий древний обычай давал княжеским судам возможность обходиться без письменного свода законов. Но различные обстоятельства, успехи гражданственности, особенно появление христианской Церкви с чуждым для Руси церковным и византийским правом, с новыми для нее юридическими понятиями и отношениями—все это должно было поколебать древний туземный юридический обычай и помутить юридическую память судьи. Теперь судебная практика на каждом шагу задавала судье вопросы, на которые он не находил ответа в древнем туземном обычае или ответ на которые можно было извлечь из этого обычая лишь путем его напряженного толкования. Это должно было вызвать и среди княжеских судей потребность в письменном изложении действовавшего судебного порядка, приноровленном к изменившемуся положению дел. Русская Правда устраняла часть этих судебных затруднений: она давала ответы на многие

из этих новых вопросов, старалась примениться к новым понятиям и отношениям. Я думаю, что с течением времени Русская Правда, имевшая обязательное действие только в сфере церковной юрисдикции, стала служить руководством и для княжеских судей, но едва ли обязательным, скорее имевшим значение юридического пособия, как бы сказать, справочного толкования действовавшего права. Итак, Русская Правда есть памятник собственно древне-русской кодификации, а не древне-русского законодательства. В этом надобно искать объяснения той видимой странности, что памятники не только государственного, но и церковного права дальнейшего времени, воспроизводя нормы Правды, нигде, сколько помнится, на нее не ссылаются.

Время составления.

Когда происходила эта кодификационная работа? Ответ на этот вопрос—необходимое дополнение сказанного о происхождении Русской Правды. В древней новгородской летописи читаем, что в 1016 году Ярослав, отпуская домой помогавших ему в борьбе со Святополком новгородцев, будто бы дал им «правду и устав списал», сказав им: „по сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите“. Вслед за этими словами приведена краткая редакция Русской Правды с дополнительными постановлениями сыновей Ярослава. Это известие или предание возникло очевидно вследствие желания объяснить, почему в летописи под 1016 годом помещался этот памятник. Мы уже знаем, что в пространную редакцию Правды внесено постановление вел. кн. Владимира Мономаха; следовательно она продолжала составляться и в первой половине XII в. В краткой редакции еще нет этого постановления: можно думать, что она составилась раньше великокняжения Мономаха, не позднее самого начала XII в. Но окончательный состав, в каком является Правда по пространной ре-

дакции, она получила позднее половины XII в. Указание на это находим в денежном счете, которого держится Правда. Это довольно запутанный вопрос в истории памятника. Познакомлю вас с ним, не вводя в излишния подробности.

Денежный счет Правды.

Главным видом возмездия не только за гражданские, но и за уголовные правонарушения, как увидим, служат в Русской Правде денежные взыскания. Они высчитываются на гривны кун и их части. *Гривна* значит *фунт* до появления на нашем языке этого немецкого слова, в свою очередь происшедшего от лат. pondus; гривна серебра — фунт серебра. *Куны* — деньги; наше нынешнее слово *деньги* татарского происхождения, означает звонкую монету и вошло в наш язык не раньше XIII в. *Гривной кун*, т. е. денежным фунтом, назывался слиток серебра различной формы, обыкновенно продолговатый, служивший самым крупным серебряным меновым знаком на древнерусском рынке до XIV в. или несколько раньше, когда его заменил *рубль*. Гривна кун подразделялась на 20 *ногат*, на 25 *кун*, на 50 *резан*; резана подразделялась на *векшы*, на сколько именно — это не установлено точно. В памятниках нет прямых указаний, какие именно меха назывались ногатами, кунами, резанами; но мы знаем, что это были меховые денежные единицы, как и слово *куны* в смысле денег вообще означало собственно меха, ходившие на рынке как деньги. В известных уже вам древних словах на св. Четыредесятницу проповедник осуждает богатство, которое скрывают в землю, между прочим «*куны* и порты (платье) на изъядение моли»: это выражение не идет к металлическим деньгам. Но рано появились в русском обороте и металлические деньги. Я уже говорил, что в пределах Европейской России на-

ходили и находят очень много кладов с диргемами, арабскими монетами VIII — X вв. Диргем — это серебряная монета с наш полтинник, только тоньше его. Клады большею частью некрупные, содержат монеты не более фунта. Такие клады, как найденный в Муроме, весом более двух пудов (более 11 тыс. монет), — большая редкость. Замечательно, что в этих кладах рядом с цельными диргемами находили обыкновенно множество их частей, половинок, четвертей и более мелких долей. В одном кладе с монетами X в., найденном под Рязанью, оказалось при 15 цельных диргемах до 900 кусочков, из которых самые мелкие равнялись $^{1}/_{40}$ диргема. Это подало повод к очень вероятному предположению, что у нас резали и крошили диргемы, чтобы получить мелкую разменную монету. Свою монету, русские «сребреники» весом не более диргемы, у нас начали чеканить только при Владимире Св. и то повидимому в небольшом количестве. Устанавливалось определенное рыночное отношение диргемов и их частей к меховым ценностям, от которых они получали и свои названия: часть диргема, за которую получали мех резану, называлась резаной и т. п. Так расчеты производились, как бы сказать, на две валюты, меховую и металлическую. Памятники не раз и сопоставляют те и другие денежные единицы: «а пять ногат за лисицу, а за три лисицы 40 кун без ногаты», как читаем в одном документе XII в. В Русской Правде находим указание и на постоянное соотношение меховых и металлических ценностей. Она устанавливает одну добавочную пошлину к судебным пеням в 5 кун—«на мех 2 ногате»: это значит, что 5 металлических кун могут быть заменяемы двумя меховыми ногатами. Итак мех-ногата равнялся $2^{1}/_{2}$ металлическим кунам. Любопытно, что подобное соотношение

тех и других ценностей встречаем и у волжских болгар. Тогдашние рынки отличались устойчивостью цен, а при оживленных торговых сношениях Руси с болгарским Поволжьем, скреплявшихся договорами, русские рыночные цены вывозных товаров могли иметь тесную связь с болгарскими. Араб Ибн-Даста, писавший в первой половине X в., говорит об этих болгарах, что у них звонкую монету заменяют куньи меха, а каждый мех стоит $2^1/_2$ диргема. Если можно сближать данные, разделенные таким пространством и временем, то металлической куной на Руси времен Русской Правды служил диргем.

Его изменения по векам.

В разное время сообразно изменявшейся ценности серебра на Руси гривна кун имела неодинаковый вес. В X в., как видно из договоров Олега и Игоря с греками, она равнялась приблизительно $^1/_3$ фунта. До нас дошло немало гривен весом в полфунта или около того: по соображению данных об истории денежного обращения на Руси такие гривны надобно отнести к XI и началу XII вв., ко временам Ярослава, Мономаха и Мстислава I. Но во второй половине XII в. известные нам обстоятельства стеснили внешнюю торговлю Руси; прилив драгоценных металлов из-за границы сократился, серебро вздорожало и из памятников конца XII и начала XIII в. видим, что вес гривны кун уменьшился вдвое, до $^1/_4$ фунта. Эта перемена изменила и денежный счет. Гривна кун, став легковеснее вследствие вздорожания серебра, сохранила прежнюю покупную силу, так как, в связи и соразмерно с тем товары подешевели. Но иноземная серебряная монета, служившая разменными частями гривны кун, приходила к нам с прежним весом, а меха, как деньги, сохранили в русском обороте прежнюю покупную силу и, значит, изменилось их рыночное отношение и

отношению всех товаров к металлическим единицам: мех-ногата, прежде стоивший $2^1/_2$ цельных диргема-куны, теперь стал стоить $2^1/_2$ полудиргема-резаны и полудиргем, наша резана, теперь покупал на рынке то же, за что прежде платили целый диргем, нашу куну. По привычке обозначать иноземную монету туземными названиями равноценных ей мехов резану стали теперь называть куной и считать в гривне 50, а не 25 кун. Так можно объяснить, почему в пенях, выраженных в краткой редакции Русской Правды резанами, пространная редакция всюду заменяет резаны кунами, не изменяя самой цифры пени: за украденную ладью в первой редакции пени 60 резан, во второй 60 кун и т. п. Итак, Русская Правда получила законченный состав во второй половине XII или в начале XIII в. Если начало ее составления можно отнести ко времени Ярослава, то, значит, она вырабатывалась не менее полутора столетия.

Источники.

Выяснив происхождение Русской Правды, т.-е. потребность, вызвавшую ее составление, и определив приблизительно время, когда она составлялась, мы получаем одно основание для ответа и на другой вопрос, поставленный при начале ее изучения: насколько полно и верно отразился в ней действовавший на Руси юридический порядок? Но необходимо иметь для того еще и другое основание: надобно видеть, какими источниками и как пользовался кодификатор, точнее, ряд кодификаторов, работавших над кодексом.

Источники Русской Правды определились самым ее происхождением и назначением. Это был судебник, назначенный для суда над церковными людьми по нецерковным делам. Ему предстояло черпать нормы из источников двоякого рода, церковных и нецерковных. Начнем с последних.

Закон русский.

По договорам Руси с греками X в. за удар мечом или другим оружием, нанесенный русским греку или греком русскому, положено денежное взыскание „по закону русскому“. Этот *закон русский*, т.-е. обычное право языческой Руси, и лег в основание Русской Правды, был основным ее источником. Опасаюсь, что, определив этот источник как обычное право языческой Руси, я сказал неясно и даже неточно. Предмет сложнее чем может показаться по такому определению. Одно ли и то же *закон русский* договоров и тот же закон времен Русской Правды, когда она пользовалась им, как источником? Мирясь с греками под стенами Константинополя, Олег, еще истый варяг, с мужами своими, в большинстве, если не исключительно, тоже варягами, „по русскому закону“ клялись в соблюдении мира славянскими богами, Перуном, „богом *своим*“ и Волосом. Значит, закон русский—это юридический обычай Руси, смешанного варяго-славянского класса, который господствовал над восточными славянами и вел дела с Византией. Этот обычай был такого же смешанного происхождения и состава, как и класс, жизнь которого он нормировал. Но трудно было бы различить в нем составные элементы, варяжский и славянский, и именно по Русской Правде. Два века совместного жительства обоих племен—достаточно времени для слияния разноплеменных обычаев в органически-неразделимое целое. Притом в торговых городах по Днепру и другим рекам равнины и пришельцы-варяги, и сами туземцы-славяне вступали в такие условия и отношения, которые в этих городах возникали впервые и потому не могли найти себе готовых норм ни в варяжском, ни в славянском юридическом обычае. В IX в. варяги в этих городах сделались господствующим классом, по край-

ней мере наиболее видным его элементом, в начале X в. при Олеге клялись богами подвластных им славян, как своими, посредством византийской службы и торговли стали проводниками византийских юридических понятий и обычаев в городское население Киевской Руси, внесли в ее управление и право несколько своих административных и юридических понятий вместе с терминами *ябетник*, *тиун*, *гридь*, *вира*, с княжения Игоря явились первыми проводниками христианства на Руси, при язычнике Владимире дали ей первых христианских мучеников из своей среды, а в эпоху составления Русской Правды их недалекие ославянившиеся потомки смотрели на единоплеменников своих, на новопришлых варягов, молившихся по-католически, как на некрещеных чужаков, „варягов, крещения не имеющих“, по выражению одной из редакций Русской Правды. В таком составе дошел русский закон до кодификаторов Русской Правды. В русском законе отразился быт, сложившийся в русских торговых городах IX—XI вв. Он имел отдаленные корни в народных языческих обычаях варяжских и славянских; но эти корни под разносторонними влияниями получили такое развитие, так обросли новыми бытовыми образованиями в два века совместного жительства и племенного слияния рассеянных по русским городам варягов с туземцами славянами, что представляли уже особую бытовую формацию, отличную от древнего народного обычая, еще державшегося в сельском славяно-русском населении и, может быть, кой-где в Скандинавии. Русская Правда, воспроизводя действующее право Руси своего времени, имела в виду этот новый бытовой склад высших городских классов, отмечая черты народного обычая только по связи его с этим складом в

виде сословных особенностей или насколько последний посредством землевладения и торгового общения соприкасался с народной сельской средой. Приведу один пример в пояснение своей мысли. В статьях, относящихся к семейному праву, Русская Правда разумеет христианскую семью, создаваемую церковным браком. Одна статья определяет положение и внебрачной семьи, „робьих детей“ с их матерью по смерти их отца: они получают свободу. Из другого памятника узнаем, что им при этом выделялась из имущества умершего отца „прелюбодейная часть“. Но из правил митрополита Иоанна II видим, что сто лет спустя после крещения Руси «простые люди“, не князья и не бояре, обыкновенно заводили семьи по старому языческому обычаю, без церковного венчания, и Церковь признавала такие семьи внебрачными, незаконными. Невероятно, чтобы и в этих семьях к порядку наследования применялась норма „прелюбодейной части“: тогда в огромной массе русского простонародья не оказалось бы ни законных семей, ни законных прямых наследников. Между тем из Ярославова церковного устава видим, что «невенчальная жена», незаконная с церковной точки зрения, признавалась законной с точки зрения юридической, если при ней не было у мужа жены «венчальной»; самовольный развод таких невенчальных супругов подлежал взысканию, как и самовольный развод законных: только взыскание это было вдвое легче. Русская Правда игнорирует эти, как бы сказать, внебрачные браки, державшиеся на древнем юридическом обычае и даже терпимые новым правом христианской Руси. Итак, в *законѣ русском*, насколько он служил источником для Русской Правды, надобно видеть не первобытный юридический обычай восточных славян, а право городовой Руси, сло-

жившееся из довольно разнообразных элементов в IX—XI вв.

Княжеское законодательство.

Рядом с законом русским кодификатор черпал и из других источников, открывшихся или расширившихся с принятием христианства, которые давали ему нормы, изменявшие или развивавшие этот закон. Важнейшим из них надобно признавать законодательныя постановления русских князей: так во второй статье пространной Правды изложен закон Ярославовых сыновей, заменявший родовую месть за убийство денежной пеней с обстоятельным изложением в дальнейших статьях таксы денежных взысканий и других процессуальных подробностей, относящихся к делам об убийстве. Самая идея законодательной обязанности, свыше возложенной на государя, мысль о возможности и даже необходимости регулировать общественную жизнь волею власти была принесена к нам вместе с христианством, внушалась с церковной стороны. Вторым источником были судебные приговоры князей по частным случаям, превращавшиеся в прецеденты: это наиболее обычный способ древнейшего законодательства. Таков приговор Изяслава Ярославича, присудившего к двойной вире жителей Дорогобужа за убийство княжеского „конюха старого“, т.-е. конюшего старосты или приказчика: приговор этот занесен в Правду как общий закон, причисливший княжеского старосту конюшего по размеру пени за его убийство к составу старшей дружины князя. К обоим этим источникам надобно прибавить еще третий—законодательные проекты

Влияние духовенства.

духовенства, принятые князьями. Следы этой законодательной работы духовенства мы замечаем уже в летописном рассказе о князе Владимире. Когда усилились разбои в Русской земле, епископы предложили этому князю заменить

денежную пеню за разбой более тяжкой правительственной карой: в Русской Правде находим постановление, в силу которого разбойник наказуется не денежной пеней, а «потоком и разграблением», конфискацией всего имущества преступника и продажей его самого в рабство за границу со всем семейством. Этот источник служил одним из путей, даже главным путем, которым проникало в русское общество влияние церковно-византийского, а через него и римского права. Это влияние важно не только новыми юридическими нормами, какие оно вносило в русское право, но и общими юридическими понятиями и определениями, которые составляют основу юридического сознания. Правовому ведению духовенства открыта была преимущественно область семейных отношений, которые приходилось перестраивать заново. Здесь ему даны были значительные полномочия, не только судебные, но и законодательные, в силу которых оно довольно независимо нормировало семейную жизнь, применяя к местным условиям свои канонические установления. Поэтому с большою вероятностию можно предполагать, что отдел статей в Русской Правде о порядке наследования, опеке, о положении вдов и их отношении к детям составлен под прямым или косвенным влиянием этого источника. Так в составе имущества вдовы точно различены вдовья часть, выделяемая ей из наследства детей на прожиток до смерти или вторичного замужества, и то, что ей дал муж в полную собственность и что даже выражено в формуле, напоминающей римский термин полной собственности (dominium): „а что на ню муж взложит, тому же есть *госпожа*".

Пособия

Пособия, какими пользовались церковная юрисдикция и церковная кодификация при разрешении и формулировании встречавшихся им случаев, также можно причислить

к источникам Русской Правды, насколько такие случаи нашли себе в ней место. Такими пособиями прежде всего служили те дополнительные статьи Кормчей, среди которых помещалась и Русская Правда. Самое присутствие их в составе такого памятника, как Кормчая, служило достаточным доказательством их авторитета, как источников права. Но древне-русские церковные законоведы не пренебрегали источниками менее авторитетными, если находили в них подходящий материал, только трудно уловить их. Кажется сохранился след одного из них. В Русской Правде есть ряд статей о побоях и повреждении руки, ноги и других членов тела. В так-называемой „Эклоге, переработанной по Прохиропу“, приватном руководстве права, относимом известным канонистом Цахарие ко времени позднее начала X в., встречается ряд статей подобного же содержания. Взыскания, назначаемые в некоторых из этих статей, вызывают невольное предположение, не имел ли этих статей перед глазами составитель Русской Правды, когда формулировал пени за побои и членовредительство. Так за порчу глаза и носа эта Эклога назначает в пользу потерпевшего пеню в 30 сикл (восточная монета): в Правде за то же положено пени и вознаграждения потерпевшему 30 гривен; за выбитие зуба в Эклоге 12 золотых (номисма), в Правде 12 гривен кун. Эта частная греческая компиляция была мало известна древне-русским правоведам и, если не ошибаюсь, не оставила заметного следа в старинной юридической письменности. Если это сходство—не случайное совпадение, то у составителей Русской Правды можно подозревать довольно разнообразные и даже неожиданные источники.

Лекция XIV.

Предстоящие вопросы о составлении Русской Правды.—Следы частичной кодификации в древне-русской юридической письменности.—Сведение и переработка частично составленных статей.—Составление и состав Русской Правды: взаимное отношение основных ее редакций.—Отношение Правды к действовавшему праву.—Гражданский порядок по Русской Правде.—Предварительная заметка о значении памятников права для исторического изучения гражданского общества.—Раздельная черта между уголовным и гражданским правом по Русской Правде.—Система наказаний.—Древняя основа Правды и позднейшие наслоения.—Сравнительная оценка имущества и личности человека.—Двоякое деление общества. Имущественные сделки и обязательства.—Русская Правда—кодекс капитала.

Обработка материала в памятнике

Мы рассмотрели заметные источники Русской Правды. Но мы не можем подступить к бытовому содержанию этого памятника, не решив еще одного и очень трудного вопроса,—как он составлялся. Этот вопрос о том, как составители Правды пользовались своими источниками и как, каким кодификационным процессом и из каких частей составилась Правда.

Формальный способ.

В Правде заметен двоякий способ пользования источниками. формальный и материальный: или брали из источника только юридический казус, который нормировали по другим источникам, или заимствовали самую юридическую норму. Первый способ преобладал в отношении к иноземным, византийским источникам, второй в отношении к своим, туземным. Разбирая в прошлый час сохранившиеся

в Правде признаки ее происхождения, я уже привел несколько образчиков такого казуального отношения к переводным дополнительным статьям Кормчей. Этот способ, конечно, имел свое и важное дидактическое значение в развитии русского правоведения: он приучал правоведов различать и определять людские отношения, вникать в смысл и дух правоведения в отношении права к жизни,—словом, вырабатывал и изощрял юридическое мышление. Отсюда же Русская Правда усвоила и одну внутреннюю особенность византийской синоптической кодификации. Эта кодификация стояла под двойным влиянием—римской юриспруденции и христианской проповеди. Первая внесла в нее прием юридического трактата, вторая—прием религиозно-нравственного назидания. Оба приема сливаются у византийского кодификатора в наклонность оправдывать, мотивировать закон. Наш памятник по мере сил подражал этой наклонности. Мотивы очень разнообразны: ими служат как психологические и нравственные побуждения, так и практические цели, житейские расчеты. Одна статья Русской Правды гласит, что холопы за кражу не подлежат пене в пользу князя, «зане суть несвободни». По другой статье заимодавец, давший в займы более 3 гривен без свидетелей, терял право иска. Судья обязан был объяснить истцу отказ в иске резолюцией, смысл которой, придерживаясь ее драматической формы, можно передать так: «ну, брат, извини, сам виноват, что так раздобрился, поверил в долг столько денег без свидетелей».

Материальный

Как ни важен сам по себе формальный способ пользования источниками со стороны Русской Правды, для истории положительного права важнее другой способ, материальный: зато он менее уловим. Легко подыскать в источнике статью, нормирующую одинаковый с известной

статьей Правды юридический казус; гораздо труднее угадать, как создалась в последней самая норма, непохожая на соответствующую статью источника. Остановимся прежде всего на одном внешнем библиографическом наблюдении. В древне-русской юридической, преимущественно церковно-юридической письменности встречаем одинокие статьи русского происхождения, как будто случайно попавшие в то место, где мы их находим, не имеющие органической связи с памятником, к которому они прицеплены. В нашей старинной письменности обращалась компиляция, носящая название *Книг Законных*, исследованная и изданная покойным профессором канонического права А. С. Павловым. Это—сборник, составленный из нескольких памятников византийского права в славянском переводе; между ними помещался и *Закон о казнех*, перевод уголовного титула из известного нам Прохирона. Греко-римское право не допускало брака госпожи со своим рабом. По статье упомянутого титула бездетная вдова, сблизившаяся со своим рабом, подвергалась острижению и телесному наказанию, а если имела законных детей, лишалась еще в пользу их своего имущества, кроме доли, необходимой на прожиток. Русский переводчик или кто другой прибавил к этой византийской статье свою собственную, совершенно несогласную с византийским правом: по ней брак вдовы со своим рабом не только является возможным, но и сопровождается для нее лишь обычными юридическими последствиями вторичного замужества. Эта статья не попала в отдел Русской Правды о семейном праве. Не попала в Правду и русская статья, находящаяся среди статей Эклоги в одном древнем списке Мерила Праведного и носящая заглавие „о уставленьи татьбы“. Здесь устанавливается подсудность дел о краже, когда поличное и сам

Оригинальные древне-русские нормы.

вор окажутся в другом округе (волости), не в том, где совершена кража. Другие такие же бродячие статьи попадали только в некоторые списки Правды более позднего времени, не попав в древнейшие. Так в одном списке Правды XV в. помещена статья о человеке, обманом, под предлогом какого-либо предприятия или поручения, выманившем у кого-либо деньги („полгав куны у людей“) и убежавшем в чужую землю: это преступление приравнивается по презумпции к татьбе, а не к торговой несостоятельности, несчастной или какой-либо иной, наказуемой несходно с татьбой. Статья помещена не на месте, не среди статей о татьбе, а в конце, как прибавление, рядом с другой так же не попавшей на свое место позднейшей статьей о вознаграждении человека, несправедливо по чьему-либо иску подвергшегося аресту или наказанию кнутом. В некоторых списках Правды находим другие вставные или приписные статьи, не нашедшие себе места в других списках. Одна из них, о бесчестьи, особенно неудачно помещалась в Правде: это, как увидим при разборе Ярославова церковного устава, схолия—или, точнее, примечание—к одной из его статей, без которой она совершенно непонятна; она не имеет связи ни с какой статьей Правды, однако приписывалась обыкновенно к последней и, сколько мне известно, ни в одном списке не поставлена на своем месте в Ярославовом уставе. Встречаем, наконец статьи даже целые группы статей, обращавшихся в письменности отдельно и вместе с тем вошедших во все списки пространной Правды с некоторыми текстуальными изменениями или в редакционной переработке, но с сохранением сущности содержания. В отделе Правды о холопстве есть статья, ограничивающая источники неволи: человек, отданный или поступивший в срочную работу за

долг, за прокорм или за ссуду под работу, не считается холопом, может уйти от хозяина до срока, только обязан вознаградить его, т.-е. уплатить долг или ссуду либо заплатить за прокорм. Один из этих случаев, исключающих порабощение, сходно формулирован в одном из русских прибавлений к болгарской компиляции, *Закону Судному*: кто отдается в работу в голодное время, не становится холопом одерноватым, т.-е. полным, «дернь ему не надобе»; он может уйти, только заплатив 3 гривны, разумеется, если не заработал прокорма, а исполненная работа в счет не идет, «служил даром».

Сфера, где они вырабатывались.

Я привел далеко не все известные статьи такого рода. Дальнейшее изучение древне-русской письменности, вероятно увеличит их количество, и теперь уже довольно значительное. Они вскрывают процесс, бросающий свет на составление Русской Правды. Видим, что систематической кодификации, из которой выходили памятники, подобные Русской Правде, предшествовала частичная выработка отдельных норм, которые потом подбирались в более или менее полные своды или по которым перерабатывались своды, раньше составленные. Где, в какой общественной среде происходила эта важная для истории нашего древнего права работа? Вы вероятно догадываетесь, какую среду я назову: это была сфера церковной юрисдикции, т.-е. та часть духовенства, пришлого и туземного, которая, сосредоточиваясь около епископских кафедр, под руководством епископов, служила ближайшим орудием церковного управления и суда. Никакой другой класс русского общества не обладал тогда необходимыми для такой работы средствами ни общеобразовательными, ни специально-юридическими. От XI и XII вв. до нас дошло несколько памятников, ярко освещающих ход этой работы.

Переход от язычества к христианству сопряжен был с большими затруднениями для неопытных христиан и их руководителей. Подчиненные церковные правители, судьи, духовники, обращались к епископам с вопросами по делам своей компетенции, возбуждавшим недоумения, и получали от владык руководительные ответы. Вопросы относились большею частью к церковной практике и христианской дисциплине, но касались нередко и чисто юридических предметов, роста и лихоимства, церковных наказаний за убийство и другие уголовные преступления, брака, развода и внебрачного сожительства, крестоцелования, как судебного доказательства, холопства и отношения к нему церковного суда. Рядом с вопросом, в какой одежде пристойно ходить христианину, и ответом—в чем хотят, беды нет, хотя бы и в медвежине, — спрашивали, как наказывать рабов, совершивших душегубство, и получали ответ: половинным наказанием и даже легче того, потому что несвободны. Пастырские правила применялись к судебной практике, становились юридическими нормами и находили себе письменное изложение в виде отдельных статей, которые записывались, где приходилось. Эти рассеянные статьи потом подбирались в группы и в целые своды, иногда с новой переработкой, в более или менее измененной редакции.

Их подбор в разных списках Правды.

Есть признаки, позволяющие предполагать участие такой частичной выработки и разновременного подбора статей в составлении Русской Правды. Этим можно объяснить несходство списков Правды в количестве, порядке и изложении статей. Мы различаем две основные редакции памятника, краткую и распространенную. Краткая состоит из двух частей: одна содержит в себе небольшое количество статей (17) об убийстве, побоях, о нарушении

права собственности и способах его восстановления, о вознаграждении за порчу чужих вещей; вторая излагает ряд постановлений, принятых на съезде старших Ярославичей, о пенях и вознаграждениях за те же преступления против жизни и имущества, а также о судебных пошлинах и расходах. В пространной редакции статьи краткой развиты и изложены стройнее и обстоятельнее, при чем постановления княжеского съезда включены в общий распорядок свода. Можно было бы принять краткую редакцию за выборку из пространной, если бы этому не мешали два препятствия. По одной статье краткой редакции за холопа, нанесшего удар свободному человеку, господин его платит пеню, если не хочет выдать его, а затем где потерпевший встретит того холопа, „да бьют (убьют) его“. Воспроизводя эту статью, пространная редакция прибавляет, что при встрече с тем холопом Ярослав уставил было убить его, но сыновья Ярослава предоставили оскорбленному либо побить холопа, либо взыскать деньги с его господина „за сором“. Значит, краткая статья редакции считалась выражением устава самого Ярослава. С другой стороны, как мы видели, вторая часть краткой редакции в пенях за правонарушения держится более древнего денежного счета, чем пространная. Итак, краткую редакцию можно признать первым опытом кодификационного воспроизведения юридического порядка, установившегося при Ярославе и его сыновьях. Но отсюда, конечно, не следует, что это настоящая Ярославова Правда. Пространная редакция является другим, более обработанным опытом воспроизведения того же порядка с прибавлением норм, установленных законодательством Мономаха и дальнейшей практикой. Но трудно разделить отчетливо в составе этой редакции все ее разновременные составные части. В древ-

них списках это делалось довольно механически. Почти в середине памятника, после статьи „о месячном резе" (росте) следовало в повествовательном изложении постановление об ограничении роста, состоявшееся на совещании великого князя Владимира Мономаха с тысяцкими и другими боярами. Здесь и проводили раздельную черту между двумя частями, на которые делили Правду: статьям до этого постановления давали заглавие *Суд* или *Устав Ярославль Володимерич*, а над дальнейшими статьями ставили заглавие: *Устав Володимер Всеволодича.* Но эти заглавия относятся только к первым статьям обеих частей. Заглавие над первой статьей об убийстве значит: вот как судилось убийство Ярославом или при Ярославе—мстили за убитого его кровные родные: брат, отец, сын и т. д., а при отсутствии таких законных мстителей платилась денежная пеня, вира. Но, гласит вторая статья, сыновья Ярослава отменили месть и узаконили виру. На самом деле Правда состоит не из двух разновременных частей, а гораздо сложнее: это можно заметить, сопоставив друг с другом некоторые статьи из разных ее частей. В некоторых статьях сохранились даже косвенные указания на время, когда они были редактированы. Так одна статья назначает 12 гривен пени за удар необнаженным мечом, а другая только 3 гривны за удар мечом обнаженным, даже причинившим рану, лишь бы несмертельную. Одна статья карает 12 гривнами кун за удар батогом, а другая только 3 гривнами за удар жердью, не менее обидный для чести. В краткой Правде и назначена одинаковая пеня за обе обиды. Видимое разногласие статей объясняется составом Правды. В древних списках Кормчей и Мерила Праведного помещался частичный свод статей „о послухах", извлеченный из византийских источников; но некоторые статьи, очевидно,

русского происхождения. Отсюда и взяты упомянутые статьи Правды с 3-гривенными пенями; только самые пени здесь определены иначе. За удар жердью статья свода о послухах не полагает определенной пени, предоставляя это усмотрению судей, «во что обложат». Это признак более древней редакции. Но за удар обнаженным мечом положено не 3, а 9 гривен. Так по одним спискам свода; по другим—3 гривны. Здесь нет разногласия. Статья Правды с 12-гривенной пеней за удар необнаженным мечом редактирована во второй половине XII в., когда ходила гривна кун в $^1/_4$ фунта. Это дает повод предполагать, что при полуфунтовой гривне кун за такое оскорбление взыскивалась пеня в 6 гривен кун; такая именно такса и сохранилась в новгородском договоре с немцами 1195 года: за удар «оружием» 6 гривен «старых», т.-е. полуфунтовых. Но мы увидим в свое время, что в промежутке между гривнами кун в $^1/_2$ и в $^1/_4$ фунта, именно около половины XII в. ходили гривны кун весом около $^1/_3$ ф. Русские статьи в своде о послухах редактировались около половины XII в., при третной гривне кун: 6-гривенная пеня и была в нем переверстана в 9-гривенную, а в другой его редакции переложена в фунты, в 3 гривны серебра, и в таком виде эти статьи попали в Правду вслед за статьями, уже формулировавшими подобные же правонарушения, только с пенями, высчитанными по другой денежной единице (12 гривен кун четвертных). А так как постановления Мономаха о росте рассчитаны, несомненно, по полуфунтовой гривне кун, то можно сказать, что в таксе денежных взысканий Русской Правды отразились все денежные курсы, испытанные русским рынком в XII в. Разновременный состав Правды открывается из разбора и других ее мест. Так, по одной

статье за кражу, совершенную холопом, нет пени в пользу князя, потому что вор—несвободный человек, а господин его платит потерпевшему двойную стоимость украденного. По статье в другом месте Правды за кражу коня холопом взыскивается, разумеется, с его господина, такая же плата, как и со свободного за то же преступление. По третьей статье в конце Правды господину холопа-вора предоставляется или «выкупать» его, платить за него, или выдать его потерпевшему, о чем умалчивают другие статьи. Можно подумать, что каждая следующая статья отменяет предыдущую. Но это едва ли так: ближе подходит к характеру памятника предположение, что эти статьи принадлежат к разновременным его частям и формулируют сходные, но не тожественные случаи, различие которых не выражено ясно редакцией статей. Надобно помнить, что в Русской Правде мы имеем дело не с законодательством, заменяющим одни нормы другими, а со сводной кодификацией, старавшейся собрать в одно целое всякие нормы, какие она находила в своих источниках.

Собирательный характер списков.

В разных списках Правды слишком явственно сказывается это стремление. Среди статей по семейному праву вставлены таксы вознаграждения городнику, ведавшему городские укрепления, и мостнику за постройку и починку мостов, а в конце Правды по некоторым спискам приписан устав о распределении мостовой повинности между частями Новгорода и, как мы видели, несколько статей, относящихся к разным отделам Правды. Одна статья Правды определяет годовой рост с занятого капитала в 50%. По этой схеме какой-то сельский хозяин, кажется Ростовской области, положив в основу инвентарь своего села, составил математический, т.-е. фантастический расчет, сколько в 12 или 9 лет получится приплода от его скота

и пчел, прибыли от высеваемого хлеба и пяти стогов сена, а также сколько причтется платы за 12-летнюю сельскую работу женщине с дочерью. Этот расчет, обильный любопытными чертами русского сельского хозяйства в XIII, а судя по денежному счету, даже в XII в., является в некоторых списках Правды неожиданным прибавлением к помянутой статье о росте. Такие вставки мешают точно различить составные части памятника и уловить порядок в расположении его статей. Выдаются только некоторые группы статей с признаками, что это были отдельные частичные своды одной редакции. Таковы, например, отделы Правды о порче или похищении разных хозяйственных статей и принадлежностей, о семейном праве, о холопстве. В распорядке предметов можно заметить тенденцию идти от наиболее тяжких преступлений к более легким; а от них переходить к постановлениям, которые можно было бы отнести к области гражданского права.

Итак, Русская Правда есть свод разновременных частичных сводов и отдельных статей, сохранившийся притом в нескольких редакциях, тоже разновременных. Что можно в ней назвать Правдой Ярослава,—это небольшое количество древнейших статей свода, воспроизводящих юридический порядок времен этого князя.

Теперь мы, кажется, достаточно подготовились, чтобы подойти к главной цели историко-критического разбора Русской Правды, к решению вопроса, насколько полно и верно воспроизводит она право, действовавшее в ее время. Это собственно вопрос о том, как воспользовалась Правда материальным содержанием своих источников, особенно главного из них, того русского закона, о котором мы говорили в прошлый раз.

Сфера Правды.

По самому своему происхождению и назначению Русская Правда, как мы говорили, не могла захватывать всей области современного ей русского языка. Она держалась в пределах церковной юрисдикции по нецерковным делам, простиравшейся на духовенство и церковных мирян. Потому, с одной стороны, Правда не касается политических дел, не входивших в церковную компетенцию, а с другой—дел духовно-нравственного характера, которые судились по особым церковным законам. В остальных делах ей предстояло воспроизводить практику княжеского суда с теми отступлениями, какие допускал церковный суд в силу данных ему на то полномочий. Отношение Русской Правды к современному ей русскому праву, именно к тогдашней практике княжескаго суда,—это предмет, заслуживающий целого специального исследования. Я ограничусь немногими указаниями, какие представляются мне наиболее характерными.

Правда и княжеский суд.

Русская Правда, как мы уже знаем, не признает поля, судебного поединка, если не видеть намека на этот вид суда Божия в одной неясной статье древнейшей краткой ее редакции. Эта статья гласит, что если побитый явится в суд со знаками побоев, ранами или синяками, жалоба его принимается и без свидетеля; если же знаков битья не окажется, необходим свидетель; иначе дело кончается ничем, «ту тому конец». Если же, добавляет статья, побитый не в состоянии мстить за себя, взыскать с обидчика 3 гривны „за обиду“ да „лечцу мзда“, вознаграждение лекарю за лечение. Эти последние слова дают понять, что статья разумеет случай, когда побитый являлся в суд с признаками, очевидно указывавшими на необходимость лечения, т. е. когда жалоба его удовлетворялась судом,—и удовлетворение состояло в судебном разреше-

нии обиженному мстить за себя обидчику. Но что такое месть, т.-е. личная расправа по приговору суда? Если она соединилась с лишением обвиненного возможности защищаться, это было телесное наказание, исполнителем которого являлся сам обиженный; если же у обидчика оставалась возможность дать отпор мстителю, выходила драка сторон по приговору суда, т.-е. нечто в роде судебного поединка. Во всяком случае, пространная редакция Правды. воспроизводя этот юридический случай, устраняет всякий намек на личную расправу по приговору суда. Доказавший свою обиду знаками или свидетелем получал по суду денежное вознаграждение; если же на суде оказывалось, что он был зачинщиком драки, ему не присуждалось вознаграждения, хотя бы он был изранен; ответчику не вменялось нанесение ран, как дело необходимой обороны. Та же тенденция пространной редакции устранить частную расправу сказалась и в другом случае. Краткая редакция допускает месть детей за изувеченного отца: „чада смирят". Пространная редакция заменяет месть детей пеней в половину штрафа за убийство и вознаграждением изувеченного в четверть этого штрафа. Так, церковный суд в первое время делал значительные уступки местному юридическому обычаю, но потом, постепенно укрепляясь, стал решительнее проводить в свою практику усвоенные им юридические начала.

Русская Правда не знает смертной казни. Но из одного произведения начала XIII в., вошедшего в состав Печерского патерика, знаем, что в конце XI в. за тяжкие преступления осуждали на повешение, если осужденный не был в состоянии заплатить назначенной за такое преступление пени. Молчание Правды в этом случае можно объяснить двояко. Во-первых, самые тяжкие преступления,

как душегубство и татьбу с поличным, церковный суд разбирал с участием княжеского судьи, который, вероятно, и произносил в подлежащем случае смертный приговор. Притом христианский взгляд на человека непримирим с мыслью о смертной казни, и Мономах понимал его, когда в своем Поучении давал детям настойчивое наставление не убивать ни правого, ни виноватого, хотя бы кто был повинен в смерти. Тем же побуждением можно объяснить молчание Правды о невменении господину смерти его холопа, умершего от его побоев. Эклога и Прохирон формулировали это, как бы сказать, право или привилегию безнаказанности с ограничениями, имевшими целью отделить неумышленное убийство раба от умышленного, которое подлежало обычному наказанию. Наше право, повидимому, не признавало этих ограничений; по крайней мере Двинская уставная грамота 1397 г. говорит кратко без оговорок, что если господарь „огрешится", ударит своего холопа или рабу и случится смерть, он за то не судится; также говорит об этом и одна старинная компиляция, носящая заглавие „о правосудии митрополичем" и составленная по Русской Правде и церковному уставу Ярослава, но с некоторыми дополнениями из судебной практики; в случае убийства господарем челядина полного „несть ему душегубства, но вина есть ему от Бога". Церковное правосудие не могло признать такой привилегии, но не могло и отнять ее у рабовладельцев. Церковь могла только карать их на духу церковной карой, эпитимией, и устав о церковных наказаниях, приписываемый русскому митрополиту XI в. Георгию, решительно предписывает: аще кто челядина убиет, яко разбойник эпитемию примет". В упомянутой сейчас статье Печерского патерика есть рассказ о пытке, какой сын великого

кн. Святополка подверг двух монахов Печерского монастыря, чтобы дознаться о месте, где был зарыт варяжский клад в их пещере. Может быть, это было только проявлением княжеского произвола. Но если бы пытка была даже обычным следственным приемом тогдашнего княжеского суда, понятно, почему Правда о ней умалчивает.

Несовершенства кодификации.

Перечисленные умолчания Русской Правды можно признать глухим протестом христианского юриста против старого языческого обычая или нововымышленной жестокости. Но в ней заметны опущения и недомолвки, которых нельзя объяснить этим побуждением. Их надобно приписать несовершенству тогдашней кодификации: затруднялись брать юридическую норму во всей полноте заключавшихся в ней отношений, предусматривать все житейские видоизменения юридического казуса. Так Правда не указывает, что священник по размеру пени, ограждавшей его жизнь, приравнивался к княжим мужам, членам старшей дружины, боярам. Говоря, что раба с детьми, прижитыми от господина, по смерти его выходила на волю, Правда не договаривает, что при этом ей с детьми „по указу“ выделялась „прелюбодейная часть“ из движимого имущества господина. Кроме этого Правда не указывает других случаев обязательного освобождения подневольных людей. В *Законе Судном* помещалась статья, предписывавшая отпускать на волю раба, которому хозяин выколол глаз или выбил зуб. Из других источников знаем, что обязательно освобождались подневольные люди, потерпевшие увечья по вине своих господ; также получала свободу осрамленная раба.

Впрочем, достаточно вспомнить, как составлялась Правда, чтобы не искать в ней систематической полноты и

стройности. Она не была плодом одной цельной мысли, а мозаически слепилась из разновременных частей, которые составлялись по нуждам церковно-судебной практики. В конце пространной редакции в статьях о холопстве отмечены только три источника *обельного*, полного холопства: продажа в неволю при свидетелях, женитьба на рабе „без ряду", без договора с господином рабы, ограждающего свободу жениха, и поступление в домашнее услужение без такого же договора. Между тем из других статей той же Правды видим, что неволя возникала и из других источников, из некоторых преступлений (разбоя, конокрадства), из торговой несостоятельности, а из других памятников знаем, что холопство создавалось еще пленом и княжеской опалой, не говоря уже о происхождении от холопа. Эти статьи о холопстве—особый отдел, один из позднейших, внесенных в Правду, частичное уложение о холопстве, составленное без соображения с целым, в состав которого оно попало: составитель его по нуждам практики хотел формулировать только важнейшие источники холопства, возникавшего из частичных сделок, не касаясь источников уголовных и политических.

Трудность ее условий.

Изучая отношение Русской Правды к современному ей русскому праву, не следует забывать положения тогдашнего русского кодификатора. Он имел дело с неупорядоченной судебной практикой, в которой старый обычай боролся с новыми юридическими понятиями и требованиями и людские отношения являлись перед судом в сочетаниях, не предусмотренных ни законом, ни судебной практикой, и судья поочередно переходил от недоумения к усмотрению, т. е. к произволу и обратно. При таком состоянии правосудия многие нормы даже трудно было уловить и формулировать. Приведу один пример, чтобы пояснить дело.

Главное внимание Правды обращено на основные, элементарные определения материального права, какие наиболее настойчиво спрашивались жизнью, ее господствующими интересами, на наказания и возмездия, княжие пени и частные вознаграждения за правонарушения. В судебном процессе Правды наиболее обстоятельно обработан порядок иска пропавшей или украденной вещи, особенно бежавшего или украденного холопа. Но в Правде не находим прямых указаний, которые отвечали бы на вопрос очень важный для характеристики общественного порядка и правового сознания ее времени: всегда ли преследование преступления вчинялось частным обвинением, или при отсутствии истца сама общественная власть брала на себя это дело? Надобно предполагать последнее, потому что судебное обличение всякого правонарушения соединялось с пеней, доходом в пользу судебной власти. Обратимся к памятникам, современным Правде или близким к ней по времени. В древнем повествовании о киево-печерских иноках, на которое я уже не раз ссылался, есть рассказ об ученике преп. Феодосия, иноке Григории. Воры собирались обокрасть его; но это им не удалось: Григорий задержал их, простил и отпустил. Городской „властелин", узнав об этом, посадил воров в тюрьму. Григорий, жалея, что они из-за него страдали, заплатил за них городскому тиуну, а их отпустил, „татие же отпусти"—не судья, а Григорий: это может значить только то, что Григорий отказался от частного взыскания за свою „обиду", которое могло задержать воров в заключении, а судья, получив свою „продажу", пеню за покушение на татьбу, не имел причин их более задерживать. Из истории русской литературы вам известен любопытный памятник XII в., содержащий в себе вопросы Кирика и других духовных лиц

с ответами на них новгородского епископа Нифонта и других иерархов. Между прочим Кирик спрашивал, можно ли ставить в священнослужители человека, совершившего кражу, и получил ответ: если кража велика, а ее не уладят без огласки, «а не уложат ее отай, но сильну пр̃ю составят перед князём и перед людьми", того человека не подобает ставить в дьяконы; если же кража улажена без огласки, то можно ставить. Епископ не считал предосудительным и находил возможным, т.-е. обычным делом, предупредить тяжбу даже о большой татьбе мировой сделкой с истцом втихомолку. Если принять еще во внимание, что по Русской Правде выигравшая сторона, будь то истец или ответчик, платила судье „помочное" за содействие, то правосудие времен Правды получает такой вид: во всяком правонарушении сталкивались три стороны, истец, ответчик и судья; каждая сторона была враждебна обеим остальным, но союз двух решал дело на счет третьей.

Общий характер памятника.

Теперь, наконец, мы можем ответить на вопрос, для разрешения которого предприняли довольно подробный разбор Русской Правды: насколько полно и верно отразился в ней действовавший на Руси юридический порядок? В ней можно заметить следы несочувствия некоторым юридическим обычаям Руси, слишком отзывавшимся языческой стариной. Но воспроизводя порядок, действовавший в княжеском суде, она не отмечает отступлений от этого порядка, какие допускал церковный суд по нецерковным делам, не исправляет местного юридического обычая введением новых норм *взамен* действовавших. У нее другие средства исправления. Она, во-первых, просто умалчивает о том, что считает необходимым устранить из судебной практики и чего не применял церковный суд, как поступила она с судебным поединком и част-

ной расправой, а во-вторых, может быть, она пополняет действовавшее право, формулируя такие юридические случаи и отношения, на которые это право не давало прямых ответов, что можно предположить о статьях ее, касающихся наследования и холопства. Многого в действовавшем праве она не захватила или потому, что не было практической надобности это формулировать, или потому, что при неупорядоченном состоянии княжеского судопроизводства трудно было формулировать. Поэтому Русскую Правду можно признать довольно верным, но не цельным отражением юридического порядка ее времени. Она не вводила нового права взамен действовавшего; но в ней воспроизведены не все части действовавшего права, а части воспроизведенные пополнены и развиты, обработаны и изложены так отчетливо, как, может быт, не сумел бы сделать этого тогдашний княжеский судья. Русская Правда—хорошее, но разбитое зеркало русского права XI—XII вв.

Обращаемся к изучению гражданского общества по Русской Правде.

Одним из следствий очередного порядка княжеского владения мы признали известное обобщение житейских отношений в разных частях Руси XI и XII вв. Значит, изучая гражданский быт Руси того времени, мы наблюдаем один из элементов земского или народного единства, какие вносил в русское общество этот порядок княжеского владения.

Памятники права в историческом изучении.

Гражданское общество складывается из очень сложных отношений юридических, экономических, семейных, нравственных. Эти отношения строятся и приводятся в движение личными интересами, чувствами и понятиями. Это по преимуществу область *личности*. Если однако при всем разнообразии движущих пружин эти отношения сохраняют гармонию и складываются в порядок, это значит,

что в личных интересах, чувствах и понятиях известного времени есть нечто общее, их примиряющее и сглаживающее, что всеми признается за общеобязательное. Из этого вырабатываются рамки, которыми сдерживаются частные отношения, правила, коими регулируется игра и борьба личных интересов, чувств и понятий. Совокупность этих рамок и правил составляет *право*; охраняет общие интересы и выражает общественные отношения, отливая те и другие в требования и положения, *обычай* или *закон*. Личные стремления обыкновенно произвольны, личные чувства и понятия всегда случайны, те й другие неуловимы; по ним нельзя определить общего настроения, уровня общественного развития. Мерилом для этого могут быть только отношения, признаваемые нормальными и общеобязательными, а они формулируются в праве и через то становятся доступны изучению. Такие отношения создаются и поддерживаются господствующими побуждениями и интересами времени, а в этих побуждениях и интересах выражаются его материальное положение и нравственное содержание. Таким образом памятники права дают изучающему нить к самым глубоким основам изучаемой жизни.

Система наказаний по Р. Правде.

С такими предварительными соображениями обратимся к разбору содержания Русской Правды. Впрочем, я не воспроизведу его во всей полноте, но коснусь лишь настолько, чтобы вы могли уловить в нем основные житейские мотивы и интересы, действовавшие тогда в русском обществе. Главное содержание памятника составляет юридическое определение деяний, коими одно лицо причиняет другому материальный вред, физический или хозяйственный. За некоторые из этих деяний закон полагает лишь частное вознаграждение в пользу потерпевшего, за другие сверх

того и правительственную кару со стороны князя. Очевидно, Русская Правда различает право уголовное и гражданское: деяния первого рода она признает гражданскими правонарушениями, деяния второго рода—уголовными преступлениями. Это одно есть уже важное данное для характеристики русского общества того времени. Граница между уголовным и гражданским правом вообще недостаточно ясна: трудно выделить элемент преступности в составе гражданского правонарушения, уловить то, что немецкие юристы называют Schuldmoment; это дело легче поддается нравственному чутью, чем юридическому анализу. Поэтому и способы возмездия за преступное деяние или за момент и степень виновности в древнем праве были различны. По договору Олега с греками вор, застигнутый на месте преступления и сдавшийся без сопротивления, подвергается утроенному возмездию, возвращает украденную вещь с приплатой двойной ее стоимости; вор не пойманный, а только уличенный, подлежит по договору Игоря удвоенному возмездию, в случае продажи украденного «вдасть цену его сугубо». По Русской Правде господин холопа, совершившего кражу, платит потерпевшему двойную стоимость украденного в виде кары за попустительство или небрежный надзор. Даже в чисто гражданских правонарушениях требовалось кратное возмещение убытков со значением пени за произвольное нарушение сделки. Чертой, какую Русская Правда проводит между уголовным преступлением и гражданским правонарушением, служит денежное взыскание в пользу князя за первое. Значит, если Русская Правда и понимала ответственность за преступление и даже не только перед потерпевшим, но и перед обществом в лице князя, то ответственность только внешнюю, материальную, без участия нравствен-

ного мотива. Правде впрочем не чужды и нравственные мотивы: она отличает убийство неумышленное «в сваде» или «в обиду», от совершенного с заранее обдуманным намерением, «в разбое», преступление, обличающее злую волю, от правонарушения, совершенного по неведению, действие, причиняющее физический вред или угрожающее жизни, например, отсечение пальца, удар мечом, не сопровождавшийся смертью, хотя и причинивший рану, отличает от действия менее опасного, но оскорбительного для чести, от удара палкой, жердью, ладонью или если вырвут усы или бороду, и за последние действия наказывает пеней вчетверо дороже, чем за первые; она, наконец, совсем не вменяет действий, опасных для жизни, но совершенных в случае необходимой обороны или в раздражении оскорбленной чести, например, удара мечом, нанесенного в ответ на удар палкой, «не терпя противу тому». Здесь прежде всего закон дает понять, что оказывает усиленное внимание к чести людей, постоянно имеющих при себе наготове меч, т.-е. военно-служилого класса, так что это внимание является не правом всех, а привилегией лишь некоторых. Потом, эти тонкие различения оскорблений по их нравственному действию едва ли не внесены в Правду позднее, так как другая статья ее назначает за удар жердью и по лицу (рукой) простую, не четверную пеню. Это — новой слой юридических понятий, ложившийся на древнюю основу права, воспроизводимого Правдой, и можно заметить, с какой стороны наносился этот слой. К тому же новому слою относится и осложненная кара за наиболее тяжкие преступления: за разбой, поджог и конокрадство преступник подвергался не определенной денежной пене в пользу князя, а потере всего имущества с лишением свободы. Мы уже

Древняя основа и позднейшие наслоения.

знаем, что еще при кн. Владимире за разбой взималась денежная пеня, как за простое убийство, замененное, по совету епископов «казнью», т.-е. потоком и разграблением.

Эта древняя основа обличается тем, что пеня за татьбу в случае несостоятельности татя заменялась повешением; гривна кун служила единственной понятной меркой не только чувства чести, но и самой жизни человека. За все остальные преступные деяния кроме трех упомянутых закон наказывал определенной денежной пеней в пользу князя и денежным вознаграждением в пользу потерпевшего. Княжеские пени и частные вознаграждения представляют в Русской Правде целую систему; они высчитывались на *гривны кун.* Мы не можем определить тогдашнюю рыночную стоимость серебра, а можем оценить лишь стоимость весовую. В XII в. серебро было гораздо дороже, чем теперь. Политико-экономы рассчитывают, что теперь нужно по крайней мере вчетверо больше серебра, чем до открытия Америки, чтобы купить то же самое. Если фунт серебра оценить, скажем, рублей в 20, то гривна кун в XI и в начале XII вв. по весу металла стоила около 10 рублей, а в конце XII в. около 5 руб. За убийство взималась денежная пеня в пользу князя, называвшаяся *вирой*, и вознаграждение в пользу родственников убитого, называвшееся *головничеством.* Вира была троякая: двойная в 80 гривен кун за убийство княжего мужа или члена старшей княжеской дружины, простая в 40 гривен за убийство простого свободного человека, половинная или *полувирье* в 20 гривен за убийство женщины и тяжкие увечья, за отсечение руки, ноги, носа и за порчу глаза. Головничество было гораздо разнообразнее, смотря по общественному значению убитого. Так головничество за убийство княжего мужа равнялось двойной вире, головничество

за свободного крестьянина 5 гривнам. За все прочие преступные деяния закон наказывал *продажею* в пользу князя и *уроком за обиду* в пользу потерпевшего. Такова была система наказаний по Русской Правде. Легко заметить взгляд, на котором основывалась эта система. Русская Правда отличала личное оскорбление, обиду, нанесенную действием лицу, от ущерба, причиненного его имуществу; но и личная обида, т.-е. вред физический, рассматривалась законом преимущественно с точки зрения ущерба хозяйственного. Он строже наказывал за отсечение руки, чем за отсечение пальца, потому что в первом случае потерпевший становился менее способным к труду, т.-е. к приобретению имущества. Смотря на преступления преимущественно как на хозяйственный вред, Правда и карала за них возмездием, соответствующим тому материальному ущербу, какой они причиняли. Когда господствовала родовая месть, возмездие держалось на правиле: жизнь за жизнь, зуб за зуб. Потом возмездие перенесено было на другое основание, которое можно выразить словами: гривна за гривну, рубль за рубль. Это основание и было последовательно проведено в системе наказаний по Русской Правде. Правда не заботится ни о предупреждении преступлений, ни об исправлении преступной воли. Она имеет в виду лишь непосредственные материальные последствия преступления и карает за них преступника материальным же, имущественным убытком. Закон как будто говорит преступнику: бей, воруй, сколько хочешь, только за все плати исправно по таксе. Далее этого не простирался взгляд первобытного права, лежащего в основе Русской Правды.

Имущество и личность.

Любопытно сопоставить некоторые статьи Правды о продажах или пенях в пользу князя, как и о частных вознаграждениях или уроках. В Правде отразился быт

торговый, охотничий и земледельческий. Одинаковая пеня в 12 гривен грозит и за похищение бобра из ловища, и за уничтожение полевой межи, за выбитие зуба и за убийство чужого холопа. Одинаковой пеней в 3 гривны и одинаковым уроком в одну гривну наказываются и отсечение пальца, и удар по лицу или мечом не на смерть, и порча веревки в перевесе (птичьем лове), и похищение охотничьего пса с места лова, и самоуправное «мучение» (лишение свободы) свободного крестьянина без приговора судьи. Поджог и конокрадство наказываются самой тяжкой карой, гораздо тяжелее, чем тяжкия увечья и даже убийство. Значит, имущество человека в Правде ценится не дешевле, а даже дороже самого человека, его здоровья, личной безопасности. Произведение труда для закона важнее живого орудия труда—рабочей силы человека. Тот же взгляд на лицо и имущество проводится и в другом ряду постановлений Правды. Замечательно, что имущественная безопасность, целость капитала, неприкосновенность собственности обеспечивается в законе личностью человека. Купец, торговавший в кредит и ставший несостоятельным по своей вине, мог быть продан кредиторами в рабство. Наемный сельский рабочий, получивший при найме от хозяина ссуду с обязательством за нее работать, терял личную свободу и превращался в полного холопа за попытку убежать от хозяина, не расплатившись. Значит, безопасность капитала закон ценил дороже и обеспечивал заботливее личной свободы человека. Личность человека рассматривается, как простая ценность, и идет взамен имущества. Мало того: даже общественное значение лица определялось его имущественной состоятельностью. Это можно заметить, изучая по Русской Правде состав общества (светского, не церковного).

Двоякое деление общества.

В Правде обозначается двоякое деление общества, политическое и экономическое. Политически, по отношению к князю, лица делятся на два сословия, на людей служилых и неслужилых, на *княжих мужей* и *людей* или *простыхъ людей*. Первые лично служили князю, составляли его дружину, высшее привилегированное и военно-правительственное сословие, посредством которого князья правили своими княжествами, обороняли их от врагов; жизнь княжа мужа оберегалась двойною вирою. *Люди*, свободное простонародье, платили князю дань, образуя податные общества, городские и сельские. Трудно сказать, можно ли причислить к этим двум сословиям еще третье низшее—*холоповъ*. По Русской Правде холопы собственно не сословие, даже не лица, а вещи, как и рабочий скот; поэтому за убийство чужого холопа взимались не вира и головничество, а только продажа в пользу князя и урок в пользу хозяина, как за порчу чужой вещи, а убийство своего холопа государственным судом совсем не наказывалось. Но церковь уже проводила иной взгляд на холопа, как на человека, и за убийство его наказывала церковной карой. Княжеское законодательство начинало подчиняться этому взгляду. В самой Русской Правде зам тна попытка изменить прежнее отношение закона к рабам. До смерти Ярослава чужой холоп, нанесший удар свободному человеку, мог быть убит им. Ярославичи запретили это, предоставив потерпевшему либо побить холопа, либо взыскать пеню за „сором“, разумеется, с его господина. Итак, думаю, холопов можно если не по государственному праву, то по бытовой практике, слагающейся из совокупности юридических и нравственных отношений, считать особым классом в составе русского общества, отличавшимся от других тем, что он не платил податей и служил не князю,

а частным лицам. Значит, русское общество XI и XII вв. по отношению лиц к князю делилось на свободных, служивших лично князю, на свободных, не служивших князю, а платившим ему дань миром, и наконец на несвободных, служивших частным лицам. Но рядом с этим политическим делением мы замечаем в Правде и другое—экономическое. Между государственными сословиями стали завязываться переходные слои. Так в среде княжих мужей возникает класс частных привилегированных земельных собственников. В Русской Правде этот класс носит название *бояр*. Бояре Правды не придворный чин, а класс привилегированных землевладельцев. Точно также и среди людей, т.-е. свободного неслужилого простонародья, именно в сельском населении образуются два класса. Один из них составляли хлебопашцы, жившие на княжеской, т.-е. государственной земле, не составлявшей ничьей частной собственности; в Русской Правде они называются *смердами*. Другой класс составляли сельские рабочие, селившиеся на землях частных собственников со ссудой от хозяев. Этот класс называется в Правде *наймитами* или *ролейными закупами*. Таковы были три новые класса, обозначившиеся в составе русского общества и не совпадавшие с политическим его делением. Между ними было собственно имущественное различие. Так смерд, государственный крестьянин, обрабатывал государственную землю своим инвентарем, а ролейный закуп является сельским рабочим, который обрабатывал полученный им от хозяина участок земли хозяйским инвентарем, брал у землевладельца в ссуду семена, земледельческие орудия и рабочий скот. Но это экономическое различие соединялось с юридическим неравенством. Класс бояр-землевладельцев пользовался той привилегией, что движимое и недвижимое иму-

щество после боярина при отсутствии сыновей могло переходить к его дочерям. Смерд, работавший на княжеской земле со своим инвентарем, мог передавать дочерям только движимое имущество, остальное же, т.-е. участок земли и двор, после смерда, не оставившего сыновей, наследовал князь. Но смерды, как и бояре, свободные лица; наймит, напротив, лицо полусвободное, приближавшееся к холопу, нечто вроде временнообязанного крестьянина. Это полусвободное состояние обнаруживается в Правде такими признаками: 1) хозяин пользовался правом телесно наказывать своего закупа; 2) закуп—неполноправное лицо: на суде он мог быть свидетелем только в незначительных тяжбах и только в случае нужды, когда не было свидетелей из свободных лиц; 3) закуп сам не отвечал за некоторые преступления, напр. за кражу: за него платил пеню хозяин, который за то превращал его в полного своего холопа. Легко заметить, что и экономические классы, не совпадая с основными государственными сословиями, однако подобно последним различались между собою правами. Политические сословия создавались князем, княжеской властью; экономические классы творились капиталом, имущественным неравенством людей. Таким образом капитал является в Правде наряду с княжеской властью деятельной социальной силой, вводившей в политический состав общества свое особое общественное деление, которое должен был признать и княжеский закон. Капитал является в Правде то сотрудником, то соперником княжеского закона, как в летописи того времени городской капиталист—то сотрудник, то вечевой соперник князя-законодателя.

Сделки и обязательства.

Столь же важное значение капитала открывается в постановлениях Правды, относящихся к области граждан-

ского права, в ее статьях об имущественных сделках и обязательствах. Правда, т.-е. право, ею воспроизводимое, ступно понимает преступления против нравственного порядка; в ней едва мерцает мысль о нравственной несправедливости; зато она тонко различает и точно определяет имущественные отношения. Она строго отличает отдачу имущества на хранение (*поклажа*, кажется, перевод греческого καταθήκη) от займа, простой заем, бескорыстную ссуду, одолжение по дружбе, от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный от долгосрочного и, наконец, заем от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша или дивиденда. Далее, в Правде находим точно определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, т.-е. порядок торгового конкурса с различением несостоятельности злостной и несчастной. Замечаем следы значительного развития торговых операций в кредит. Русская Правда довольно отчетливо различает несколько видов кредитного оборота. *Гости*, иногородные или иноземные купцы, «запускали товар» за купцов туземных, продавали им в долг. Купец давал своему гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или землями, «куны в куплю», на комиссию, для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны в гостьбу», для оборота из барыша. Обе последние операции Правда рассматривает, как сделки товарищей по доверию; юридическая их особенность та, что при передаче денег доверителем доверенному, комиссионеру или товарищу, не требовалось присутствия свидетелей, «послухов», как при займе из условленного процента: в случае спора, иска со стороны доверителя, дело решается присягой доверенного.

При конкурсе предпочтение отдается гостям, кредиторам иногородным и иноземным, или казне, если за несостоятельным купцом окажутся «княжи куны»: они получают деньги из конкурсной массы полным рублем, а остаток делится между «домашними» кредиторами. Встречи гостей с казной в конкурсе Правда, кажется, не предусматривает и потому не видно, дает ли она предпочтение казне пред иноземцами, как это было установлено в позднейшем законодательстве, или наоборот, как в подобном случае постановил смоленский договор с немцами 1229 года. Можно отметить при этом некоторую внутреннюю несоразмерность в Русской Правде: воспроизводя правовое положение личности, она довольствуется простейшими случаями, элементарными обеспечениями безопасности; зато, формулируя имущественные отношения, ограждая интересы капитала, она обнаруживает замечательную для ее юридического возраста отчетливость и предусмотрительность, обилие выработанных норм и определений. Видно, что житейская и судебная практика доставляла кодификаторам неодинаково ценный материал в той или в другой области.

Р. Правда—кодекс капитала.

Таковы главные черты Правды, в которых можно видеть выражение господствовавших житейских интересов, основных мотивов жизни старого киевского общества. Русская Правда есть по преимуществу уложение о капитале. Капитал служит предметом особенно напряженного внимания для законодателя; самый труд, т.-е. личность человека, рассматривается как орудие капитала: можно сказать, что капитал—это самая привилегированная особа в Русской Правде. Капиталом указываются важнейшие юридические отношения, которые формулирует закон: последний строже наказывает за деяния, направленные против собственности,

чем за нарушение личной безопасности. Капитал служит и средством возмездия за те или другие преступления и гражданские правонарушения: на нем основана самая система наказаний и взысканий. Само лицо рассматривается в Правде не столько как член общества, сколько как владетель или производитель капитала: лицо, его не имеющее и производить не могущее, теряет права свободного или полноправного человека; жизнь женщины ограждается только половинной вирой. Капитал чрезвычайно дорог: при краткосрочном займе размер месячного роста не ограничивался законом: годовой процент определен одной статьей Правды „в треть“, на два третий, т.-е. в 50%. Только Владимир Мономах, став великим князем, ограничил продолжительность взимания годового роста в половину капитала: такой рост можно было брать только два года, и после того кредитор мог искать на должнике только капитала, т.-е. долг становился далее беспроцентным, кто брал такой рост на третий год терял право искать и самого капитала. Впрочем при долголетнем займе и Мономах допустил годовой рост в 40%. Но едва ли эти ограничительные постановления исполнялись. В упомянутых вопросах Кирика епископ дает наставление учить мирян брать лихву милосердно, полегче—на 5 кун 3 или 4 куны. Если речь идет о годовом займе, то вскоре после Мономаха милосердным ростом считали 60% или 80%, в полтора раза или вдвое больше узаконенного. Несколько позднее, в XIII в., когда торговый город потерял свое преобладание в народно-хозяйственной жизни, духовные пастыри находили возможным требовать „легкого“ роста—„по 3 куны на гривну или по 7 резан“, т.-е. по 12% или по 14% Такое значение капитала в Русской Правде сообщает ей черствый мещанский характер. Легко заметить ту обще-

ственную среду, которая выработала право, послужившее основанием Русской Правды: это был большой торговый город. Село в Русской Правде остается в тени, на заднем плане: ограждению сельской собственности отведен короткий ряд статей среди позднейших частей Правды. Впереди всего, по крайней мере в древнейших отделах кодекса, поставлены интересы и отношения состоятельных городских классов, т.-е. отношения холопо-владельческого и торгово-промышленного мира. Так, изучая по Русской Правде гражданский порядок, частные, юридические отношения людей, мы и здесь встречаемся с той же силой, которая так могущественно действовала на установление политического порядка во все продолжение изучаемого нами первого периода: там, в политической жизни, такою силой был торговый город со своим вечем; и здесь, в частном гражданском общежитии, является тот же город с тем, чем он работал,—с торгово-промышленным капиталом.

Мы кончили довольно продолжительное и детальное изучение Русской Правды. Участвуя в нем после разбора Начальной летописи, вы, вероятно, не в первый раз спрашивали себя, соблюдаю ли я соразмерность в изложении курса, ограничиваясь беглым обзором исторических фактов и так долго останавливая ваше внимание на некоторых исторических источниках. Я вижу эту несоразмерность, но допускаю ее не без расчета. Следя за моим обзором исторических фактов, вы усвояете готовые выводы; подробно разбирая при вашем участии важнейшие и древнейшие памятники нашей истории, я желал наглядно показать вам, как эти выводы добываются. В следующий час мы сделаем еще один опыт подобного разбора.

Лекция XV.

Церковные уставы первых христианских князей Руси. – Церковное ведомство по уставу Владимира Св.—Пространство церковного суда и совместный церковно-мирской суд по уставу Ярослава.—Перемены в понятии преступления, в области вменения и в системе наказаний.—Денежный счет Ярославова устава; время его составления.— Первоначальная основа устава.—Законодательны полномочия Церкви.—Ход церковной кодификации. Следы ее приемов в уставе Ярослава.—Отношение устава к Русской Правде.—Влияние Церкви на политический порядок, общественный склад и гражданский быт.—Устройство христианской семьи.

Дополнение данных Р. Правды в памятниках церковных.

Разбирая Русскую Правду, я назвал ее довольно верным отражением русской юридической действительности XI и XII вв., но отражением далеко не полным. Она воспроизводит один ряд частных юридических отношений, построенных на материальном, экономическом интересе; но в это царство материального интереса все глубже врезывался с конца X в. новый строй юридических отношений, едва затронутый Русской Правдой, который созидался на ином начале, на чувстве нравственном. Эти отношения проводила в русскую жизнь Церковь. Памятники, в которых отразился этот новый порядок отношений, освещают русскую жизнь тех веков с другой стороны, которую оставляет в тени Русская Правда. Беглым обзором древнейших из этих памятников на короткое время я займу ваше внимание.

Устав Владимира св.

Начальная летопись, рассказывая, как Владимир святой в 996 году назначил на содержание построенной им в Киеве соборной Десятинной церкви десятую часть своих доходов, прибавляет: «и положи написав клятву в церкви сей». Эту клятву мы и встречаем в сохранившемся церковном уставе Владимира, где этот князь заклинает своих преемников блюсти нерушимо постановления, составленные им на основании правил вселенских соборов и законов греческих царей, т.-е. на основании греческого Номоканона. Древнейший из многочисленных списков этого устава мы находим в той же самой новгородской Кормчей конца XII в., которая сберегла нам и древнейший известный список Русской Правды. Время сильно попортило этот памятник, покрыв первоначальный его текст густым слоем позднейших наростов. В списках этого устава много поправок, переделок, вставок, подновлений, словом, вариантов—знак продолжительного практического действия устава. Однако легко восстановить если не первоначальный текст памятника, то его юридическую основу, по крайней мере настолько, чтобы понять основную мысль, проведенную в нем законодателем. Устав определяет положение Церкви в новом для нее государстве. Церковь на Руси ведала тогда не одно только дело спасения душ: на нее возложено было много чисто земных забот, близко подходящих к задачам государства. Она является сотрудницей и нередко даже руководительницей мирской государственной власти в устроении общества и поддержании государственного порядка. С одной стороны, Церкви была предоставлена широкая юрисдикция над всеми христианами, в состав которой входили дела семейные, дела по нарушению святости и неприкосновенности христианских храмов и символов, дела о вероотступничестве, об оскорблении

нравственного чувства, о противоестественных грехах, о покушениях на женскую честь, об обидах словом. Так Церкви предоставлено было устроять и блюсти порядок семейный, религиозный и нравственный. С другой стороны, под ее особое попечение было поставлено особое общество, выделившееся из христианской паствы и получившее название *церковных* или *богадельных* людей. Общество это во всех делах церковных и нецерковных ведала и судила церковная власть. Оно состояло: 1) из духовенства белого и черного с семействами первого, 2) из мирян, служивших Церкви или удовлетворявших разным мирским ее нуждам, каковы были, например, врачи, повивальные бабки, просвирни и вообще низшие служители Церкви, также *задушные* люди и *прикладни*, т.-е. рабы, отпущенные на волю по духовному завещанию или завещанные Церкви на помин души и селившиеся обыкновенно на церковных землях под именем *изгоев* в качестве полусвободных крестьян, 3) из людей бесприютных и убогих, призреваемых Церковью, каковы были странники, нищие, слепые, вообще неспособные к работе. Разумеется, в ведомстве Церкви состояли и те духовные и благотворительные учреждения, в которых находили убежище церковные люди: монастыри, больницы, странноприимные дома, богадельни. Весь этот разнообразный состав церковного ведомства определен в уставе Владимира лишь общими чертами, часто одними намеками; церковные дела и люди обозначены краткими и сухими перечнями.

Устав Ярослава.

Практическое развитие начал церковной юрисдикции, намеченных в уставе Владимира, находим в церковном уставе его сына Ярослава. Это уже довольно пространный и стройный церковный судебник. Он повторяет почти те же подсудные Церкви дела и лица, какие перечислены

в уставе Владимира; но сухие перечни последнего здесь разработаны уже в казуально расчлененные и отчетливо формулированные статьи со сложной системой наказаний и по местам с обозначением самого порядка судопроизводства. Эта система и этот порядок построены на различении и соотношении понятий греха и преступления. Грех ведает Церковь, преступление—государство. Всякое преступление Церковь считает грехом; но не всякий грех государство считает преступлением. Грех—нравственная несправедливость или неправда, нарушение божественного закона; преступление—неправда противообщественная, нарушение закона человеческого. Преступление есть *деяние*, которым одно лицо причиняет материальный вред или наносит нравственную обиду другому. Грех—не только деяние, но и *мысль* о деянии, которым грешник причиняет или может причинить материальный или нравственный вред не только своему ближнему, но и *самому себе*. Поэтому всякое преступление—грех, насколько оно портит волю преступника; но грех—преступление, насколько он вредит другому или обижает его и расстраивает общежитие. На комбинации этих основных понятий и построен церковно-судный порядок в уставе Ярослава. Это нравственный катихизис, переложенный в дисциплинарно-юридические предписания. Церкви подсудны грехи всех христиан и противозаконные деяния людей особого церковного ведомства. На этот двойной состав церковной юрисдикции указывает устав, говоря от лица князя-законодателя: „помыслих *греховные* вещи и *духовные* (т.-е. духовно-сословные) отдати Церкви“. Согласно с этой комбинацией все судные дела, относимые уставом к ведомству Церкви, можно свести к трем разрядам.

Классификация дел, подсудных Церкви.

I. Дела только греховные, без элемента преступности, судились исключительно церковной властью, разбирались святительским, т.-е. епископским судом без участия судьи княжеского, по церковным законам. Сюда относятся дела, нарушающие церковную заповедь, но не входившие в состав компетенции княжеского суда: волхвование, чародеяние, браки в близких степенях родства, общение в пище с язычниками, употребление недозволенной пищи, развод по взаимному соглашению супругов и т. п.

II. Дела греховно-преступные, в которых греховный элемент, нарушение церковного правила, соединяется с насилием, с физическим или нравственным вредом для другого, либо с нарушением общественного порядка,—такие дела, как нарушающие и государственный закон, разбирались княжеским судьей с участием судьи церковного. Такой состав и порядок суда обозначался формулой: *митрополиту в вине* или митрополиту столько-то гривен пени, а *князь казнит*, судит и карает, делясь пенями с митрополитом. К этому разряду относятся дела об умычке девиц, об оскорблении женской чести словом или делом, о самовольном разводе мужа с женой по воле первого без вины последней, о нарушении супружеской верности и т. п.

III. Наконец, дела «духовные», сословные, касающиеся лиц духовного ведомства, были обыкновенные противозаконные деяния, совершенные церковными людьми, как духовными, так и мирянами. По уставу Владимира таких людей во всех судных делах ведала церковная власть, разумеется, по законам и обычаям, действовавшим в княжеских судах; но и князь, как исполнитель судебного приговора, полицейское орудие кары и как верховный блюститель общественного порядка, оставлял за собою некоторое участие в суде над людьми церковного ведом-

ства. Это участие выражено в уставе словами князя: «отдали есмо святителем тыа духовныа суды, судити их опрясно мирян (без мирских, княжих судей), развее татьбы с поличным, то судити с моим (судьей), таж и душегубление, а в иные дела никакож моим не вступатися». Таким образом наиболее тяжкие преступления, совершенные церковными людьми, судил церковный судья с участием княжеского, с которым и делился денежными пенями. Такой порядок судопроизводства выражен в уставе Ярослава формулами: *митрополиту в вине со князем напольы* или *платят виру князю с владыкою наполы*, т.-е. денежные пени делятся пополам между обеими властями.

Цель ее. Из этой классификации дел, нормируемых церковным Ярославовым уставом, можно видеть, что главная его цель—разграничение двух подсудностей, княжеской и святительской, выделение в составе церковного суда дел, решаемых совместно представителями обоих. Устав определяет, в каких случаях должен судить один церковный судья и в каких действует совместный церковно-мирской суд, в котором, пользуясь языком устава, к святительскому суду «припущались миряне», светские судьи. Такой смешанный состав суда вызывался свойством дел или лиц: известные дела двойственного, уголовно-церковного характера, совершенные лицами, подсудными княжескому суду, привлекали своим церковным элементом к участию в их разборе судью церковного; известные лица, подсудные церковному суду, привлекали к участию в суде над ними княжеского судью, когда совершали дела, подсудные последнему. В первом случае церковный судья являлся ассистентом княжеского, во втором наоборот. Этот совместный суд надобно отличать от того, который позднее назывался *обчим* или *смесным*: это суд по делам,

в которых сталкивались стороны разных подсудностей, например, княжеской и церковной. Устав Владимира кратко упоминает о нем, перечислив разряды церковных людей, во всех делах, подсудных митрополиту или епископу: «аже будет иному человеку с тым человеком речь, то обчий суд», т.-е. если не церковный человек будет тягаться с церковным, судить их общим судом. Совместный суд, о котором говорит Ярославов устав, представляет особую и довольно своеобразную комбинацию: он ведал дела, входившие в состав одной подсудности, но совершенные лицами, подлежавшими другой.

Новости, вносимые уставом Ярослава

Церковный суд, как он устроен или, точнее, описан Ярославовым уставом, углубляя понятие о преступлении, вносил в право и другие существенные новости. Здесь, во-первых, он значительно расширил область вменяемости. Почти вся его общая компетенция, простиравшаяся на всех верующих и обнимавшая жизнь семейную, религиозную и нравственную, составилась из дел, которых не вменял или не предусматривал древний юридический обычай: таковы умычка, святотатство, нарушение неприкосновенности храмов и священных символов, оскорбление словом (обзывание еретиком или зелейником, составителем отрав и привораживающих снадобий, обзывание женщины позорным словом). Установление этих трех видов оскорбления словом было первым опытом пробуждения в крещеном язычнике чувства уважения к нравственному достоинству личности человека—заслуга церковного правосудия, не уменьшаемая малоплодностью его усилий в этом направлении. Не менее важны нововведения в способах судебного возмездия за правонарушения. Старый юридический обычай смотрел только на непосредственные материальные следствия противозаконного деяния и карал за них денеж-

ными пенями и вознаграждениями, *продажами* и *уроками*. Взгляд христианского законодателя шире и глубже восходит от следствий к причинам: законодатель не ограничивается пресечением правонарушения, но пытается предупредить его, действуя на волю правонарушителя. Устав Ярослава, удерживая денежные взыскания, полагает за некоторые деяния еще нравственно-исправительные наказания, арест при церковном доме, соединявшийся, вероятно, с принудительной работой на церковь, и эпитимию, т.-е. либо временное лишение некоторых церковных благ, либо известные нравственно-покаянные упражнения. За детоубийство, за битье родителей детьми устав предписывает виноватую или виноватого „пояти в дом церковный"; брак в близкой степени родства наказуется денежной пеней в пользу церковной власти, „а их разлучити, а опитемью да примут". В уставе нет прямого указания еще на одно правоисправительное средство судебного возмездия, наименее удачное и наименее приличное духовному пастырству, однако допущенное в практику церковного суда того времени: это— телесные наказания. Средство это было заимствовано из византийского законодательства, которое его очень любило и заботливо разрабатывало, осложняя физическую боль уродованием человеческого тела, ослеплением, отсечением руки и другими бесполезными жестокостями. В Ярославовом уставе есть статья, по которой женщину, занимавшуюся каким-либо родом волхвования, надлежало „доличив казнить", а митрополиту заплатить пени 6 гривен. Одно из правил русского митрополита Иоанна II (1080—1089 годов) объясняет, в чем должна была состоять эта „казнь"; занимающихся волхвованием надлежало сперва отклонять от греха словесным увещанием, а если не послушаются, «яро казнити, но не до смерти убивати, ни обрезати их

телесе». Под «ярой», строгой казнью, не лишающей жизни и не «обрезывающей», т.-е. не уродующей тела, можно разуметь только простое телесное наказание.

Таково в общих чертах содержание Ярославова устава. Не трудно заметить, какие новые понятия вносил он в русское право и правовое сознание: он 1) осложнял понятие о преступлении, как материальном вреде, причиняемом другому, мыслью о грехе, как о нравственной несправедливости или нравственном вреде, какой причиняет преступник не только другому лицу, но и самому себе, 2) подвергал юридическому вменению греховные деяния, которых старый юридический обычай не считал вменяемыми, наконец, 3) согласно с новым взглядом на преступление осложнял действовавшую карательную систему наказаний мерами нравственно-исправительного воздействия, рассчитанными на оздоровление и укрепление больной воли или шаткой совести, каковы: эпитимия, арест при церковном доме, телесное наказание.

Ярославов устав современен Р. Правде.

Таким образом над порядком материальных интересов и отношений, державшихся на старом юридическом обычае, Ярославов устав строил новый высший порядок интересов и отношений нравственно-религиозных. Церковный суд, как он поставлен в уставе, должен был служить проводником в русском обществе новых юридических и нравственных понятий, которые составляли основу этих интересов и отношений. С этой стороны Русская Правда, как отражение господствующих юридических отношений, является судебником, начинавшим уже отживать, разлагаться; напротив, устав Ярослава представляет собою мир юридических понятий и отношений, только-что завязывавшихся и начинавших жить. Но представляя собою различные моменты в юридическом развитии

русского общества, как памятника права, Русская Правда и церковный устав Ярослава—сверстники, как памятники кодификации. Всматриваясь пристальнее в текст устава, в археологические черты, пощаженные в нем временем, можно приблизительно определить, когда он составлялся. И в этом памятнике, как в Русской Правде, руководящую нить к решению вопроса дают денежные пени. В разных списках устава они представляют при первом взгляде самое беспорядочное разнообразие. Один список назначает за известное деяние в пользу церковной власти гривну серебра, другой—рубль, третий—«гривну серебра или рубль», а это—разновременные денежные единицы. За одну и ту же вину взыскивается то 20, то 40 гривен, за другую то 40, то 100 гривен кун. В этом разнообразии отразились колебания денежного курса, признаки которых мы заметили и в Русской Правде; но в Ярославовом уставе они отразились гораздо полнее и явственнее. Мы видели, что в краткой редакции Правды некоторые пени определяются известной суммой резан, а в пространной—той же суммой кун. И в уставе Ярослава обидевший непригожим словом крестьянку, «сельскую» жену, платит ей по одним спискам 60 резан, по другим 60 кун. Причиной такой замены, как мы уже знаем, было то, что гривна кун, весившая в начале XII в. полфунта, в конце его была вдвое легковеснее. Такса судебных взысканий перевертывалась сообразно с переменами денежного обращения; но при этом не всегда сообразовались с рыночной ценностью денег, а заботились о том, чтобы при уменьшившемся весе денежных единиц сохранить в судебной пене прежнее количество металла. Для этого или удерживали прежние суммы взысканий с уплатой их „старыми кунами“, или возвышали эти суммы соответственно понижению веса де-

нежных единиц. Этим последним способом переверстки пользовались и церковные судьи, руководствовавшиеся в своей практике Ярославовым уставом, согласуя размеры карательных взысканий с колебаниями денежного курса. Если в одном списке устава за двоеженство назначено пени в пользу церковной власти 20 гривен, а в другом 40, это значит, что первый список воспроизвел устав в редакции или, как бы мы сказали, в издании первой половины XII в., при полфунтовой гривне кун, а второй список—в редакции второй половины, при гривне весом вдвое легче. Но этому падению веса гривны предшествовал, как можно предполагать по некоторым указаниям памятников, промежуточный момент, который можно относить ко второй четверти XII в., ко времени вслед за смертью Мстислава (1132 года), когда на рынке ходили гривны весом около трети фунта, и такие гривны также попадаются в кладах. Пересмотр устава, относящийся и к этой переходной поре, оставил свой след в его списках: по одним из них участники в умычке девицы, „умычники" платят пени гривну серебра, по другим 60 ногат, а это—3 гривны кун. С другой стороны, во второй четверти XIII в. поступили в обращение, как я уже говорил в одном из предшествующих чтений, гривны кун, которых отливали $7^{1}/_{2}$ из фунта серебра: значит, они в $2^{1}/_{2}$ раза были легковеснее третных гривен. Встречаем точно такое же отношение между пенями за одни и те же преступления в разных пересмотрах устава: по одним спискам 40 гривен кун, по другим 100 гр. Позднейшие переписчики совмещали в одних и тех же списках устава таксы разновременных его пересмотров и совершенно запутали систему денежных взысканий, ставя рядом с древней гривной кун времен Мономаха денежные единицы XIV и

XV вв. Но с помощью истории денежного обращения в древней Руси можно разобраться в этой путанице и придти к тому заключению, что древнейший вид, какой встречаем в дошедших до нас списках устава, этот памятник получил в начале XII в., во всяком случае еще до половины этого века. Значит, Устав Ярослава вырабатывался в одно время с Русской Правдой. Сравнивая оба эти памятника русской кодификации, находим далее, что они не только сверстники, но и земляки, если можно так выразиться; у них одна родина, они выросли на одной и той же почве церковной юрисдикции.

Процесс составления устава.

Несходство текста в разных списках, очевидные следы переделок и подновлений в нем возбуждают в исторической критике Ярославова устава два вопроса: о его подлинности и о восстановлении его первоначальной основы. Имея в виду приемы русского законодательства и кодификации в те века, можно сомневаться, приложимы ли эти обычные вопросы исторической критики к такому памятнику, как устав Ярослава. В кратком введении, которым он начинается и которое также изложено неодинаково в разных списках, великий князь Ярослав говорит, что он „по данию“ или „по записи“ своего отца „сгадал“ с митрополитом Иларионом согласно с греческим Номоканоном предоставить митрополиту и епископам те суды, которые писаны в церковных правилах, в Номоканоне, именно суды, по греховным делам и по делам духовных лиц, оговорив при этом и те дела, в которых законодатель удержал известное участие за светской властью. Это введение не дает никакого повода предполагать, что Ярослав утвердил какой-либо готовый проект церковного устава, ему предложенный: речь идет только о договоре между двумя властями, светской и духовной, разграничивавшем принципиально в духе

греческого Номоканона судебные ведомства той и другой власти. Можно думать, что договор и ограничивался этой общей, принципиальной разверсткой обеих подсудностей, и краткое введение в устав было его первоначальной основой: в таком кратком виде и приводит его одна позднейшая летопись (Архангелогородская). Согласно с договором устанавливалась практика церковного суда, которая постепенно кодифицировалась, облекаясь в письменные правила; из совокупности этих правил и составился устав, получивший по происхождению своей основы название Ярославова. Таким образом тогдашнее законодательство шло от практики к кодексу, а не наоборот, как было позднее. Такой ход составления делал устав особенно восприимчивым к переменам, какие вносили в практику церковного суда изменчивые условия места и времени.

Законодательные полномочия Церкви.

Объясняя так происхождение Ярославова устава, я имею в виду отношение русской Церкви к государству, установившееся в первую пору христианской жизни Руси. Обращаясь к Церкви за содействием в установлении общественного порядка на христианских основаниях, княжеское правительство предоставляло ее ведению дела и отношения, непривычные для языческого общества, которые возникли только с принятием христианства, дела и отношения, самое понятие о которых впервые проводило в новопросвещенные умы христианское духовенство. В устроении таких дел и отношений духовенство руководилось своими церковными правилами, и государственная власть давала ему надлежащие полномочия на те учредительные и распорядительные меры, которые оно признавало необходимыми, применяя свои церковные правила к условиям русской жизни. Как ближайшая сотрудница правительства в устроении государственного порядка, церковная иерархия законодатель-

ствовала в отведенной ей сфере по государственному поручению. Узнаем, чем вызывалось и как, в какой форме возлагалось на нее это законодательное поручение. Внук Мономаха Всеволод в приписке к церковному уставу, который он дал Новгороду, когда княжил там, рассказывает, что ему приходилось разбирать тяжбы о наследстве между детьми от одного отца и разных матерей и он решал такие тяжбы „заповедми по преданию св. отец», т.-е. по указаниям, содержащимся в Номоканоне. Князь однако думал, что не его дело решать такие тяжбы, и прибавил в приписке к уставу заявление о всех судебных делах такого рода: «то все приказах епископу управляти, смотря в Номоканон, а мы сие с своей души сводим». Совесть князя тяготилась сомнением, в праве ли он решать такие дела, требующие канонического разумения и авторитета, и он обращается к церковной власти с призывом снять с его души нравственную ответственность за дела, которые она разумеет лучше, и делать по своему разумению, соображаясь с Номоканоном и с русскими нравами. Но соображать византийский закон с русской действительностью значило перерабатывать и этот закон, и эту действительность, внося заимствованное юридическое начало в туземное отношение, т.-е. значило создавать новый закон. Такая законодательная работа и возлагалась на церковную иерархию. Так нечувствительно судебная власть Церкви превращалась в законодательную.

Кн. Всеволод рассказывает в приписке, как он решал дела о наследстве; но он не придавал своим решениям силы обязательных прецедентов, предоставляя ведать такие дела епископу. Кто-то вставил в приписку князя заметку о том, что по церковным правилам, которыми руководствовался князь в своей судебной практике,

отцовское имущество делится поровну между сыновьями и дочерьми. Эта норма была чужда русскому наследственному праву и никогда в нем не действовала, притом не относилась к тому юридическому вопросу, о котором шла речь в приписке; ее внесли в приписку, даже как будто от лица князя-уставодателя, на всякий случай, в чаянии, что и она может пригодиться.

Церковная кодификация.

Все это ярко освещает ход судопроизводства, законодательства и кодификации в России XI и XII вв. Христианство осложняло жизнь, внося в нее новые интересы и отношения. Княжи мужи, органы власти, со своими старыми понятиями и нравами не стояли на высоте новых задач суда и управления и своими ошибками и злоупотреблениями «топили княжу душу», по выражению того же Всеволодова устава. Усиливаясь поправить положение дел, князья разграничивали ведомства, устанавливали компетенции, искали новых юридических норм, лучших правительственных органов и за всем этим обращались к церковной иерархии, к ее нравственным указаниям и юридическим средствам. Церковные судьи и законоведы собирали церковно-византийские произведения о суде и управлении, выписывали из них пригодные правила, обращались с запросами по своим недоумениям к высшим своим иерархам и получали от них вразумляющие ответы, из этих правил и ответов составляли юридические нормы, более или менее удачно приноровленные к русской жизни, и по мере того, как эти нормы входили в практику церковного суда, облекали их в форму законоположительных статей, которые вносили в прежде изданные русские уставы или соединяли в новые своды, покрывая их именем князя, которым вызвана была эта кодификационная работа или который освятил такой свод своим законо-

дательным признанием. В древне-русских рукописных *кормчих, мерилах праведных* и других сборниках юридического содержания сохранились остатки этой продолжительной и трудноуловимой законодательно-кодификационной работы в виде цельных уложений, каковы уставы князей Владимира и Ярослава, или в виде отдельных статей, неизвестно когда и по какому случаю составленных, служивших как будто схолиями или дополнениями к какому-то цельному уложению. Это, как видим, тот же процесс, каким составлялась и Русская Правда.

Ее следы в уставе Ярослава.

Устав Ярослава в своих списках сохранил довольно явственные следы такого происхождения. По самой цели своей, как уголовно-дисциплинарный церковный судебник, он стоял ближе к церковно-византийским источникам права, чем Русская Правда. Это понятно: он вводил христианские начала в русскую жизнь, державшуюся на языческом обычае, тогда как Русская Правда воспроизводила языческий обычай, слегка приправляя его христианскими понятиями. Основным источником устава служили помещавшиеся вместе с ним в наших кормчих византийские кодексы Эклога и Прохирон, преимущественно их уголовный отдел или титулы «о казнях». Но устав не копирует, а переделывает их, придавая заимствуемым нормам туземную обработку, сообразуясь с местными нравами и отношениями, развивая общие положения источника в казуальные подробности, иногда вводя новые юридические случаи, подсказанные явлениями местной жизни. Такие приемы мы заметили и в Русской Правде. Ограничимся немногими примерами, чтобы объяснить эти приемы.

Примеры.

По одной статье Прохирона похитивший замужнюю или девицу без различия состояния, даже собственную невесту, со своими соучастниками, соумышленниками, пособниками

и укрывателями подвергается более или менее жестокому наказанию, смотря по тому, были ли похитители вооружены или нет. Первая статья Ярославова устава говорит об обычной тогда на Руси умычке девиц и налагает на похитителя более или менее тяжелую денежную пеню, смотря по состоянию похищенной, дочь ли она „больших или меньших бояр", т.-е: человека старшей или младшей княжеской дружины, или же «добрых людей», степенного состоятельного горожанина;—подвергаются пене и „умычники", соучастники умычки. Позднее сделано было разъяснение этой статьи: назначенные в ней пени взимаются в случае, если „девка засядет", не выйдет замуж за своего похитителя. Предполагается, что если умычка, бывшая до принятия христианства одной из форм брака, сопровождалась христианским браком, виновник ее не подвергался церковному суду и денежному взысканию, а наказывался вместе с похищенной женой только эпитимией, „занеже не по закону Божию сочетались", как положено об этом деле в поучении духовенству XII в., приписываемом новгородскому архиепископу Илье-Иоанну. Кроме того, разъяснение прибавляет к трем общественным классам первой статьи еще четвертый—„простую чадь", простонародье. Потом и к этому разъяснению сделано было дополнение: постановленное в статье и в разъяснении имеет место в том случае, когда „девку кто умолвит к себе и даст в толоку", т.-е. когда кто похитит девицу скопом, „толокой", с ее согласия, предварительно сговорившись с нею, как обыкновенно и происходили умычки. Предполагается, что если девица похищена насильно, без ее согласия, дело дожно идти иным порядком и привести к другим последствиям. И разъяснение, и дополнение оторваны от статьи, к которой относятся, помещены в уставе, как отдельные статьи (6-я и 7-я),

излагающие особые случаи, и в этом положении совершенно непонятны. Ввожу вас в эти подробности с двоякой целью, чтобы показать на частном примере, во-первых, как чужой казус разработывался туземной кодификацией применительно к местному обычаю, и, во-вторых, какие затруднения встретите вы в древне-русских памятниках, когда вам придется иметь с ними дело. Последнее поясню еще одним примером. К известному уже нам Закону Судному и к Русской Правде прибавлялась в списках непонятная статья о бесчестии такого содержания: за бесчестную гривну золота, ежели бабка и мать были в золоте, взять за гривну золота 50 гривен кун, а ежели бабка была в золоте, а по матери не следует золото, взять гривну серебра, а за гривну серебра полъосьмы ($7^1/_2$) гривны кун. Из этой статьи прежде всего открывается соотношение денежных единиц золотых и серебряных: в фунте золота считалось 50 гр. кун, в фунте серебра $7^1/_2$ гривен. Статья относится к XIII в. и показывает, что золото тогда ценилось у нас только в $6^2/_3$ раза дороже серебра. Но про каких бабку и мать в золоте говорит статья? Смысл ее открывается при сопоставлении со статьей Ярославова устава, по которому обозвавший чужую жену позорным словом платит ей „за срам“ 5 гривен или 3 гривны золота, если это жена большого или меньшого боярина, а если оскорбленная—жена простого горожанина, то ей за срам 3 гривны серебра. Бродячая статья значит: человек, потерпевший оскорбление словом с непочтительным упоминанием его родителей, взыскивает с оскорбителя за бесчестье гривну золота, если его бабушка и мать были замужем за людьми из княжеской дружины; если же его мать по мужу простая горожанка, он имеет право

искать на обидчике только одной гривны серебра, хотя бы бабушка была за княжим дружинником.

Устав Ярослава и Р. Правда.

Изучая устав Ярослава, застаем церковно-судебную практику и церковную кодификацию, так сказать, на ходу, в состоянии колебаний и первых опытов, неупорядоченных усилий. За известное греховное деяние по одному списку устава положена определенная пеня, а по другому она еще как будто не готова, предоставлена усмотрению церковной власти: „епископу в вине, во что их обрядит.“ Устав не исчерпывает всей церковно-судебной практики своего времени, не предусматривает многих деяний, насчет которых церковная власть XI и XII вв. дала уже определенные и точные руководящие указания. Эти пробелы легко заметить, сличая устав с упомянутыми уже мною правилами митрополита Иоанна II и ответами епископа Нифонта на вопросы Кирика и других. Несмотря на то устав Ярослава остается единственным памятником изучаемого времени по своей мысли и по своему содержанию. Церковные уставы, данные потомками Ярослава, имели местное или специальное значение: они или повторяли с некоторыми изменениями для известной епархии общий устав Владимира Св., как новгородский церковный устав Мономахова внука Всеволода, или определяли финансовые отношения Церкви к государству в известной области, каковы уставы новгородский кн. Святослава 1137 года и смоленский кн. Ростислава 1151 года. Устав Ярослава есть предназначенный для всей русской Церкви судебник, пытавшийся провести раздельную черту и вместе с тем установить точки соприкосновения между судом государственным и церковным. С этой стороны устав имеет близкое юридическое и историческое отношение к Русской Правде. В самом деле, что такое Русская Правда? Это—церковный

судебник по недуховным делам лиц духовного ведомства; устав Ярослава—церковный судебник по духовным делам лиц духовного и светского ведомства. Русская Правда—свод постановлений об уголовных преступлениях и гражданских правонарушениях в том объеме, в каком нужен был такой свод церковному судье для суда по недуховным делам церковных людей; Ярославов устав—свод постановлений о греховно-преступных деяниях, суд по которым над всеми христианами, духовными и мирянами, поручен был русской церковной власти. Основные источники Правды—местный юридический обычай и княжеское законодательство при косвенном участии церковно-византийского права; основные источники устава—греческий Номоканон с другими памятниками церковно-византийского права и Владимиров церковный устав при косвенном участии местного юридического обычая и княжеского законодательства. Правда нашла в византийских источниках устава образцы кодификации, а устав взял из русских источников Правды основу своей системы наказаний, денежные взыскания, и оба памятника заимствовали у своих византийских образцов, Эклоги и Прохирона, одинаковую форму синоптического, конспективного свода законов. Так Русская Правда и Ярославов церковный устав являются как бы двумя частями одного церковно-юридического кодекса.

Влияние Церкви на политич порядок.

По рассмотренным церковным уставам при пособии других современных им памятников можно составить общее суждение о том действии, какое оказала Церковь на быт и нравы русского общества в первые века его христианской жизни. Русский митрополит-грек XI в. Иоанн II в своих церковных правилах дал наставление духовному лицу, спрашивавшему его о разных предметах цер-

ковной практики: «прилежи паче закону, неже обычаю земли» Ни русская церковно-судебная практика, ни русская кодификация, насколько та и другая проявились в Русской Правде и уставе Ярослава, не оправдали этого наставления, оказав слишком много внимания обычаю земли. Церковь не пыталась перестроить ни форм, ни оснований государственного порядка, какой она застала на Руси, хотя пришлой церковной иерархии, привыкшей к строгой монархической власти и политической централизации, русский государственный порядок, лишенный того и другого, не мог внушать сочувствия. Церковная иерархия старалась только устранить или ослабить некоторые тяжелые следствия туземного порядка, например, княжеские усобицы, и внушить лучшие политические понятия, разъясняя князьям истинные задачи их деятельности и указывая наиболее пригодные и чистые средства действия. Церковное управление и поучение, несомненно, вносило и в княжескую правительственную и законодательную практику, а может быть, и в политическое сознание князей некоторые технические и нравственные усовершенствования, понятия о законе, о правителе, начатки следственного судебного процесса, письменное делопроизводство: не даром писец, делопроизводитель исстари усвоил у нас греческое название *дьяка*. Но при низком уровне нравственного и гражданского чувства у тогдашнего русского княжья Церковь не могла внести какого-либо существенного улучшения в политический порядок. Когда между князьями затевалась ссора и готовилась кровавая усобица, митрополит по поручению старейшего города Киева мог говорить соперникам внушительные речи: „молим вас, не погубите Русской земли если будите воевать между собою, поганые образуются и возьмут землю нашу, которую отцы и деды наши стяжали:

трудом своим великим и мужеством; поборая по Русской земле, они чужие земли приискивали, а вы и свою погубить хотите". Добрые князья, подобные Мономаху или Давиду черниговскому, плакали от таких слов, но дела шли своим стихийным чередом, порядок добрых впечатлений и порядок привычных отношений развивались параллельно, не мешая один другому и встречаясь только в исключительных личностях на короткое время, по истечении которого кляузы родичей быстро заметали следы плодотворной деятельности отдельных лиц. До нас дошло от XII в. горячее „Слово о князьях", произнесенное одним церковным витией на память святых князей Бориса и Глеба. Тема, разумеется, братолюбие и миролюбие; цель поучения—обличение княжеских усобиц, в разгар которых оно, повидимому, было сказано. «Слышите, князья, противящиеся старшей братии, рать поднимающие и поганых наводящие на свою братию! Не обличит ли вас Бог на страшном суде? Святые Борис и Глеб попустили брату своему отнять у них не только власть, но и жизнь. А вы одного слова стерпеть брату не можете и за малую обиду смертоносную вражду поднимаете, призываете поганых на помощь против своей братии. Как вам не стыдно враждовать со своей братией и единоверными своими!» Это негодование—опора для суждения о людях того времени: пришлось бы ценить их очень низко, если бы из среды их не послышалось негодующего голоса против княжеских беспорядков. И все-таки проповедник горячился напрасно: источником беспорядков был самый порядок княжеского управления землей. Князья сами тяготились этим порядком, но не сознавали возможности заменить его другим и не сумели бы заменить, если бы и сознавали. Да и сама иерархия не обладала ни авторитетом, ни энергией в достаточной мере, чтобы сдерживать генеалогиче-

скій задор князей. В ее верхнем правящем слое было много пришельцев. В далекую и темную скифскую митрополію шли не лучшие греки. Они были равнодушны к местным нуждам и заботились о том, чтобы высылать на родину побольше денег, чем мимоходом кольнул им глаза новгородскій владыка XII в. Иоанн в поученіи своему духовенству. Уже в то время слово *грек* имело у нас недоброе значеніе—плута: таил он в себе обман, потому что был он грек, замечает летопись об одном русском архіерее.

На общество.

Церковная іерархія действовала не столько силой лиц, сколько правилами и учрежденіями, ею принесенными, и действовала не столько на политическій порядок, сколько на частные гражданскіе и особенно на семейные отношенія. Здесь, не ломая прямо закоренелых привычек и предрассудков, Церковь исподволь прививала к туземному быту новые понятія и отношенія, перевоспитывая умы и нравы, приготовляя их к воспріятію новых норм, и таким путем глубоко проникала в юридическій и нравственный склад общества. Мы видели состав этого общества по Русской Правде. Оно делилось по правам и имущественной состоятельности на политическіе и экономическіе классы высшіе и низшіе, лежавшіе один над другим, т.-е. делилось горизонтально. Церковь стала расчленять общество в ином направленіи, сверху вниз, вертикально. Припомните состав общества *церковных людей*. Это не был устойчивый и однородный класс с наследственным значеніем, образовавшій новое сословіе в составе русского общества; в число церковных людей попадали лица разных классов гражданского общества, и принадлежность к нему условливалась не происхожденіем, а волей или временным положеніем лица, иногда случайными обстоя-

тельствами (убогие и бесприютные, странники и т. п.). Даже князь мог попасть в число церковных людей. Церковный устав кн. Всеволода, составленный на основании Владимирова устава и данный новгородскому Софийскому собору во второй четверти XII в., причисляет к церковным людям и *изгоев*, людей, по несчастию или другим причинам потерявших права своего состояния, сбившихся с житейского пути, по которому шли их отцы. Устав различает 4 вида изгоев: это—попов сын, не обучившийся грамоте, обанкрутившийся купец, холоп, выкупившийся на волю, и князь, преждевременно осиротевший. Итак, рядом с общественным делением по правам и имущественной состоятельности Церковь вводила свое деление, основанное на иных началах. Она соединяла в одно общество людей разных состояний или во имя *цели*, житейского назначения, религиозно-нравственного служения, или во имя *чувства* сострадания и милосердия. При таком составе церковное общество являлось не новым государственным сословием с духовенством во главе, а особым обществом, параллельным государственному, в котором люди разных государственных сословий соединялись во имя равенства и религиозно-нравственных побуждений.

На семью. Не менее глубоко было действие Церкви на формы и дух частного гражданского общежития, именно на основной его союз семейный. Здесь она доканчивала разрушение языческого родового союза, до нее начавшееся. Христианство застало на Руси только остатки этого союза, например, кровомщение: цельного рода уже не существовало. Один из признаков его цельности — отсутствие наследования по завещанию, а из договора Олега с греками мы видели, что уже за три четверти века до крещения Владимира письменное *обряжение*, завещание было господствующей формой

наследования, по крайней мере, в тех классах русского общества, которые имели прямые сношения с Византией. Построенный на языческих основаниях, родовой союз был противен Церкви, и она с первой минуты своего водворения на Руси стала разбивать его, строя из его обломков союз семейный, ею освящаемый. Главным средством для этого служило церковное законодательство о браке и наследовании. Мы уже знаем, что летопись отметила у полян еще в языческую пору *привод* невесты к жениху вечером, форму брачного союза, которую она даже решилась признать браком. Но из поучения духовенству, приписываемого архиепископу новгородскому Иоанну, видим, что даже в его время, почти два века спустя по принятии христианства, в разных классах общества действовали различные формы языческого брака, и привод, и умычка, заменявшие брак христианский. Поэтому „невенчальные“ жены в простонародьи были столь обычны, что Церковь принуждена была до известной степени мириться с ними, признавать их если не вполне законными, то терпимыми, и устав Ярослава даже налагает на мужа пеню за самовольный развод с такой женой, а сейчас упомянутый архиепископ настойчиво требует от священников, чтобы они венчали такие четы даже и с детьми. Гораздо строже, чем за уклонение от церковного венчания, карает тот же устав за браки в близких степенях родства. Митрополит Иоанн II во второй половине XI в. налагает эпитимию на браки даже между четвероюродными; но потом допускали брачный союз и между троюродными. Христианский брак не допускается между близкими родственниками, между *своими*; следовательно, стесняя постепенно круг родства, в пределах которого запрещался брак, Церковь приучала более отдаленных родственников смотреть друг на друга,

как на *чужих.* Так Церковь укорачивала языческое родство, обрубая слишком широко раскидывавшиеся его ветви.

Развитие семейного начала.

Трудным делом Церкви в устройстве семьи было установить в ней новые юридические и нравственные начала. Здесь предстояло внести право и дисциплину в наименее поддающиеся нормировке отношения, направляемые дотоле инстинктом и произволом, бороться со многоженством, наложничеством, со своеволием разводов, посредством которых мужья освобождались от наскучивших им жен, заставляя их уходить в монастырь. Христианская семья, завязываясь, как союз гражданский, обоюдным согласием жениха и невесты, держится на юридическом равенстве и нравственном взаимодействии мужа и жены. Необходимое следствие гражданской равноправности жены— усвоение ей права собственности. Еще в X в. дружинная и торговая Русь знакома была с раздельностью имущества супругов: по договору Олега с греками на имущество жены не падала ответственность за преступление мужа. Церкви предстояло поддерживать и укреплять это установление: церковный устав Владимира Св. ей предоставил разбирать споры между мужем и женой „о животе“, об имуществе. Впрочем, влияние Церкви на семейный быт не ограничивалось сферой действия формального церковного суда, регламентируемаго уставами: оставались отношения, которые она предоставляла чисто нравственному суду духовника. Устав Ярослава наказывает жену, которая бьет своего мужа, но обратный случай обходит молчанием. Духовника не следует забывать и при разборе статей церковных уставов об отношениях между родителями и детьми. Здесь закон ограничивается, как бы сказать, простейшими, наиболее терпимыми неправильностями се-

мейной жизни, сдерживая произвол родителей в деле женитьбы или замужества детей, возлагая на родителей ответственность за целомудрие дочерей, карая детей, которые бьют своих родителей, не только церковной, но и гражданской, „властельской казнью“, как тяжких уголовных преступников. Зато предоставлен был полный простор мужу и отцу, как завещателю: древнейшие памятники русского права не налагают никаких ограничений на его предсмертную волю, не следуя в этом за своими византийскими образцами. „Как кто, умирая, разделит свой дом детям, на то и стоять“; такова основа наследственного права по Русской Правде. Закон не предполагает, чтобы при детях возможны были вне семьи какие-либо другие наследники по завещанию. Близкие родственники выступают только в случае опеки, когда мать-вдова при малолетних детях вторично выходила замуж, а в договоре Олега являются законными наследниками, когда после умершего не оставалось ни детей, ни завещания.

Припомним, что в этой победе семейного начала над родовым церковное законодательство только доканчивало дело, начатое еще в языческие времена другими влияниями, на которые я указывал прежде (в лекциях VIII и X).

Лекция XVI.

Главные явления II периода русской истории.—Условия, расстраивавшие общественный порядок и благосостояние Киевской Руси.—Быт высшего общества; успехи гражданственности и просвещения.—Положение низших классов: успехи рабовладения и порабощения.—Половецкия нападения.—Признаки запустения днепровской Руси.—Двухсторонний отлив населения оттуда.—Признаки отлива на запад.—Взгляд на дальнейшую судьбу юго-западной Руси и вопрос о происхождении малорусского племени.—Признаки отлива населения на северо-восток.—Значение этого отлива и коренной факт периода.

II период. Обращаюсь к изучению второго периода нашей истории, продолжавшегося с XIII до половины XV в. Наперед отмечу главные явления этого времени, которые составят предмет нашего изучения. Это были коренные перемены русской жизни, если сопоставить их с главными явлениями первого периода. В первом периоде главная масса русского населения сосредоточивалась в области Днепра; во втором она является в области Верхней Волги. В первом периоде устроителем и руководителем политического и хозяйственного порядка был большой торговый город; во втором таким устроителем и руководителем становится князь—наследственный вотчинник своего удела. Итак, в изучаемом периоде являются новая историческая сцена, новая территория, и другая господствующая политическая сила: Русь днепровская сменяется Русью

верхне-волжской; волостной город уступает свое место князю, с которым прежде соперничал. Эта двоякая перемена, территориальная и политическая, создает в верхневолжской Руси совсем иной экономический и политический быт, непохожий на киевский. Соответственно новой политической силе эта верхне-волжская Русь делится не на городовые области, а на княжеские уделы; сообразно с новой территорией, т.-е. с внешней обстановкой, в какую попадает главная масса русского населения, и двигателем народного хозяйства на верхней Волге становится, вместо внешней торговли, сельско-хозяйственная эксплуатация земли с помощью вольного труда крестьянина-арендатора. Как, в каком порядке будем мы изучать эти новые факты? Припомните, как вы изучали явления нашей истории XII и XIII веков на гимназической скамье, т.-е. как они излагаются в кратком учебном руководстве. Приблизительно до половины XII в., до Андрея Боголюбского, внимание изучающего сосредоточивается на Киевской Руси, на ее князьях, на событиях, там происходивших. Но с половины или с конца XII в. внимание ваше довольно круто поворачивалось в другую сторону, на северо-восток, обращалось к Суздальской земле, к ее князьям, к явлениям, там происходившим. Историческая сцена меняется как-то вдруг, неожиданно, без достаточной подготовки зрителя к такой перемене. Под первым впечатлением этой перемены мы не можем дать себе ясного отчета ни в том, куда девалась старая Киевская Русь, ни в том, откуда выросла Русь новая, верхне-волжская. Обращаясь ко второму периоду нашей истории, мы должны начать с объяснения того, что было виною этой перестановки исторической сцены. Отсюда первый вопрос при изучении второго периода—когда и каким образом масса

русского населения передвинулась в новый край. Это передвижение было следствием расстройства общественного порядка, какой установился в Киевской Руси. Причины расстройства были довольно сложны и скрывались как в самом складе жизни этой Руси, так и в ее внешней обстановке. Я бегло укажу главные из этих причин.

Внешнее благосостояние Киевской Руси.

С половины XII столетия становится заметно действие условий, разрушавших общественный порядок и экономическое благосостояние Киевской Руси. Если судить об этой Руси по быту высших классов, можно предполагать в ней значительные успехи материального довольства, гражданственности и просвещения. Руководящая сила народного хозяйства, внешняя торговля, сообщала жизни много движения, приносила на Русь большие богатства. Денежные знаки обращались в изобилии. Не говоря о серебре, в обороте было много гривен золота, слитков весом в греческую литру (72 золотника). В больших городах Киевской Руси XI и XII вв. в руках князей и бояр заметно присутствие значительных денежных средств, больших капиталов. Нужно было иметь в распоряжении много свободных богатств, чтобы построить из такого дорогого материала и с такой художественной роскошью храм, подобный Киевскому Софийскому собору Ярослава. В половине XII в. смоленский князь получал со своего княжества только дани, не считая других доходов, 3000 гривен кун, что при тогдашней рыночной стоимости серебра представляло сумму не менее 150 тысяч рублей. Владимир Мономах однажды поднес отцу обеденный подарок в 300 гривен золота, а Владимирко, князь галицкий, дал великому князю Всеволоду в 1144 г. 1200 гривен серебра, чтобы склонить его к миру. Встречаем указания на большие денежные средства и у частных лиц. Сын богатого выезжего

варяга Шимона, служивший тысяцким у Юрия Долгорукого, пожелав оковать гроб преподобного Феодосия, пожертвовал на это 500 фунтов серебра и 50 фунтов золота. Церковный устав Ярослава находил возможным назначить большому боярину за самовольный развод с женой пеню: ей «за сором», за обиду 300 гривен кун, а в пользу митрополита 5 гривен золота. Кроме денег, есть еще известия об изобильных хозяйственных статьях и запасах в частных имениях князей, где работали сотни челяди, о табунах в тысячи голов кобыл и коней, о тысячах пудов меду, о десятках корчаг вина; в сельце у князя Игоря Ольговича, убитого в Киеве в 1147 году, стояло на гумне 900 стогнов хлеба.

Культурные успехи

Пользуясь приливом туземных и заморских богатств в Киев и в другие торговые и административные центры, господствующий класс создал себе привольную жизнь, нарядно оделся и просторно обстроился в городах. Целые века помнили на Руси о воскресных пирах киевского князя и доселе память о них звучит в богатырской былине, какую поет олонецкий или архангельский крестьянин. Материальное довольство выражалось в успехах искусств, книжного образования. Богатства привлекали заморского художника и заморские украшения жизни. За столом киевского князя XI в. гостей забавляли музыкой. До сих пор в старинных могилах и кладах южной Руси находят, относящиеся к тем векам вещи золотые и серебряные часто весьма художественной работы. Уцелевшие остатки построек XI и XII вв. в старинных городах Киевской Руси, храмов с их фресками и мозаиками поражают своим мастерством того, чей художественный глаз воспитался на архитектуре и живописи Московского Кремля. Вместе с богатствами и искусствами из Византии притекали на

Русь также гражданские и нравственные понятия; оттуда в X в. принесено христианство с его книгами, законами, с его духовенством и богослужением, с иконописью, вокальной музыкой и церковною проповедью. Артерией, по которой текли на Русь к Киеву эти материальные и нравственные богатства, был Днепр, тот „батюшка Днепр Словутич", о котором поет русская песня, донесшаяся от тех веков. Известия XI и XII вв. говорят о знакомстве тогдашних русских князей с иностранными языками, об их любви собирать и читать книги, о ревности к распространению просвещения, о заведении ими училищ даже с греческим и латинским языком, о внимании, какое они оказывали ученым людям, приходившим из Греции и Западной Европы. Эти известия говорят не о редких, единичных случаях или исключительных явлениях, не оказавших никакого действия на общий уровень просвещения: сохранились очевидные плоды этих просветительных забот и усилий. Помощью переводной письменности выработался книжный русский язык, образовалась литературная школа, развилась оригинальная литература, и русская летопись XII в. по мастерству изложения не уступает лучшим анналам тогдашнего Запада.

Рабовладение.

Но все это составляло лицевую сторону жизни, которая имела свою изнанку, какою является быт общественного низа, низших классов общества. Экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII вв. держалось на рабовладении. К половине XII в. рабовладение достигло там громадных размеров. Уже в X—XI вв. челядь составляла главную статью русского вывоза на черноморские и волжско-каспийские рынки. Русский купец того времени всюду неизменно является с главным своим товаром, с челядью. Восточные писатели X века в живой картине

рисуют нам русского купца, торгующего челядью на Волге: выгрузившись, он расставлял на волжских базарах, в городах Болгаре или Итиле, свои скамьи, лавки, на которых рассаживал живой товар—рабынь. С тем же товаром являлся он и в Константинополь. Когда греку, обывателю Царьграда, нужно было купить раба, он ехал на рынок, где „русские купцы приходяще челядь продают“: так читаем в одном посмертном чуде Николая Чудотворца, относящемся к половине XI в. Рабовладение было одним из главнейших предметов, на который обращено внимание древнейшего русского законодательства, сколько можно судить о том по Русской Правде: статьи о рабовладении составляют один из самых крупных и обработанных отделов в ее составе. Рабовладение было, повидимому, и первоначальным юридическим и экономическим источником русского землевладения. До конца XI в. господствующий класс русского общества остается городским по месту и характеру жизни. Управление и торговля давали ему столько житейских выгод, что он еще не думал о землевладении. Но прочно усевшись в большом днепровском городе, он обратил внимание и на этот экономический источник. Военные походы скопляли в его руках множество челяди. Наполнив ими свои городские подворья, он сбывал излишек за море: с X в. челядь, как мы знаем, на ряду с мехами была главной статьей русского вывоза. Теперь люди из высшего общества стали сажать челядь на землю, применять рабовладение к землевладению. Признаки частной земельной собственности на Руси появляются не раньше XI в. В XII ст. мы встречаем несколько указаний на частных земельных собственников. Такими собственниками являются: 1) князья и члены их семейств, 2) княжие мужи, 3) церковные учреждения, монастыри и

22*

епископские кафедры. Но во всех известиях о частном землевладении XII в. земельная собственность является с одним отличительным признаком: она населялась и эксплуатировалась рабами; это—„села с челядью“. Челядь составляла, повидимому необходимую хозяйственную принадлежность частного землевладения светского и церковного, крупного и мелкого. Отсюда можно заключить, что самая идея о праве собственности на землю, о возможности владеть землею, как всякою другою вещью, вытекла из рабовладения, была развитием мысли о праве собственности на холопа. Это земля *моя*, потому что *мои* люди, ее обрабатывающие: таков был, кажется, диалектический процесс, которым сложилась у нас юридическая идея о праве земельной собственности. Холоп-земледелец, „страдник“, как он назывался на хозяйственном языке древней Руси, служил проводником этой идеи от хозяина на землю, юридической связью между ними, как тот же холоп был для хозяина орудием эксплуатации его земли. Так возникла древне-русская *боярская вотчина*: привилегированный купец-огнищанин и витязь-княж муж X в. превратился в *боярина*, как называется на языке Русской Правды привилегированный землевладелец. Вследствие того, что в XI и XII вв. раба стали сажать на землю, он поднялся в цене. Мы знаем, что до смерти Ярослава закон дозволял убить чужого раба за удар, нанесенный им свободному человеку. Дети Ярослава запретили это. Рабовладельческие понятия и привычки древне-русских землевладельцев стали потом переноситься и на отношения последних к вольным рабочим, к крестьянам. Русская Правда знает класс „ролейных“, т.-е. земледельческих наймитов или закупов. Закуп близко стоял к холопу, хотя закон и отличал его от последнего: это, как мы видели, неполно-

Порабощение вольных рабочих.

правный, временно-обязанный крестьянин, работавший на чужой земле с хозяйским инвентарем и за некоторые преступления (за кражу и побег от хозяина) превращавшийся в полного, *обельного* холопа. В этом угнетенном юридическом положении закупа и можно видеть действие рабовладельческих привычек древне-русских землевладельцев, переносивших на вольнонаемного крестьянина взгляд, каким они привыкли смотреть на своего раба-земледельца. Под влиянием такого взгляда в старинных памятниках юридического характера наймит вопреки закону прямо зовется «челядином». Этим смешением вольного работника-закупа с холопом можно объяснить одну черту не дошедшего до нас договора Владимира Св. с волжскими болгарами, заключенного в 1006 году и изложенного Татищевым в его Истории России: болгарским купцам, торговавшим по русским городам, запрещено было ездить по русским селам и продавать товары «огневтине и смердине». *Смердина*— свободные крестьяне, жившие на княжеских или государственных землях; *огневтина* — рабочее население частно-владельческих земель без различия челяди и наймитов. Строгость, с какою древне-русский закон преследовал ролейного наймита за побег от хозяина без расплаты, обращая его в полного холопа, свидетельствует в одно время и о нужде землевладельцев в рабочих руках, и о стремлении наемных рабочих, закупов, выйти из своего тяжелого юридического положения. Такие отношения складывались из господствовавших интересов времени. Обогащением и порабощением создавалось общественное положение лица. В одном произведении русского митрополита XII в. Климента Смолятича изображается современный ему русский человек, добивавшийся славы, знатности: он прилагает дом к дому, село к селу, набирает

себе бортей и пожен, «изгоев и сябров», подневольных людей. Таким образом экономическое благосостояние и успехи общежития Киевской Руси куплены были ценою порабощения низших классов; привольная жизнь общественных вершин держалась на юридическом принижении масс простого народа. Эта приниженность обострялась еще резким имущественным неравенством между классами русского общества по большим городам XI и XII вв. Начальная летопись вскрывает пред нами эту социальную черту, обычную особенность быта, строящегося усиленной работой торгово-промышленного капитала. В 1018 году новгородцы решили на вече сложиться, чтобы нанять за морем варягов на помощь Ярославу в борьбе его с киевским братом Святополком. По общественной раскладке постановили собрать с простых людей по 4 куны, а с бояр по 18 гривен кун. Кун в гривне считалось 25: значит, высший класс общества был обложен в $12^1/_2$ раз тяжелее сравнительно с простыми гражданами. Это приниженное юридическое и экономическое положение рабочих классов и было одним из условий, колебавших общественный порядок и благосостояние Киевской Руси. Порядок этот не имел опоры в низших классах населения, которым он давал себя чувствовать только своими невыгодными последствиями.

Княжеские усобицы.

Князья своими владельческими отношениями сообщали усиленное действие этому неблагоприятному условию. Очередной порядок княжеского владения сопровождался крайне бедственными следствиями для народного хозяйства. В постоянных своих усобицах князья мало думали о земельных приобретениях, о территориальном расширении своих областей, в которых они являлись временными владельцами: но тяготясь малонаселенностью своих частных имений, они старались заселить их искусственно. Лучшим

средством для этого был *полон.* Поэтому их общей военной привычкой было, вторгнувшись во враждебную страну, разорить ее и набрать как можно больше пленных. Пленники по тогдашнему русскому праву обращались в рабство и селились на частных землях князя и его дружины, с которой князь делился своей добычей. Ослепленный князь Василько в горе своем вспомнил, как некогда он имел намерение захватить болгар дунайских и посадить их в своем Теребовльском княжестве. Поговорка, ходившая о князе конца XII в. Романе волынском („худым живеши, литвою ореши"), показывает, что он сажал литовских пленников на свои княжеские земли, как крепостных или обязанных работников. Эти колонизаторские заботы на счет иноземных соседей были неудобны только тем, что вызывали и с противной стороны соответственную отместку. Гораздо хуже было то, что подобные приемы войны князья во время усобиц применяли и к своим. Первым делом их было, вступив в княжество соперника-родича, пожечь его села и забрать или истребить его „жизнь", т.-е. его хозяйственные запасы, хлеб, скот, челядь. Владимир Мономах был самый добрый и умный из Ярославичей XI—XII вв., но и он не чужд был этого хищничества. В своем Поучении детям он рассказывает, как напавши раз врасплох на Минск, он не оставил там „ни челядина, ни скотины". В другой раз сын его Ярополк (1116 г.) захватил Друцк в том же Минском княжестве и всех жителей этого города перевел в свою Переяславскую волость, построивши для них новый город при впадении Сулы в Днепр. Летописец XII в., рассказывая об удачном вторжении князя в чужую волость, иногда заканчивает рассказ замечанием, что победители воротились, „ополонившись челядью и скотом". Обращали в рабство и пленных соотечественников: после неудачного нападения

рати Андрея Боголюбского на Новгород в 1169 году там продавали пленных суздальцев по 2 ногаты человека. Так же поступали с пленною Русью половцы, которых князья русские в своих усобицах не стыдились наводить на Русскую землю. Превратившись в хищническую борьбу за рабочие руки, сопровождавшуюся уменьшением свободного населения, княжеские усобицы еще более увеличивали тяжесть положения низших классов, и без того приниженных аристократическим законодательством XI—XII вв.

Половецкие нападения.

Внешние отношения Киевской Руси прибавляли к указанным условиям еще новое, наиболее гибельно действовавшее на ее общественный порядок и благосостояние. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не следует забывать, что она основалась на окраине культурно-христианского мира, на берегу Европы, за которым простиралось безбрежное море степей, служивших преддверием Азии. Эти степи со своим кочевым населением и были историческим бичем для древней Руси. После поражения, нанесенного Ярославом печенегам в 1036 г., русская степь на некоторое время очистилась; но вслед за смертью Ярослава с 1061 года начались непрерывные нападения на Русь новых степных ее соседей—половцев (куман). С этими половцами Русь боролась упорно в XI и XII ст. Эта борьба—главный предмет летописного рассказа и богатырской былины. Половецкие нападения оставляли по себе страшные следы на Руси. Читая летопись того времени, мы найдем в ней сколько угодно ярких красок для изображения бедствий, какие испытывала Русь со степной стороны. Нивы забрасывались, зарастали травою и лесом; где паслись стада, там водворялись звери. Половцы умели подкрадываться к самому Киеву: в 1096 году хан Боняк «шелудивый» чуть не въехал в самый город, ворвался в Печерский монастырь,

когда монахи спали после заутрени, ограбил и зажег его. Города, даже целые области пустели. В XI в. Поросье (край по реке Роси, западному притоку Днепра ниже Киева) с Ярославова времени является хорошо заселенной страной. Здесь жило смешанное население: рядом с пленниками ляхами, которых сажал здесь Ярослав, селились русские выходцы и мирные кочевники, торки, берендеи, даже печенеги, спасшиеся от половцев и примкнувшие к Руси для борьбы с ними. Эти мирные инородцы вели полукочевой образ жизни: летом они бродили по соседним степям со своими стадами и вежами (шатрами или кибитками), а зимой или на время опасности укрывались в свои укрепленные становища и города по Роси, составлявшие сторожевые военные населения по степной границе. Русские в отличие от диких половцев звали их «своими погаными». В конце XI ст. Поросье стало особой епархией, кафедра которой находилась в Юрьеве на Роси, городе, построенном Ярославом и названном по его христианскому имени (Ярослав-Георгий или Юрий). Обитатели Поросья жили в постоянной тревоге от нападения из степи. В 1095 году юрьевцы подверглись новому нападению и, наскучив постоянными опасностями от половцев, все ушли в Киев, а половцы сожгли опустелый город. Великий князь Святополк построил для переселенцев новый город на Днепре ниже Киева Святополч; скоро к ним присоединились другие беглецы со степной границы. Еще большие опасности переживала также соседняя со степью Переяславская земля: по тамошним рекам Трубежу, Супою, Суле, Хоролю происходили чуть не ежегодные, в иные годы неоднократные встречи Руси с половцами; в продолжение XII в. эта область постепенно пустела. Под гнетом этих тревог и опасностей, при возраставших усоби-

цах князей, почва общественного порядка в Киевской Руси становилась зыбкой, ежеминутно грозившей погромом: возникало сомнение в возможности жить при таких условиях. В 1069 году, когда Изяслав, изгнанный киевлянами за нерешительность в борьбе с половцами, шел на Киев с польской помощью, киевское вече просило его братьев Святослава и Всеволода защитить города своего отца: «а не хотите, прибавили киевляне,—нам ничего больше не остается делать—зажжем свой город и уйдем в Греческую землю». Русь истощалась в средствах борьбы с варварами. Никакими мирами и договорами нельзя было сдержать их хищничества, бывшего их привычным промыслом. Мономах заключил с ними 19 миров, передавал им множество платья и скота,—и все напрасно. С той же целью князья женились на ханских дочерях; но тесть попрежнему грабил область своего русского зятя без всякого внимания к свойству. Русь окапывала свои степные границы валами, огораживала цепью острожков и военных поселений, предпринимала походы в самые степи; дружинам в пограничных со степью областях приходилось чуть ли постоянно держать своих коней за повод в ожидании похода. Этой изнурительной борьбою был выработан особого типа богатырь,—не тот богатырь, о котором поет богатырская былина, а его исторический подлинник, каким является в летописи Демьян Куденевич, живший в Переяславле Русском в половине XII в. Он со слугой и пятью молодцами выезжал на целое войско и обращал его в бегство, раз выехал на половецкую рать совсем один, даже одетый по домашнему, без шлема и панцыря, перебил множество половцев, но сам был исстрелян неприятелями и чуть живой воротился в город. Таких „хорбров“ звали тогда *людьми Божиими*. Это были бли-

жайшие преемники варяжских витязей, пересевшие с речной лодки на степного коня, и отдаленные предшественники днепровского казачества, воевавшего с крымскими татарами и турками и на коне, и на лодке. Таких богатырей много подвизалось и полегло в смежных со степью русских областях XI и XII вв. Одно старинное географическое описание юго-западной Руси XVI в. изображает одну местность на пути между Переяславлем Русским и Киевом в виде богатырского кладбища: „а тут богатыри кладутся русские“. До смерти Мономахова сына Мстислава (1132 г.) Русь еще с успехом отбивала половцев от границ своих и даже иногда удачно проникала в самую глубь половецких степей; но со смерти этого деятельного Мономаховича ей очевидно становилось не под силу сдерживать напор кочевников и она начинала отступать перед ними. От этих нападений, разумеется, всего более страдало сельское пограничное население, не прикрытое от врагов городскими стенами. На княжеском съезде в 1103 г. Владимир Мономах живо изобразил великому князю Святополку тревожную жизнь крестьян в пограничных со степью областях: „весною“, говорил князь, „выедет смерд в поле пахать на лошади и приедет половчин, ударит смерда стрелою и возьмет его лошадь, потом приедет в село, заберет его жену, детей и все имущество, да и гумно его зажжет“. Эта почти двухвековая борьба Руси с половцами имеет свое значение в европейской истории. В то время, как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиринейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей

очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни.

Запустение Киевской Руси.

Под давлением этих трех неблагоприятных условий, юридического и экономического принижения низших классов, княжеских усобиц и половецких нападений, с половины XII в. становятся заметны признаки запустения Киевской Руси, Поднепровья. Речная полоса по среднему Днепру с притоками, издавна так хорошо заселенная, с этого времени пустеет, население ее исчезает куда-то. Самым выразительным указанием на это служит один эпизод из истории княжеских усобиц. В 1157 году умер сидевший в Киеве Мономахович великий князь Юрий Долгорукий; место его на великокняжеском столе занял старший из черниговских князей Изяслав Давидович. Этот Изяслав по очереди старшинства должен был уступить черниговский стол с областью своему младшему родичу, двоюродному брату Святославу Ольговичу, княжившему в Новгороде Северском. Но Изяслав отдал Святославу не всю Черниговскую область, а только старший город Чернигов с семью другими городами. В 1159 г. Изяслав собрался в поход на недругов своих, князей галицкого Ярослава и волынского Мстислава, и звал Святослава к себе на помощь; но Святослав отказался. Тогда старший брат послал ему такую угрозу: «смотри, брат! когда, Бог даст, управлюсь в Галиче, тогда уж не пеняй на меня, как поползешь ты из Чернигова обратно к Новгороду Северскому». На эту угрозу Святослав отвечал такими многознаменательными словами: «Господи, ты видишь мое смирение, сколько я поступался своим, не хотя лить крови христианской, губить своей отчины; взял я город Чернигов с семью другими городами, да и то

пустыми: живут в них псари да половцы". Значит, в этих городах остались лишь княжеские дворовые люди да мирные половцы, перешедшие на Русь. К нашему удивлению, в числе этих семи запустелых городов Черниговской земли мы встречаем и один из самых старинных и богатых городов Поднепровья Любеч. Одновременно с признаками отлива населения из Киевской Руси замечаем и следы упадка ее экономического благосостояния: Русь, пустея, вместе с тем и беднела. Указание на это находим в истории денежного обращения в XII в. Изучая Русскую Правду, мы уже увидели, что вес менового знака, серебряной гривны кун, при Ярославе и Мономахе содержавшей в себе около полуфунта серебра, с половины XII в. стал сильно падать—знак, что начали засариваться каналы, которыми притекали на Русь драгоценные металлы, т.-е. пути внешней торговли, и серебро дорожало. Во второй половине XII в. вес гривны кун упал уже до 24 золотников, а в XIII в. падает еще ниже, так что в Новгороде около 1230 г. ходили гривны кун весом в 12—13 зол. Летописец объясняет нам и причину этого вздорожания серебра. Внешние торговые обороты Руси все более стеснялись торжествовавшими кочевниками; прямое указание на это находим в словах одного южного князя второй половины XII в. Знаменитый соперник Андрея Боголюбского Мстислав Изяславич волынский в 1167 г. старался подвинуть свою братию князей в поход на степных варваров. Он указывал на бедственное положение Руси: „пожалейте", говорил он, о „Русской земле, о своей отчине; каждое лето поганые уводят христиан в свои вежи, а вот уже и пути у нас отнимают", и тут же перечислил черноморские пути русской торговли, упомянув между ними и *греческий*. В продолжение XII в. чуть

ни каждый год князья спускались из Киева с вооруженными отрядами, чтобы встретить и проводить „гречников", русских купцов, шедших в Царьград и другие греческие города или возвращающихся оттуда. Это вооруженное конвоирование русских торговых караванов было важной правительственной заботой князей. Очевидно, во второй половине XII столетия князья со своими дружинами уже становятся бессильны в борьбе со степным напором и стараются по крайней мере удержать в своих руках пролегавшие через степь речные пути русской внешней торговли.

Вот ряд явлений, указывающих, какие неустройства скрывались в глубине русского общества под видимой блестящей поверхностью киевской жизни и какие бедствия приходили на него со стороны. Тепер предстоит решить вопрос, куда девалось население пустевшей Киевской Руси, в какую сторону отливали низшие рабочие классы, уступавшие свое место в Поднепровье княжеским дворовым людям и мирным половцам.

Отлив населения на запад.

Отлив населения из Поднепровья шел в двух направлениях, двумя противоположными струями. Одна струя направлялась на Запад, за Западный Буг, в область верхнего Днестра и верхней Вислы, в глубь Галиции и Польши. Так южно-русское население из Приднепровья возвращалось на давно - забытые места, покинутые его предками еще в VII в. Следы отлива в эту сторону обнаруживаются в судьбе двух окрайных княжеств, Галицкого и Волынского. По положению своему в политической иерархии русских областей эти княжества принадлежали к числу младших. Галицкое княжество, одно из выделенных, сиротских по генеалогическому положению своих князей, принадлежавших к одной из младших линий

Ярославова рода, уже во второй половине XII в. делается одним из самых сильных и влиятельных на юго-западе: князь его отворяет ворота Киеву, как говорит Слово о полку Игореве про Ярослава Осмомысла. С конца XII в., при князьях Романе Мстиславиче, присоединившем Галицию к своей Волыни, и его сыне Даниле, соединенное княжество заметно растет, густо заселяется, князья его быстро богатеют, несмотря на внутренние смуты, распоряжаются делами юго-западной Руси и самим Киевом; Романа летопись величает „самодержцем всей Русской земли“. Этим наплывом русских переселенцев, может быть, объясняются известия XIII и XIV вв. о православных церквах в Краковской области и в других местностях юго-восточной Польши.

Малороссийское племя.

В связи с этим отливом населения на запад объясняется одно важное явление в русской этнографии, именно образование малороссийского племени. Запустение днепровской Руси, начавшееся в XII в., было завершено в XIII в. татарским погромом 1229—1240 гг. С той поры старинные области этой Руси, некогда столь густо заселенные, надолго превратились в пустыню со скудным остатком прежнего населения. Еще важнее было то, что разрушился политический и народно-хозяйственный строй всего края. Вскоре после татарского погрома, в 1246 году, проезжал из Польши через Киев на Волгу к татарам папский миссионер Плано-Карпини. В своих записках он замечает, что на пути из Владимира Волынского к Киеву он ехал в постоянном страхе от Литвы, которая часто делает нападение на эти края Руси, но что от Руси он был вполне безопасен, Руси здесь осталось очень мало: большая часть ее либо перебита, либо уведена в плен татарами. На всем пройденном им пространстве

южной Руси в Киевской и Переяславской земле Плано-Карпини встречал по пути лишь бесчисленное множество человеческих костей и черепов, разбросанных по полям. В самом Киеве, прежде столь обширном и многолюдном городе, едва насчитывали при нем 200 домов, обыватели которых терпели страшное угнетение. С тех пор в продолжение 2—3 веков Киев испытал много превратностей, несколько раз падал и поднимался. Так, едва оправившись от разгрома 1240 года, он в 1299 году опять разбежался от насилий татарских. По опустевшим степным границам Киевской Руси бродили остатки ее старинных соседей, печенегов, половцев, торков и других инородцев. В таком запустении оставались южные области Киевская, Переяславская и частью Черниговская едва ли не до половины XV ст. После того как юго-западная Русь с Галицией в XIV в. была захвачена Польшей и Литвой, днепровские пустыни стали юго-восточною окраиной соединенного Польско-литовского государства. В документах XIV в. для юго-западной Руси появляется название *Малая Россия*. С XV в. становится заметно вторичное заселение среднего Приднепровья, облегченное двумя обстоятельствами: 1) южная степная окраина Руси стала безопаснее вследствие распадения Орды и усиления Московской Руси; 2) в пределах Польского государства прежнее оброчное крестьянское хозяйство в XV в. стало заменяться барщиной, и крепостное право получило ускоренное развитие, усилив в порабощаемом сельском населении стремление уходить от панского ярма на более привольные места. Совместным действием этих двух обстоятельств и был вызван усиленный отлив крестьянского населения из Галиции и из внутренних областей Польши на юго-восточную приднепровскую окраину Польского государства.

Руководителями этой колонизации явились богатые польские вельможи, приобретавшие себе обширные вотчины на этой украине. Благодаря тому стали быстро заселяться пустевшие дотоле области старой Киевской Руси. Конецпольские, Потоцкие, Вишневецкие на своих обширных степных вотчинах в короткое время выводили десятки и сотни городов и местечек с тысячами хуторов и селений. Польские публицисты XVI в. жалуются, указывая на два одновременные явления: на невероятно быстрое заселение пустынных земель по Днепру, Восточному Бугу и Днестру и на запустение многолюдных прежде местечек и сел в центральных областях Польши. Когда таким образом стала заселяться днепровская украйна, то оказалось, что масса пришедшего сюда населения чисто-русского происхождения. Отсюда можно заключить, что большинство колонистов, приходивших сюда из глубины Польши, из Галиции и Литвы, были потомки той Руси, которая ушла с Днепра на запад в XII и XIII вв. и в продолжение двух-трех столетий, живя среди литвы и поляков, сохранила свою народность. Эта русь, возвращаясь теперь на свои старые пепелища, встретилась с бродившими здесь остатками старинных кочевников торков, берендеев, печенегов и др. Я не утверждаю решительно, что путем смешения возвращавшейся на свои древние днепровские жилища или оставшейся здесь Руси с этими восточными инородцами образовалось малорусское племя, потому что и сам не имею и в исторической литературе не нахожу достаточных оснований ни принимать, ни отвергать такое предположение; равно не могу сказать, достаточно ли выяснено, когда и под какими влияниями образовались диалектические особенности, отличающие малорусское наречие как от древнего киевского, так и от великорусского. Я говорю только, что в образовании мало-

русского племени, как ветви русского народа, принимало участие обнаружившееся или усилившееся с VI в. обратное движение к Днепру русского населения, отодвинувшегося оттуда на запад, к Карпатам и Висле, в XII — XIII вв.

Другая струя колонизации из Приднепровья направилась в противоположный угол Русской земли, на северо-восток за реку Угру, в междуречье Оки и верхней Волги. Это движение слабо отмечено современными наблюдателями: оно шло тихо и постепенно в низших классах общества, потому и не скоро было замечено людьми, стоявшими на общественной вершине. Но сохранились следы, указывающие на это движение.

Проложение прямого пути на С.-В. в Суздальский край.

I. До половины XII в. не заметно прямого сообщения Киевской Руси с отдаленным Ростовско - Суздальским краем. Заселение этой северо-восточной окраины Руси славянами началось задолго до XII в. и русская колонизация его первоначально шла преимущественно с северо-запада, из Новгородской земли, к которой принадлежал этот край при первых русских князьях. Здесь еще до XII в. возникло несколько русских городов, каковы Ростов, Суздаль, Ярославль, Муром и др. В главных из них по временам появлялись русские князья. Так при Владимире в Ростове сидел его сын Борис, в Муроме на Оке другой сын Глеб. Любопытно, что когда ростовскому или муромскому князю приходилось ехать на юг в Киев, он ехал не прямой дорогой, а делал длинный объезд в сторону. В 1015 г. Глеб муромский, узнавши о болезни отца, поехал в Киев навестить его. Путь, которым он ехал, обозначен известием, что на Волге, при устье реки Тьмы, конь князя споткнулся и повредил ногу всаднику: река Тьма — левый приток Волги повыше Твери.

Добравшись до Смоленска, Глеб хотел спуститься Днепром к Киеву, но тут настигли его подосланные Святополком убийцы. Еще любопытнее, что и народная богатырская былина запомнила время, когда не было прямой дороги из Мурома к Киеву. Илья Муромец, приехав в Киев, рассказывал богатырям за княжим столом, каким путем он ехал со своей родины:

> А проехал я дорогой прямоезжею
> Из стольного города из Мурома,
> Из того села Карачарова.
> Говорят тут могучие богатыри:
> А ласково солнце Владимир князь!
> В очах детина завирается:
> А где ему проехать дорогу прямоезжую;
> Залегла та дорога тридцать лет
> От того Соловья разбойника.

Около половины XII в. начинает понемногу прокладываться и прямоезжая дорога из Киева на отдаленный суздальский север. Владимир Мономах, неутомимый ездок, на своем веку изъездивший Русскую землю вдоль и поперек, говорит в поучении детям с некоторым оттенком похвальбы, что один раз он проехал из Киева в Ростов «сквозь вятичей». Значит, нелегкое дело было проехать этим краем с Днепра к Ростову. Край вятичей был глухой лесной страной; уйти в леса к вятичам значило спрятаться так, чтобы никто не нашел. Черниговские князья, которым принадлежало племя вятичей, часто искали здесь убежища, побитые своею братиею. На пространстве между верхней Окой и Десною от города Карачева до Козельска и далее к северу, т.-е. в значительной части нынешних Орловской и Калужской губерний, тянулись дремучие леса, столь известные в наших ска-

заниях о разбойниках под именем *Брынских* (Брынь— старинная волость, ныне село Жиздринского уезда, на Брынке или Брыни, притоке Жиздры, Калужской губернии). Город Брянск на Десне в самом своем имени сохранил память об этом тогда лесистом и глухом крае: Брянск— собственно *Дебрянск* (от дебрей). Вот почему Суздальская земля называлась в старину *Залесской*: это название дано ей киевской русью, от которой она была отделена дремучими лесами вятичей. Эти дремучие леса и стали прочищаться с половины XII в. Если Мономах еще с трудом проехал здесь в Ростов с малой дружиной, но сын его Юрий Долгорукий, во время упорной борьбы со своим волынским племянником Изяславом (1149—1154), водил уже прямой дорогой из Ростова к Киеву целые полки. Это заставляет предполагать какое-то движение в населении, прочищавшее путь в этом направлении сквозь непроходимые леса.

Колонизация Суздальского края.

II. Находим указание и на это движение. В то время, когда стали жаловаться на запустение южной Руси, в отдаленном Суздальском крае замечаем усиленную строительную работу. При князьях Юрии Долгоруком и Андрее здесь возникают один за другим новые города. В 1134 г. Юрий строит город Кснятин при впадении Большой Нерли в Волгу (под Калязином). В 1147 г. становится известен городок Москва. В 1150 г. Юрий строит Юрьев „в поле" (или Польский, ныне уездный город Владимирской губернии) и переносит на новое место возникший около этого же времени город Переяславль-Залесский. В 1154 г. он основал на реке Яхроме город Дмитров, названный так в честь Юрьева сына Дмитрия-Всеволода, родившегося в том же году во время „полюдья", когда князь с женой объезжал свою волость для сбора дани. Около 1155 г.

Андрей Боголюбский основал город Боголюбов пониже Владимира на Клязьме. Известие об основании городов сопровождаются в летописи известиями о построении церквей. Оба князя, отец и сын, являются самыми усердными храмоздателями в Суздальской земле. Появление перечисленных городов отмечено в древней летописи. Из других источников узнаем, что тогда же возникло много других городов в Суздальской земле. По летописям, Тверь становится известна не раньше XIII в.; но она является уже порядочным городом в сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери, составленном при жизни Андрея, т.-е. до 1174 г. Татищев в своем летописном своде говорит, что с княжения Юрия Долгорукого в своих источниках, теперь исчезнувших, он начал встречать целый ряд других новых городов в северной Руси, которые не были известны до того времени: таковы, напр. Городец на Волге, Кострома, Стародуб на Клязьме, Галич, Звенигород, Вышгород, при впадении Протвы в Оку (под Серпуховом) и др. Сам Андрей Боголюбский хвалился своею колонизаторскою деятельностью. Задумав основать во Владимире на Клязьме особую русскую митрополию, независимую от Киевской, князь говорил своим боярам: «я всю Белую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил».

Ее источники.

III. Далее встречаем признак, прямо указывающий на то, откуда шло население, наполнявшее эти новые суздальские города и великие села. Надобно вслушаться в названия новых суздальских городов: Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич,—все это южно-русские названия, которые мелькают чуть ли на каждой странице старой киевской летописи в рассказе о событиях в южной Руси; одних Звенигородов было несколько в земле Киев-

ской и Галицкой. Имена киевских речек Лыбеди и Почайны встречаются в Рязани, во Владимире на Клязьме, в Нижнем Новгороде. Известна речка Ирпень в Киевской земле, приток Днепра, на которой по преданию (впрочем сомнительному) Гедимин в 1321 г. разбил южно-русских князей; Ирпенью называется и приток Клязьмы во Владимирском уезде. Имя самого Киева не было забыто в Суздальской земле: село Киево на Киевском овраге знают старинные акты XVI столетия в Московском уезде; Киевка— приток Оки в Калужском уезде, село Киевцы—близ Алексина в Тульской губ. Но всего любопытнее в истории передвижения географических названий кочеванье одной группы имен. В древней Руси известны были три Переяславля: Южный или Русский (ныне уездный город Полтавской губернии), Переяславль Рязанский (нынешняя Рязань) и Переяславль Залесский (уездный город Владимирской губернии). Каждый из этих трех одноименных городов стоит на реке Трубеже. Это перенесение южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальский север было делом переселенцев, приходивших сюда с киевского юга. Известен обычай всех колонистов уносить с собою на новые места имена покидаемых жилищ: по городам Соединенных Штатов Северной Америки можно репетировать географию доброй доли Старого Света. В позднейшем источнике находим и другой след, указывающий на то же направление русской колонизации. Татищев в своем своде рассказывает, что Юрий Долгорукий, начав строить новые города в своей Суздальской волости, заселял их, собирая людей отовсюду и давая им „немалую ссуду“. Благодаря этому, в города его приходили во множестве не только русские, но и болгары, мордва и венгры и „пределы яко многими тысячами людей наполняли“. Каким образом могли

очутиться среди этих пришельцев даже венгры? Противником Юрия Долгорукого в его борьбе с волынским племянником был союзник последнего венгерский король. Очевидно, Юрий переводил на север в свои новые города пленных венгров, попадавшихся ему в боях на юге.

Указания былин.

IV. Наконец, встречаем еще одно указание на то же направление колонизации и притом там, где всего менее можно было бы ожидать такого указания,—в народной русской поэзии. Известно, что цикл былин о могучих богатырях Владимирова времени сложился на юге; но теперь там не помнят этих былин и давно позабыли о Владимировых богатырях. Там их место заняли казацкие думы, воспевающие подвиги казаков в борьбе с ляхами, татарами и турками. Эти думы, следовательно, отражают в себе совсем другую историческую эпоху—XVI и XVII вв. Зато богатырские былины с удивительною свежестью сохранились на далеком севере, в Приуралье и Заонежье, в Олонецкой и Архангельской губерниях, откуда вместе с переселенцами проникли и в дальнюю Сибирь. О Владимировых богатырях помнят и в центральной Великоруссии; но здесь не знают уже богатырских былин, не умеют петь их, забыли склад былинного стиха; здесь сказания о богатырях превратились в простые прозаические сказки. Как могло случиться, что народный исторический эпос расцвел там, где не был посеян, и пропал там, где вырос? Очевидно, на отдаленный север эти поэтические сказания перешли вместе с тем самым населением, которое их сложило и запело. Это перенесение совершилось еще до XIV в., т.-е. до появления на юге России литвы и ляхов, потому что в древнейших богатырских былинах еще нет и помина об этих позднейших врагах Руси.

Таков ряд указаний, приводящих нас к той догадке,

что на отдаленной северо-восточной окраине Руси шло движение, похожее на то, какое мы заметили на окраине юго-западной. Общий факт тот, что с половины XII столетия начался или, точнее, усилился отлив населения из центральной днепровской Руси к двум противоположным окраинам Русской земли и этим отливом обозначалось начало нового, второго периода нашей истории, подобно тому, как предыдущий период начался приливом славян в Приднепровье с Карпатских склонов. Обозначив этот факт, изучим его последствия. Я ограничусь в этом изучении только северо-восточной струей русской колонизации. Она—источник всех основных явлений, обнаружившихся в жизни верхне-волжской Руси с половины XII в.; из последствий этой колонизации сложился весь политический и общественный быт этой Руси. Последствия эти были чрезвычайно разнообразны. Я отмечу лишь два их ряда: 1) последствия этнографические и 2) политические.

Разрыв народности

Но я теперь же укажу общее значение этого северо-восточного направления колонизации. Все ее следствия, которые я изложу, сводятся к одному скрытому коренному факту изучаемого периода: этот факт состоит в том, что русская народность, завязавшаяся в первый период, в продолжение второго разорвалась надвое. Главная масса русского народа, отступив перед непосильными внешними опасностями с днепровского юго-запада к Оке и верхней Волге, там собрала свои разбитые силы, окрепла в лесах центральной России, спасла свою народность и, вооружив ее силой сплоченного государства, опять пришла на днепровский юго-запад, чтобы спасти оставшуюся там слабейшую часть русского народа от чужеземного ига и влияния.

Лекция XVII.

Этнографические следствия русской колонизации верхнего Поволжья.—Вопрос о происхождении великорусского племени.—Исчезнувшие инородцы окско-волжского междуречья и их следы.—Отношение русских поселенцев к финским туземцам.—Следы финского влияния на антропологический тип великоросса, на образование говоров великорусского наречия, на народные поверья Великороссии и на состав великорусского общества.—Влияние природы верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса.

Образование великорусского племени.

Нам предстоит изучить этнографические следствия русской колонизации верхнего Поволжья, Ростовско-Суздальского края. Эти следствия сводятся к одному важному факту в нашей истории, к образованию другой ветви в составе русской народности, *великорусского племени.* Чтобы оценить важность этого разветвления в нашей истории, достаточно припомнить численное соотношение трех основных ветвей русского народа: великороссов приблизительно втрое больше чем малороссов (в пределах России), а малороссов почти втрое больше чем белоруссов. Значит, великорусское племя составляет $^{9}/_{13}$ или несколько более $^{2}/_{3}$ в общей сумме русского населения России.

Обращаясь к изучению происхождения великорусского племени, необходимо наперед отчетливо уяснить себе сущность вопроса, к решению которого приступаем. Без со-

мнения, и до XIII в. существовали некоторые местные бытовые особенности, сложившиеся под влиянием областного деления Русской земли и даже, может быть, унаследованные от более древнего племенного быта полян, древлян и пр. Но они стерлись от времени и переселений или залегли в складе народного быта на такой глубине, до которой трудно проникнуть историческому наблюдению. Я разумею не эти древние племенные или областные особенности, а распадение народности на две новые ветви, начавшееся приблизительно с XIII в., когда население центральной среднеднепровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось в противоположные стороны, когда обе разошедшиеся ветви потеряли свой связующий и обобщающий центр, каким был Киев, стали под действие новых и различных условий и перестали жить общей жизнью. Великорусское племя вышло не из продолжавшегося развития этих старых областных особенностей, а было делом новых разнообразных влияний, начавших действовать после этого разрыва народности, притом в краю, который лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем. Условия, под действие которых колонизация ставила русских переселенцев в области средней Оки и верхней Волги, были двоякие: этнографические, вызванные к действию встречей русских переселенцев с инородцами в междуречьи Оки—Волги, и географические, в которых сказалось действие природы края, где произошла эта встреча. Так, в образовании великорусского племени совместно действовали два фактора: племенная смесь и природа страны.

Инородцы окско-волжского междуречья.

Инородцы, с которыми встретились в междуречьи русские переселенцы, были финские племена. Финны по нашей летописи являются соседями восточных славян с тех

самых пор, как последние начали расселяться по нашей равнине. Финские племена водворялись среди лесов и болот центральной и северной России еще в то время, когда здесь не заметно никаких следов присутствия славян. Уже Иорнанд в VI в. знал некоторые из этих племен: в его искаженных именах северных народов, входивших в IV в. в состав готского королевства Германариха, можно прочесть эстов, весь, мерю, мордву, может быть, черемис. В области Оки и верхней Волги в XI—XII вв. жили три финские племени: мурома, меря и весь. Начальная киевская летопись довольно точно обозначает места жительства этих племен: она знает мурому на нижней Оке, мерю по озерам Переяславскому и Ростовскому, весь в области Белоозера. Ныне в центральной Великороссии нет уже живых остатков этих племен; но они оставили по себе память в ее географической номенклатуре. На обширном пространстве от Оки до Белого моря мы встречаем тысячи нерусских названий городов, сел, рек и урочищ. Прислушиваясь к этим названиям, легко заметить, что они взяты из какого-то одного лексикона, что некогда на всем этом пространстве звучал один язык, которому принадлежали эти названия, и что он родня тем наречиям, на которых говорят туземное население нынешней Финляндии и финские инородцы среднего Поволжья, мордва, черемисы. Так и на этом пространстве, и в восточной полосе Европейской России встречаем множество рек, названия которых оканчиваются на *ва*: *Протва*, *Москва*, *Сылва*, *Коква* и т. д. У одной Камы можно насчитать до 20 притоков, названия которых имеют такое окончание. *Ua* по-фински значит *вода*. Название самой Оки финского происхождения: это—обрусевшая форма финского joki, что значит *река* вообще. Даже племенные названия мери и веси не исчезли бес-

следпо в центральной Великороссии: здесь встречается много сел и речек, которые носят их названия. Уездный город Тверской губернии Весьегонск получил свое название от обитавшей здесь *веси Егонской* (на р. Егоне). Определяя по этим следам в географической номенклатуре границы расселения мери и веси, найдем, что эти племена обитали некогда от слияния Сухоны и Юга, от Онежского озера и реки Ояти до средней Оки, захватывая северные части губерний Калужской, Тульской и Рязанской. Итак, русские переселенцы, направлявшиеся в Ростовский край, встречались с финскими туземцами в самом центре нынешней Великороссии.

Встреча руси и чуди. Как они встретились и как одна сторона подействовала на другую? Вообще говоря, встреча эта имела мирный характер. Ни в письменных памятниках, ни в народных преданиях великороссов не уцелело воспоминаний об упорной и повсеместной борьбе пришельцев с туземцами. Самый характер финнов содействовал такому мирному сближению обеих сторон. Финны при первом своем появлении в европейской историографии отмечены были одной характеристической чертой —миролюбием, даже робостью, забитостью. Тацит в своей *Германии* говорит о финнах, что это удивительно дикое и бедное племя, не знающее ни домов, ни оружия. Иорнанд называет финнов самым кротким племенем из всех обитателей европейского севера. То же впечатление мирного и уступчивого племени финны произвели и на русских. Древняя Русь все мелкие финские племена объединяла под одним общим названием *чуди*. Русские, встретившись с финскими обитателями нашей равнины, кажется, сразу почувствовали свое превосходство над ними. На это указывает ирония, которая звучит в русских словах, производных

от коренного *чудь*: *чудить*, *чудно*, *чудак* и т. п. Судьба финнов на европейской почве служит оправданием этого впечатления. Некогда финские племена были распространены далеко южнее линии рек Москвы и Оки,—там, где не находим их следов впоследствии. Но народные потоки, проносившиеся по южной Руси, отбрасывали это племя все далее к северу; оно все более отступало и, отступая, постепенно исчезало, сливаясь с более сильными соседями. Процесс этого исчезновения продолжается и до сих пор. И сами колонисты не вызывали туземцев на борьбу. Они принадлежали в большинстве к мирному сельскому населению, уходившему из юго-западной Руси от тамошних невзгод, и искавшему среди лесов севера не добычи, а безопасных мест для хлебопашества и промыслов. Происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев. Могли случаться соседские ссоры и драки; но памятники не помнят ни завоевательных нашествий, ни оборонительных восстаний. Указание на такой ход и характер русской колонизации можно видеть в одной особенности той же географической номенклатуры Великороссии. Финские и русские названия сел и рек идут не сплошными полосами, а вперемежку, чередуясь одни с другими. Значит, русские переселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а, как бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, какие оставались между разбросанными среди болот и лесов финскими поселками. Такой порядок размещения колонистов был бы невозможен при усиленной борьбе их с туземцами. Правда, в преданиях Великороссии уцелели некоторые смутные воспоминания о борьбе, завязывавшейся по местам; но эти воспоминания говорят о борьбе не двух племен, а двух религий. Столкновения

вызывались не самою встречею пришельцев с туземцами, а попытками распространить христианство среди последних. Следы этой религиозной борьбы встречаются в двух старинных житиях древних ростовских святых, подвизавшихся во второй половине XI в., епископа Леонтия и архимандрита Авраамия: по житию первого ростовцы упорно сопротивлялись христианству, прогнали двух первых епископов Феодора и Илариона и умертвили третьего, Леонтия; из жития Авраамия, подвизавшегося вскоре после Леонтия, видно, что в Ростове был один конец, называвшийся *Чудским*,—знак, что большинство населения этого города было русское. Этот Чудской конец и после Леонтия оставался в язычестве, поклонялся идолу славянского „скотья бога“ Вереса. Значит, еще до введение христианства местная меря начала уже перенимать языческие верования русских славян. По житию Леонтия, все ростовские язычники упорно боролись против христианских проповедников, т.-е. вместе с чудью принимала участие в этой борьбе и ростовская русь. Сохранилось даже предание, записанное в XVII в., что часть языческого; очевидно, мерянского населения Ростовской земли, убегая „от *русского* крещения“, выселилась в пределы Болгарского царства на Волгу к родственным мери черемисам. Значит, кой-где и кой-когда завязывалась борьба, но не племенная, а религиозная: боролись христиане с язычниками, а не пришельцы с туземцами, не русь с чудью.

Вопрос о взаимодействии руси и чуди, о том, как оба племени, встретившись, подействовали друг на друга, что одно племя заимствовало у другого и что передало другому, принадлежит к числу любопытных и трудных вопросов нашей истории. Но так как этот процесс окончился поглощением одного из встретившихся племен другим, именно поглощением чуди русью, то для нас важна лишь одна сто-

рона этого взаимодействия, т.-е. влияние финнов на пришлую русь. В этом влиянии этнографический узел вопроса о происхождении великорусского племени, образовавшегося из смеси элементов славянского и финского с преобладанием первого. Это влияние проникало в русскую среду двумя путями: 1) пришлая русь, селясь среди туземной чуди, неизбежно должна была путем общения, соседства кое-что заимствовать из ее быта; 2) чудь, постепенно русея, всею своею массою, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со своим обличьем, языком, обычаями и верованиями входила в состав русской народности. Тем и другим путем в русскую среду проникло немало физических и нравственных особенностей, унаследованных от растворившихся в ней финнов.

Тип.

I. Надобно допустить некоторое участие финского племени в образовании антропологического типа великоросса. Наша великорусская физиономия не совсем точно воспроизводит общеславянские черты. Другие славяне, признавая в ней эти черты, однако замечают и некоторую стороннюю примесь: именно скулистость великоросса, преобладание смуглого цвета лица и волос и особенно типический великорусский нос, покоящийся на широком основании, с большой вероятностью ставят на счет финского влияния.

Говор.

II. То же влияние, кажется, было небезучастно и в изменении древне-русского говора. В говоре древней киевской руси заметны три особенности: 1) она говорила на *о*, *окала*; 2) звуки *ц* и *ч* мешались, замещали друг друга; 3) в сочетании гласных и согласных соблюдалась известная фонетическая гармония: звуки согласные гортанные *г*, *к* и *х* сочетались с твердыми гласными *а*, *о*, *ы*, *у*, *э* и с полугласным *ъ*, а зубные или свистящие *з*, *с* и *ц* и небные или шипящие *ж*, *ч* и *ш* с мягкими глас-

ными *я*, *е*, *и*, *ю* и с полугласным *ъ*; сюда же можно отнести и мягкое окончание глаголов в 3-м лице обоих чисел (*пишеть, имуть*). Следы этих особенностей находим в остатках древней письменности XII и XIII вв. В иностранных словах при переходе их в русский язык неударяемые звуки *а* и *е* заменялись звуком *о*: Торвард—Труwор, Елена—Олена. Киевская Русь сочетала гортанное *к* с твердым *ы*, а зубное *ц* или небное *ч* с мягким *и* или *ь*: она говорила *Кыев*, а не Киев, как говорим мы вопреки правилам древней русской фонетики, требовавшей, чтобы *к* при встрече с *и* перезвуковывалось в *ц* или *ч*: отсюда форма в одной южно-русской рукописи XII в. «*Лучино* евангелие» (от Луки). Эта древняя фонетика сохранилась отчасти в наречии малороссов, которые говорят: на полянци, козаче. Мы, великороссы, напротив, не сочетаем *ц* и шипящих *ж* и *ш* с мягкими гласными, говорим: кольцо, *шыре*, *жызнь*, и не сумеем так тонко выговорить соединенных с этими согласными мягких гласных, как выговаривает малоросс: отьця, горобьця. Далее, в древнем южном говоре заметно смешение или взаимное заместительство звуков *ц* и *ч*: в Слове о полку Игореве веци, и вечи, галичкый. Те же особенности имел в XII в. и частию сохранил доселе говор новгородский: в поучении архиепископа Илии-Иоанна духовенству *гыблть* (гибнуть), *пр стьци* и *простьчи*, *лга* (льзя), или в договоре 1195 г. с немцами *немечьскый* и *немецкый*, *послухы* и *послуси*. Признаки той же фонетики замечаем и в говоре на верхнем Днепре: в смоленском договоре 1229 г. *немечкый*, *верещи* (церковно-слав. *врещи*—тащить), гочкого (готского). Значит, некогда по всему греко-варяжскому пути звучал один говор, некоторые особенности коего до сих пор уцелели в говоре

новгородском. Если вы теперь со средней Волги, например, от Самары, проведете по Великороссии несколько изогнутую диагональную черту на С.-З. так, чтобы Москва, Тверь, Вышний Волочек и Псков остались немного левее, а Корчева и Порхов правее, вы разделите всю Великороссию на две полосы, северо-восточную и юго-западную: в первой характерный звук говора есть *о*, во второй *а*, т.-е. звуки *о* и *е* без ударения переходят в *а* и *я* (*втарой*, *сямой*). Владимирцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, новгородцы *окают*, говорят из глубины гортани и при этом строят губы кувшином, по выражению русского диалектолога и лексикографа Даля. Рязанцы, калужане, смольняне, тамбовцы, орловцы, частию москвичи и тверичи *акают*, раскрывают рот настежь, за что владимирцы и ярославцы зовут их «полоротыми». Усиливаясь постепенно на запад от Москвы, акающий говор переходит в белорусское наречие, которое совсем не терпит *о*, заменяя его даже с ударением звуками *а* или *у*: стол—*стал* или *стул*. Первый говор в русской диалектологии называется *северным*, а второй *южным* великорусским поднаречием. Другие особенности обоих поднаречий: в южном *г* произносится как придыхательное лат. h, *в* близко к *у* и мягкое окончание 3-го лица глаголов (*ть*), как в нынешнем малорусском и в древнем русском (*векоу*—веков, в договоре 1229 г. *узяти у Ризе*—взять в Риге); в северном *г* выговаривается как лат. g, *в* в конце слов твердо, как *ф*, твердое окончание 3-го лица глаголов (*тъ*). Но и в северном поднаречии различают два оттенка, говоры западный новгородский и восточный владимирский. Первый ближе к древне-русскому, лучше сохранил его фонетику и даже лексикон; новгородцы говорят *кольце*, *хороше*, и употребляют много старинных русских слов, забытых и в других краях Руси: *граять*

(каркать), *доспеть* (достигнуть), *послух*. Владимирский говор более удалился от древнего, господствующий звук *о* произносит грубо протяжно, утратил древнее сочетание гласных с согласными, в род. един. местоимений и прилагательных *г* заменяет звуком *в* (хорош*ово*). Москва в диалектологическом отношении оказалась таким же связующим узлом, каким была она в отношении политическом и народно-хозяйственном. Она стала в пункте встречи различных говоров: на С.-З. от нее в Клину окают по-новгородски, на В. к Богородску по-владимирски, на Ю.-З. к Коломне акают по-рязански, на З. к Можайску по-смоленски. Она восприняла особенности соседних говоров и образовала свое особое наречие, в котором совместила господствующий звук южного говора с северным твердым окончанием 3-го л. глаголов и с твердым *г*, переходящим в конце слов в *к* (*сапок*), а в род. ед. местоимений и прилагательных в *в*. Зато московское наречие, усвоенное образованным русским обществом, как образцовое, некоторыми чертами еще далее отступило от говора древней Киевской Руси: *гаварить па масковски* значит едва ли еще не более нарушать правила древне-русской фонетики, чем нарушает их владимирец или ярославец. Московский говор—сравнительно позднейший, хотя его признаки появляются в памятниках довольно рано, в первой половине XIV в., в одно время с первыми политическими успехами Москвы. Кажется, в духовной Ивана Калиты 1328 г. мы застаем момент перехода от *о* к *а*, когда рядом с формами *отця*, *одиного*, *росгадает* читаем: *Андрей*, *аже* вместо древнего *оже*—если.

Таким образом говоры великорусского наречия сложились путем постепенной порчи первоначального русского говора. Образование говоров и наречий—это звуковая, вокальная летопись народных передвижений и местных

группировок населения. Древняя фонетика Киевской Руси особенно заметно изменялась в северо-восточном направлении, т.-е. в направлении русской колонизации, образовавшей великорусское племя слиянием русского населения с финским. Это наводит на предположение о связи обоих процессов. Даль допускал мысль, что акающие говоры Великоруссии, образовались при обрусении чудских племен. Восточные инородцы, русея, вообще переиначивали усвояемый язык, портили его фонетику, переполняя ее твердыми гласными и неблагозвучными сочетаниями гласных с согласными. Обруселая чудь не обогатила русского лексикона: академик Грот насчитал всего около 60 финских слов, вошедших большею частью в русский язык северных губерний; лишь немногие подслушаны в средней Великороссии, например, *пахтать, пурга, ряса, кулепня* (деревня). Но не пестря лексики, чудская примесь портила говор, внося в него чуждые звуки и звуковые сочётания. Древне-русский говор в наибольшей чистоте сохранился в наречии новгородском; в говоре владимирском мы видим первый момент порчи русского языка под финским влиянием, а говор московский представляет дальнейший момент этой порчи.

Поверья.

III. Несколько отчетливее выступает в памятниках и преданиях взаимное отношение обоих встретившихся племен в области поверий. Здесь замечаем следы живого обмена, особенно с финской стороны. Народные обычаи и поверья великороссов доселе хранят явственные признаки финского влияния. Финские племена, обитавшие и частию доселе обитающие в средней и северо-восточной полосе Европейской России, оставались, кажется, до времени встречи с Русью на первоначальной ступени религиозного развития. Их мифология до знакомства с христианством еще не дошла до антропоморфизма. Племена эти покло-

нялись силам и предметам внешней природы, не олицетво-
ряя их: мордвин или черемис боготворил непосредственно
землю, камни, деревья, не видя в них символов высших
существ; потому его культ является с характером грубого
фетишизма. Стихии были населены духами уже впослед-
ствии под влиянием христианства. У поволжских финнов осо-
бенно развит культ *воды* и *леса*. Мордвин, чуваш, нахо-
дясь в чаще леса или на берегу глухой лесной реки, чув-
ствует себя в родной религиозной сфере. Некоторые черты
этого культа целиком перешли и в мифологию великороссов. У
них, как и у финнов, видною фигурой на мифологическом
Олимпе является *леший* и является у тех и других с одина-
ковыми чертами: он стережет деревья, коренья и травы,
имеет дурную привычку хохотать и кричать по-детски и тем
пугать и обманывать путников. В эпосе западных при-
балтийских более развитых финнов (*Калевале*) встречаем
образ водяного царя. Это старик с травяной бородой, в
одежде из пены; он повелитель вод и ветров, живет в глу-
бине моря, любит подымать бури и топить корабли; он
большой охотник до музыки, и когда герой Калевалы, муд-
рец Вейнемейнен уронил в воду свою арфу (кантеле), во-
дяной бог подхватил ее, чтоб забавляться ею в своем под-
водном царстве. Эти черты живо напоминают образ водяника
или царя морского в известной новгородской былине о Садке
богатом госте-купце и гусляре, который со своими гуслями
попал в подводное царство водяника и там развеселил
его своею игрою до того, что водяник пустился плясать,
позабыв свое царское достоинство. Самая физиономия во-
дяника, как она описана в новгородской былине, весьма
похожа на облик водяного бога Калевалы. *Водяного* знают
и в других краях России; но приведенный миф о водя-
нике встречаем только в Новгородской области. Это дает

основание думать, что новгородцы заимствовали его у соседних балтийских финнов, а не наоборот. Наконец в преданиях, занесенных в древние жития великорусских святых, можно встретить и следы поклонения камням и деревьям, плохо прикрытые христианскими формами и незаметные в южной и западной России.

Два рассказа.

В Начальной летописи под 1071 г. читаем два рассказа, которые при сопоставлении с дальнейшими указаниями дают понять, как русь относилась к языческим поверьям соседней чуди и как чудь смотрела на христианство, которое видела у руси. Передам коротко эти рассказы. Случился голод в Ростовской земле, и вот два волхва из Ярославля пошли по Волге, разглашая: „мы знаем, кто обилье держит“ (урожай задерживает). Придут в погост, назовут лучших женщин и скажут: „та держит жито, та мед, а та рыбу“. И приводили к ним кто сестру, кто мать, кто жену свою. Волхвы делали у них прорез за плечами и вынимали жито, либо рыбу, самих женщин убивали, а имущество их забирали себе. Пришли они на Белоозеро. В это же время явился сюда для сбора налогов Ян, боярин великого князя Святослава. Услыхав, что волхвы избили уже много женщин по Шексне и Волге, Ян потребовал, чтобы белозерцы взяли и выдали ему волхвов: „а то не уйду от вас все лето“ (т.-е. буду кормиться на ваш счет), пригрозил боярин. Белозерцы испугались и привели к Яну волхвов. Тот спросил их: „зачем это вы погубили столько народа?“ Волхвы отвечали: „а они держат обилье; если истребим их, не будет голода; хочешь, при тебе вынем у них жито ли, рыбу или что иное“. Ян возразил: „все вы лжете; сотворил Бог человека из земли, состоит он из костей, жил и крови и ничего в нем нет другого, и никто кроме Бога не знает,

как создан человек".—А мы знаем как сотворен человек, сказали волхвы. „Как?" — Мылся Бог в бане, вытерся ветошкой и бросил ее на землю, и заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека, и сотворил дьявол тело человека, а Бог душу в него вложил; потому, когда человек умрет, тело его идет в землю, а душа к Богу.—Эти волхвы—финны из ростовской мери. Легенда о сотворении человека рассказанная ими Яну, доселе сохранилась среди нижегородской мордвы, только в более цельном и понятном составе, без пропусков, какие сделал киевский летописец, передавая ее со слов Яна, и с очевидными следами христианского влияния. Вот ее содержание. У мордвы два главных бога, добрый Чампас и злой Шайтан (сатана). Человека вздумал сотворить не Чампас, а Шайтан. Он набрал глины, песку и земли и стал лепить тело человека, но никак не мог привести его в благообразный вид: то слепок выйдет у него свиньей, то собакой, а Шайтану хотелось сотворить человека по образу и по подобию Божию. Бился он, бился, наконец позвал птичку-мышь—тогда еще мыши летали— и велел ей лететь на небо, свить гнездо в полотенце Чампаса и вывести детей. Птичка-мышь так и сделала: вывела мышат в одном конце полотенца, которым Чампас обтирался в бане, и полотенце от тяжести мышат упало на землю. Шайтан обтер им свой слепок, который и получил подобие Божие. Тогда Шайтан принялся вкладывать в человека живую душу, но никак не умел этого сделать и уж собирался разбить свой слепок. Тут Чампас подошел и сказал: „убирайся ты, проклятый Шайтан, в пропасть огненную; я и без тебя сотворю человека".—Нет, возразил Шайтан, дай, я тут постою, погляжу, как ты будешь класть живую душу в чело-

века; ведь я его работал, и на мою долю из него что-нибудь надо дать, а то, братец Чампас, мне будет обидно, а тебе нечестно". Спорили, спорили, наконец порешили разделить человека; Чампас взял себе душу, а Шайтану отдал тело. Шайтан уступил, потому—Чампас не в пример сильнее Шайтана. Оттого, когда человек умирает, душа с образом и подобием Божиим идет на небо к Чампасу, а тело, лишась души, теряет подобие Божие, гниет и идет в землю к Шайтану. А птичку-мышь Чампас наказал за дерзость, отнял у нее крылья и приставил ей голенький хвостик и такие же лапки, как у Шайтана. С той поры мыши летать перестали. На вопрос Яна, какому богу веруют волхвы, они отвечали: «антихристу».—А где он? спросил Ян.—«Сидит в бездне». отвечали те.—Какой это бог—сидит в бездне! это бес, а бог на небеси, седяй на престоле.—Вслед за историей с ярославскими волхвами летопись сообщает другой рассказ. Случилось одному новгородцу зайти в Чудь и пришел он к кудеснику, чтобы тот поворожил ему. Кудесник, по обычаю своему, стал вызывать бесов. Новгородец сидел на пороге, а кудесник лежал в исступлении, и ударил им бес. Кудесник встал и сказал новгородцу: «мои боги не смеют придти; на тебе есть что-то, чего они боятся». Тут новгородец вспомнил, что на нем крест, снял его и вынес из избы. Кудесник стал опять вызывать бесов, и те, потрепав его, поведали, о чем спрашивал новгородец. Последний начал потом расспрашивать кудесника: «отчего это твои боги креста боятся»?—А то есть знамение небесного Бога, которого наши боги боятся.—„А где живут ваши боги и какие они?—Они черные, с крыльями и хвостами, живут в безднах, летают и под небо подслушивать ваших богов: а ваши боги на небесах; если кто

из ваших людей помрет, его относят на небо, а кто помрет из наших, того уносят к нашим богам в бездну.— Так оно и есть, прибавляет от себя летописец: грешники в аду живут, ожидая вечных мук, а праведники в небесном жилище водворяются со ангелами.

Взаимодействие поверий.

Изложенные рассказы наглядно воспроизводят процесс взаимодействия русских пришельцев и финских туземцев в области религиозных поверий. Сближение обеих сторон и в этой области было столь же мирно, как и в общежитии: вражды, непримиримой противоположности своих верований не почувствовали встретившиеся стороны. Само собою разумеется, речь идет не о христианском вероучении, а о народных поверьях русских и финских. То и другое племя нашло в своем мифологическом созерцании подобающее место тем и другим верованиям, финским и славянским, языческим и христианским. Боги обоих племен поделились между собою полюбовно: финские боги сели пониже в бездне, русские повыше на небе, и так поделившись, они долго жили дружно между собою, не мешая одни другим, даже умея ценить друг друга. Финские боги бездны возведены были в христианское звание бесов и под кровом этого звания получили место в русско-христианском культе, обрусели, потеряли в глазах руси свой иноплеменный финский характер: с ними произошло то же самое, что с их первоначальными поклонниками финнами, охваченными русью. Вот почему русский летописец XI в., говоря о волхвах, о поверьях или обычаях очевидно финских, не делает и намека на то, что ведет речь о чужом племени, о чуди: язычество, поганство русское или финское для него совершенно одно и то же; его нисколько не занимает племенное происхождение или этнографическое различие языческих верований. По мере сбли-

жения обоих племен это различие, очевидно, все более сглаживалось и в сознании смешанного населения, образовавшегося вследствие этого сближения. Для пояснения этого племенного безразличия верований приведу сохранившийся в рукописи Соловецкого монастыря коротенький рассказ, единственный в своем роде по форме и содержанию. Здесь простодушно и в легендарном полусвете описано построение первой церкви в Белозерской стране на реке Шексне. Церковь оказалась на месте языческого мольбища, очевидно, финского. В Белозерском краю обитало финское племя весь; камень и береза—предметы финского культа; но в рассказе нет и намека на что-либо инородческое, чудское.

Рассказ о первой церкви на Шексне.

„А на Белеозере жили люди некрещеные, и как учали креститися и веру христианскую спознавати, и они поставили церковь, а не ведают, во имя которого святого. И на утро собрались да пошли церковь свящати и нарещи которого святого, и как пришли к церкви, оже в речке под церковию стоит челнок, в челноку стулец, а на стульце икона Василий Великий, а пред иконою просфира. И они икону взяли, а церковь нарекли во имя Великого Василия. И некто невежа взял просфиру ту да хотел укусить ее; ино его от просфиры той шибло, а просфира окаменела. И они церковь свящали да учали обедню пети, да как начали Евангелие чести, ино грянуло не по обычаю, как бы страшной, великой гром грянул и вси люди уполошилися (перепугались), чаяли, что церковь пала, и они скочили и учали смотрити: ино в прежние лета ту было молбище за олтарем, береза да камень, и ту березу вырвало и с корнем, да и камень взяло из земли да в Шексну и потопило. И на Белеозере то первая церковь Василий Великий от такова времени, как вера стала“.

Бытовая ассимиляция.

Но христианство, как его воспринимала от руси чудь, не вырывало с корнем чудских языческих поверий: народные христианские верования, не вытесняя языческих, строились над ними, образуя верхний слой религиозных представлений, ложившийся на языческую основу. Для мешавшегося русско-чудского населения христианство и язычество—не противоположные, одна другую отрицающие религии, а только восполняющие друг друга части одной и той же веры, относящиеся к различным порядкам жизни, к двум мирам, одна к миру горнему, небесному, другая к преисподней, к „бездне". По народным поверьям и религиозным обрядам, до недавнего времени сохранявшимся в мордовских и соседних с ними русских селениях приволжских губерний, можно видеть наглядно, как складывалось такое отношение: религиозный процесс, завязавшийся когда-то при первой встрече восточного славянства с чудью, без существенных изменений продолжается на протяжении веков, пока длится обрусение восточных финнов. Мордовские праздники, большие *моляны*, приурочивались к русским народным или церковным празднествам, Семику, Троицыну дню, Рождеству, Новому году. В молитвы, обращенные к мордовским богам, верховному творцу Чампасу, к матери богов Анге-Патяй и ее детям, по мере усвоения русского языка вставлялись русские слова: рядом с *вынимань монь* (помилуй нас) слышалось *давай нам добра здоровья.* Вслед за словами заимствовали и религиозные представления: Чампаса величали «верхним богом», Анге-Патяй «матушкой богородицей», ее сына Нишкипаса (*пас*—бог) Ильей Великим; в день Нового года, обращаясь к богу свиней, молились: *Таунсяй Вельки Васяй* (Василий Великий), *давай поросят черных и белых, каких сам любишь.* Языческая молитва, обращенная к сти-

хии, облекалась в русско-христианскую форму: *Вода матушка! подай всем хрещеным людям добрый здоровья.* Вместе с тем языческие символы заменялись христианскими: вместо березового венка, увешенного платками и полотенцами, ставили в переднем углу икону с зажженной перед ней восковой свечей и на коленях произносили молитвы своим Чампасам и Анге-Патяям по-русски, забыв старинные мордовские их тексты. Видя в мордовских публичных молянах столько своего, русского и христианского, русские соседи начинали при них присутствовать, а потом в них участвовать и даже повторять у себя отдельные их обряды и петь сопровождавшие их песни. Все это приводило к тому, что наконец ни та, ни другая сторона не могла отдать себе отчета, чьи обычаи и обряды она соблюдает, русские или мордовские. Когда ярославские волхвы на вопрос Яна Вышатича сказали, что они веруют антихристу, что в бездне сидит, Ян воскликнул: да какой же это бог! это бес, а чудский кудесник на вопрос новгородца описал наружность своих крылатых и хвостатых богов, снятую, очевидно, с русской иконы, на которой были изображены бесы. В 1636 году один черемис в Казани на вопрос Олеария, знает ли он, кто сотворил небо и землю, дал ответ, записанный Олеарием так: tzort sneit. Язычник смеялся над «русскими богами», а русского чорта боялся. Иезуит Авриль, едучи в 1680-х годах из Саратова, видел, как языческая мордва пьянствовала на Николин день, подражая русским.

Пестрота религиозного сознания.

Обоюдное признание чужих верований, конечно, способствовало бытовой ассимиляции и деловому сближению обеих сторон, даже пожалуй успехам христианства среди инородцев. При таком признании чудь незаметно переступала раздельную черту между христианством и языче-

ством, не изменяя своим старым родным богам, а русь, перенимая чудские поверья и обычаи, добросовестно продолжала считать себя христианами. Этим объясняются позднейшие явления, непонятные на первый взгляд: приволжский инородец, мордвин или черемисин XVI—XVII в., нося христианское имя, пишет вкладную грамоту ближнему монастырю с условием, буде он *крестится* и захочет постричься в том монастыре, то его принять и постричь за тот его вклад. Но такое переплетение несродных понятий вносило великую путаницу в религиозное сознание, проявлявшуюся многими нежелательными явлениями в нравственно-религиозной жизни народа. Принятие христианства становилось не выходом из мрака на свет, не переходом от лжи к истине, а как бы сказать, перечислением из-под власти низших богов в ведение высших, ибо и покидаемые боги не упразднялись, как вымысел суеверия, а продолжали считаться религиозной реальностью, только отрицательного порядка. Эту путаницу, происходившую от переработки языческой мифологии в христианскую демонологию, уже в XI в., когда она происходила внутри самой Руси, можно было, применяясь к меткому выражению преп. Феодосия Печерского о людях, хвалящих свою и чужую веру, назвать *двоеверием*; если бы он увидел, как потом к христианству прививалось вместе с язычеством русским еще чудское, он, может быть, назвал бы столь пестрое религиозное сознание троеверием.

Сельский характер колонизации

IV. Наконец, надобно признать значительное влияние финских туземцев на состав общества, какое создавала русская колонизация верхнего Поволжья. Туземное финское население наполняло преимущественно суздальские села. Из упомянутого жития преподобного Авраамия видно, что

в XI в. в городе Ростове только один конец был населен чудью, по крайней мере носил ее название. Русские имена большинства старинных городов Ростовской земли показывают, что они основаны были русскими или появляются не раньше руси и что русь образовала господствующий элемент в составе их населения. Притом мы не замечаем в туземном финском населении признаков значительного социального расчленения, признаков деления на высшие и низшие классы: все это население представляется сплошной, однообразной сельской массой. В этом смысле, вероятно, часть мери, бежавшая от русского крещения, в памятнике, сообщающем это известие, названа „ростовской чернью". Но мы видели, что и колонизация приносила в междуречье Оки и верхней Волги преимущественно сельские массы. Благодаря этому русское и обрусевшее население верхнего Поволжья должно было стать гораздо более сельским по своему составу, чем каким оно было в южной Руси.

Выводы.

Так мы ответили на вопрос, как встретились и подействовали друг на друга русские пришельцы и финские туземцы в области верхней Волги. Из этой встречи не вышло упорной борьбы ни племенной, ни социальной, ни даже религиозной: она не повела к развитию резкого антагонизма или контраста ни политического, ни этнографического, ни нравственно-религиозного, какой обыкновенно развивается из завоевания. Из этой встречи вышла тройная смесь: 1) религиозная, которая легла в основание мифологического миросозерцания великороссов, 2) племенная, из которой выработался антропологический тип великоросса, и 3) социальная, которая в составе верхне-волжского населения дала решительный перевес сельским классам.

Влияние природы.

Нам остается отметить действие природы Великороссии на смешанное население, здесь образовавшееся посредством

русской колонизации. Племенная смесь—первый фактор в образовании великорусского племени. Влияние природы Великороссии на смешанное население—другой фактор. Великорусское племя—не только известный этнографический состав, но и своеобразный экономический строй и даже особый национальный характер, и природа страны много поработала и над этим строем, и над этим характером.

Верхнее Поволжье, составляющее центральную область Великороссии, и до сих пор отличается заметными физическими особенностями от Руси днепровской; 6—7 вв. назад оно отличалось еще более. Главные особенности этого края: обилие лесов и болот, преобладание суглинка в составе почвы и паутинная сеть рек и речек, бегущих в разных направлениях. Эти особенности и положили глубокий отпечаток как на хозяйственный быт Великороссии, так и на племенной характер великоросса.

Хозяйственный быт великоросса.

В старой Киевской Руси главная пружина народного хозяйства, внешняя торговля, создала многочисленные города, служившие крупными или мелкими центрами торговли. В верхне-волжской Руси, слишком удаленной от приморских рынков, внешняя торговля не могла стать главной движущей силой народного хозяйства. Вот почему здесь видим в XV—XVI вв. сравнительно незначительное количество городов, да и в тех значительная часть населения занималась хлебопашеством. Сельские поселения получили здесь решительный перевес над городами. Притом и эти поселения резко отличались своим характером от сел южной Руси. В последней постоянные внешние опасности и недостаток воды в открытой степи заставляли население размещаться крупными массами, скучиваться в огромные, тысячные села, которые до сих пор составляют отличительную черту южной Руси. Напротив, на севере поселе-

нец посреди лесов и болот с трудом отыскивал сухое место, на котором можно было бы с некоторою безопасностью и удобством поставить ногу, выстроить избу. Такие сухие места, открытые пригорки, являлись редкими островками среди моря лесов и болот. На таком островку можно было поставить один, два, много три крестьянских двора. Вот почему деревня в один или два крестьянских двора является господствующей формой расселения в северной России чуть не до конца XVII в. Вокруг таких мелких разбросанных деревень трудно было отыскать значительное сплошное пространство, которое удобно можно было бы распахать. Такие удобные места вокруг деревень попадались незначительными участками. Эти участки и расчищались обитателями маленькой деревни. То была необычайно трудная работа: надобно было, выбрав удобное сухое место для пашни, выжечь покрывавший его лес, выкорчить пни поднять целину. Удаление от крупных иноземных рынков, недостаток вывоза не давали хлебопашцам побуждения расширять столь трудно обходившуюся им пахоту. Хлебопашество на верхне-волжском суглинке должно было удовлетворять лишь насущной потребности самих хлебопашцев. Мы ошиблись бы, подумав, что при скудости населения, при обилии никем не занятой земли крестьянин в древней Великороссии пахал много, больше, чем в прошлом или нынешнем столетии. Подворные пахотные участки в Великороссии XVI—XVII в. вообще не больше наделов по Положению 19-го февраля. Притом тогдашние приемы обработки земли сообщали подвижной, неусидчивый, кочевой характер этому хлебопашеству. Выжигая лес на нови, крестьянин сообщал суглинку усиленное плодородие и несколько лет кряду снимал с него превосходный урожай, потому что зола служит очень сильным удобрением. Но то

было насильственное и скоропреходящее плодородие: через 6—7 лет почва совершенно истощалась, и крестьянин должен был покидать ее на продолжительный отдых, запускать в *перелог*. Тогда он переносил свой двор на другое, часто отдаленное место, поднимал другую новь, ставил новый «починок на лесе». Так эксплуатируя землю, великорусский крестьянин передвигался с места на место и все в одну сторону, по направлению на С.-В., пока не дошел до естественных границ русской равнины, до Урала и Белого моря. В восполнение скудного заработка от хлебопашества на верхне-волжском суглинке крестьянин должен был обращаться к промыслам. Леса, реки, озера, болота предоставляли ему множество угодий, разработка которых могла служить подспорьем к скудному земледельческому заработку. Вот источник той особенности, которою с незапамятных времен отличается хозяйственный быт великорусского крестьянина: здесь причина развития местных сельских промыслов, называемых *кустарными*. Лыкодерство, мочальный промысел, звероловство, бортничество (лесное пчеловодство в дуплах деревьев), рыболовство, солеварение, смолокурение, железное дело— каждое из этих занятий издавна служило основанием, питомником хозяйственного быта для целых округов.

Таковы особенности великорусского хозяйства, создавшиеся под влиянием природы страны. Это 1) разбросанность населения, господство мелких поселков, деревень, 2) незначительность крестьянской запашки, мелкость подворных пахотных участков, 3) подвижной характер хлебопашества, господство переносного или переложного земледелия и 4) наконец развитие мелких сельских промыслов, усиленная разработка лесных, речных и других угодий.

Его племенной характер.

Рядом с влиянием природы страны на народное хозяйство Великороссии замечаем следы ее могущественного действия на племенной характер великоросса. Великороссия XIII—XV вв. со своими лесами, топями и болотами на каждом шагу представляла поселенцу тысячи мелких опасностей, непредвидимых затруднений и неприятностей, среди которых надобно было найтись, с которыми приходилось поминутно бороться. Это приучало великоросса зорко следить за природой, *смотреть в оба*, по его выражению, ходить, оглядываясь и ощупывая почву, не соваться в воду, не поискав броду, развивало в нем изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями. В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого. Притом по самому свойству края каждый угол его, каждая местность задавала поселенцу трудную хозяйственную загадку: где бы здесь ни основался поселенец, ему прежде всего нужно было изучить свое место, все его условия, чтобы высмотреть угодье, разработка которого могла бы быть наиболее прибыльна. Отсюда эта удивительная наблюдательность, какая открывается в народных великорусских приметах. Здесь схвачены все характерные, часто трудно уловимые явления годового оборота великорусской природы, отмечены ее разнообразные случайности, климатические и хозяйственные, очерчен весь годовой обиход крестьянского хозяйства. Все времена года, каждый месяц, чуть не каждое число месяца выступают здесь с особыми метко очерченными климатическими и хозяйственными физиономиями, и в этих наблюдениях, часто достававшихся ценой горького опыта, ярко отразились как наблюдаемая природа, так и сам наблюдатель. Здесь он и наблюдает окружаю-

Приметы.

щее, и размышляет о себе, и все свои наблюдения старается привязать к святцам, к именам святых и к праздникам. Церковный календарь—это памятная книжка его наблюдений над природой и вместе дневник его дум над своим хозяйственным житьем-бытьем. Январь—году начало, зиме середка. Вот с января уже великоросс, натерпевшись зимней стужи, начинает подшучивать над нею. Крещенские морозы — он говорит им: трещи, трещи — минули водокрещи; дуй не дуй—не к Рождеству пошло, а к Великодню (Пасхе). Однако 18 января еще день Афанасия и Кирилла; афанасьевские морозы дают себя знать, и великоросс уныло сознается в преждевременной радости: Афанасий да Кирилло забирают за рыло. 24 января память преп. Ксении: Аксиньи—полухлебницы-полузимницы: ползимы прошло, половины старого хлеба съедено. Примета: какова Аксинья, такова и весна. Февраль—бокогрей, с боку солнце припекает; 2 февраля, Сретение, сретенские оттепели: зима с летом встретились. Примета: на Сретенье снежок — весной дождек. Март теплый, да не всегда: и март на нос садится. 25 марта Благовещенье. В этот день весна зиму поборола. На Благовещенье медведь встает. Примета: каково Благовещенье, такова и Святая. Апрель — в апреле земля преет, ветрено и теплом веет. Крестьянин настораживает внимание: близится страдная пора хлебопашца. Поговорка: апрель синит да дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит, что-то будет. А зимние запасы капусты на исходе. 1 апреля Марии Египетской. Прозвище ее: Марья—пустые щи. Захотелось в апреле кислых щей! 5 апреля мученика Феодула. Феодул—ветренник. Пришел Федул, теплый ветер подул. Федул губы надул (непастье). 15 апреля апостола Пуда. Правило: выставлять пчел из зимнего

омшаника на пчельник—цветы появились. На св. Пуда доставай пчел из под спуда. 23 апреля св. Георгия Победоносца. Замечено хозяйственно-климатическое соотношение этого дня с 9 мая: Егорий с росой, Никола с травой; Егорий с теплом, Никола с кормом. Вот и май. Зимние запасы приедены. Ай май, месяц май, не холоден да голоден. А холодки навертываются, да и настоящего дела еще нет в поле. Поговорка: май—коню сена дай, а сам на печь полезай. Примета: коли в мае дож—будет и рожь, май холодный—год хлебородный. 5 мая великомученицы Ирины. Ирина—рассадница: рассаду (капусту) сажают и выжигают прошлогоднюю траву, чтобы новой не мешала. Поговорка: на Ирину худая трава из поля вон. 21 мая св. царя Константина и матери его Елены. С Аленой по созвучию связался лен: на Алену сей лен и сажай огурцы, Алене льны, Константину огурцы.

Точно также среди поговорок, прибауток, хозяйственных примет, а порой и „сердца горестных замет", бегут у великоросса и остальные месяцы: июнь, когда закрома пусты в ожидании новой жатвы и который потому зовется *июнь—ау*! потом июль—страдник, работник; август, когда серпы греют на горячей работе, а вода уже холодит, когда на Преображенье—второй Спас бери рукавицы про запас; за ним сентябрь—холоден сентябрь, да сыт—после уборки урожая; далее октябрь—грязник, ни колеса, ни полоза не любит, ни на санях, ни на телеге не проедешь, ноябрь—курятник, потому что 1 числа, в день Козьмы и Дамиана, бабы кур режут, оттого и зовется этот день—курячьи именины, куриная смерть. Наконец, вот и декабрь-студень, развал зимы: год кончается—зима начинается. На дворе холодно: время в избе сидеть да учиться. 1 декабря пророка Наума грамотника: начинают ребят

грамоте учить. Поговорка: „батюшка Наум, наведи на ум". А стужа крепнет, наступают трескучие морозы, 4 декабря св. великомученицы Варвары. Поговорка: „трещит Варюха— береги нос да ухо".

Так со святцами в руках или, точнее, в цепкой памяти великоросс прошел, наблюдая и изучая, весь годовой круговорот своей жизни. Церковь научила великоросса наблюдать и считать время. Святые и праздники были его путеводителями в этом наблюдении и изучении. Он вспоминал их не в церкви только: он уносил их из храма с собой в свою избу, в поле и лес, навешивая на имена их свои приметы в виде бесцеремонных прозвищ, какие дают закадычным друзьям: Афанасий *ломонос*, Самсон, *сеногной*, что в июле дождем сено гноит, Федул-*ветреник*, Акулины-гречишницы, мартовская Авдотья *подмочи порог*, апрельская Марья *зажги снега, заиграй овражки*, и т. д. без конца. В приметах великоросса и его метеорология, и его хозяйственный учебник, и его бытовая автобиография; в них отлился весь он со своим бытом и кругозором, со своим умом и сердцем; в них он и размышляет, и наблюдает, и радуется, и горюет, и сам же подсмеивается и над своими горями, и над своими радостями.

Психология великоросса

Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса: своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский *авось*.

В одном уверен великоросс—что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным нежданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии.

С другой стороны, свойствами края определился порядок расселения великороссов. Жизнь удаленными друг от друга, уединенными деревнями при недостатке общения естественно не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Потому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях,

лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе побуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии. Он принадлежит к тому типу умных людей, которые глупеют от признания своего ума. Словом, великорусс лучше великорусского общества.

Должно быть, каждому народу от природы положено воспринимать из окружающего мира, как и из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только известные впечатления, и отсюда происходит разнообразие национальных складов или типов, подобно тому, как не одинаковая световая восприимчивость производит разнообразие цветов. Сообразно с этим и народ смотрит на окружающее и переживаемое под известным углом, отражает то и другое в своем сознании с известным преломлением. Природа страны, наверное, не без участия в степени и направлении этого преломления. Невозможность рассчитать наперед, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. В борьбе с нежданными метелями и оттепелями, с непредвидимыми августовскими морозами и январской слякотью он стал больше осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели, воспитал в себе уменье подводить итоги насчет искусства составлять сметы. Это уменье и есть то, что мы называем *задним умом*. Пого-

ворка: *русский человек задним умом крепок* вполне принадлежит великороссу. Но задний ум не то же, что *задняя мысль.* Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великоросс часто производит впечатление непрямоты, неискренности. Великоросс часто думает надвое, и это кажется двоедушием. Он всегда идет к прямой цели, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идет, оглядываясь по сторонам, и потому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Ведь лбом стены не прошибешь, и только вороны прямо летают, говорят великорусские пословицы. Природа и судьба вели великоросса так, что приучали его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу.

Так сказалось действие природы Великороссии на хозяйственном быте и племенном характере великоросса.

Лекция XVIII.

Политические следствия русской колонизации верхнего Поволжья. — Князь Андрей Боголюбский и его отношения к Киевской Руси: попытка превратить патриархальную власть великого князя в государственную. — Образ действий Андрея в Ростовской земле; его отношения к ближайшим родичам, к старшим городам и старшей дружине. - Княжеская и социальная усобица в Ростовской земле по смерти кн. Андрея. — Суждение владимирского летописца об этой усобице. — Преобладание верхне-волжской Руси над днепровской при Всеволоде III. — Действие политических успехов князей Андрея и Всеволода на настроение суздальского общества. — Перечень изученных фактов.

Обращаясь к изучению политических следствий русской колонизации верхнего Поволжья, будем постоянно помнить, что мы изучаем самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет пред вами в следующем периоде. Я теперь же укажу эти основы, чтобы вам удобнее было следить за тем, как они вырабатывались и закладывались в подготовлявшийся новый порядок. Во-первых государственный центр верхнего Поволжья, долго блуждавший между Ростовом, Суздалем, Владимиром и Тверью, наконец утверждается на р. Москве. Потом в лице московского князя получает полное выражение новый владетельный тип, созданный усилиями многочисленных удельных князей северной Руси: это князь-вот-

чинник, наследственный оседлый землевладелец, сменивший своего южного предка, князя-родича, подвижного очередного соправителя Русской земли. Этот новый владетельный тип и стал коренным и самым деятельным элементом в составе власти московского государя. Переходим к обзору фактов, в которых медленно и постепенно проявлялись обе основы, и новый политический тип, а потом и новый государственный центр.

Политические слествия русской колонизации верхнего Поволжья начали обнаруживаться уже при сыне того суздальского князя, в княжение которого шел усиленный ее прилив, при Андрее Боголюбском. Сам этот князь Андрей является крупною фигурой, на которой наглядно отразилось действие колонизации. Отец его Юрий Долгорукий, один из младших сыновей Мономаха, был первый в непрерывном ряду князей Ростовской области, которая при нем и обособилась в отдельное княжество: до того времени это чудское захолустье служило прибавкой к южному княжеству Переяславскому. Здесь на севере, кажется, и родился князь Андрей в 1111 году. Это был настоящий северный князь, истый суздалец-залешанин по своим привычкам и понятиям, по своему политическому воспитанию. На севере прожил он большую половину своей жизни, совсем не видавши юга. Отец дал ему в управление Владимир на Клязьме, маленький, недавно возникший суздальский пригород, и там Андрей прокняжил далеко за тридцать лет своей жизни, не побывав в Киеве. Южная, как и северная, летопись молчит о нем до начала шумной борьбы, которая и завязалась между его отцом и двоюродным братом Изяславом волынским с 1146 г. Андрей появляется на юге впервые не раньше 1149 г., когда Юрий, восторжествовав над племянником, уселся на киев-

ском столе. С тех пор и заговорила об Андрее южная Русь, и южно-русская летопись сообщает несколько рассказов, живо рисующих его физиономию. Андрей скоро выделился из толпы тогдашних южных князей особенностями своего личного характера и своих политических отношений. Он в боевой удали не уступал своему удалому сопернику Изяславу, любил забываться в разгаре сечи, заноситься в самую опасную свалку, не замечал, как с него сбивали шлем. Все это было очень обычно на юге, где постоянные внешние опасности и усобицы развивали удальство в князьях; но совсем не было обычно уменье Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после горячего боя он становился осторожным, благоразумным политиком, осмотрительным распорядителем. У Андрея всегда все было в порядке и наготове; его нельзя было захватить врасплох; он умел не терять головы среди общего переполоха. Привычкой ежеминутно быть на стороже и всюду вносить порядок он напоминал своего деда Владимира Мономаха. Несмотря на свою боевую удаль, Андрей не любил войны и после удачного боя первый подступал к отцу с просьбой мириться с побитым врагом. Южно-русский летописец с удивлением отмечает в нем эту черту характера, говоря: «не величав был Андрей на ратный чин, т.-е. не любил величаться боевой доблестью, но ждал похвалы лишь от Бога». Точно так же Андрей совсем не разделял страсти своего отца к Киеву, был вполне равнодушен к матери городов русских и ко всей южной Руси. Когда в 1151 году Юрий был побежден Изяславом, он плакал горькими слезами, жалея, что ему приходится расстаться с Киевом. Дело было к осени. Андрей сказал отцу: «нам теперь, батюшка, здесь делать больше нечего, уйдем-ка отсюда затепло

(пока тепло)". По смерти Изяслава в 1154 году Юрий прочно уселся на киевском столе и просидел до самой смерти в 1157 году. Самого надежного из своих сыновей Андрея он посадил у себя под рукою в Вышгороде близ Киева; но Андрею не жилось на юге. Не спросившись у отца, он тихонько ушел на свой родной суздальский север, захватив с собой из Вышгорода принесенную из Греции чудотворную икону Божией Матери, которая стала потом главной святыней Суздальской земли под именем Владимирской. Один позднейший летописный свод так объясняет этот поступок Андрея: «смущался князь Андрей, видя нестроение своей братии, племянников и всех сродников своих: вечно они в мятеже и волнении, все добиваясь великого княжения киевского, ни у кого из них ни с кем мира нет, и оттого все княжения запустели, а со стороны степи все половцы выпленили; скорбел об этом много кн. Андрей в тайне своего сердца и, не сказавшись отцу, решился уйти к себе в Ростов и Суздаль—там де поспокойнее». По смерти Юрия на киевском столе сменилось несколько князей и наконец уселся сын Юрьева соперника, Андреев двоюродный племянник Мстислав Изяславич волынский. Андрей, считая себя старшим, выждал удобную минуту и послал на юг с сыном суздальское ополчение, к которому там присоединились полки многих других князей, недовольных Мстиславом. Союзники взяли Киев «копьем» и «на щит», приступом, и разграбили его (в 1169 г.). Победители, по рассказу летописца, не щадили ничего в Киеве, ни храмов, ни жен, ни детей: «были тогда в Киеве на всех людях стон и туга, скорбь неутешная и слезы непрестанные». Но Андрей, взяв Киев своими полками, не поехал туда сесть на стол отца и деда:

Киев был отдан младшему Андрееву брату Глебу. Андреевич, посадивши дядю в Киеве, с полками своими ушел домой к отцу на север с честию и славою великою, замечает северный летописец, и с проклятием, добавляет летописец южный.

Новые черты междукняжеских отношений.

Никогда еще не бывало такой беды с матерью городов русских. Разграбление Киева *своими* было резким проявлением его упадка, как земского и культурного средоточия. Видно было, что политическая жизнь текла параллельно с народной и даже вслед за нею, по ее руслу. Северный князь только что начинал ломать южные княжеские понятия и отношения, унаследованные от отцов и дедов, а глубокий перелом в жизни самой земли уже чувствовался больно, разрыв народности обозначился кровавой полосой, отчуждение между северными переселенцами и покинутой ими южной родиной было уже готовым фактом: за 12 лет до киевского погрома 1169 г., тотчас по смерти Юрия Долгорукого, в Киевской земле избивали приведенных им туда суздальцев по городам и по селам. По смерти брата Глеба Андрей отдал Киевскую землю своим смоленским племянникам Ростиславичам. Старший из них Роман сел в Киеве, младшие его братья Давид и Мстислав поместились в ближайших городах. Сам Андрей носил звание великого князя, живя на своем суздальском севере. Но Ростиславичи раз показали неповиновение Андрею, и тот послал к ним посла с грозным приказанием: «не ходишь ты, Роман, в моей воле со своей братией, так пошел вон из Киева, ты, Мстислав, вон из Белгорода, а ты, Давид, из Вышгорода: ступайте все в Смоленск и делитесь там, как знаете». В первый раз великий князь, названный отец для младшей братии, обращался так не по-отечески и не по-братски со своими

родичами. Эту перемену в обращении с особенной горечью почувствовал младший и лучший из Ростиславичей Мстислав Храбрый: он в ответ на повторенное требование Андрея остриг бороду и голову Андрееву послу и отпустил его назад, велев сказать Андрею: „мы до сих пор признавали тебя отцом своим по любви; но если ты посылаешь к нам с такими речами, не как к князьям, а как к подручникам и простым людям, то делай, что задумал, а нас Бог рассудит". Так в первый раз произнесено было в княжеской среде новое политическое слово *подручник*, т.-е. впервые сделана была попытка заменить неопределенные, полюбовные родственные отношения князей по старшинству обязательным подчинением младших старшему, политическим их подданством на ряду с простыми людьми.

Обособление Суздальского великокняжения.

Таков ряд необычных явлений, обнаружившихся в отношениях Андрея Боголюбского к южной Руси и другим князьям. До сих пор звание старшего великого князя нераздельно было с обладанием старшим киевским столом. Князь, признанный старшим среди родичей, обыкновенно садился в Киеве; князь сидевший в Киеве, обыкновенно признавался старшим среди родичей: таков был порядок, считавшийся правильным. Андрей впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей Суздальской волости и не поехал в Киев сесть на стол отца и деда. Известное словцо Изяслава о голове, идущей к месту, получило неожиданное применение: наперекор обычному стремлению младших голов к старшим местам теперь старшая голова добровольно остается на младшем месте. Таким образом княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение, и как будто мелькнула мысль придать ему авторитет верховной власти. Вместе

с этим изменилось и положение Суздальской области среди других областей Русской земли, и ее князь стал в небывалое к ней отношение. До сих пор князь, который достигал старшинства и садился на киевском столе, обыкновенно покидал свою прежнюю волость, передавая ее по очереди другому владельцу. Каждая княжеская волость была временным, очередным владением известного князя, оставаясь родовым, не личным достоянием. Андрей, став великим князем, не покинул своей Суздальской области, которая вследствие того утратила родовое значение, получив характер личного неотъемлемого достояния одного князя, и таким образом вышла из круга русских областей, владеемых по очереди старшинства. Таков ряд новых явлений, обнаружившихся в деятельности Андрея по отношению к южной Руси и к другим князьям: эта деятельность была попыткой произвести переворот в политическом строе Русской земли. Так взглянули на ход дел и древние летописцы, отражая в своем взгляде впечатление современников Андрея Боголюбского: по их взгляду, со времени этого князя великое княжение, дотоле единое киевское, разделилось на две части: князь Андрей со своей северной Русью отделился от Руси южной, образовал другое великое княжение, Суздальское, и сделал город Владимир великокняжеским столом для всех князей.

Отношения Андрея к родичам, городам и дружине.

Рассматривая события, происшедшие в Суздальской земле при Андрее и следовавшие за его смертию, мы встречаем признаки другого переворота, совершавшегося во внутреннем строе самой Суздальской земли. Князь Андрей и дома, в управлении своей собственной волостью, действовал не по-старому. По обычаю, заводившемуся с распадением княжеского рода на линии и с прекращением общей очереди владения, старший князь известной линии делил управление

принадлежавшею этой линии областью с ближайшими младшими родичами, которых сажал вокруг себя по младшим городам этой области. Но в Ростовской земле среди переселенческого брожения все обычаи и отношения колебались и путались. Юрий Долгорукий предназначал Ростовскую землю младшим своим сыновьям, и старшие города Ростов с Суздалем заранее, не по обычаю, на том ему крест целовали, что примут к себе меньших его сыновей, но по смерти Юрия позвали к себе старшего сына Андрея. Тот с своей стороны благоговейно чтил память своего отца и однако вопреки его воле пошел на зов нарушителей крестного целования. Но он не хотел делиться доставшейся ему областью с ближайшими родичами и погнал из Ростовской земли своих младших братьев, как соперников, у которых перехватил наследство, а вместе с ними кстати прогнал и своих племянников. Коренные области старших городов в Русской земле управлялись, как мы знаем, двумя аристократиями, служилой и промышленной, которые имели значение правительственных орудий или советников, сотрудников князя. Служилая аристократия состояла из княжеских дружинников, бояр, промышленная — из верхнего слоя неслужилого населения старших городов, который носил название *лучших* или *лепших мужей* и руководил областными обществами посредством демократически-составленного городского веча. Вторая аристократия, впрочем, выступает в XII в. больше оппозиционной соперницей, чем сотрудницей князя. Обе эти аристократии встречаем и в Ростовской земле уже при Андреевом отце Юрии; но Андрей не поладил с обоими этими руководящими классами суздальского общества. По заведенному порядку он должен был сидеть и править в старшем городе своей волости при содействии

и по соглашении с его вечем. В Ростовской земле было два таких старших вечевых города, Ростов и Суздаль. Андрей не любил ни того, ни другого города и стал жить в знакомом ему смолоду маленьком пригороде Владимире на Клязьме, где не были в обычае вечевые сходки, сосредоточил на нем все свои заботы, укреплял и украшал, „сильно устроил“ его, по выражению летописи, выстроил в нем великолепный соборный храм Успения, „чудную Богородицу златоверхую“, в котором поставил привезенную им с юга чудотворную икону Божией Матери. Расширяя этот город, Андрей наполнил его, по замечанию одного летописного свода, купцами хитрыми, ремесленниками и рукодельниками всякими. Благодаря этому, пригород Владимир при Андрее превзошел богатством и населенностью старшие города своей области. Такое необычное перенесение княжеского стола из старших городов в пригород сердило ростовцев и суздальцев, которые роптали на Андрея, говоря: „здесь старшие города Ростов да Суздаль, а Владимир наш пригород“. Точно также не любил Андрей и старшей отцовой дружины. Он даже не делил с боярами своих развлечений, не брал их с собой на охоту, велел им, по выражению летописи, „особно утеху творити, где им годно“; а сам ездил на охоту лишь с немногими *отроками,* людьми младшей дружины. Наконец, желая властвовать без раздела, Андрей погнал из Ростовской земли вслед за своими братьями и племянниками и „передних мужей“ отца своего, т.-е. больших отцовых бояр. Так поступал Андрей, по замечанию летописца, желая быть „самовластцем“ всей Суздальской земли. За эти необычные политические стремления Андрей и заплатил жизнью. Он пал жертвой заговора, вызванного его строгостью. Андрей казнил брата своей первой жены, одного из знат-

ных слуг своего двора, Кучковича. Брат казненного с другими придворными составил заговор, от которого и погиб Андрей в 1174 году.

Личность кн. Андрея.

От всей фигуры Андрея веет чем-то новым; но едва ли эта новизна была добрая. Князь Андрей был суровый и своенравный хозяин, который во всем поступал по-своему, а не по старине и обычаю. Современники заметили в нем эту двойственность, смесь силы со слабостью, власти с капризом: «такой умник во всех делах, говорит о нем летописец, такой доблестный, кн. Андрей погубил свой смысл невоздержанием», т.-е. недостатком самообладания. Проявив в молодости на Юге столько боевой доблести и политической рассудительности, он потом, живя сиднем в своем Боголюбове, наделал немало дурных дел: собирал и посылал большие рати грабить то Киев, то Новгород, раскидывал паутину властолюбивых козней по всей Русской земле из своего темного угла на Клязьме. Повести дела так, чтобы 400 новгородцев на Белоозере обратили в бегство семитысячную суздальскую рать, потом организовать такой поход на Новгород, после которого новгородцы продавали пленных суздальцев втрое дешевле овец,—все это можно было сделать и без Андреева ума. Прогнав из Ростовской земли больших отцовых бояр, окружил себя такой дворней, которая в благодарность за его барские милости отвратительно его убила и разграбила его дворец. Он был очень набожен и нищелюбив, настроил много церквей в своей области, перед заутреней сам зажигал свечи в храме, как заботливый церковный староста, велел развозить по улицам пищу и питье для больных и нищих, отечески-нежно любил свой город Владимир, хотел сделать из него другой Киев, даже с особым, вторым русским митрополитом, построил в нем известные

Золотые Ворота и хотел неожиданно открыть их к городскому празднику Успения Божией Матери, сказав боярам: «вот сойдутся люди на праздник и увидят ворота». Но известка не успела высохнуть и укрепиться к празднику, и когда народ собрался на праздник, ворота упали и накрыли 12 зрителей. Взмолился князь Андрей к иконе Пресвятой Богородицы: «если Ты не спасешь этих людей, я, грешный, буду повинен в их смерти». Подняли ворота—и все придавленные ими люди оказались живы и здоровы. И город Владимир был благодарен своему попечителю: гроб убитого князя разрыдавшиеся владимирцы встретили причитанием, в котором слышится зародыш исторической песни о только что угасшем богатыре. Со времени своего побега из Вышгорода в 1155 году Андрей в продолжение почти 20-летнего безвыездного сиденья в своей волости устроил в ней такую администрацию, что тотчас по смерти его там наступила полная анархия: всюду происходили грабежи и убийства, избивали посадников, тиунов и других княжеских чиновников, и летописец с прискорбием упрекает убийц и грабителей, что они делали свои дела напрасно, потому что где закон, там и „обид“, несправедливостей много. Никогда еще на Руси ни одна княжеская смерть не сопровождалась такими постыдными явлениями. Их источника надобно искать в дурном окружении, какое создал себе князь Андрей своим произволом, неразборчивостью к людям, пренебрежением к обычаям и преданиям. В заговоре против него участвовала даже его вторая жена, родом из камской Болгарии, мстившая ему за зло, какое причинил Андрей ее родине. Летопись глухо намекает, как плохо слажено было общество, в котором вращался Андрей: «ненавидели кн. Андрея свои домашние, говорит она, и была

брань лютая в Ростовской и Суздальской земле". Современники готовы были видеть в Андрее проводника новых государственных стремлений. Но его образ действий возбуждает вопрос, руководился ли он достаточно обдуманными началами ответственного самодержавия, или только инстинктами самодурства. В лице князя Андрея великоросс впервые выступал на историческую сцену, и это выступление нельзя признать удачным. В трудные минуты этот князь способен был развить громадные силы и разменялся на пустяки и ошибки в спокойные, досужие годы. Не все в образе действий Андрея было случайным явлением, делом его личного характера, исключительного темперамента. Можно думать, что его политические понятия и правительственные привычки в значительной мере были воспитаны общественной средой, в которой он вырос и действовал. Этой средой был пригород Владимир, где Андрей провел большую половину своей жизни. Суздальские пригороды составляли тогда особый мир, созданный русской колонизацией, с отношениями и понятиями, каких не знали в старых областях Руси. События, следовавшие за смертью Андрея, ярко освещают этот мир.

Усобица после его смерти.

По смерти Андрея в Суздальской земле разыгралась усобица, по происхождению своему очень похожая на княжеские усобицы в старой Киевской Руси. Случилось то, что часто бывало там: младшие дяди заспорили со старшими племянниками. Младшие братья Андрея Михаил и Всеволод поссорились со своими племянниками, детьми их старшего брата, давно умершего, с Мстиславом и Ярополком Ростиславичами. Таким образом местному населению открылась возможность выбора между князьями. Старшие города Ростов и Суздаль с боярами Ростовской земли позвали Андреевых племянников; но город Владимир, не-

давно ставший великокняжеским стольным городом, позвал к себе братьев Андрея, Михаила и Всеволода: из этого и вышла усобица. В борьбе сначала одержали верх племянники и сели—старший в старшем городе области Ростове, младший во Владимире; но потом Владимир поднялся на племянников и на старшие города и опять призвал к себе дядей, которые на этот раз восторжествовали над соперниками и разделили между собой Суздальскую землю, бросив старшие города и рассевшись по младшим, во Владимире и Переяславле. По смерти старшего дяди Михаила усобица возобновилась между младшим Всеволодом, которому присягнули владимирцы и переяславцы, и старшим племянником Мстиславом, за которого опять стали ростовцы с боярами. Мстислав проиграл дело, разбитый в двух битвах, под Юрьевом и на реке Колокше. После того Всеволод остался один хозяином в Суздальской земле. Таков был ход суздальской усобицы, длившейся два года (1174—1176). Но по ходу своему эта северная усобица не во всем была похожа на южные: она осложнилась явлениями, каких не заметно в княжеских распрях на юге. В областях южной Руси местное неслужилое население обыкновенно довольно равнодушно относилось к княжеским распрям. Боролись собственно князья и их дружины, а не земли, не целые областные общества, боролись Мономаховичи с Ольговичами, а не Киевская или Волынская земля с Черниговской, хотя областные общества волей или неволей вовлекались в борьбу князей и дружин. Напротив, в Суздальской земле местное население приняло деятельное участие в ссоре своих князей. За дядей стоял прежний пригород Владимир, недавно ставший стольным городом великого князя. Племянников дружно поддерживали старшие города земли Ростов и Суз-

даль, которые действовали даже энергичнее самих князей, обнаруживали чрезвычайное ожесточение против Владимира. В других областях старшие города присвояли себе право выбирать на вече посадников для своих пригородов. Ростовцы во время усобицы также говорили про Владимир: «это наш пригород; сожжем его, либо пошлем туда своего посадника; там живут наши холопы каменщики». Ростовцы, очевидно, намекали на ремесленников, которыми Андрей населил Владимир. Но и этот пригород Владимир не действовал в борьбе одиноко: к нему примыкали другие пригороды Суздальской земли. «А с переяславцы, замечает летописец, имяхуть володимирцы едино сердце». И третий новый городок Москва тянул в ту же сторону и только из страха перед князьями-племянниками не решился принять открытое участие в борьбе. Земская вражда не ограничивалась даже старшими городами и пригородами: она шла глубже, захватывала все общество с верху до низу. На стороне племянников и старших городов стала и вся старшая дружина Суздальской земли; даже дружина города Владимира в числе 1500 человек по приказу ростовцев примкнула к старшим городам и действовала против князей, которых поддерживали горожане Владимира. Но если старшая дружина даже в пригородах стояла на стороне старших городов, то низшее население самих старших городов стало на стороне пригородов. Когда дяди в первый раз восторжествовали над племянниками, суздальцы явились к Михаилу и сказали: «мы, князь, не воевали против тебя с Мстиславом, а были с ним одни наши бояре; так ты не сердись на нас и ступай к нам». Это говорили, очевидно, депутаты от простонародья города Суздаля. Значит, все общество Суздальской земли разделилось в борьбе горизонтально, а не вертикально: на одной стороне стали

обе местные аристократии, старшая дружина и верхний слой неслужилого населения старших городов, на другой— их низшее население вместе с пригородами. На такое социальное разделение прямо указал один из участников борьбы дядя Всеволод. Накануне битвы под Юрьевом он хотел уладить дело без кровопролития и послал сказать племяннику Мстиславу: „если тебя, брат, привела старшая дружина, то ступай в Ростов, там мы и помиримся; тебя ростовцы привели и бояре, а меня с братом Бог привел да владимирцы с переяславцами".

Классовая вражда в ее основе.

Так в описанной усобице вскрылись различные элементы местного общества с их взаимными враждебными отношениями. Мы видим, что борются князья-дяди с князьями-племянниками, старшие вечевые города с пригородами, городами младшими, высшие классы местного общества, служилый и торговый, с низшим населением „холопей каменщиков", как зовут его ростовцы. Но в глубине этой тройной борьбы таилась одна земская вражда, вытекавшая из состава местного общества. Чтобы понять происхождение этой вражды, надобно припомнить, что городская знать Ростова и Суздаля принадлежала к старинному русскому населению края, которое принесено было сюда ранней струей колонизации, давно, еще до княжения Юрия, здесь уселось и привыкло руководить местным обществом. Вместе с Юрием Долгоруким, т.-е. в начале XII в., водворились в Суздальской земле и бояре, старшая дружина. Это был другой старый и руководящий класс местного общества; вместе с богатым купечеством Ростова и Суздаля он и вступил в борьбу с пригородами. Последние, напротив, населены были преимущественно недавними колонистами, которые приходили из южной Руси. Эти переселенцы выходили, большею частию, из низших классов

южно-русского населения, городского и сельского. Являясь в Суздальскую землю, пришельцы встретились здесь с туземным финским населением, которое также составляло низший класс местного общества. Таким образом колонизация давала решительный перевес низшим классам, городскому и сельскому простонародью, в составе суздальского общества: не даром в старинной богатырской былине, сохранившей отзвуки дружинных, аристократических понятий и отношений Киевской Руси, обыватели Ростовско-Залесской земли зовутся «мужиками-залешанами», а главным богатырем окско-волжской страны является Илья Муромец—«крестьянский сын». Этот перевес нарушил на верхневолжском севере то равновесие социальных стихий, на котором держался общественный порядок в старых областях южной Руси. Этот порядок, как мы знаем, носил аристократический отпечаток: высшие классы там политически преобладали и давили низшее население. Внешняя торговля поддерживала общественное значение торгово-промышленной знати; постоянная внешняя и внутренняя борьба укрепляла политическое положение знати военно-служилой, княжеской дружины. На севере иссякали источники, питавшие силу того и другого класса. Притом переселенческая передвижка разрывала предание, освобождала переселенцев от привычек и связей, сдерживавших общественные отношения на старых насиженных местах. Самая нелюбовь южан к северянам, так резко проявившаяся уже в XII в., первоначально имела, повидимому, не племенную или областную, а социальную основу: она развилась из досады южно-русских горожан и дружинников на смердов и холопов, вырывавшихся из рук и уходивших на север; те платили, разумеется, соответственными чувствами боярам и «лепшим» людям, как южным, так и своим залес

ским. Таким образом, политическое преобладание верхних классов в Ростовской земле теряло свои материальные и нравственные опоры и при усиленном притоке смердьей, мужицкой колонизации, изменившей прежние отношения и условия местной жизни, должно было вызвать антагонизм и столкновение между низом и верхом здешнего общества. Этот антагонизм и был скрытой пружиной описанной усобицы между братьями и племянниками Андрея. Низшие классы местного общества, только что начавшие складываться путем слияния русских колонистов с финскими туземцами, вызванные к действию княжеской распрей, восстали против высших, против давнишних и привычных руководителей этого общества, и доставили торжество над ними князьям, за которых стояли. Значит, это была не простая княжеская усобица, а социальная борьба. Таким образом, и этот внутренний переворот в Суздальской земле, уронивший обе местные аристократии, подобно перемене в ее внешнем положении, выделению из очередного порядка, тесно связан с той же колонизацией.

Летописец об усобице.

Как на борьбу разновременных слоев местного общества, смотрели на ход и значение описанных событий и современные наблюдатели, люди Суздальской земли. Описанная княжеская усобица рассказана современным летописцем, жителем города Владимира, следовательно сторонником дядей и пригородов. Он приписывает успех города Владимира в борьбе чудодейственной помощи Божией Матери, чудотворная икона которой стояла во владимирском соборе. Рассказав о первом торжестве дядей над племянниками и о возвращении Михаила во Владимир, этот летописец, превращаясь в публициста, сопровождает свой рассказ такими любопытными размышлениями: «И была радость большая в городе Владимире, когда он опять увидел у

себя великого князя всей Ростовской земли. Подивимся чуду новому, великому и преславному Божией Матери, как заступила Она Свой город от великих бед и как граждан своих укрепляет: не вложил им Бог страха, не побоялись они двоих князей с их боярами, не посмотрели на их угрозы, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду. Новгородцы, смоляне, киевляне, полочане и все власти (волостные и старшие города) на веча, как на думу, сходятся, и на чем старшие положат, на том и пригороды станут. А здесь старшие города Ростов и Суздаль и все бояре захотели свою правду поставить, а не хотели исполнить правды Божией, говорили: как нам любо, так и сделаем, Владимир наш пригород. Воспротивились они Богу и Св. Богородице и правде Божией, послушались злых людей смутьянов, не хотевших *нам* добра из зависти к *сему* городу и к живущим в нем. Не сумели ростовцы и суздальцы правды Божией исправить, думали, что если они старшие, так и могут делать все по-своему: но люди новые мизинные (маленькие или младшие) владимирские уразумели, где правда, стали за нее крепко держаться и сказали себе: либо Михалка князя себе добудем, либо головы свои положим за Св. Богородицу и за Михалка князя. И вот утешил их Бог и Св. Богородица: прославлены стали владимирцы по всей земле за их правду, Богови им помогающу». Значит, и современный наблюдатель видел в описанной усобице не столько княжескую распрю, сколько борьбу местных общественных элементов, восстание „новых маленьких людей“ на высшие классы, на старых привычных руководителей местного общества, каковы были обе аристократии, служилая и промышленная. Итак, одним из последствий русской колонизации Суздальской земли было торжество общественного

низа над верхами местного общества. Можно предвидеть, что общество в Суздальской земле вследствие такого исхода пережитой им социальной борьбы будет развиваться в более демократическом направлении сравнительно с общественным строем областей старой Киевской Руси, и это направление будет благоприятнее для княжеской власти, так упавшей на юге вследствие усобиц и зависимости князей от старших вечевых городов. Такой поворот выразительно сказался уже во время описанной суздальской усобицы. По смерти старшего дяди Михаила владимирцы тотчас присягнули младшему Всеволоду и не только ему, но и его детям, значит, установили у себя наследственность княжеской власти в нисходящей линии вопреки очередному порядку и выросшему из него притязанию старших городов выбирать между князьями-совместниками.

Переобладание верхневолжской Руси.

Ступим еще шаг вперед и опять встретим новый факт—решительное преобладание Суздальской области над остальными областями Русской земли. Восторжествовав над племянником в 1176 г., Всеволод III княжил в Суздальской земле до 1212 г. Княжение его во многом было продолжением внешней и внутренней деятельности Андрея Боголюбского. Подобно старшему брату Всеволод заставил признать себя великим князем всей Русской земли и подобно ему же не поехал в Киев сесть на стол отца и деда. Он правил южной Русью с берегов далекой Клязьмы; в Киеве великие князья садились из его руки. Великий князь киевский чувствовал себя непрочно на этом столе, если не ходил в воле Всеволода, не был его подручником. Являлось два великих князя, киевский и владимиро-клязьминский, старший и старейший, номинальный и действительный. Таким подручным великим князем, севшим в Киеве по воле Всеволода, был его смо-

левский племянник Рюрик Ростиславович. Этот Рюрик раз сказал своему зятю Роману волынскому: «сам ты знаешь, что нельзя было не сделать по воле Всеволода, нам без него быть нельзя: вся братия положила на нем старшинство во Владимировом племени». Политическое давление Всеволода было ощутительно на самой отдаленной юго-западной окраине Русской земли. Галицкий князь Владимир, сын Ярослава Осмосмысла, воротивши отцовский стол с польской помощью, спешил укрепиться на нем, став под защиту отдаленного дяди Всеволода суздальского. Он послал сказать ему: «отец и господин! удержи Галич подо мною, а я Божий и твой со всем Галичем и в воле твоей всегда». И соседи Всеволода князья рязанские чувствовали на себе его тяжелую руку, ходили в его воле, по его указу посылали свои полки в походы вместе с его полками. В 1207 г. Всеволод, удостоверившись в умысле некоторых рязанских князей обмануть его, схватил их и отослал во Владимир, посажал по рязанским городам своих посадников и потребовал у рязанцев выдачи остальных князей их и с княгинями, продержал их у себя в плену до самой своей смерти, а в Рязани посадил своего сына на княжение. Когда же буйные, непокорные рязанцы, как их характеризует суздальский летописец, вышли из повиновения Всеволоду и изменили его сыну, тогда суздальский князь велел перехватать всех горожан с семействами и с епископом и расточил их по разным городам, а город Рязань сжег. Рязанская земля была как бы покорена Всеволодом и присоединена к великому княжеству Владимирскому. И другим соседям тяжело приходилось от Всеволода. Князь смоленский просил у него прощения за неугодный ему поступок. Всеволод самовластно хозяйничал в Новгороде Великом, давал ему кня-

зей на всей своей воле, нарушил его старину, казнил его „мужей“ без объявления вины. Одного имени его, по выражению северного летописца, трепетали все страны, по всей земле пронеслась слава его. И певец *Слова о полку Игореве*, южно-русский поэт и публицист конца XII в., знает политическое могущество суздальского князя. Изображая бедствия, какие постигли Русскую землю после поражения его северских героев в степи, он обращается к Всеволоду с такими словами: «великий князь Всеволод! прилететь бы тебе издалека отчего золотого стола постеречь: ведь ты можешь Волгу разбрызгать веслами, Дон шлемами вычерпать». В таких поэтически-преувеличенных размерах представлялись черниговскому певцу волжский флот Всеволода и его сухопутная рать. Таким образом Суздальская область, еще в начале XII в. захолустный северо-восточный угол Русской земли, в начале XIII в. является княжеством, решительно господствующим над остальной Русью. Политический центр тяжести явственно передвигается с берегов среднего Днепра на берега Клязьмы. Это передвижение было следствием отлива русских сил из среднего Поднепровья в область верхней Волги.

Охлаждение к Киеву.

Вместе с этим вскрывается другое любопытное явление: в суздальском обществе и в местных князьях обнаруживается равнодушие к Киеву, заветной мечте прежних князей, устанавливается отношение к Киевской Руси, проникнутое сострадательным пренебрежением. Это заметно было уже во Всеволоде, стало еще заметнее в его детях. По смерти Всеволода в Суздальской земле произошла новая усобица между его сыновьями, причиной которой было необычное распоряжение отца: Всеволод, рассердившись на старшего сына Константина, перенес старшинство на вто-

рого сына Юрия. Князь торопецкий Мстислав Удалой, сын Андреева противника Мстислава Ростиславича Храброго, стал за обиженного старшего брата и с полками новгородскими и смоленскими вторгнулся в самую Суздальскую землю. Против него выступили младшие Всеволодовичи Юрий, Ярослав и Святослав. В 1216 г. усобица разрешилась битвой на р. Липице близ Юрьева Польского. Перед битвой младшие Всеволодовичи, пируя с боярами, начали заранее делить между собою Русскую землю, как несомненную свою добычу. Старший Юрий по праву старшинства брал себе лучшую волость Ростово-Владимирскую, второй брат Ярослав волость Новгородскую, третий Святослав волость Смоленскую, а Киевская земля—ну, эта земля пускай пойдет кому-нибудь из Черниговских. Как видно, старшими и лучшими областями считались теперь северные земли Ростовская и Новгородская, которые полтора века назад по Ярославову разделу служили только прибавками к старшим южным областям. Сообразно с этим изменилось и настроение местного общества: „мизинные люди владимирские“ стали свысока посматривать на другие области Русской земли. На том же пиру один старый боярин уговаривал младших братьев помириться со старшим, которого поддерживает такой удалой витязь, как Мстислав. Другой боярин из владимирских, помоложе, и вероятно побольше выпивший, стал возражать на то, говоря князьям: „не бывало того ни при деде, ни при отце вашем, чтобы кто-нибудь вошел ратью в сильную землю Суздальскую и вышел из нее цел, хотя бы тут собралась вся земля Русская—и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская; никак им не устоять против нашей силы; а эти-то полки—да мы их седлами закидаем и кулаками пере-

колотим". Люба была эта речь князьям. Через день хвастуны потерпели страшное поражение, потеряв в бою свыше 9 тыс. человек. Значит, одновременно с пренебрежением суздальских князей к Киевской земле и в суздальском обществе стало развиваться местное самомнение, надменность, воспитанная политическими успехами князей Андрея и Всеволода, давших почувствовать этому обществу силу и значение своей области в Русской земле.

Изученные факты.

Изучая историю Суздальской земли с половины XII в. до смерти Всеволода III, мы на каждом шагу встречали все новые и неожиданные факты. Эти факты, развиваясь двумя параллельными рядами, создавали Суздальской области небывалое положение в Русской земле: одни из них изменяли ее отношение к прочим русским областям, другие перестраивали ее внутренний склад. Перечислим еще раз те и другие. Сначала князья Андрей и Всеволод стараются отделить звание великого князя от великокняжеского киевского стола, а Суздальскую землю превратить в свое постоянное владение, выводя ее из круга земель, владеемых по очереди старшинства; при этом кн. Андрей делает первую попытку заменить родственное полюбовное соглашение князей обязательным подчинением младших родичей, как подручников, старшему князю, как своему государю-самовластцу. По смерти Андрея в Суздальской земле падает политическое преобладание старших городов и руководящих классов местного общества, княжеской дружины и вечевого гражданства, а один из пригородов, стольный город вел. кн. Андрея, во время борьбы со старшими городами установляет у себя наследственное княжение. В княжение Всеволода эта область приобретает решительное преобладание над всей Русской землей, а ее князь делает первую попытку насильственным захватом,

помимо всякой очереди, присоединить к своей отчине целую чужую область. В то же время в суздальских князьях и обществе вместе с сознанием своей силы обнаруживается пренебрежение к Киеву, отчуждение от Киевской Руси. Это значит, что порвались внутренние связи, которыми прежде соединялась северо-восточная окраина Русской земли со старым земским центром, с Киевом. Все эти факты суть прямые или косвенные последствия русской колонизации Суздальской земли.

Лекция XIX.

Взгляд на положение русской земли в XIII и XIV вв.- Удельный порядок княжеского владения в потомстве Всеволода III. - Княжеский удел.—Главные признаки удельного порядка.—Его происхождение. — Мысль о раздельном наследственном владении среди южных князей.—Превращение русских областных князей в служебных под литовской властью. Сила родового предания среди Ярославичей старших линий: отношения между верхне-окскими и рязанскими князьями в конце XV в.—Основные черты удельного порядка. - Причины его успешного развития в потомстве Всеволода III.- Отсутствие препятствий для этого порядка в Суздальской области.

Распад Киевской Руси.

Политические следствия русской колонизации верхнего Поволжья, нами только-что изученные, закладывали в том краю новый строй общественных отношений. В дальнейшей истории верхне-волжской Руси нам предстоит следить за развитием основ, положенных во времена Юрия Долгорукого и его сыновей. Обращаясь к изучению этого развития, будем помнить, что в XIII и XIV веках, когда этот новый строй устанавливался, уже не оставалось и следов той исторической обстановки, при которой действовал, на которую опирался прежний очередной порядок. Единой Русской земли Ярослава и Мономаха не существовало: она была разорвана Литвой и татарами. Род св. Владимира, соединявший эту землю в нечто похожее на политическое

целое, распался. Старшие линии его угасли или захирели и с остатками своих прадедовских владений вошли в состав Литовского государства, где на них легли новые чуждые политические отношения и культурные влияния. Общего дела, общих интересов между ними не стало; прекратились даже прежние фамильные счеты и споры о старшинстве и очереди владения. Киев, основной узел княжеских и народных отношений, политических, экономических и церковных интересов Русской земли, поднимаясь после татарского разгрома, увидел себя пограничным степным городком чуждого государства, ежеминутно готовым разбежаться от насилия завоевателей. Чужой житейский строй готовился водвориться в старинных опустелых или полуразоренных гнездах русской жизни, а русские силы, которым предстояло восстановить и продолжать разбитое национальное дело Киевской Руси, искали убежища среди финских лесов Оки и верхней Волги.

Руководить устроявшимся здесь новым русским обществом пришлось трем младшим отраслям русского княжеского рода с померкавшими родовыми преданиями, с порывавшимися родственными связями. Это были Ярославичи рязанские из племени Ярослава черниговского, Всеволодовичи ростово-суздальские и Федоровичи ярославские из смоленской ветви Мономахова племени. Вот все, что досталось на долю новой верхне-волжской Руси от нескудного потомства св. Владимира, которое стяжало старую днепровскую Русскую землю „трудом своим великим“. Значит, у прежнего порядка и в верхнем Поволжье не было почвы ни генеалогической, ни географической, и если здесь было из чего возникнуть новому общественному строю, ему не предстояло борьбы с живучими остатками старого порядка.

Ряд политических последствий, вышедших из русской колонизации верхнего Поволжья, не ограничивается теми фактами, которые нами изучены. Обращаясь к явлениям, следовавшим за смертью Всеволода, встречаем еще новый факт, может быть, более важный, чем все предыдущие, являющийся результатом совокупного их действия.

Удельный порядок владения в верхне-волжской Руси.

Порядок княжеского владения в старой Киевской Руси держался на очереди старшинства. Распоряжение Всеволода, перенесшего старшинство со старшего сына на младшего, показывает, что старшинство здесь, утратив свой настоящий генеалогический смысл, получило условное значение, стало не преимуществом по рождению, а простым званием по жалованию или по присвоению, захвату. Всматриваясь во владельческие отношения потомков Всеволода, мы замечаем, что в Суздальской земле утверждается новый порядок княжеского владения, непохожий на прежний. Изучая историю возникновения этого порядка, забудем на некоторое время, что прежде, чем сошло со сцены первое поколение Всеволодовичей, Русь была завоевана татарами, северная в 1237—8 г., южная в 1239—40 г. Явления, которые мы наблюдаем в Суздальской земле после этого разгрома, последовательно без перерыва развиваются из условий, начавших действовать еще до разгрома, в XII в. Киев, уже к концу этого века утративший значение общеземского центра, окончательно падает после татарского нашествия. Владимир на Клязьме для потомков Всеволода заступает место Киева в значении старшего великокняжеского стола и политического центра верхне-волжской Руси; за Киевом остается, и то лишь на короткое время, только значение центра церковно-административного. В занятии старшего владимирского стола Всеволодовичи вообще следовали прежней очереди старшинства. После того как Константин Всеволодович

восстановил свое старшинство, снятое с него отцом, дети Всеволода сидели на владимирском столе по порядку старшинства: сначала Константин, потом Юрий, за ним Ярослав, наконец Святослав. Та же очередь наблюдалась и в поколении Всеволодовых внуков. Так как в борьбе с татарами пали все сыновья старших Всеволодовичей Константина и Юрия (кроме одного младшего Константиновича), то владимирский стол по очереди перешел к сыновьям третьего Всеволодовича Ярослава: из них сидели во Владимире (по изгнании второго Ярославича Андрея татарами) старший Александр Невский, потом третий Ярослав тверской, за ними младший Василий костромской († 1276 г.). Значит, до последней четверти XIII в. в занятии владимирского стола соблюдалась прежняя очередь старшинства; бывали отступления от этого порядка, но их видим здесь, в Суздальской земле, не более, чем видели в старой Киевской Руси. Рядом со старшей Владимирской областью, составлявшей общее достояние Всеволодовичей и владеемой по очереди старшинства, образовалось в Суздальской земле несколько младших волостей, которыми владели младшие Всеволодовичи. Во владении этими младшими областями и устанавливается другой порядок, который держался не на очереди старшинства. Младшие волости передаются не в порядке рождений по очереди старшинства, а в порядке поколений от отца к сыну, иначе говоря, переходят из рук в руки в прямой нисходящей, а не в ломаной линии—от старшего брата к младшему, от младшего дяди к старшему племяннику и т. д. Такой порядок владения изменяет юридический характер младших волостей. Прежде на юге княжества, за исключением выделенных сиротских, составляли общее достояние княжеского рода, а их князья были их временными владель-

нами по очереди. Теперь на севере младшее княжество — постоянная отдельная собственность известного князя, личное его достояние, которое передается от отца к сыну по личному распоряжению владельца или по принятому обычаю. Вместе с изменением юридического характера княжеского владения являются для него и новые названия. В старой Киевской Руси части Русской земли, достававшиеся тем или другим князьям, обыкновенно назывались *волостями* или *наделками* в смысле временного владения. Младшие волости, на которые распалась Суздальская земля во Всеволодовом племени с XIII в., называются *вотчинами*, позднее *уделами* в смысле отдельного владения, постоянного и наследственного. Мы и будем называть этот новый порядок княжеского владения, утвердившийся на Севере, *удельным* в отличие от очередного. Признаки этого порядка появляются уже в XIII в., при сыновьях Всеволода.

Его главные признаки.

Удельный порядок владения—основной и исходный факт, из которого или под действием которого развиваются все дальнейшие явления в истории Суздальской Руси, на котором стал политический быт, складывающийся здесь к половине XV в. Двумя признаками прежде всего обозначилось утверждение этого порядка. Во-первых, прекращается владельческая передвижка князей: они становятся оседлыми владельцами, постоянно живут и умирают в своих удельных городах, которых не покидают даже тогда, когда по очереди старшинства занимают великокняжеский стол. Во-вторых, изменяется порядок княжеского наследования, способ передачи волостей преемникам. В старой Киевской Руси князь не мог передавать своей волости по личному распоряжению даже своему сыну, если она не следовала ему по очереди старшинства; северный князь XIII—XIV вв.. постоян-

ный владетель своей волости, передавал ее по личному распоряжению своим сыновьям и за отсутствием сыновей мог отказать ее жене или дочери, даже отдаленному родичу не в очередь. В памятниках XIII и XIV вв. найдем не мало случаев таких исключительных передач за отсутствием прямых наследников. В 1249 г. умер удельный князь ярославский Василий Всеволодович, правнук Всеволода III, оставив после себя одну дочь, княжну Марью. В это же время князья смоленские, деля свою вотчину, обидели младшего брата Өедора можайского. Последний ушел в Ярославль, женился на княжне-сироте и вместе с ее рукою получил Ярославское княжество, став таким образом родоначальником новой удельной княжеской линии. Ярослав, третий сын Всеволода III, получил в удел волость Переяславскую, которая после него преемственно переходила от отца к старшему сыну. В 1302 г. умер бездетный переяславский князь Иван Дмитриевич, отказав свой удел соседу, князю московскому Данилу. Великий князь московский Семен Гордый, умирая в 1353 г., отказал весь свой удел жене, которая потом передала его своему деверю, Семенову брату Ивану. Таковы признаки, которыми обнаружилось утверждение нового порядка княжеского владения младшими областями в Суздальской земле.

Его происхождение.

Теперь попытаемся выяснить себе историческое происхождение этого порядка. Следя за ходом владельческих отношений между князьями в XI—XIII вв. на днепровском юге и верхне-волжском севере, замечаем одну видимую несообразность. В старой Киевской Руси XI—XII вв. мысль об общем нераздельном княжеском владении признавалась нормой, основанием владельческих отношений даже между далекими друг от друга по родству князьями. Троюродные, четвероюродные Ярославичи все еще живо со-

знают себя членами одного владельческого рода, внуками единого деда, которые должны владеть своей отчиной и дединой, Русской землей, сообща, по очереди. Такой владельческой солидарности, мысли о нераздельном владении не заметно в потомстве Всеволода и между близкими родственниками, братьями двоюродными и даже родными: несмотря на близкое родство свое Всеволодовичи спешат разделить свою вотчину на отдельные наследственные части. Внуки Всеволода как будто скорее забыли своего деда, чем внуки Ярослава—своего. Что было причиной такого быстрого водворения раздельного владения в потомстве Всеволода? Какие условия вызвали это взаимное отчуждение северных князей по владению на перекор родственной близости владельцев? И теперь прежде всего необходимо уяснить себе сущность поставленного вопроса, как мы поступили и при решении вопроса о происхождении очередного порядка.

Южные князья.

Княжеский удел—наследственная вотчина удельного князя. Слово *вотчина* знакомо было и князьям юго-западной Руси прежнего времени и на их языке имело различные значения. Вся Русская земля считалась «отчиной и дединой» всего княжеского рода; в частности известная область признавалась отчиной утвердившейся в ней княжеской линии; еще частнее князь называл своей отчиной княжение, на котором сидел его отец, хотя бы между отцом и сыном там бывали промежуточные владельцы. При всех этих значениях в понятие отчины не входило одного признака—личного и наследственного непрерывного владения по завещанию. Но мысль о таком владении не чужда была умам юго-западных князей. Князь волынский Владимир Василькович, умерший в 1289 г. бездетным, перед смертью передал свое княжество младшему двоюродному своему брату Мстиславу Даниловичу мимо старшего Льва

по письменному завещанию. Возникает вопрос: считалась-ли здесь воля завещателя единственным источником владельческого права? Наследник счел необходимым созвать в соборную церковь в гор. Владимире бояр и граждан и прочесть им духовную больного брата. Но летопись не обмолвилась ни одним словом, чтобы объяснить юридическое значение этого торжественного обнародования воли завещателя; сказано только, что духовную слышали „все от мала до велика". Требовалось ли согласие бояр и граждан, хотя бы молчаливое, или это было только сообщение к сведению? Город Брест не послушался своего князя Владимира, присягнул его племяннику Юрию; но наследник посмотрел на этот проступок, как на „крамолу", государственное преступление. Отец этого Юрия пригрозил сыну лишить его наследства, отдать свое княжество родному брату, тому же Мстиславу, если Юрий не покинет Бреста. Мысли об очереди владения по старшинству не заметно. Однако по всем этим явлениям еще нельзя предполагать на Волыни в XIII в. действия удельного порядка в точном смысле этого слова. Распоряжение Владимира скрепляется согласием обойденного старшего Даниловича Льва; Даниловичи обращаются к Владимиру, как к местному великому князю; младший двоюродный брат и племянник говорят ему, что чтут его, как отца; старший Лев и его сын просят, чтобы Владимир дал им Брест, наделил их, как прежде великие князья киевские наделяли своих родичей. Самое завещание является не односторонним актом воли завещателя, а „рядом", договором его с избранным наследником, которому он посылает сказать: „брат! приезжай ко мне, хочу с тобой ряд учинить про все". Все это—остатки прежнего киевского порядка княжеских отношений. Татищев в своем летописном своде приво-

дит из неизвестного источника циркуляр, разосланный ко всем местным князьям дедом этого князя Владимира Романом, когда он в 1202 г. занял Киев. Роман предлагал, между прочим, изменить порядок замещения киевского великокняжеского стола, „как в других добропорядочных государствах чинится“, а местным князьям не делить своих областей между детьми, но отдавать престол по себе одному старшему сыну со всем владением, меньшим же давать для прокормления по городу или волости, но „оным быть под властью старейшего брата“. Князья не приняли этого предложения. В начале XIII в. наследственность княжений в нисходящей линии не была ни общим фактом, ни общепризнанным правилом, и эта мысль была, очевидно, навеяна Роману феодальной Европой. Но понятие о княжестве, как личной собственности князя, уже тогда зарождалось в южно-русских княжеских умах, только со значением революционного притязания и большого несчастия для Русской земли. В *Слове о полку Игореве* есть замечательное место: „Борьба князей с погаными ослабела, потому что брат сказал брату: это *мое, а то—мое же*, и начали князья про малое такое большое слово молвить, а сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую“.

Западные князья.

В западной России идея по обстоятельствам не развилась в порядок, и трудно сказать, могла ли она там получить такое развитие даже при иных обстоятельствах. Во всяком случае подчинение Литве внесло в тамошние княжеские отношения условия, давшие им совсем особое направление. Как ни успешно шла в Литовско-Русском государстве децентрализация, она не достигла степени удельного дробления. Великий князь держался поверх мест-

ных князей, а не входил в их ряды, не был только старшим из удельных, что составляет одну из существенных особенностей удельного порядка в другой половине Руси. Великие князья литовские жаловали княжения в вотчину «вечно» или только до своей «господарской воли», во временное владение. Первый акт уничтожал очередное владение или предполагал его отсутствие, второй отрицал самую основу удельного порядка, и оба низводили жалуемого владельца в положение служилого князя, соединяясь с обязательством: „а ему нам с того верно служити". Но и князь родич-совладелец, и удельный князь по своему юридическому существу не были ничьими слугами. Значит, местных князей в Литовско-Русском государстве XIV—XV вв. можно называть удельными только в очень условном смысле, за недостатком термина, точнее выражающего своеобразные отношения, какие там складывались.

Верхнеокские князья.

В этом государстве был уголок, который исключительными условиями своей жизни дает нам возможность догадываться, как бы устроились князья юго-западной Руси, если бы в те века они были предоставлены самим себе. Это область верхней Оки, где правили потомки св. Михаила черниговского, князья Белевские, Одоевские, Воротынские, Мезецкие и другие. С половины XV в. они были подчинены Литве, но, пользуясь выгодами пограничного положения, служили «на обе стороны», и Литве, и Москве, со своими отчинами. Спасаемые своей незначительностью от стороннего вмешательства, они на своих отцовских и дедовских гнездах до конца XV в. досиживали свои старые наследственные предания, продолжали спорить „о большом княжении по роду, по старейшинству", рядиться о том, „кому пригоже быть на большом княжении и кому на

уделе". Следовательно и обладание уделами, младшими княжениями, определялось не наследственным правом, а договором, устанавливавшим родовую очередь, естественную или условную, как это делалось и в XII в. Очевидно, эти князья никак не могли приладить к своему фактическому положению понятий, унаследованных ими от давней старины: сила вещей клонила их к раздельному владению, а они, сидя на своих „дольницах", мелких долях своих маленьких отчин, все еще хлопотали и спорили о княжении „по роду, по старейшинству", о родовой очереди по старшинству. Они продолжали политику своих давних предков, поддерживая падавшую родовую старину договорами, средством, которое, поддерживая ее, вместе с тем выбивало из-под нее естественную ее основу.

Рязанские князья.

Остановлю ваше внимание еще на одном отдельном, даже мелком примере, чтобы показать неподатливость княжеского политического сознания в старших линиях Ярославова племени. Черниговская ветвь, князья Рязанской земли, окрайной и выделенной из общего очередного владения, подобно князьям галицким раньше очередных совладельцев-родичей могли усвоить себе мысль о раздельном наследственном владении. Притом в усобицах этих князей, отличавшихся необычной даже для южнорусских Рюриковичей одичалостью, казалось, должны были совершенно погаснуть всякие помыслы о совместном братском владении отчиной и дединой. Наконец, Рязанское княжество со времени Всеволода III находилось в тесном общении, нередко под сильным давлением соседних княжеств Владимирского, потом Московского, где прочно установился удельный порядок. В конце XV в. Рязанской землей владели два родные брата Иван и Федор Васильевичи: первый, как старший, назывался великим, второй

удельным. Однако они уговорились на том, чтобы оба княжения были строго раздельными, наследственными в нисходящей линии. Но братья предусмотрели тот случай, что который-либо из них может умереть бездетным. При действии очередного порядка не могло возникнуть и мысли о выморочном княжестве: у князя, не оставившего нисходящих, всегда был наготове очередной преемник из боковых. С падением очереди в удельном порядке выморочные княжества неизбежно вызывали недоразумения и споры. По идее удельного права князь, как полный собственник, мог, умирая беспотомственным, отказать свое княжество любому родичу, не стесняясь степенями родства. Но ближайшие родичи естественно были заинтересованы в том, чтобы часть их общей отчины и дедины не уходила из их среды, и расположены были противопоставлять чистому праву собственности нравственное требование родственной солидарности. Из встречи идей столь различных порядков и рождались во Всеволодовом племени, особенно в тверской его ветви, жестокие усобицы за выморочные княжества. В Москве этот случай был регулирован еще Дмитрием Донским применительно к составу семьи, после него остававшейся: сыновья-наследники в случае бездетности стеснены были в праве посмертного распоряжения своими владениями; удел старшего сына, великого князя, без раздела переходил к следующему по старшинству брату, становившемуся великим князем; младший удел, став выморочным, делился между остальными братьями умершего владельца по усмотрению их матери. Этот субститут—не отзвук общего родового владения, а полное его отрицание, внушенное находчивой предусмотрительностью: выход удела из семьи Донского становился невозможным, и с ее стороны порывалась всякая связь с другими родичами. Иначе

поступали сейчас названные рязанские князья сто лет спустя после Донского. Удел умершего без завещания бездетного брата естественно переходил к другому брату или к его детям. Но тот и другой при взаимной холодности и недоверии боялись, что брат, умирая бездетным, откажет свою часть их общей отчины стороннему родичу, и потому договором 1496 года связали друг друга обоюдно-условным обязательством в случае бездетности не отдавать удела мимо брата „никакою хитростью". Но они не предусмотрели или предусмотрительно не решились оговорить того случая, когда один из них умрет, оставив детей, раньше бездетного брата. Старший брат умер раньше, оставив сына, а бездетный младший, Федор, пользуясь недосмотром или намеренной недомолвкой договора, без всякой хитрости отказал свой удел великому князю московскому, своему дяде по матери, мимо племянника от родного брата. Удельное право завещания здесь косвенно поддержало традицию родовой владельческой солидарности: родство по матери, во имя которого могла быть сделана духовная князя Федора, могло получить перевес над родством по отцу, притом в нисходящей линии, только на основе общей родовой связи рязанских князей с московскими, как членов одного русского владетельного рода; так ли поступил бы князь Федор, если бы его мать была сестра не Ивана московского, а Казимира литовского?

Сила родового предания на ЮЗ.

Я вошел в подробности, чтобы нагляднее показать вам политический перелом, начавшийся в обеих половинах Русской земли на рубеже двух периодов нашей истории. Духовная рязанского князя напоминает поступок Владимира Васильковича волынского, завещавшего свое княжество младшему двоюродному брату мимо старшего. Право передавать родовое владение по личной воле в XIII в.

было на юге еще только притязанием или захватом: но Владимир прикрывал акт своей личной воли формами старого обычного порядка, договором с наследником, согласием других ближайших родичей, а также бояр и стольного города Притязание, проходя под знаменем права, становилось прецедентом, получавшим силу не только подменять, но и отменять право. Так осторожно и туго разлагавшийся очередной порядок на днепровском юге перерождался в новый наследственный. Но процесс перерождения не успел закончиться, как был захвачен литовским владычеством, отклонившим его в сторону. Впрочем, и без этого внешнего давления новый порядок встретил бы в юго-западной России противодействие со стороны внутренних общественных сил, бояр, городов и многих князей, которым он был невыгоден. Бояре и города привыкли вмешиваться в княжеские отношения, понимали свое значение в ходе дел, успели приноровиться к сложившемуся строю и не меньше большинства князей отличались консерватизмом политического мышления.

Основные черты удельного порядка на СВ.

В области верхней Волги умы и дела оказались более подвижными и гибкими. И здесь не могли вполне отрешиться от киевской старины. Город Владимир долго был для Всеволодовичей суздальских тем же, чем был Киев для старых Ярославичей,—общим достоянием, владеемым по очереди старшинства. Этого мало. Когда с разветвлением Всеволодова племени уделы, образовавшиеся при сыновьях Всеволода, стали разростаться в целые группы уделов, из них выделялись старшие княжения, как это было и в днепровской Руси: при великом князе владимирском появились еще местные великие князья тверской, нижегородский, ярославский. Но на этом и прерывалось здесь киевское предание: после некоторых споров

и колебаний на местных старших столах утверждались обыкновенно старшие линии разных ветвей племени с правом удельного наследования в нисходящем порядке. Там и здесь дела шли в противоположных направлениях: на Днепре старшие княжения поддерживали порядок совместного владения по очереди в младших волостях; на верхней Волге порядок раздельного наследственного владения по завещанию распространялся из младших волостей, уделов, на старшие княжения. В этой разнице заключался довольно крутой перелом княжеского владетельного права: изменились субъект права и порядок, способ владения. Прежде Русская земля считалась общей отчиной княжеского рода, который был коллективным носителем верховной власти в ней, а отдельные князья, участники этой собирательной власти, являлись временными владетелями своих княжений. Но в составе этой власти не заметно мысли о праве собственности на землю, как землю—праве, какое принадлежит частному землевладельцу на его землю. Правя своими княжениями по очереди ли, или по уговору между собой и с волостными городами, князья практиковали в них верховные права; но ни все они в совокупности, ни каждый из них в отдельности не применяли к ним способов распоряжения, вытекающих из права собственности, не продавали их и не закладывали, не отдавали в приданое за дочерьми, не завещали и т. п. Ростовская земля была общей отчиной для Всеволодовичей; но она не осталась отчиной коллективной, совместной. Она распалась на отдельные княжения, одно от другого независимые, территории которых считались личной и наследственной собственностью своих владельцев. они правили свободным населением своих княжеств, как государи, и владели их территориями, как

частные собственники, со всеми правами распоряжения, вытекающими из такой собственности. Такое владение мы и называем *удельным* в наиболее чистом виде и полном развитии и в таком виде и развитии наблюдаем его только в отчине Всеволодовичей, в области верхней Волги XIII—XV вв. Итак, в удельном порядке носитель власти—лицо, а не род, княжеское владение становится раздельным и, не теряя верховных прав, соединяется с правами частной личной собственности. В этой сложной комбинации и надобно выяснить местные условия, содействовавшие в вотчине Всеволодовичей этой раздельности княжеского владения и возникновению взгляда на личную собственность удельного князя.

Географическое его основание.

Прежде всего поищем этих условий в свойствах страны, где установился изучаемый порядок. Родовая нераздельность княжеского владения в Киевской Руси имела опору в ее географических особенностях, т.-е. в условиях ее материального существования. Старая Киевская Русь представляла из себя цельную страну, части которой были тесно связаны между собой многообразными нитями географическими, экономическими, юридическими и церковно-нравственными Эта Русь собственно состояла из бассейна одной реки Днепра, которую мы уже сравнивали с большой столбовой дорогой русского народно-хозяйственного движения в те века, а многочисленные притоки ее, идущие справа и слева, называли подъездными путями этой магистрали. На этой географической основе держался экономический и политический строй древней Киевской Руси. Представим себе теперь верхне-волжскую Русь, какою она была в XIII ст. Здесь видим прежде всего частую сеть рек и речек, идущих в различных направлениях. По этой речной сети население расплывалось в разные стороны. Такая разнообразность

населения не позволяла установиться в Суздальской земле устойчивому центру ни политическому, ни экономическому. Центробежные влечения здесь брали решительный перевес над условиями централизации. Население, рассыпаясь по речной канве, прежде всего осаживалось по сухим берегам рек. Так по рекам выводились длинные полосы жилых мест, представлявшиеся вытянутыми островами среди моря лесов и болот. Возникавшие таким порядком речные районы отделялись друг от друга обширными малодоступными лесными дебрями. Таким образом колонизация выводила в верхне-волжской Руси мелкие речные области, которые и послужили готовыми рамками для удельного дробления и поддерживали его. Когда удельному князю нужно было разделить свою вотчину между наследниками, географическое размещение населения давало ему готовое основание для удельных делений и подразделений. Таким ходом расселения условливался недостаток общения, который вел к политическому разъединению. Политический порядок в своем окончательном виде всегда отражает в себе совокупность и общий характер частных людских интересов и отношений, которые он поддерживает и на которых сам держится. Удельный порядок был отражением и частию произведением той разобщенности, в какой находилось пришлое население верхне-волжской Руси в пору своего обзаведения на новых местах, пока новоселы не освоились с непривычными условиями края и окрестными старожилами. Значит, порядок раздельного княжеского владения там складывался в тесном соотношении с географическим распределением населения, а это распределение, в свою очередь, направлялось свойствами края и ходом его колонизации. Общий характер быта, складывавшегося при таких условиях, с вялым народно-

хозяйственным оборотом, с раздробленными и еще не слаженными интересами и отношениями, с опущенным общественным настроением, ослаблял и в княжеской среде, в первых поколениях Всеволодова племени, чувство родственной солидарности. Таково географическое основание удельного порядка,—основание более отрицательного свойства, не столько укреплявшее новый склад жизни, сколько помогавшее разрушению старого.

Основание политическое.

В других условиях, вызванных к действию той же колонизацией края, надобно искать источника самой идеи удела, как частной личной собственности удельного князя. Колонизация ставила князей верхнего Поволжья в иные отношения к своим княжествам, каких не существовало в старой Киевской Руси. Там первые князья, явившись в Русскую землю, вошли в готовый уже общественный строй, до них сложившийся. Правя Русской землей, они защищали ее от внешних врагов, поддерживали в ней общественный порядок, доделывали его, устанавливая по нуждам времени подробности этого порядка; но они не могли сказать, что они положили самые основания этого порядка, не могли назвать себя творцами общества, которым они правили. Старое киевское общество было старше своих князей. Совсем иной взгляд на себя, иное отношение к управляемому обществу усвояли под влиянием колонизации князья верхне-волжской Руси. Здесь, особенно за Волгой, садясь на удел, первый князь его обыкновенно находил в своем владении не готовое общество, которым предстояло ему править, а пустыню, которая только что начинала заселяться, в которой все надо было завести и устроить, чтобы создать в ней общество. Край оживал на глазах своего князя: глухие дебри расчищались, пришлые люди селились на «новях», заводили новые по-

селки и промыслы; новые доходы приливали в княжескую казну. Всем этим руководил князь, все это он считал делом рук своих, своим личным созданием. Такая колонизация воспитывала в целом ряде княжеских поколений одну и ту же мысль, один взгляд, на свое отношение к уделу, на свое правительственное в нем значение. Юрий Долгорукий начал строить Суздальскую землю; сын его Андрей Боголюбский продолжал работу отца; не даром он хвалился, что населил Суздальскую землю городами и большими селами, сделал ее многолюдной. Припоминая работу отца и свои собственные усилия, князь Андрей по праву мог сказать: ведь это мы с отцом сработали Суздальскую Русь, устроили в ней общество. Такой взгляд был едва ли не главной причиной отчуждения Андрея Боголюбского от южной Руси и его стремление обособить от нее свою северную волость. Чувствуя себя полным хозяином в этой волости, он не имел охоты делиться ею с другими, вводить ее в круг общего родового владения князей. Подобно старшему брату смотрел на Суздальскую землю и поступал в ней и Всеволод III, а их образ мыслей и действий стал заветом для Всеволодовичей. Мысль: это мое, потому что мной заведено, мною приобретено,— вот тот политический взгляд, каким колонизация приучала смотреть на свое княжество первых князей верхневолжской Руси. Эта мысль легла в основание понятия об уделе, как личной собственности владельца, этот взгляд переходил от отцов к детям, стал наследственной фамильной привычкой суздальских Мономаховичей, и им руководились они в устроении своих вотчин, как и в распоряжении ими. Таково политическое основание удельного порядка: идея личного и наследственного княжеского владения возникла из установленного колонизацией отношения

князей к их княжествам в области верхней Волги XIII и XIV вв.

Таким образом удельный порядок держался на двух основаниях, на географическом и на политическом: он создан был совместным действием природы страны и ее колонизации. 1) При содействии физических особенностей верхне-волжской Руси колонизация выводила здесь мелкие речные округа, уединенные друг от друга, которые и служили основанием политического деления страны, т.-е. удельного ее дробления. Мелкие верхне-волжские уделы XIII и XIV вв.—это речные бассейны. 2) Под влиянием колонизации страны первый князь удела привыкал видеть в своем владении не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую он заселял и устроял в общество. Понятие о князе, как личном собственнике удела, было юридическим следствием значения князя, как заселителя и устроителя своего удела. Так объясняю я историческое происхождение удельного порядка княжеского владения, установившегося в верхне-волжском севере с XIII в.

Отсутствие препятствий

К сказанному надобно прибавить, что здесь новому порядку не приходилось бороться с противодействием, какое на юге могла встретить при первых попытках осуществления мысль о раздельном наследственном владении со стороны бояр, многочисленных старых и влиятельных городов, даже самих князей: даже среди них являлись беззаветные, но не всегда сообразительные поборники старины, каким был воитель-бродяга, всегда готовый повалить головой за путаницу, им же и напутанную, запоздалый сухопутный русский варяг-витязь Мстислав Мстиславич Удалой, князь торопецкий из смоленских. В Ростово-Суздальской земле сила боярства, и без того не особенно сильного, и только двух старших

вечевых городов, Ростова и Суздаля, была подорвана социальной усобицей, которую подготовила колонизация страны, а князья этой страны в XIII в. все—птенцы одного Большого Гнезда, как прозвали Всеволода III, все воспитывались в одинаковых владельческих понятиях и привычках. Всеволодовичи имели под руками население, в большинстве подвижное и разрозненное, еще не обсидевшееся на свежих лесных росчистях, не успевшее сомкнуться в плотные местные и сословные союзы, чувствовавшее себя на чужой стороне, ничего не считавшее своим, все получившее от местного князя-хозяина. На такой податливой общественной почве можно было заводить какое угодно политическое хозяйничанье.

Лекция XX.

Замечание о значении удельных веков в русской истории.—Следствия удельного порядка княжеского владения.—Вопросы, предстоящие при их изучении.—Ход удельного дробления.—Обеднение удельных князей.—Их взаимное отчуждение.—Значение удельного князя.—Юридическое его отношение к частным вотчинникам в его уделе.—Сопоставление удельных отношений с феодальными.—Состав общества в удельном княжестве.—Упадок земского сознания и гражданского чувства среди удельных князей.—Выводы.

Нам предстоит изучить *следствия* удельного порядка княжеского владения. Но предварительно взглянем еще раз на причину, действие которой будем рассматривать.

Удельные века.

Бросив в изучаемом периоде беглый взгляд на судьбу юго-западной Руси, мы надолго выпустили ее из вида, чтобы сосредоточить все свое внимание на северо-восточной половине Русской земли, на верхне-волжской отчине суздальских Всеволодовичей. Такое ограничение поля наблюдения—неизбежная уступка условиям наших занятий. Мы можем следить только за господствующими движениями нашей истории, плыть, так сказать, ее фарватером, не уклоняясь к береговым течениям. В области верхней Волги сосредоточивались с XIII в. наиболее крепкие народные силы и там надобно искать завязки основ и форм народной жизни, которые потом получили господствующее зна-

чение. Мы уже видели, в каком направлении стала изменяться здесь общественная жизнь под влиянием отлива народных сил в эту сторону. Старый устоявшийся быт расстроился. В новой обстановке, под гнетом новых внешних несчастий все здесь локализовалось, обособилось; широкие общественные связи порывались, крупные интересы дробились, все отношения суживались. Общество распывалось или распадалось на мелкие местные миры; каждый уходил в свой тесный земляческий уголок, ограничивая свои помыслы и отношения узкими интересами и ближайшими соседскими или случайными связями. Государство, опирающееся на устойчивые общие интересы, на широкие общественные связи, при такой раздробленной и разлаженной жизни становится невозможно или усвояет несвойственные ему формы и приемы действия: оно также распадается на мелкие тела, в строе которых с наивным безразличием элементы государственного порядка сливаются с нормами гражданского права. Из такого состояния общества на Западе вышел феодализм; такое же состояние на верхней Волге послужило основой удельного порядка.

При изучении истории неохотно останавливают внимание на таких эпохах, дающих слишком мало пищи уму и воображению: из маловажных событий трудно извлечь какую-либо крупную идею; тусклые явления не складываются ни в какой яркий образ; нет ничего ни занимательного, ни поучительного. Карамзину более чем 300-летний период со смерти Ярослава I представлялся временем, „скудным делами славы и богатым ничтожными распрями многочисленных властителей, коих тени, обагренные кровию бедных подданных, мелькают в сумраке веков отдаленных“. У Соловьева впрочем самое чувство тяжести, выносимое историком из изучения скудных и бесцветных

памятников XIII и XIV вв., облеклось в коротенькую, но яркую характеристику периода. „Действующие лица действуют молча, воюют, мирятся, но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо; все сидят запершись и думают думу про себя; отворяются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча“.

Однако такие эпохи, столь утомительные для изучения и повидимому столь бесплодные для истории, имеют свое и немаловажное историческое значение. Это так-называемые переходные времена, которые нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами. Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего. К таким переходным временам, передаточным историческим стадиям, принадлежат и наши удельные века; их значение не в них самих, а в их последствиях, в том, что из них вышло.

Социальные отношения.

Удельный порядок, следствия которого нам предстоит изучить, сам был одним из политических следствий русской колонизации верхнего Поволжья при участии природы края. Эта колонизация приносила в тот край те же общественные элементы, из которых слагалось общество днепровской Руси: то были князья, их дружины, городской торгово-промышленный класс и перемешавшееся сельское население из разных старых областей. Мы знаем их взаимное отношение в старой Руси: три первые элемента были силами господствующими и борющимися при участии духовенства, обыкновенно умиротворяющем. Областные вечевые города, руководимые своими „лепшими мужами“, знатью торгового капитала, обособляли области в местные миры, а дружины, аристократия оружия, со своими князьями

скользили поверх этих миров, с трудом поддерживая связь между ними. Представляются вопросы: какое соотношение установилось между этими общественными стихиями под кровом удельного порядка и какое участие приняла каждая из них в действии этой новой политической формы? Эти вопросы и будут руководить нами при изучении следствий удельного порядка. При этом изучении мы будем рассматривать удел сам в себе, без его отношений к другим делам: этих отношений мы коснемся в истории княжества Московского.

Следствия этого порядка становятся заметны уже в XIII в., еще более в XIV.

Дробление уделов.

Прежде всего этот порядок сопровождался все усиливавшимся удельным дроблением северной Руси, постепенным измельчанием уделов. Старая киевская Русь делилась на княжеские владения по числу наличных взрослых князей, иногда даже с участием малолетних; таким образом в каждом поколении Русская земля переделялась между князьями. Теперь, с исчезновением очередного порядка стали прекращаться и эти переделы. Члены княжеской линии, слишком размножавшейся, не имели возможности занимать свободные столы в других княжествах и должны были все более дробить свою наследственную вотчину. Благодаря этому в некоторых местах княжеские уделы распадались между наследниками на микроскопические доли. Я сделаю краткий обзор этого удельного дробления, ограничиваясь лишь двумя первыми поколениями Всеволодовичей. По смерти Всеволода его верхне-волжская вотчина по числу его сыновей распалась на 5 частей. При старшем *Владимирском* княжестве, которое считалось общим достоянием Всеволодова племени, явилось 4 удела: *Ростовский*, *Переяславский*, *Юрьевский* (со стольным го-

родом Юрьевом Польским) и *Стародубский* на Клязьме. Когда внуки Всеволода стали на место отцов, Суздальская земля разделилась на более мелкие части. Владимирское княжество продолжало наследоваться по очереди старшинства; но из него выделились 3 новых удела: *Суздальский*, *Костромской* и *Московский*. Ростовское княжество также распалось на части: из него выделились младшие уделы *Ярославский* и *Углицкий*. Переяславский удел также распался на несколько частей: рядом со старшим уделом Переяславским возникли два младших, из него выделившихся, *Тверской* и *Дмитрово-Галицкий*. Только княжества Юрьевское и Стародубское остались нераздельны, ибо первые их князья оставили лишь по одному сыну. Итак, Суздальская земля, распадавшаяся при детях Всеволода на 5 частей, при внуках его раздробилась на 12. В подобной прогрессии шло удельное дробление и в дальнейших поколениях Всеволодова племени. Для наглядности пересчитаю вам части, на какие последовательно дробилось старшее из первоначальных удельных княжеств Ростовское. Из этого княжества сначала, как я сказал, выделились уделы Ярославский и Углицкий; но потом и остальное Ростовское княжество распалось еще на две половины, ростовскую собственно и белозерскую. В продолжение XIV и XV вв. белозерская половина в свою очередь распадается на такие уделы: *Кемский*, *Сугорский*, *Ухтомский*, *Судской*, *Шелешпанский*, *Андожский*, *Вадбольский* и другие. Ярославское княжество в продолжение XIV и XV вв. также подразделилось на уделы *Моложский*, *Шехонский*, *Сицкой*, *Заозерский*, *Кубенский*, рядом с предыдущим, *Курбский*, *Новленский*, *Юхотский*, *Бохтюжский* и другие. Как вы можете видеть по названиям этих уделов, большая часть их состояла из неболь-

ших округов заволжских речек Сити, Суды, Мологи, Кемы, Ухтомы, Андоги, Бохтюги и т. д.

Обеднение князей.

С этим следствием тесно связано было и другое— обеднение большей части измельчавших удельных князей северной Руси. По мере размножения некоторых линий Всеволодова племени наследники получали от своих отцов все более мелкие части своих фамильных вотчин. Благодаря этому дроблению, большая часть удельных князей XIV и XV вв. является в обстановке не богаче той, в какой жили посредственные частные землевладельцы позднейшего времени. К числу ярославских уделов принадлежало княжество Заозерское (по северо-восточному берегу Кубенского озера). В начале XV в. этим княжеством владел удельный князь Димитрий Васильевич. Один из сыновей этого князя ушел в Каменный монастырь на острове Кубенского озера и постригся там под именем Иоасафа. В старинном житии этого князя-инока мы находим изобразительную картину резиденции его отца, заозерского князя. Столица эта состояла из одинокого княжеского двора, недалеко от впадения реки Кубины в озеро. Близ этой княжеской усадьбы стояла церковь во имя Димитрия Солунского, очевидно, этим же князем и построенная в честь своего ангела, а поодаль раскинуто было село Чирково, которое служило приходом к этой церкви: «весь же зовома Чиркова к нему прихожаше». Вот и вся резиденция удельного «державца» начала XV в.

Их взаимное отчуждение.

Удельный порядок княжеского владения по самому существу своему вносил взаимное отчуждение в среду князей, какого не существовало среди князей старой Киевской Руси. Счеты и споры о старшинстве, о порядке владения по очереди старшинства поддерживали тесную солидарность между теми князьями: все их отношения держались на том

как один князь доводился другому. Отсюда их привычка действовать сообща; даже вражда из-за чести старшинства, из-за Киева, больше сближала их между собою, чем отчуждала друг от друга. Среди удельных князей северной Руси, напротив, никому не было дела до другого. При раздельности владения между ними не могло существовать и сильных общих интересов: каждый князь, замкнувшись в своей вотчине, привыкал действовать особняком, во имя личных выгод, вспоминая о соседе-родиче лишь тогда, когда тот угрожал ему или когда представлялся случай поживиться на его счет. Это взаимное разобщение удельных князей делало их неспособными к дружным и плотным политическим союзам; княжеские съезды, столь частые в XII в., становятся редки и случайны в XIII и почти прекращаются в XIV в.

Вместе с этой владельческой замкнутостью князей падает и их политическое значение. Политическое значение государя определяется степенью, в какой он пользуется своими верховными правами для достижения целей общего блага, для охраны общих интересов и общественного порядка. Значение князя в старой Киевской Руси определялось преимущественно тем, что он был прежде всего охранителем внешней безопасности Русской земли, вооруженным стражем ее границ. Достаточно бросить беглый взгляд на общественные отношения в удельных княжествах, чтобы видеть, что удельный князь имел иное значение. Как скоро в обществе исчезает понятие об общем благе, в умах гаснет и мысль о государе, как общеобязательной власти, а в уделе такому понятию даже не к чему было прикрепиться. Это не был ни родовой, ни поземельный союз; это даже совсем было не общество, а случайное сборище людей, которым сказали, что они

находятся в пределах пространства, принадлежащего такому-то князю. При отсутствии общего, объединяющего интереса князь, переставая быть государем, оставался только землевладельцем, простым хозяином, а население удела превращалось в отдельных, временных его обывателей, ничем кроме соседства друг с другом не связанных, как бы долго они ни сидели, хотя бы даже наследственно сидели на своих местах. К территории удельного княжества привязаны были только холопы князя; свободные обыватели имели лишь временные личные связи с местным князем. Они распадались на два класса: на *служилых* и *черных* людей. Служилыми людьми были *бояре* и *слуги вольные*, состоявшие на личной службе у князя по уговору с ним. Они признавали власть его над собой пока ему служили; но каждый из них мог покинуть князя и перейти на службу к другому. Это не считалось изменою князю. Уделы не были замкнутыми политическими мирами с устойчивыми, неприкосновенными границами, суживались и расширялись, представлялись случайными частями какого-то разбитого, но еще не забытого целого: бродя по ним, население мало затруднялось их пределами, потому что оставалось в Русской земле, среди своих, под властью все тех же русских князей. Князья в своих взаимных договорах долго не решались посягать на этот бытовой остаток единства Русской земли, которое перестав быть политическим фактом, все еще оставалось народным воспоминанием или ощущением. Покинув князя, вольные слуги его сохраняли даже свои права на земли, приобретенные ими в покинутом княжестве. Таковы же были отношения и черных, т.-е. податных людей к удельному князю. Как отношения служилых людей были лично-служебные, так и отношения черных были

Служилые люди.

Черные люди.

лично-поземельные. Черный человек, городской или сельский, признавал власть князя, платил ему дань, подчинялся его юрисдикции, только пока пользовался его землей, но и он мог перейти в другое княжество, когда находил местные условия пользования землей неудобными, и тогда разрывались все его связи с прежним князем. Значит, как служилый человек был военно-наемным слугой князя, так черный человек был тяглым съемщиком его земли. Можно понять, какое значение получал удельный князь при таких отношениях. В своем уделе он был собственно не правитель, а владелец; его княжество было для него не обществом, а хозяйством; он не правил им, а эксплуатировал, разрабатывал его. Он считал себя собственником всей территории княжества, но только территории с ее хозяйственными угодьями. Лица, свободные люди, не входили юридически в состав этой собственности: свободный человек, служилый или черный, приходил в княжество, служил или работал и уходил, был не политической единицей в составе местного общества, а экономической случайностью в княжестве. Князь не видел в нем своего подданного в нашем смысле слова, потому что и себя не считал государем в этом смысле. В удельном порядке не существовало этих понятий, не существовало и отношений, из них вытекающих. Словом *государь* выражалась тогда личная власть свободного человека над несвободным, над холопом, и удельный князь считал себя государем только для своей челяди, какая была и у частных землевладельцев.

Характер державных прав.

Не будучи государем в настоящем смысле этого слова, удельный князь не был однако и простым частным землевладельцем даже в тогдашнем смысле. Он отличался от последнего державными правами, только пользовался ими

по-удельному. Они не вытекали из его права собственности на удел, как и не были источником этого права. Они достались удельному князю по наследству от неудельных предков того времени, когда каждый князь, не считая себя собственником временно владеемого им княжения, был участником в принадлежавшей Ярославичам верховной власти над Русской землей. Когда единство княжеского рода разрушилось, державные права удельных князей не утратили прежней династической опоры, уже вошедшей в состав политического обычая, получившей народное признание; только изменились их значение и народный взгляд на них. Удельного князя признавали носителем верховной власти по происхождению, потому что он *князь*; но он владел известным уделом, именно тем, а не этим, не как дольщик всеземской верховной власти, принадлежавшей всему княжескому роду, а по личной воле отца, брата или другого родственника. Наследственная власть его не могла найти новой, чисто политической основы в мысли о государе, блюстителе общего блага как цели государства: такая мысль не могла установиться в удельном княжестве, где общественный порядок строился на частном интересе князя-собственника, а отношения свободных лиц к нему определялись не общим обязательным законом, а личным добровольным соглашением. Потому, как скоро утвердилась мысль о принадлежности удела князю на праве собственности, его державная власть оперлась на это право и слилась с ним, вошла в состав его удельного хозяйства. Тогда и получилось сочетание отношений, возможное только там, где не проводят границы между частным и публичным правом. Верховные права князя-вотчинника рассматривались, как доходные статьи его вотчинного хозяйства, и к ним при-

меняли одинаковые приемы пользования, дробили их, отчуждали, завещали; правительственные должности отдавались во временное владение, в кормление или на откуп, продавались; в этом отношении должность судьи сельской волости не отличалась от дворцовой рыбной ловли, там находившейся. Так частное право собственности на удел стало политической основой державной власти удельного князя, а договор являлся юридическим посредником, связывавшим эту власть с вольными обывателями удела. Князь-родич XII в., оставшись без волости, не лишался «причастия в Русской земле», права на державное обладание частью земли, следовавшей ему по его положению в княжеском роде. Удельный князь-вотчинник XIV в., потеряв свою вотчину, терял вместе и всякое державное право, потому что удельные князья, оставаясь родственниками, не составляли рода, родственного союза: безудельному князю оставалось только поступить на службу к своему же родичу или к великому князю литовскому.

Три разряда земель.

Характер личного хозяина удела с державными правами выражался в отношениях князя к трем разрядам земель, из которых состояла его удельная вотчина. Это были земли *дворцовые, черные* и *боярские*; под последними разумеются вообще земли частных собственников, светских и церковных. Различие между этими разрядами происходило от чисто-хозяйственной причины, от того, что к разным частям своей удельной собственности владелец прилагал различные приемы хозяйственной эксплуатации. Дворцовые земли в княжеском поземельном хозяйстве похожи на то, чем была барская запашка в хозяйстве частного землевладельца: доходы с них натурой шли непосредственно на содержание княжеского дворца. Эти земли эксплуатировались обязательным трудом несвободных людей князя, дво-

ровых холопов, посаженных на пашню, *страдников*, или отдавались в пользование вольным людям, крестьянам, с обязательством ставить на дворец известное количество хлеба, сена, рыбы, подвод и т. п. Первоначальной и отличительной чертой этого разряда земель было *изделье*, натуральная работа на князя, поставка на дворец за пользование дворцовой землей. Черные земли сдавались в аренду или на оброк отдельным крестьянам или целым крестьянским обществам, иногда людям и других классов, как это делали и частные землевладельцы: они собственно и назывались *оброчными*. Сложнее кажутся отношения князя к третьему разряду земель в уделе. Весь удел был наследственной собственностью его князя; но последний разделял действительное владение им с другими частными вотчинниками. В каждом значительном уделе бывало так, что первый князь, на нем садившийся, уже заставал в нем частных землевладельцев, светских или церковных, которые водворились здесь прежде, чем край стал особым княжеством. Потом первый князь или его преемники сами уступали другие земли в своем уделе в вотчину лицам и церковным учреждениям, которые были им нужны для службы или молитвы. Таким образом в вотчине великого князя являлись другие частные вотчины. При слиянии прав государя и вотчинника в лице князя такое совмещение прав нескольких владельцев было возможно юридически. Князь, конечно, отказывался от прав частного распоряжения вотчинами частных владельцев и удерживал за собою только верховные права на них. Но так как и эти верховные права считались владельческими и наравне с другими входили в юридический состав удельной княжеской собственности, то появление в уделе земли, принадлежавшей частному владельцу, не мешало князю считать себя собственником всего

удела. Так под действием осложнявшихся отношений разделялись различные по природе элементы в смешанном составе удельной княжеской собственности и вырабатывалось понятие об общем верховном собственнике удела по отношению к частным и частичным владельцам. Князь иногда уступал боярину, вотчиннику в его уделе, вместе с правом собственности на его вотчину и часть своих верховных на нее прав. Возникали отношения, напоминающие феодальные порядки Западной Европы. Но это—явления не сходные, а только параллельные. В отношениях бояр и вольных слуг к удельному князю многого недоставало для такого сходства, недоставало между прочим двух основных феодальных особенностей: 1) соединения служебных отношений с поземельными и 2) наследственности тех и других. В уделах поземельные отношения вольных слуг строго отделялись от служебных. Эта раздельность настойчиво проводится в княжеских договорах XIV в. Бояре и вольные слуги свободно переходили от одного князя на службу к другому; служа в одном уделе, могли иметь вотчины в другом; перемена места службы не касалась вотчинных прав, приобретенных в покинутом уделе; служа по договору, где хотел, вольный слуга „судом и данью тянул по земле и по воде", отбывал поземельные повинности по месту землевладения; князья обязывались чужих слуг, владевших землей в их уделах, блюсти, как и своих. Все эти отношения сводились к одному общему условию княжеских договоров: „а бояром и слугам межи нас вольным воля". Феодальный момент можно заметить разве только в юридическом значении самого удельного князя, соединявшего в своем лице государя и верховного собственника земли. Этим он похож на сеньера; но его бояре и слуги вольные совсем не вассалы.

Отсутствие феодального момента.

Разница процессов.

Феодолизм, говоря схематически, строился с двух концов, двумя встречными процессами: с одной стороны, областные правители, пользуясь слабостью центральной власти, осваивали управляемые области и становились их державными наследственными собственниками; с другой—крупные собственники, аллодиальные землевладельцы, став посредством коммендации королевскими вассалами и пользуясь той же слабостью, приобретали или присвояли себе правительственную власть в качестве наследственных уполномоченных короля. Оба процесса, дробя государственную власть географически, локализуя ее, разбивали государство на крупные сеньерии, в которых державные прерогативы сливались с правами земельной собственности. Эти сеньерии на тех же основаниях распадались на крупные баронии со второстепенными вассалами, обязанными наследственной присяжной службой своему барону, и вся эта военно-землевладельческая иерархия держалась на неподвижной почве сельского населения вилланов, крепких земле или наследственно на ней обсидевшихся. У нас дела шли несколько иным ходом. Изменчивые временные княжения Киевской Руси сменились верхне-волжскими суздальскими уделами, наследственными княжествами, которые под верховной властью далекого нижне-волжского хана стали в XIV в. независимы от местных великих князей. Значительный удельный князь правил своим уделом посредством бояр и вольных слуг, которым он раздавал *в кормление*, во временное доходное управление, города с округами, сельские волости, отдельные села и доходные хозяйственные статьи с правительственными полномочиями, правами судебными и финансовыми. Некоторые бояре и слуги сверх того имели вотчины в уделе, на которые удельный князь иногда предоставлял вотчинникам известные льготы, иммунитеты, в виде осво-

бождения от некоторых повинностей или в виде некоторых прав судебных и финансовых. Но округа кормленщиков никогда не становились их земельною собственностью, а державные права, пожалованные привилегированным вотчинникам, никогда не присвоялись им наследственно. Таким образом ни из кормлений, ни из боярских вотчин не выработалось бароний. В истории Московского княжества мы увидим, что в XV в. некоторые великие князья стремились поставить своих удельных в отношения как будто вассальной зависимости; но это стремление было не признаком феодального дробления власти, а предвестником и средством государственного ее сосредоточения. В удельном порядке можно найти немало черт, сходных с феодальными отношениями юридическими и экономическими; но имея под собою иную социальную почву, подвижное сельское население, эти сходные отношения образуют иные сочетания и являются моментами совсем различных процессов. Признаки сходства еще не говорят о тождестве порядков, и сходные элементы, особенно в начале процесса, неодинаково комбинируясь, образуют в окончательном складе совсем различные общественные формации. Научный интерес представляют не эти элементы, а условия их различных образований. При образовании феодализма видим нечто похожее и на наши кормления, и на вотчинные льготы; но у нас и те и другие не складывались, как там, в устойчивые общие нормы, оставаясь более или менее случайными и временными пожалованиями личного характера. На Западе свободный человек, обеспечивая свою свободу, ограждал себя, как замковой стеной, цепью постоянных, наследственных отношений, становился средоточием низших местных общественных сил, создавал вокруг себя тесный мир, им руководимый и его поддерживающий. Воль-

ный слуга удельных веков, не находя в подвижном местном обществе элементов для такого прочного окружения, искал опоры для своей вольности в личном договоре на-время, в праве всегда разорвать его и уйти на сторону, отъехать на службу в другой удел, где у него не было упроченных давностью связей.

Служилый класс становится землевладельческим.

Изложенное историческое сопоставление поможет нам представить себе, какой вид приняло общество в рамках удельного порядка. Здесь прежде всего останавливают на себе внимание бояре и слуги вольные, дружина князя. Среди удельного общества XIV в. этот высший класс является в значительной степени социальным и политическим анахронизмом. В его общественном положении находим черты, которые совсем не шли к удельному порядку, к общему направлению удельной жизни. Строгое разграничение служебных и поземельных отношений вольных слуг, какое проводят договорные грамоты князей XIV и XV вв., мало согласовалось с естественным стремлением удельного княжеского хозяйства соединить личную службу вольных слуг с землевладением в уделе, закрепить первую последним и тем обеспечить удовлетворение важной и дорогой потребности княжеского хозяйства, нужды в ратных людях. Возможность для вольного слуги соединять службу в одном княжестве с землевладением в другом противоречила стремлению удельных князей возможно более замкнуться, обособиться друг от друга политически. С этой стороны бояре и вольные слуги заметно выделялись из состава удельного гражданского общества. Положение остальных классов в уделе определялось более всего поземельными отношениями к князю, вотчиннику удела. Хотя землевладение теперь все более становилось и для бояр основой общественного положения, однако они

одни продолжали поддерживать чисто личные отношения к князю, вытекавшие из служебного договора с ним и сложившиеся еще в то время, когда не на землевладении основывалось общественное значение этого класса. Такие особенности в положении служилых людей не могли создаться из удельного порядка XIII—XIV вв.: они, очевидно, были остатками прежнего времени, когда ни князья, ни их дружины не были прочно связаны с местными областными мирами; они не шли к верхне-волжской Руси, с каждым поколением подвергавшейся все большему удельному дроблению. Самое право выбирать место службы, признаваемое в договорных грамотах князей за боярами и вольными слугами и бывшее одной из политических форм, в которых выражалось земское единство Киевской Руси, теперь стало несвоевременным: этот класс и на севере попрежнему оставался ходячим представителем политического порядка, уже разрушенного, продолжал служить соединительной нитью между частями земли, которые уже не составляли целого. Церковное поучение XIV в. выражает взгляд своего времени, уговаривая бояр служить верно своим князьям, не переходить из удела в удел, считая такой переход изменой наперекор продолжавшемуся обычаю. В тех же договорных княжеских грамотах, которые признают за боярами и слугами вольными право служить не в том княжестве, где у них земли, встречаем совсем иное условие, которое лучше выражало собою удельную действительность, расходившуюся с унаследованным от прежнего времени обычаем: это условие затрудняло для князей и их бояр приобретение земли в чужих уделах и запрещало им держать там закладней и оброчников, т.-е. запрещало обывателям уезда входить в личную или имущественную зависимость от чужого князя или боярина.

С другой стороны, жизнь при северных княжеских дворах XIV в. наполнялась далеко не теми явлениями, какие господствовали при дворах прежних южных князей и на которых воспитывался боевой дух тогдашних дружин. Теперь ход дел давал дружине мало случаев искать себе чести, а князю славы. Княжеские усобицы удельного времени были не меньше прежнего тяжелы для мирного населения, но не имели уже прежнего боевого характера: в них было больше варварства, чем воинственности. И внешняя оборона земли не давала прежней пищи боевому духу дружин: из-за литовской границы до второй половины XIV в. не было энергического наступления на восток, а ордынское иго надолго сняло с князей и их служилых людей необходимость оборонять юго-восточную окраину, служившую для южных князей XII в. главным питомником воинственных слуг, и даже после Куликовского побоища в эту сторону шло из Руси больше денег, чем ратных людей. Но сила действительных условий перемогала запоздалые понятия и привычки. Мы уже знаем, что в XII в. служилые люди получали от князей денежное жалованье—знак, что внешняя торговля накопляла в руках князей обильные оборотные средства. В области верхней Волги с XIII в. этот источник оскудевал, и натуральное хозяйство начинало опять господствовать. В XIV в. при тамошних княжеских дворах главным способом вознаграждения служилых людей были „кормление и довод“, занятие доходных судебно-административных должностей по центральному и областному управлению. Изучая устройство Московского княжества в те века, мы увидим, как сложно было это управление и какому значительному числу людей давало оно хлебное занятие. Но и кормления не были достаточно надежным источником, разделяли тогдашнее общее коле-

бание политических и экономических отношений. В то время быстро изменялись княжеские состояния и за немногими исключениями изменялись к худшему: одни удельные хозяйства едва заводились, другие уже разрушались и ни одно не стояло на прочном основании; никакой источник княжеского дохода не казался надежным. Эта изменчивость общественных положений заставляла служилых людей искать обеспечения в экономическом источнике, который был надежнее других, хотя вместе с другими испытывал действие неустроенности общественного порядка, в землевладении: оно по крайней мере ставило положение боярина в меньшую зависимость от хозяйственных случайностей и капризов князя, нежели денежное жалованье и административное кормление. Так служилый класс на севере усвоял себе интерес, господствовавший в удельной жизни, стремление стать сельскими хозяевами, приобретать земельную собственность, населять и расчищать пустоши, а для успеха в этом деле работить и кабалить людей, заводить на своих землях поселки земледельческих рабов-страдников, выпрашивать землевладельческие льготы и ими приманивать на землю вольных крестьян. И в Киевской Руси прежнего времени были в дружине люди, владевшие землей; там сложился и первоначальный юридический тип боярина-землевладельца, основные черты которого долго жили на Руси и оказали сильное действие на развитие и характер позднейшего крепостного права. Но, вероятно, боярское землевладение там не достигло значительных размеров или закрывалось другими интересами дружины, так что не производило заметного действия на ее политическую роль. Теперь оно получило важное политическое значение в судьбе служилого класса и с

течением времени изменило его положение и при дворе князя, и в местном обществе.

Слабость капитала.

И остальное общество верхне-волжской Руси во многом было непохоже на прежнее днепровское. Во-первых, это общество беднее прежнего южно-русского. Капитал, который создан был и поддерживался живой и давней заграничной торговлей киевского юга на суздальском севере, в те века является столь незначительным, что перестает оказывать заметное действие на хозяйственную и политическую жизнь народа. Соразмерно с этим уменьшилось и то количество народного труда, которое вызывалось движением этого капитала и сообщало такое промышленное оживление городам Днепра и его притоков. Это сокращение хозяйственных оборотов, как мы видели, обнаруживалось в постепенном вздорожании денег. Земледельческое хозяйстве с его отраслями, сельскими промыслами, теперь оставалось если не совершенно одинокой, то более прежнего господствующею экономической силой страны; но очень долго это было подвижное, полукочевое хозяйство *на нови*, переходившее с одного едва насиженного места на другое нетронутое, и ряд поколений должен был подсекать и жечь лес, работать сохой и возить навоз, чтобы создать на верхне-волжском суглинке пригодную почву для прочного, оседлого земледелия. В связи с этой переменой можно, кажется, объяснить уже отмеченное мною при разборе Русской Правды явление, которое представляется неожиданным. В денежной Киевской Руси капитал был очень дорог: при долголетнем займе закон Мономаха допускал рост 40%, а на деле заимодавцы взимали гораздо больше. В удельные века церковная проповедь учила брать „легко"—по 12% или по 14%. Можно думать, что такая дешевизна денежного капитала

была следствием сильного падения спроса на него, когда возобладало натуральное хозяйство.

Слабость городского класса.

Вместе с тем из строя общественных сил на севере выбыл класс, преимущественно работавший торговым капиталом,—тот класс, который состоял из промышленных обывателей больших волостных городов прежнего времени. В Суздальской Руси ему не посчастливилось с той самой поры, как сюда стала заметно отливать русская жизнь с днепровского юга-запада. Старые волостные города здешнего края, Ростов и Суздаль, после политического поражения, какое потерпели они в борьбе с «новыми» и «малыми» людьми, т. е. с пришлым и низшим населением заокского Залесья, тотчас по смерти Андрея Боголюбского, потом не поднимались и экономически; из новых городов долго ни один не заступал их места в хозяйственной жизни страны и ни один никогда не заступил его в жизни политической, не сделался самобытным земским средоточием и руководителем местного областного мира, потому что ни в одном обыватели не сходились на вече, как на думу, и в силу старшинства своего города не постановляли решений, обязательных для младших приписных городов области. Это служит ясным знаком того, что в Суздальской Руси XIII и XIV вв. иссякли источники, из которых прежде старший волостной город почерпал свою экономическую и политическую силу. Вместе с выходом областного города из строя активных сил общества исчез из оборота общественной жизни и тот ряд интересов, который прежде создавался отношениями обывателей волостного города к другим общественным силам. Итак, с XIII в. общество северо-восточной Суздальской Руси, слагавшееся под влиянием колонизации, стало беднее и проще по составу.

Одичание князей.

Наконец, политическому значению удельного князя соответствовал и уровень его гражданского развития. Несовершенный общественный порядок успешнее направляет нравы и чувства в своем духе, чем совершенствуется сам при их подъеме. Личный интерес и личный договор, основы удельного порядка, могли быть плохими воспитателями в этом отношении. Удельный порядок был причиной упадка земского сознания и нравственно-гражданского чувства в князьях, как и в обществе, гасил мысль о единстве и цельности Русской земли, об общем народном благе. Из пошехонского или ухтомского миросозерцания разве легко было подняться до мысли о Русской земле Владимира св. и Ярослава Старого! Самое это слово *Русская земля* довольно редко появляется на страницах летописи удельных веков. Политическое дробление неизбежно вело к измельчанию политического сознания, к охлаждению земского чувства. Сидя по своим удельным гнездам и вылетая из них только на добычу, с каждым поколением беднея и дичая в одиночестве, эти князья постепенно отвыкали от помыслов, поднимавшихся выше заботы о птенцах. При тяжелых внешних условиях княжеского владения и при владельческом одиночестве князей каждый из них все более привыкал действовать по инстинкту самосохранения. Удельные князья северной Руси гораздо менее воинственны сравнительно со своими южно-русскими предками, но по своим общественным понятиям и образу действий они в большинстве более варвары, чем те. Такие свойства делают для нас понятными увещания, с какими обращались к удельным князьям тогдашние летописцы, уговаривая их не пленяться суетной славой сего света, не отнимать чужого, не лукавствовать друг с другом, не обижать младших родичей.

Формула.

Таковы были главные следствия удельного порядка. Их можно свести в такую краткую формулу: под действием удельного порядка северная Русь политически дробилась все мельче, теряя и прежние слабые связи политического единства; вследствие этого дробления князья все более беднели; беднея, замыкались в своих вотчинах, отчуждались друг от друга; отчуждаясь, превращались по своим понятиям и интересам в частных сельских хозяев, теряли значение блюстителей общего блага, а с этой потерей падало в них и земское сознание. Все эти последствия имели важное значение в дальнейшей политической истории северной Руси: они подготовляли благоприятные условия для ее политического объединения. Когда из среды обедневших и измельчавших удельных князей поднялся один сильный владелец, он, во-первых, не встретил со стороны удельных соседей дружного отпора своим объединительным стремлениям, боролся с ними один на один, пользуясь их взаимным отчуждением, непривычкой действовать сообща; во-вторых, этот князь-объединитель встретил и в местных удельных обществах полное равнодушие к своим измельчавшим и одичавшим властителям, с которыми они были связаны столь слабыми нитями, и убирая их одного за другим, не вызывал в этих обществах дружного восстания в пользу удельных князей. Всем этим определяется значение удельного порядка в нашей политической истории: он своими последствиями облегчил собственное разрушение. Старая Киевская Русь не устроила прочного политического единства, но завязала прочные связи единства земского. В удельной Руси все эти связи окрепли; перемешанные колонизацией местные особенности слились в плотное великорусское племя; зато окончательно разрушилось поли-

тическое единство. Но удельный порядок, разрушивший это единство, по характеру своему гораздо менее способен был защищать сам себя, чем предшествовавший ему порядок очередной, и его легче было разрушить, чтобы на развалинах его восстановить единство государственное. Поэтому удельный порядок стал переходной политической формой, посредством которой Русская земля от единства национального перешла к единству политическому. История этого перехода есть история одного из удельных княжеств—Московского. К изучению судьбы этого княжества мы теперь и обращаемся.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

